

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 3 / 2017

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2017

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

Левитская А. А. – ректор СКФУ (председатель); **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор, первый проректор СКФУ (зам. председателя); **Авидзба В. Ш.** – к-т филол. наук, директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Ерохин А. М.** – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; **Исмаил Тогрул Рафик оглы** – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Старилов Ю. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Федотов О. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Крючков И. В. – д-р ист. наук, профессор (председатель); **Апрыщенко В. Ю.** – д-р ист. наук, профессор; **Амбарцумян К. Р.** – к-т. ист. наук (отв. секретарь); **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Василенко В. В.** – д-р ист. наук, доцент; **Величко Л. Н.** – к-т. ист. наук (отв. секретарь); **Галкина Е. В.** – д-р полит. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Ежова Е. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Кибальник А. Г.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Лепилкина О. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Ломтева Т. Н.** – д-р пед. наук, профессор; **Московская Н. Л.** – д-р пед. наук, профессор; **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебряков А. А.** – д-р филол. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цыбенко В. В.** – к-т ист. наук, доцент; **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.
Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2017

HUMANITIES AND LAW STUDIES

Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief

Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Editorial Council

Levitskaya A. A. – NCFU Rector (chairman); **Sumskoy D. A.** – Doctor of Law, Professor, First Pro-Rector of NCFU (vice-chairman); **Avidzba V. Sh.** – PhD in Philology, the Head of the D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities of the Abkhazian Academy of Sciences; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Erokhin A. M.** – Doctor of Sociology, PhD in Philosophy, Professor; **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Ismail Togrul** – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szavai F.** – Doctor of History, Professor, Rector of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Starilov Yu. N.** – Doctor of Law, Professor; **Fedotov O. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor (chairman); **Apryshchenko V. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Ambartsumyan K. R.** – PhD in History (executive editor); **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Vasilenko V. V.** – Doctor of History, Assistant Professor; **Velichko L. N.** – PhD in History, (executive editor); **Galkina E. V.** – Doctor of Political Sciences, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Ezhova E. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Kibalnik A. G.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Lepilkina O. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Lomteva T. N.** – Doctor of Pedagogy, Professor; **Moskovskaya N. L.** – Doctor of Pedagogy, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakov A. A.** – Doctor of Philology, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address: 1, Pushkin Street, Stavropol 355009.
Telephone: +7 (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© FSAEI HE “North-Caucasus
Federal University”, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Амбарцумян К. Р. Место Южного Кавказа в советско-турецком сближении в 1920–1921 гг.	8
Айриян Р. С. «Станет ли Польша, колыбель европейской свободы, кладбищем мировой демократии»: польский вопрос в советско-американских отношениях (1944–1945 гг.)	16
Гранкин Ю. Ю. «Со здешними народами обходится ласково...»: российская политика по отношению к населению Северного Кавказа во второй половине XVIII в.	23
Дударев С. Л. «Чужой среди своих»: страницы из дневника гимназиста 1870-х гг. глазами современного историка	28
Каспарян К. В. Германский фактор в российско-британских отношениях в 1910 – первой половине 1914 г.	33
Колесникова М. Е., Маловичко С. И. Историческое знание в межкультурном пространстве Северного Кавказа XIX – начала XX вв.: начало научного изучения истории региона (Часть 2)	39
Коновалов И. А. Особенности сибирской полицейской бюрократии в пореформенный период XIX в.	51
Ляпин Д. А. Урбанизация Центрально-Черноземного региона в конце XVI – начале XVIII вв.	57
Любушкина Е. Ю. Деятельность общественных организаций по оказанию социальной помощи населению Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв.	65
Марукян А. Ц. Значение совместной декларации держав Антанты от 24 мая 1915 года в вопросе квалификации массового истребления армян и ее воздействие на власти Османской империи	71
Немашкалов П. Г. Частная благотворительность в церковной сфере на Северном Кавказе в период становления Кавказской епархии: середина XIX в.	76
Панарина Е. В. Организация деятельности предприятий общественного питания на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны	81
Садченко В. Н. Некоторые аспекты апостольского служения францисканцев в Англии в XIII в.	86
Сахаров С. А. Comes sacrarum largitionum в поздней Римской империи (по данным «Кодекса Феодосия»)	94
Смыков Е. В. Марк Антоний в мире эллинистических монархий: государь или магистрат?	100
Тихонова Н. М. Начальный этап Балканского кризиса 1908–1909 гг. на страницах журнала «Русская мысль»	107
Томилин В. Н. Механизм выработки решения по проведению аграрной реформы 1958 г. в СССР	113
Черешнева Л. А. Визит первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру в США в 1949 г.	119
Щербаков В. Ю. Движение гражданских инициатив ФРГ в начале XXI в.: поворот вправо?	123

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Боташева Л. Э., Воротилина Т. В., Гондаренко А. С. Основные индикаторы развития образовательной деятельности Юридического института Северо-Кавказского федерального университета	128
---	-----

Идрисов Х. В. О проблемных моментах формулирования ответственности в советской цивилистике	132
Истомин П. А. Проблемы практического применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания к лицам, содержащимся в местах лишения свободы (на материалах докладов Уполномоченного по правам человека в Ставропольском крае)	137
Клюковская И. Н., Борисова О. В. Эффективность правотворческого направления антикоррупционной политики: критерии оценки, проблемы реализации и направления совершенствования	142
Колесникова К. В. О правовой природе договоров в сфере использования природных ресурсов	148
Максимов И. В. Административная ответственность (конституционная конструкция)	153
Усманов А. О. К вопросу о конституционно-правовой реабилитации месхетинских турок: политико-правовой аспект	159

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дюмон Н. Н. Содержательная структура фразеологических единиц характерологической семантики в современном французском языке	167
Егорова Л. П. Историко-революционный роман на Северном Кавказе (аспект функционирования в «большом времени»)	171
Заморкин А. Б., Лепилкина О. И. Публицистика И. Д. Сургучева периода первой русской революции (1905–1906 гг.)	178
Иванова И. Н., Сафонова А. С. Геопэтика романа Алексея Иванова «Сердце Пармы»	184
Каппушева Л. М. Эзопов язык как способ ритуального разрушения советской идеологии в драматургии второй половины XX в.	189
Кучукова З. А. Творчество Расула Гамзатова как прототекст современной северокавказской поэзии (на материале сборников М. Огузова «Мой путь» и «К вершинам своим я иду без оглядки»)	196
Новикова Д. К. Функциональные и лингвокультурные особенности демонологической лексики в романе В. Орлова «Альтист Данилов»	202
Седова О. В. Жанр легенды в творчестве Д. Г. Булгаковского	209
Цянь Ван. Глаголы со значением отрицательных последствий действия в современном русском языке: системный и функциональный аспекты	214
Информация об авторах	221

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Ambartsumyan K. R. The South Caucasus in the context of Soviet-Turkish rapprochement in 1920–1921	8
Ayriyan R. S. «Will Poland, the cradle of European freedom, become the cemetery of world democracy»: the Polish question in the Soviet-American relations (1944–1945) . .	16
Grankin Yu. Yu. «People here are treated kindly ...»: Russian policy towards the population of the North Caucasus in the second half of the 18th century	23
Dudarev S. L. «The odd man out»: pages from the diary of the high school student in the 1870s. through the eyes of a modern historian	28
Kasparyan K. V. German factor in Russian-British foreign policy relations in 1910-the first half of 1914	33
Kolesnikova M. E., Malovichko S. I. Historical knowledge in the intercultural space of the North Caucasus in XIX – early XX centuries: the beginning of the research in the history of the region (Part 2)	39
Konovalov I. A. Features of Siberian police bureaucracy in the period of reforms in the XIX century	51
Lyapin D. A. Urbanization of the central Chernozem region in the late XVI – early XVIII centuries	57
Luybushkina E. Yu. The activity of public organizations to provide social support to the population of the Don and the North Caucasus in the second half of XIX – beginning of XX centuries	65
Marukyan A. Ts. Value of the joint declaration of Powers of the Entente of May 24, 1915, in the question of qualification of Armenian genocide and its impact on the authorities of the Ottoman Empire	71
Nemashkalov P. G. Private charity in church sphere in the North Caucasus in the period of establishing the Caucasus diocese: the middle of the XIX century	76
Panarina E. V. Organization of public catering establishments in the North Caucasus during the Great Patriotic war	81
Sadchenko V. N. Some aspects of the apostolic service of the Franciscans in England in XIII century	86
Sakharov S. A. Comes sacrarum largitionum in the late Roman Empire (according to the «Theodosian Code»)	94
Smykov E. V. Marc Antony in the world of Hellenistic monarchies: sovereign or magistrate?	100
Tikhonova N. M. The first stage of the Balkan crisis in 1908–1909 on pages of the periodical «Russkaya mysl»	107
Tomilin V. N. Mechanism for decision making on the conducting of the agrarian 1958 reform in the USSR	113
Chereshneva L. A. The visit of the first prime minister of India Jawaharlal Nehru to the USA in 1949	119
Shcherbakov V. Yu. The movement of civic initiatives in the beginning of XXI century: turning right?	123

LEGAL SCIENCES

Botasheva L. E., Vorotilina T. V., Gondarenko A. S. The main indicators of educational activity development in Law institute of the North Caucasus Federal University	128
Idrisov H. V. On challenging points of the formulation of responsibility in the Soviet civil law	132

Istomin P. A. Problems of practical application of early parole for persons held in places of confinement (on materials of reports of the commissioner for human rights in Stavropol region)	137
Kluykovskaya I. N., Borisova O. V. Efficiency of the law-making direction of anti-corruption policy: evaluation criteria, problems of realization and direction of improvement	142
Kolesnikova K. V. On legal nature of contracts in the sphere of use of natural resources . .	148
Maximov I. V. Administrative responsibility (the constitutional design)	153
Usmanov A. O. On constitutional and legal rehabilitation of the Meskhetian Turks: a politico-legal aspect	159

PHILOLOGICAL SCIENCES

Dyumon N. N. The content structure of phraseological units with characterological semantics in modern French	167
Egorova L. P. Historical-revolutionary novel in the North Caucasus (aspect of functioning in the «Big time»)	171
Zamorkin A. B., Lepilkina O. I. I. D. Surguchev publicism during the Russian revolution of 1905 (1905–1906)	178
Ivanova I. N., Sazonova A. S. Geopoetics in «The heart of Parma» by Alexsey Ivanov . .	184
Kappusheva I. M. Esopian language as a way of ritual destruction of Soviet ideology in drama in the second half of XX century	189
Kuchukova Z. A. Rasul Gamzatov's creativity as prototext of contemporary the North Caucasus poetry (based on M. Oguzov's collections «My Way» and «I'm going to my heights not looking back»)	196
Novikova D. K. Linguocultural and functional features of etymological lexis based on the novel by V. Orlov «Violist Danilov»	202
Sedova O. V. Legend genre in the works of D. G. Bulgakovskij	209
Cyan Van. Verbs meaning negative attending circumstances in the modern Russian language: systematic and functional aspects	214
Information about the authors	224

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(47).084

К. Р. Амбарцумян

МЕСТО ЮЖНОГО КАВКАЗА В СОВЕТСКО-ТУРЕЦКОМ СБЛИЖЕНИИ В 1920–1921 гг.

В статье автор обращается к проблеме советско-турецких отношений в 1920–1921 гг. После затишья в 1919 г. отношения России с Турцией возобновились, но уже в новом формате. Во-первых, открытое противостояние сменилось сотрудничеством, во-вторых, большевики имели дело уже Анкарским кемалистским правительством. Переживая внутренние системные кризисы, и будучи не признаваемы миром, большевистская Россия и кемалистская Турция вынуждены были начать мирное сотрудничество. Автором подчеркивается и доказывается ситуативность советско-турецкого союза, который идеализировали в советской историографии. Весь указанный период был отмечен завуалированным соперничеством за влияние в пределах Кавказа. В статье отмечается, что открыто воевать оба правительства не могли,

поэтому решению кавказского вопроса официально старались придать форму сотрудничества. Кроме того, декларируемая большевиками и кемалистами демократичность не позволяла ввязаться в открытый конфликт.

Формирование суверенных государств Южного Кавказа без поддержки извне невозможно. Для Турции и России допущение их независимости было тождественно уступке друг другу или Англии. Оба правительства ставили целью подчинение Южного Кавказа: большевики говорили о создании единой республики из трех, кемалисты планировали Кавказскую федерацию.

Ключевые слова: Южный Кавказ, российско-турецкие отношения, Московский договор, Карский договор, Александропольский договор, большевики, Анкарское правительство.

K. R. Ambartsumyan

THE SOUTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF SOVIET-TURKISH RAPPROCHEMENT IN 1920–1921

The article deals with the problem of Soviet-Turkish relations in 1920–1921. After 1919 the relation between Russia and Turkey was resumed, but in a new format. On the one hand, open confrontation was replaced by cooperation, on the other hand, the Bolsheviks dealt with the Ankara Kemal government. Both of them were in internal systemic crises and were unrecognized state. Bolshevik Russia and Kemalist Turkey had to begin peaceful cooperation. The author emphasizes and proves that Soviet-Turkish alliance was contextual. The period was marked by a veiled rivalry for influence in the Caucasus. Both governments could not openly fight, and therefore they tried to formally cooperate with the solution of the Caucasian question. Moreover, the democracy was declared by

the Bolsheviks and Kemalists so that they didn't allow them to be involved in war conflict.

The formation of independent states in the South Caucasus without external support was impossible at that moment. For Turkey and Russia, the assumption of independence was the same as concession region to each other or England. Both governments had goals to subordinate the South Caucasus: the Bolsheviks talked about creating a single republic out of three, Kemal government planned forming the Caucasian Federation.

Key words: the South Caucasus, Russian-Turkish relations, Moscow Treaty, Kars Treaty, Alexandropol Treaty, Bolsheviks, Ankara government.

Исторически Турция и Россия являлись наиболее активными участниками борьбы за Кавказ. Предшествующий означенному этапу период был отмечен напряженным противостоянием двух государств. В начале в качестве участников двух воюющих военно-политиче-

ских блоков первой мировой войны, и после заключения Брест-литовского мирного договора в марте 1918 г. соперничество не прекратилось. Борьба просто перестала носить столь острый характер и перешла на новый уровень.

Тема отношений большевистской России и кемалистской Турции была актуализирована в советской историографии [27]. Современная историческая наука располагает исследованиями, раскрывающими проблему советско-турецких отношений применительно к конкретной южнокавказской республике [18]. Кавказу в контексте советско-турецких отношений посвящена диссертация Мустафы Озтюрка [17]. Период 1920–1921 гг. раскрывается автором, но преимущественно на российских официальных и турецких источниках. Целью данной статьи является выделение 1920–1921 гг. в самостоятельный этап реализации кавказского вектора отношений России и Турции. Так же представляется целесообразным сравнить с предыдущими этапами и выявить факторы, определяющие изменения в политике двух держав в отношении Грузии, Армении и Азербайджана.

С приходом к власти большевиков и утраты контроля центром над окраинами России, проигрывающая войну и разваливающаяся изнутри Турция стремилась компенсировать свои территориальные потери именно за счет Кавказа [10]. Таким образом, продолжали реализовываться прежние исторические амбиции в отношении региона. Надо отметить, что в положении двух держав было много схожего. Европейские государства, наблюдая их внутренний развал, рассчитывали разделить бывшие империи на отдельные несамостоятельные государства. Также, как и Россия, Турция подверглась интервенции: западные области были заняты Францией, Англией, Италией, Грецией, в бывших турецких ближневосточных провинциях англичане поддерживали арабские антиосманские настроения. В 1920 г. на конференции в Сан-Ремо прошло распределение мандатов на отчужденные от Османской империи территории. В этой непростой исторической ситуации национально-освободительная борьба вылилась созданием в Анкаре в 1920 г. Великого национального собрания Турции (ВНСТ).

С этого момента российско-турецкие отношения выходят на новый уровень развития. Анкаре без сторонней помощи невозможно было решить проблему оккупации ее территории Союзными державами. Турецкий лидер Мустафа Кемаль в апреле 1920 г. обратился к Совету Народных Комиссаров РСФСР с нотой, в которой просил о помощи и декларировал основные принципы внешней политики. Среди ряда территорий, которым в дальнейшем обещалось право на самоопределение посредством референдума были названы Турецкая Армения и Батумская область. Учитывая трудности с сообщением (между Москвой и Ана-

толией не было прямой связи), письмо было получено только в июне. Москва мгновенно отреагировала на обращение, и Г. В. Чичерин 3 июня 1920 г. отправил ответную ноту, в которой предложил установить дипломатические и консульские отношения [14, с. 554].

Кавказ в комплексе всех факторов, толкнувших друг к другу Россию и Турцию, имел большое значение в контексте борьбы с Англией, военные части которой тогда еще находились в регионе. Кроме решения проблем кавказского региона, к сближению и ВСНТ, и большевистское правительство подталкивала необходимость международного признания. Так, крупные мировые игроки признавали только султанское правительство в Константинополе, а не в Анкаре. Московский договор с Россией в 1921 г. стал вторым международным договором М. Кемалья, а усилиями большевиков Турция была приглашена на Генуэзскую конференцию [13].

Сближение России и Турции органично вписывалось в процесс общего усиления позиций РСФСР на Востоке. В большевистской внешней политике народы Востока занимали особое место, что не могло не настораживать Европу, и особенно сильно по этому поводу тревожилась Великобритания. Английская газета «The Manchester Guardian» в 1921 г. писала о том, что русская революция выдвинула на первый план колониальный вопрос. И в какой-то степени политика Европы осуждалась автором заметки: «Персия, Афганистан, Бухара, Тибет, все они имеют в Москве своих собственных представителей – полномочных министров или послов, тогда как Европа все еще продолжает играть в руку экстремистам тем, что она изолирует Россию и Турцию и ставит их как бы вне закона» [20, л. 6]. Позиция, занимаемая Россией, небезосновательно расценивалась как стремление «объединить Восток в борьбе против европейского владычества» [20, л. 15].

Большевикам союз с Турцией был необходим для советизации Южного Кавказа – таким способом один из конкурентов в регионе если не устранялся, то брался под контроль. В 1919–1920 г. они уже закрепились на Северном Кавказе. В силу экономической необходимости первой из республик в повестке стоял Азербайджан, так как российская промышленность остро нуждалась в бакинской нефти. Советизация Азербайджана открывала путь для подчинения Армении и Грузии. Ей предшествовала организация в апреле 1920 г. представительства большевиков в регионе в виде Кавказского бюро во главе с Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кировым. Именно этот орган руководил захватом власти коммунистами в Баку. Учиты-

вая положение Турции, существовавшей в условиях двоевластия, большевики с ее стороны практически не ожидали сопротивления своим действиям. Более удобный момент сложно было подобрать.

Очевидцы событий отмечали, что скорый уход англичан и прибытие большевиков в Баку буквально витали в воздухе: «Ночью подошел к городу большевистский бронепоезд и город был занят, причем бакинские рабочие на нефтяных промыслах, уже ранее распропагандированные, поддержали большевиков» [11]. В ночь с 27 на 28 апреля 1920 г. власть перешла к Азербайджанскому ревкому. Однако, это была только часть успеха и в дальнейшем дружеские отношения с Турцией нужны были большевиками, чтобы расположить к себе мусульманское население и не позволить взять Азербайджан под протекторат. Кемалистское руководство признало Азербайджанскую ССР и установило с ней дипломатические отношения.

В июле 1920 г. в Москву прибыла турецкая делегация во главе с министром иностранных дел Бекир-Сами Беем¹. В августе был выработан проект договора о дружбе. Правительство М. Кемаля нуждалось в оружии и деньгах. Советская Россия обещала выделить Анкаре 10 млн. золотом [22, л. 4]. Под руководством Г. К. Орджоникидзе через Туапсе в Турцию стали переправлять патроны, винтовки, снаряды. Учитывая слабые организационные возможности обеих сторон в тот период, поставки осуществлялись с перебоями. Целый ряд посланий Г. К. Орджоникидзе военному штаба Кавфронта Печерскому, отправленных 12 декабря 1920 г. по 3 февраля 1921 г. свидетельствуют о постоянных сбоях в отпуске оружия, в котором, из-за предпринятого на Западном фронте наступления, Турция остро нуждалась [24]. Предполагалось налаживание связи через Туапсе, что своевременно не было сделано. Турецкий главнокомандующий Восточным фронтом Кязим Карабекир настойчиво требовал от Москвы предоставления прямого провода для телеграмм в Баку, полагал, что отсутствие связи вредит делу сотрудничества Москвы и Анкары [23, л. 2].

Официальная нотная переписка демонстрирует открытость обеих сторон. Однако архивные документы показывают, что осознание необходимости союза сочеталось с настороженностью и недоверием. Большевики, сотрудничая в ВНСТ, одновременно через коммуниста Карла Радека поддерживали османского

военно-политического деятеля Энвер-Пашу, который в том момент проживал в Германии под именем Али бей. С точки зрения кавказского вектора советско-турецких отношений фигура Энвер-Паши весьма символична. Для продвижения интересов на Северном Кавказе во время первой мировой войны в Турции было создано Северо-Кавказское политическое общество, которым полностью распоряжался Энвер-Паша. В сентябре 1920 г. он принимал участие в I Конгрессе народов Востока в Баку, на котором публично заявил о своей приверженности Советской России. В октябре он был направлен Москвой в Бухару с миссией установления там советской власти, но возложенных надежд не оправдал и выступил там против большевиков.

Часть исследователей сходится во мнении, что большевики и Энвер-паша сблизилась по причине известности имени данного государственного фигуранта среди мусульман далеко за пределами Турции [28]. Советам фигура Энвер-паши нужна была для консолидации российских мусульман, в том числе и кавказских. В данном случае это еще была вышеупомянутая дружба против Англии. Именно для борьбы с ней предполагалось закупить в 1920 г. большую партию оружия в Германии и переправить его в Турцию, но полномочному представителю НКВД РСФСР В.Л. Коппу так и не удалось найти средства [2, л.48].

РСФСР не могла ориентироваться только на Восток, надо было налаживать как минимум экономические связи со странами Запада и постепенно прорывать дипломатическую блокаду. Весной 1920 г. в Лондон была направлена делегация во главе с Л. Б. Красиным. Главной целью было налаживание торговых отношений с Великобританией. Ситуация складывалась парадоксальная – отражая в союзе с Турцией натиск англичан на Кавказе, Советская Россия в Лондоне пыталась добиться заключения торгового соглашения. Нужно было выдержать серьезный натиск английского премьера, который требовал от советского представительства не поддерживать кемалистов.

Большевистскому руководству, в свою очередь, из разных источников сообщали о неоднозначности поведения Анкары в отношении Антанты и константинопольского правительства. Продолжая отправлять субсидии и оружие, Москва внимательно следила за действиями М. Кемаля и его сторонников, так как опасалась тенденции преобладания антибольшевистских тенденций над антианглийскими. Сомнения советского руководства многочисленными заверениями пыталось развеять Ан-

¹ Бекир-Сами Кундух – уроженец Осетии, сын русского генерал-майора Муссы Кундухова, который в 1865 г. возглавил мухаджирство горцев в Османскую империю.

карское правительство, оно утверждало, что не планирует формирования противобольшевистского фронта на Кавказе. Однако НКВД РСФСР располагал сведениями о том, что в Анатолии идет борьба двух группировок: одна была на стороне большевиков, другая ориентировалась на Антанту. Москву настораживала встреча османского военного министра Изет-Паши с Мустафой Кемалем, что расценивалось как поиск пути сближения с Константинополем, а значит и с Антантой [21, л.1].

Следует отметить, что, не закрепив окончательно за собой власть в Турции, ВСНТ не могло полностью контролировать внешние сношения целого ряда ключевых военных и государственных деятелей. Значимой фигурой в решении кавказских вопросов был командующий войсками Восточного фронта Кязим Карабекир-паша, ставка его находилась в Саракамыше, он располагал оружием, войсками и влиянием в турецком обществе. В отношении М. Кемалю вел себя он довольно независимо. В 1920 г. встречался с английским разведчиком и «информатором лорда Керзона» [19] Альфредом Роулинсоном. Последний в своих воспоминаниях передает любопытное содержание их беседы. Кязим Карабекир пообещал сообщить при встрече М. Кемалю о желании А. Роулинона встретиться. Говоря о перспективах отношений с большевиками, турецкий представитель определил сотрудничество с Великобританией более предпочтительным, так как соглашение турок и русских, независимо от того большевики они или нет, продолжительным быть не может [30, р. 221].

В этих условиях резко возрастало значение Грузии и Армении, которые при ухудшении советско-турецких отношений становились буфером между Россией и турецкими националистами [4]. От решения конкретного армянского вопроса зависела дальнейшая внешнеполитическая ориентация кемалистов, так это было «самое большое место турецкой политики» [21, л. 3].

1920 г. стал переломным, так как большевики перешли к практической реализации своих устремлений. По степени сложности советизации и значимости для РСФСР Армения занимала промежуточное положение между Азербайджаном и Грузией. Г. В. Чичерин первоначально поддерживал идею восстановления целостности армянского государства. Однако позже он поддержал Турцию. И. В. Сталин изначально занимал протурецкую позицию [29].

После установления советской власти в Азербайджане, руководство Кавбюро было в растерянности, так как возникало ощущение, что «христиане, покорили Азербайджан, оста-

вили Грузию и Армению в стороне» [12]. Кроме того, война в Польше и пристальное внимание к каждому шагу Советской России требовали осмотрительности на Кавказе. В связи с этой неоднозначной ситуацией был взят курс на мир и компромисс с меньшевистской Грузией, дашнакской Арменией. Одновременно, представители РСФСР в Тифлисе и Эривани всячески защищали интересы коммунистов и спасали их от репрессий. Спорные Карабах, Зангезур, Шуша, Нахичевань, Джульфа в соответствии с установками Г. В. Чичерина, не должны были отдаваться ни Азербайджану, ни Армении. Там создавались советы под руководством российских оккупационных властей [26]. Главной установкой ЦК, которая основывалась на нехватке сил для советизации Армении, противоречила политика уже советского Азербайджана. Баку настаивал на присоединении спорных территорий, особенно в связи с существованием там советских учреждений, делая упор на политическую близость [6].

Ситуацию с Арменией осложняли дипломатические отношения РСФСР с Анкарой. Уже к концу 1920 г. советское руководство полагало, что Восток фактически находится в руках Ленина и Мустафы Кемалю [16]. В это же время Наркомат иностранных дел РСФСР продолжал получать свидетельства того, что Анкара может изменить свое отношение к Антанте. В турецкой печати появились заявления об отказе от Константинополя, который как важнейший транспортный узел стремилась контролировать Англия. Осенью ситуация обострилась в связи с армяно-турецкой войной. Большевики опасались потерять Армению, крайне необходимую как буферную зону между территориями России и Турцией. Пример Афганистана, где антибольшевистская тенденция оказалась сильнее антианглийской, предостерегал от односторонней ставки на мусульманство. Отношение к Анкаре официально не менялось, по-прежнему отправлялось оружие, но при возникла настороженность [4, л.16–17]. НКВД РСФСР стал предлагать посредничество Армении в войне с Турцией со следующим минимальным набором условий: полный разрыв отношений с Антантой, от которой она получала поддержку, дезавуирование Севрского договора, и что была наиболее насущной потребностью для Советской России – предоставление свободного транзита для товаров, оружия и войск в Турцию [7, л. 4].

Определенно установлению советской власти в Армении поспособствовала сама того не желая поспособствовала Турция, начав войну. В итоге дашнакское правительство потерпело

поражение, и вынуждено было пойти на подписание Александропольского договора (2 декабря 1920 г.). Территориально Армения теряла Карсскую область и Сурмалинский уезд. Нахичевань, Шарур и Шахтахи попадали под юрисдикцию Турции до проведения референдума, которым население само определило бы свое будущее. Если обобщить содержание договора, то Армения и в военном, и в политическом, согласно договору, попадала в зависимость от Турции. Однако к моменту подписания договора дашнакское правительство считалось низложенным, поэтому РСФСР не признала его условий.

Для Советской России проблемой стало разрешение армянского вопроса с сохранением отношений с Турцией. НКВД, давая, инструкции полпреду РСФСР в республике Армения Б. Лягану и члену РВС РСФСР И. Сталину, перед предстоящей встречей с Бекир Саму уточнял, что выдача оружия Турции напрямую зависит от принятия условий России. Анкара должна была приостановить наступление в Армении и передать вопрос об армяно-турецкой границе коалиционной комиссии с участием большевиков [7, л. 2]. Вопрос о спорных с Азербайджаном Зангезуре и Нахичевани на тот момент предпочли оставить открытым, передавать их Армении в связи с налаживающимся советско-турецким диалогом было опасно.

В поисках точки равновесия, НКВД настаивал на приостановлении турецкого наступления, но в тоже время не требовали отхода на границы 1914 г. Вопрос обо всех спорных территориях должна была решить вышеупомянутая смешанная комиссия. Вопрос о советизации Армении обострялся и актуализировался именно в свете отношений с Турцией. Вслед за советизацией, по мнению большевистского правительства, наступало разрешение армяно-турецких и армяно-азербайджанских противоречий. Оптимальным вариантом мыслилось соединение всех кавказских республик в одну, что впоследствии и было реализовано при создании ЗСФСР в 1922 г. Советское руководство стремилось таким способом лишить Турцию возможности участвовать в территориальных спорах, так как вся этнографическая череполосица заключалась в пределах границ одного государства [7, л. 6].

В это время в Совете Лиги наций активно дискутировали по поводу способов помощи Армении, которой снова грозила физическая расправа со стороны Турции. Для только что образованной международной организации армянский вопрос был средством поднять собственный престиж. В поисках державы, кото-

рая бы желала принять мандат на Армению, остановились на США, но Сенат ответил отказом. Фактически члены Лиги Наций, пытаясь действовать в рамках её Устава, демонстрировали полную беспомощность [9].

В итоге, независимо от пожелания стран Запада, страной с необходимым моральным и материальным авторитетом, которая вмешалась в отношения между воюющими стала большевистская Россия, которая в процессе урегулирования советизировала Армению. 29 ноября 1920 г. на территории Армении была провозглашена Армянская Советская Социалистическая Республика. 2 декабря 1920 г. было подписано соглашение между РСФСР и Республикой Армения, по которому вся власть перешла к Ревкому.

Вопрос с Грузией решался менее спешно, более того, он осложнил советско-турецкие отношения. 7 мая 1920 г. был подписан мирный договор, по которому Россия признавала независимость Грузии и обязывалась не вмешиваться в ее внутренние дела. В ответ Грузия легализовала деятельность коммунистической партии, а представителем РСФСР в республике был назначен С. М. Киров.

После советизации Армении Грузинская демократическая республика оказалась в советском окружении и в тяжелой внутренней ситуации. Промышленность была полностью парализована, страна остро нуждалась в финансовой поддержке извне. Расчеты на Англию не оправдались и не могли оправдаться, так как в Лондоне в отношении будущего Грузии не было единства: министр иностранных дел Дж. Керзон был на стороне грузинского правительства, а председатель правительства Ллойд Джордж был против разделения России. Главным желанием британского премьера была ликвидация Турции [15].

Грузия вела переговоры с Англией об уступке Батума, поэтому большевикам пришлось балансировать. Безусловно, нельзя было допустить потери Батума по причине стратегической и экономической значимости нефтепровода Баку-Батум. Уже советизированные Армения и Азербайджан не имели выхода к Черному морю, поэтому в свете планов объединения региона в одну республику отказ от Батума был недопустим. В тоже время была налицо угроза полного экономического краха Грузинской республики. Поэтому возникали обоснованные опасения как бы та «бросилась в объятия Англии» [4, л. 18]. В ноябре 1920 г. было заключено советско-грузинское торгово-транзитное соглашение. Однако, договоры практически не работали, советское прави-

тельство постоянно обвиняло Грузию в том, что она помогает белогвардейцам, преследует грузинских коммунистов, нарушает неприкосновенность корреспонденции, поддерживает антибольшевистские восстания в Азербайджане и на Северном Кавказе, не пропускает хлеб в Армению и т.д. Значимым поводом для беспокойства были контакты грузинского правительства с Кязимом Карабекиром, которые протекали в обход советского представительства. Фактором советизации Грузии была уже советизированная Армения, с которой у РСФСР не было общей границы и сообщение шло по грузинской железной дороге. С. М. Киров и Г. К. Орджоникидзе настойчиво форсировали события и аргументировали тем, что при таком отрезанном от России положении Армении попадает под влияние Турции [25].

У Турции в Грузии интересы охватывали округа Ахалцих и Ахалкалаки, там проживало мусульманское население, которое активно контактировало с турками, при этом обращалось за помощью к большевикам в борьбе против грузинского правительства. Большевики опасались, ссорится с Турцией из-за этих территорий, поэтому планировали ее пустить в Грузию, но только именно в указанные округа. Это условие было одним из средств давления на Анкару, в противном случае приостанавливались поставки оружия.

В конечном итоге, в феврале в пределы Грузии вторглась 11-я Красная Армия, и вскоре Кязим Карабекир ультимативно потребовал от грузин оставить города Артвин и Ардаган. Турецкие части заняли приграничные районы Ахалцих и Ахалкалаки, далее направились к Батуму. Грузия оказалась окружена армиями двух стран и вынуждена была выбирать между большевиками и кемалистами.

По свидетельствам современников, отряды, вступающие в Ахалкалаки, состояли преимущественно из азербайджанцев и курдов. Оккупируя территории, турецкое командование проводило мобилизацию местных мусульман и начинало организовывать собственную власть взамен Ревкома [3, л. 23]. Данная ситуация выглядит иронично и трагично одновременно. В своих воспоминаниях председатель правительства Грузинской демократической республики Ной Жордания писал, как незадолго до этих событий в личном общении Кязим-бей изъявлял готовность защищать независимость Грузии от большевиков. Более того, в Тифлисе ему предоставили возможность беспрепятственно связываться с Анкарой и Москвой [15].

В данной ситуации НКВД РСФСР оказался в растерянности от действий турецкого коман-

дующего, так как с Анкарой были оговорены совершенно иные условия. Артвин, Ардаган и Карс отдавались Турции. Батум признавался за Грузией с предоставлением автономии и свободным транзитом для турецких товаров. В это время в Москве находилась турецкая делегация, прибывшая для заключения договора с РСФСР. Она подтвердила эти условия, а по пути домой в Тифлисе планировала заключить соглашения с кавказскими республиками на основе, подписанного в Москве договора. Г. В. Чичерин назвал действия Карабекира «отсебятиной» [2, л. 23]. Получалось, что официальная позиция представителей расходилась с практическими действиями турецкого командующего.

Действия Кязима Карабекира можно объяснить тем, что на начало марта пришлось не только московские переговоры. 4 марта 1921 г. Бекир Сами и Ллойд Джордж договорились о создании Кавказской федерации. Согласно обдуманному проекту Батум, Ахалцих и Ахалкалаки аннексировались Турцией. О достигнутой договоренности было сообщено Карабекиру, а тот под предлогом защиты мусульманского населения вошел в указанные пределы [17].

В итоге, 16 марта в Москве между РСФСР и ВНСТ был подписан компромиссный договор о дружбе (Московский договор). В это же время в Батуме ситуация осложнялась одновременным присутствием турецкой и Красной армий [17]. Только 23 марта Карабекир дал приказ отступить. Большевики в договоре пошли не следующие территориальные уступки: Карс, Ардаган, Артвин отходили Турции, Батум¹ – к Грузии, Нахичевань в качестве автономной области передавалась под протекторат Азербайджана.

Дальнейшей задачей НКВД РСФСР было подписание договоров Анкары с Грузией, Азербайджаном и Арменией. По замыслу Г. В. Чичерина целый ряд статей должен повторять Московский договор, и обязательно, с Арменией оговорено окончание войны и аннулирование Александропольского договора. На тот момент Турция его считала действующим, с чем Россия примириться не могла, так как отпадала необходимость подписания нового армяно-турецкого договора на основе Московского.

Конечно же, большевики пытались максимально унифицировать статьи договоров с каждой из кавказских республик, так как в перспективе планировали их объединение. Делать это было сложно с учетом ряда этнорелигиозной чересполосицы и разнообразия проблем в

¹ Турция предоставлялось право свободного транзита товаров через Батумский порт.

отношениях между республиками, с одной стороны, каждой из республик с Турцией с другой. Целый комплекс факторов мешал реализации советского сценария. После разрешения вопроса с Батумом, тяжким грузом в отношениях между РСФСР и ВНСТ оставался Александрополь – Кязим Карабекир не спешил его освободить и тянул до мая 1921 г. Одновременно ВСНТ тянуло с ратификацией Московского договора, что объясняет положение с Александрополем. Возможность равнозначных договоров была под сомнением, еще и потому, что сама Анкара была заинтересована в сохранении в сфере своего влияния мусульманских народов региона. Турецкие власти открыто заявляли об отрицательном отношении к зависимости Азербайджана от СССР и тайно способствовали расшатыванию престижа советской власти. Эмиссары вели агитацию среди аджарского населения, в результате чего меджлис стал требовать автономии Батуми [5, л. 30–31].

26 сентября 1926 г. открылась Карсская конференция. На ней произошел обмен ратификационными грамотами Москвы и Анкары, фиксировавшими обоюдное утверждение уже заключенного договора о дружбе. Наиболее острые дискуссии велись вокруг статусов Аджарии (проблема Батума) и автономии Нахичевани. 13 октября был заключен четырехсторонний договор о дружбе между Армянской, Азербайджанской и Грузинской Советскими Социалистическими Республиками, с одной стороны, и Турцией – с другой. Как и предполагалось, текст повторял Московский договор.

Таким образом, с подписанием Карского договора закончился очередной этап в урегулировании кавказского вопроса в контексте советско-турецких отношений. Переживая известные внутренние проблемы, большевистская Россия и кемалистская Турция были вынуждены начать мирное взаимодействие. Безусловно, союз был ситуативным, такой характер ему придавали кавказские проблемы. Весь указанный период был отмечен завуалированным соперничеством за преобладание на Кавказе, которое имело исторические традиции. Трансформация международных отношений и шаткость позиций большевиков и кемалистов, как в мире, так и в собственных странах, сдерживали от открытого противостояния. В это связи решению кавказского вопроса официально старались придать форму сотрудничества. И те, и другие позиционировали себя как власть открытую и демократическую, поэтому нужно было держать эту марку. Было очевидно, что формирование самостоятельных национальных государств Южного Кавказа без поддержки извне невозможно. Для Турции и России допущение независимости и реального суверенитета государств означало уступку друг другу или Англии, которая в 1920 г. еще регион не покинула. Потому фактически обе стороны ставили целью подчинение Южного Кавказа: большевики говорили о создании единой республики из трех, кемалисты – Кавказской федерации.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской федерации (далее – АВП РФ) Оп. 4. Папка 5. Д. 9.
2. АВП РФ. Референтура по Турции. Оп. 3. Папка 2. Д. 4.
3. АВП РФ. Референтура по Турции. Оп. 4. Папка 5. Д. 10.
4. АВП РФ. ф. 04. Оп. 51. Папка 321 а. Д. 54858.
5. АВП РФ. ф. 04. Оп. 51. Папка 321 а. Д. 54877.
6. АВП РФ. ф. 04. Оп. 51. Папка 321. Д. 54859.
7. АВП РФ. ф. 04. Оп. 51. Папка 321. Д. 54870.
8. Багиров Ю. А. Из истории советско-турецких отношений в 1920–1922 гг., Баку: АН Аз. ССР, 1965. 144 с.
9. Барсегов Ю. Г. Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Т.2. М.: Гардарики, 2003. 608 с.
10. Бутбай М. Воспоминания о Кавказе. Записки турецкого разведчика. Махачкала: МРИП «Юпитер», 1993. 44 с.
11. Воспоминания российского чиновника о пребывании его в Грузии и Азербайджане 1917–1920 гг. // Вопросы истории. 2005. № 7–8.
12. Г. К. Орджоникидзе – В. И. Ленину, И. В. Сталину (не позднее 4 мая 1920) URL: <http://leninism.su/revolution-and-civil-war/4197-bolshevistskoe-rukovodstvo-perepiska-19121927.html?showall=&start=5> (Дата обращения: 16.06.2017).
13. Густерин П. Политика Советского государства на мусульманском Востоке в 1917–1921 гг. URL: http://ricolor.org/history/eng/vs/10_09_2013/ (Дата обращения: 16.06.2017).
14. Документы внешней политики СССР. Т.1. М.: Госполитиздат, 1959. 772 с.
15. Жордания Ной. Моя жизнь. Стэнфорд: Гуверовский институт, 1968. 130 с.
16. Известия. 1920. 21 ноября.
17. Озтюрк М. Советско-турецкие отношения на Кавказе в 1918–1923 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб: СПбГУ, 2010. 188 с.
18. Петросян Г. А. Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). Ереван: ЕГУ, 2012. 424 с.
19. Равич Н. А. Молодость века. М.: Воениздат, 1960. 348 с.

20. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 3. Д. 364.
21. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С/Турция. Д. 3.
22. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С/Турция. Д. 88.
23. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С/Турция. Д. 79.
24. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С/Турция. Д. 62.
25. С. М. Киров и Г. К. Орджоникидзе – ЦК РКП (б) 2 января 1921 г. URL: <http://leninism.su/revolution-and-civil-war/4197-bolshevistskoe-rukovodstvo-perepiska-19121927.html?showall=&start=6> (Дата обращения: 16.06.2017).
26. Телеграмма Г. В. Чичерина Г. К. Орджоникидзе (19 июня 1920) URL: <http://leninism.su/revolution-and-civil-war/4197-bolshevistskoe-rukovodstvo-perepiska-19121927.html?showall=&start=5> (Дата обращения: 16.06.2017).
27. Хейфец А. Н. Советская дипломатия и народы Востока 1921–1927. М: Наука, 1968. 326 с.
28. Шерстюков С. А. Энвер-Паша в зеркале исторических нарративов URL: <http://orient.asu.ru/journal/wp-content/uploads/sites/2/2017/04/Sherstyukov-S.A.-Enver-Pasha-in-the-Mirror-of-Historical-Narratives.pdf> (Дата обращения: 16.06.2017).
29. Шутова Н. Е. Армянский вопрос в российско-турецких отношениях: 1911–1921 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Владимир: ВГПУ, 2006. 197 с.
30. *Adventures in the Near East, 1918–1922* / by A. Rawlinson, in three parts; with introductions by L. C. Dunsterville, Sir G. Milne, Sir Charles Harington and a general introduction by Sir Percy Scott. London: Andrew Melrose, 1923. 377 p.

References

1. Foreign Policy Archive of the Russian Federation (AVP RF) Inv. 4. D. 9. (In Russian).
2. AVP RF. Referentura po Turtsii. Inv. 3. D. 4. (In Russian).
3. AVP RF. Referentura po Turtsii. Inv. 4. D.10. (In Russian).
4. AVP RF. F. 04. Inv. 51. D. 54858. (In Russian).
5. AVP RF. F. 04. Inv. 51. D. 54877. (In Russian).
6. AVP RF. F. 04. Inv. 51. D. 54859. (In Russian).
7. AVP RF. F. 04. Inv. 51. D. 54870. (In Russian).
8. Bagirov Yu. A. Iz istorii sovetsko-turetskikh otnoshenii v 1920–1922 gg. (*From the history of Soviet-Turkish relations in 1920–1922*). Baku: SAz. SSR publ., 1965. 144 p. (In Russian).
9. Barsegov Yu. G. Genotsid arмян. Otvetstvennost' Turtsii i obyazatel'stva mirovogo soobshchestva (*The Armenian Genocide. Responsibility of Turkey and the obligations of the world community*). Vol. 2. Moscow: Gardariki, 2003. 608 p. (In Russian).
10. Butbai M. Vospominaniya o Kavkaze. Zapiski turetskogo razvedchika (*Memories of the Caucasus. Notes of the intelligence officer*). Makhachkala: MRIP «Yupiter», 1993. 44 p. (In Russian).
11. Vospominaniya rossiiskogo chinovnika o prebyvanii ego v Gruzii i Azerbaidzhane 1917–1920 gg. (*Memoirs of the Russian official about his stay in Georgia and Azerbaijan in 1917–1920*) // *Voprosy istorii*. 2005. No. 7–8. (In Russian).
12. G. K. Ordzhonikidze – V. I. Leninu, I.V. Stalinu (ne pozdnee 4 maya 1920) (*G. K. Ordzhonikidze – V. I. To Lenin, I. V. To Stalin (no later than May 4, 1920)*). URL: <http://leninism.su/revolution-and-civil-war/4197-bolshevistskoe-rukovodstvo-perepiska-19121927.html?showall=&start=5> (Accessed: 16.06.2017). (In Russian).
13. Gusterin P. Politika Sovetskogo gosudarstva na musul'manskom Vostoke v 1917–1921 gg. (*The policy of the Soviet state in the Muslim East in 1917–1921*). URL: http://ricolor.org/history/eng/vs/10_09_2013/ (Accessed: 16.06.2017). (In Russian).
14. Dokumenty vneshnei politiki SSSR (*Documents of USSR foreign policy*). Vol. 1., Moscow: Gospolitizdat, 1959, 772 p. (In Russian).
15. Zhordaniya Noi. Moia zhizn (*My life*). Stenford: Guverovskii institute, 1968. 130 p. (In Russian).
16. Izvestiya. 1920. November 21. (In Russian).
17. Oziurk M. Sovetsko-turetskie otnosheniia na Kavkaze v 1918–1923 gg.: diss. ... kand. ist. nauk (*Soviet-Turkish relations in the Caucasus in 1918–1923 .. thesis*). St. Petersburg: SPBSU publ., 2010, 188 p. (In Russian).
18. Petrosian G. A. Otnosheniia Respubliki Armeniia s Rossiei (1918–1920 gg.) (*Relations between the Republic of Armenia and Russia (1918–1920)*). Erevan: ESU publ., 2012. 424 p. (In Russian).
19. Ravich N. A. Molodost' veka (*Youth of century*). Moscow: Voenizdat, 1960. 348 p. (In Russian).
20. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 5. Inv. 3. D. 364. (In Russian).
21. RGASPI. F. 85. Inv. S/Turtsiya. D. 3. (In Russian).
22. RGASPI. F. 85. Inv. S/Turtsiya. D. 88. (In Russian).
23. RGASPI. F. 85. Inv. S/Turtsiya. D. 79. (In Russian).
24. RGASPI. F. 85. Inv. S/Turtsiya. D. 62. (In Russian).
25. С. М. Киров и Г. К. Орджоникидзе – ЦК РКП (б) 2 января 1921 г. (*C. M. Kirov and G. K. Ordzhonikidze – Central Committee of the RCP (b) January 2, 1921*). URL: <http://leninism.su/revolution-and-civil-war/4197-bolshevistskoe-rukovodstvo-perepiska-19121927.html?showall=&start=6> (Accessed: 16.06.2017). (In Russian).
26. Телеграмма Г. В. Чичерина Г. К. Орджоникидзе (19 июня 1920) (*Telegram of G. V. Chicherin to G. K. Ordzhonikidze (June 19, 1920)*). URL: <http://leninism.su/revolution-and-civil-war/4197-bolshevistskoe-rukovodstvo-perepiska-19121927.html?showall=&start=5> (Accessed: 16.06.2017). (In Russian).
27. Kheifets A. N. Sovetskaya diplomatiya i narody Vostoka 1921–1927 (*Soviet diplomacy and the peoples of the East 1921–1927*). Moscow: Nauka, 1968. 326 p. (In Russian).
28. Sherstyukov S. A. Enver-Pasha v zerkale istoricheskikh narrativov (*Enver-Pasha in the mirror of historical narratives*). URL: <http://orient.asu.ru/journal/wp-content/uploads/sites/2/2017/04/Sherstyukov-S.A.-Enver-Pasha-in-the-Mirror-of-Historical-Narratives.pdf> (Accessed: 16.06.2017). (In Russian).
29. Shutova N. E. Armyanskii vopros v rossiisko-turetskikh otnosheniyakh: 1911–1921 gg.: diss. ... kand. ist. nauk (*The Armenian Question in Russian-Turkish Relations: 1911–1921: thesis*). Vladimir: VSPU, publ. 2006. 197 p. (In Russian).
30. *Adventures in the Near East, 1918–1922* / by A. Rawlinson, in three parts; with introductions by L. C. Dunsterville, Sir G. Milne, Sir Charles Harington and a general introduction by Sir Percy Scott. London: Andrew Melrose, 1923. 377 p. (In Russian).

УДК 94(100-87)

Р. С. Айриян

«СТАНЕТ ЛИ ПОЛЬША, КОЛЫБЕЛЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ СВОБОДЫ, КЛАДБИЩЕМ МИРОВОЙ ДЕМОКРАТИИ»: ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1944–1945 гг.)

Статья посвящена рассмотрению польского вопроса и его влиянию на развитие советско-американских отношений. Переосмысление будущей послевоенной внешней политики в СССР и США началось ещё во время Второй мировой войны. В Соединённых Штатах вопрос о будущем устройстве мира, возвращении правительств, находящихся в эмиграции, создание коалиционных правительств национального единства обсуждались как в стенах Белого Дома и Государственного департамента, так и на Капитолийском холме. Одним из важнейших вопросов послевоенного мироустройства становится польский вопрос, который долгое время был камнем преткновения в советско-британских отношениях, а не советско-американских. В данной статье польский вопрос понимается как комплекс проблем (территориальный

вопрос и вопрос формирования правительства национального согласия), связанных с будущим послевоенным устройством мира. В статье демонстрируется эволюция отношения США, что вызвано было не сменой главы государства, как это принято считать, а логикой развития событий. Предпринята попытка изучения данного вопроса как с позиции глав государств, так и с позиции американских законодателей. Наличие большой польской диаспоры оказывало давление на сенаторов и конгрессменов, представляющих штаты с компактным проживанием американцев польского происхождения.

Ключевые слова: польский вопрос, советско-американские отношения, «линия Керзона», Конгресс США, Сенат, Артур Ванденберг.

R. S. Ayriyan

«WILL POLAND, THE CRADLE OF EUROPEAN FREEDOM, BECOME THE CEMETERY OF WORLD DEMOCRACY»: THE POLISH QUESTION IN THE SOVIET-AMERICAN RELATIONS (1944–1945)

The paper is an attempt to analyze the Polish question and its influence on the development of Soviet-American relations. The revision of the future post-war foreign policy in the USSR and the USA began during World War II. In the United States, the question of the future world system, the return of governments in emigration, the creation of coalition governments of national unity were discussed both in the White House and the State Department, and on the Capitol Hill. One of the most important issues of the postwar world order was the Polish question, which for a long time was a hindrance in the Soviet-British relations, but not Soviet-American relations. In the article, the Polish question is presented as a set of problems (the issue of territory and the

question of forming the Government of National Accord) related to the future post-war arrangement of the world. The article demonstrates the evolution of the US attitude as caused not by a change of head of state, as usually believed. It is an attempt to study this issue both from the position of heads of state and diplomatic agencies, and from the position of American legislators, namely: the presence of a large Polish diaspora put pressure on senators and congressmen representing states with a compact residence of Polish Americans.

Key words: Polish question, Soviet-American relations, Curzon Line, US Congress, Senate, Arthur Vandenberg.

Советско-американские отношения всю вторую половину XX в. находились в центре внимания мирового сообщества. Международные отношения этого периода в большей степени зависели от двухсторонних отношений, нежели решений международных и региональных организаций безопасности. Но таковой ситуа-

ция стала только после окончания Второй мировой войны, переросшей достаточно быстро в Холодную войну. Польская проблема была одним из главных противоречий между Соединёнными Штатами и Советским Союзом, поставившая страны антигитлеровской коалиции по разные стороны баррикад после войны.

Польский вопрос в советско-американских отношениях не стал предметом для отдельного научного исследования. В современной российской историографии решение польского вопроса рассматривается в основном через призму позиции Великобритании [1, 16] или советского руководства [3, 5]. В то же время стоит отметить статьи Самоделкина П. А. и Зыряновой А. В., которые в той или иной мере анализировали позицию США по польскому вопросу. Статья Самоделкина П. А. [12] посвящена рассмотрению эволюции позиции руководства Госдепартамента США в отношении польского вопроса в годы Второй мировой войны. Публикация Зыряновой А. В. [6] интересна в разрезе изучения форм политической деятельности американцев польского происхождения. Однако эти работы не дают целостного представления об эволюции позиции администрации и Конгресса США, что несомненно влияло на изменения и в советско-американских отношениях.

Ещё на Тегеранской конференции лидеров антигитлеровской конференции был в общем плане решён вопрос о восточной границе Польши. Это видно из реакции президента Ф. Рузвельта на заявление И. В. Сталина о том, что советско-польская граница должна проходить по «линии Керзона». Особых споров такая постановка вопроса не вызвала. Ф. Рузвельт лишь спросил: «Возможно ли будет организовать в добровольном порядке переселение поляков с территорий, отошедших Советскому Союзу?» [13, с. 148]. Франклин Рузвельт не поставил под сомнение заявление И. В. Сталина, он просто констатировал этим вопросом своё принципиальное согласие на территориальные притязания СССР. Конечно, здесь мы можем говорить, что Рузвельт понимал, что Сталин никогда не откажется от своих требований, но и намёка возразить мы здесь не наблюдаем.

Президент Рузвельт публично почти не высказывался по существу советско-польского спора, так как приближались президентские выборы, и он не желал терять голоса избирателей, встав на сторону СССР или Польского правительства в эмиграции. Хотя в частных беседах президент симпатизировал позиции СССР относительно восточных границ Польши. В беседе с британским лейтенантом Майлеем, Ф. Рузвельт жаловался ему на поляков и говорил, что спрашивал у польского посла: «Вы хотите, чтобы мы и Великобритания объявили войну Сталину?» [20, р. 82] Однако с публичными заявлениями выступали члены американского Конгресса, не связанные никакими обязательствами и к тому времени не обладающие всей

полнотой информации о советско-американских переговорах по польскому вопросу. Через несколько месяцев после Тегеранской конференции конгрессмен Тадеуш Василевски (демократ, Висконсин) подверг резкой критике нежелание официального Вашингтона высказать свою позицию по вопросу будущего Польши и польского народа. Его поддержал сенатор-республиканец Гомер Фергюсон (штат Мичиган), который заявил, что положения Атлантической хартии 1941 г. должны выполняться, «если мы хотим, чтобы Польша была свободной» [17, р. А1646–1647, А2136].

Реакция конгрессменов и сенаторов в период с ноября 1943 г. по май 1944 г. не очень тревожила Белый Дом и Франклина Рузвельта, в частности. Об этом свидетельствует как переписка между ним и И. В. Сталиным, в которой за этот период польский вопрос поднимался всего лишь 3 раза [9, с. 124–127, 133, 139–141]. При этом последний документ, направленный американскому президенту носил уведомительный характер (пересылка Ф. Рузвельту для того, чтобы он был в курсе ответа Сталина на письмо Черчилля), так и воспоминания сенаторов Ванденберга и Коннали, в которых не были зафиксированы встречи с президентом США в обозначенный период для обсуждения польского вопроса. Однако представители Госдепартамента несколько были озабочены позицией пропольски настроенных законодателей [8, с. 87].

Ф. Рузвельт был реалистом и понимал, что ни при каких условиях Советский Союз не оставит территории, которые считает своими, и где находятся его войска. Президент отмечал, что «даже если мы захотим (начать войну из-за Польши – Р. А.), Россия может спокойно выставить армию в два раза больше нашей объединённой силы». Также Ф. Рузвельт был убеждён, что даже честный плебисцит на спорных территориях приведёт к тому, что большинство людей предпочтут присоединиться к Советскому Союзу. Наконец, и это было главным для президента США, он не собирался ставить под удар послевоенное сотрудничество с СССР и международную организацию безопасности из-за бескомпромиссной позиции некоторых деятелей польского правительства в эмиграции, у которых антисоветизм был возвращён на русофобии, и пропольской позиции ряда членов Конгресса.

Как таковая, польская проблема не интересовала Ф. Рузвельта, но для предвыборной компании демократов было удобно, если этот вопрос был бы решён на взаимовыгодных условиях. В беседе со Сталиным, 2 февраля 1944 г. американский посол Аверелл Гарриман

заметил, что польский вопрос только в третьей очереди касается США, после СССР и Англии, но «дело в том, что президент лично заинтересован в разрешении этой проблемы» [14, с. 22].

16 февраля 1944 г. в Вашингтоне получили возмущённое письмо И. В. Сталина, где последний ставил Рузвельта в известность, что большой уступкой полякам в вопросе о границе было то, что Советский Союз не считал границу 1939 г. неизменной. Сталин негодовал по поводу того, что польское правительство не отказалось официально от границы, установленной Рижским договором [9, с. 126]. Конечно, было абсолютно не корректно со стороны Сталина ставить в один ряд пакт Риббентропа-Молотова и советско-польский мирный договор 1921 г. В своём послании Рузвельту И. В. Сталин говорит о невозможности сотрудничества с «профашистскими империалистическими элементами».

Понимая, что территориальный спор между СССР и Польским правительством может привести к охлаждению в межсоюзнических отношениях, особенно между Советским Союзом и Великобританией, Франклин Рузвельт предложил своё посредничество в урегулировании данного спора. 28 февраля 1944 г. Ф. Рузвельт телеграфировал И. В. Сталину, что рекомендует ему «рассмотреть (предложение У. Черчилля от 20 февраля – Р. А.) благожелательно и сочувственно» [9, с. 133]. В целом до Ялты Ф. Рузвельт не обозначал своей позиции, однако на этот раз он поддержал У. Черчилля, который предлагал И. В. Сталину решить вопрос о границах Польши после окончания войны на основе «линии Керзона», и признать польское правительство, которое гарантирует И. В. Сталину, что оно включит в свой состав только лиц, настроенных на сотрудничество с Советским Союзом.

Однако это компромиссное предложение было отвергнуто Сталиным в посланиях Ф. Рузвельту и У. Черчиллю от 3 марта 1944 г. То, что польское правительство отказалось от Рижской линии разграничения советско-польской границы не смягчило позиции И. В. Сталина, который ещё совсем недавно жаловался на неуступчивость поляков по этому вопросу. Теперь советского лидера не устраивало, что поляки хотят оставить себе Вильно и Львов.

Таким образом, инициатива Ф. Рузвельта не только не достигла своей цели, но, наоборот, продемонстрировала Сталину, что его политика затягивания решения спорных вопросов даёт положительные результаты: польское правительство согласилось дезавуировать Рижский договор, следовательно, можно было ожидать дальнейших уступок с их стороны;

в этот период советская армия уже находилась на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, и теперь никто не мог заставить И. В. Сталина уйти отсюда в послевоенное время; И. В. Сталин в очередной раз продемонстрировал, что Советский Союз мировая держава и без него не может быть решен ни один вопрос (особенно на тех территориях, который Советский Союз считал своей зоной влияния); и, наконец, отсутствие советско-польского соглашения позволяло ему установить в Польше просоветское правительство.

С марта 1944 г. вопрос о советско-польской границе был увязан с составом будущего польского правительства и эту идею И. В. Сталину предложили союзники. С этого момента для И. В. Сталина на первый план выходит вопрос о польском правительстве. Лояльное Советскому Союзу польское правительство, с точки зрения Москвы, и без согласия союзников может отдать СССР территории Западной Украины и Западной Белоруссии.

На фоне обострения отношений между СССР и Великобританией по вопросу польских границ в конце марта 1944 г., Ф. Рузвельт продемонстрировал свою готовность «понять» создание просоветского польского государства. Так, 24 марта он согласился с советской просьбой отправить доктора Ланге и отца Орлеманского (поляков по этнической принадлежности) в Советский Союз обсудить вопросы создания нового польского правительства.

Советское правительство не признавало за Польшей западные территории Украины и Белоруссии и вследствие этого не предоставляло право польскому руководству в изгнании создать гражданскую администрацию на освобожденных от нацистов территории, и это с большой неохотой, но принималось союзниками. Но в июне 1944 г. советские войска вступили на территорию, которую советская сторона считала польской, однако и тут Сталин не позволяет правительству в изгнании сформировать органы власти и утверждает Люблинский комитет без согласования данного вопроса с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. Демарш советского правительства встревожил не только польское правительство в эмиграции, но и руководителей США и Великобритании.

21 июля 1944 г. Крайова Рада Народова создала Польский комитет национального освобождения, который по соглашению с Советским Союзом начинает формировать гражданскую власть на освобождённых территориях. В письме президенту Ф. Рузвельту, И. В. Сталин попытался смягчить своё сообщение, сказав, что он

не рассматривает Польский комитет как правительство Польши. Сразу после этого советник американского посольства Дж. Кеннан отметил: «это означало, что Сталин не собирается предоставлять правительству в изгнании никаких полномочий» [7, с. 132].

Однако в дипломатических кругах США оставалась надежда на создание независимого польского государства. Аверелл Гарриман доказывал К.Хэллу, что, хотя СССР признает новое польское правительство, образованное на базе польского комитета национального освобождения, и будет иметь реальное влияние на него, однако Сталин не будет вмешиваться «...в политическую и экономическую системы... после гарантирования, что политически враждебные Советскому Союзу элементы не войдут в него» [20, р. 93].

Отношение посла к политике Сталина резко изменилось после начала Варшавского восстания (1 августа 1944 г.), чего нельзя сказать о президенте Ф. Рузвельте, советнике Гопкинсе и военных. Только 20 августа, по настоянию Уинстона Черчилля, президент США составил общее обращение к И. В. Сталину. В очень осторожных выражениях Ф. Рузвельт намекнул, что выжидательная позиция СССР вызовет ненужную реакцию мирового сообщества.

Впервые после Варшавского восстания польский вопрос был поднят 20 декабря, когда Рузвельт попросил Сталина повременить с признанием польского комитета национального освобождения в качестве правительства Польши. Прикрываясь враждебным СССР действиями Армии Крайовой, Сталин отклонил просьбу Рузвельт и предложил ему последовать примеру Советского Союза [9, с. 191].

4 января 1945 г. СССР официально признаёт Временное правительство Польши. Будучи очень заинтересованными в продолжении военного сотрудничества руководство США и Великобритания отреагировали формальным предостережением. Однако в Конгрессе США сенатор-республиканец от штата Нью-Джерси Александр Смит прямо заявил о нарушении со стороны СССР соглашений по Польше и призвал правительство США продолжить борьбу за выполнение положений Атлантической хартии [18, р. А102–104].

Заявление представителей американских властей вызвало резко негативную реакцию советского руководства, которое нашло выражение в записке Вячеслава Молотова: «Польша – это большое дело! Но как организовывали правительство в Бельгии, Франции, Греции и т.д., мы не знаем. Нас не спрашивали... Мы

не вмешивались, так как это зона действия англо-американских войск» [4, с. 117–118].

Признание Советским Союзом Временного правительства в Польше, а США и Англией – польского правительства в Лондоне являлось серьёзным препятствием на пути сотрудничества держав антигитлеровской коалиции. Однако военный советник президента Ф. Рузвельта, адмирал Уильям Леги замечал, что «президент не беспокоился о том, что должны получить русские. Он думал, что их требования справедливы» [15, с. 396]. Схожую позицию занимал и сенатор-республиканец Артур Ванденберг, член комитета по внешней политике Сената США, отметивший в своей знаменитой речи от 10 января 1945 г., что односторонние действия СССР в Польше, на которые жалуются американцы из-за того, что они противоречат внешнеполитическим принципам Соединённых Штатов и положениям Атлантической хартии, целиком оправданы аргументом безопасности против возрождения германского нацизма [18, р. 164–167].

До 1945 г. польский вопрос в контексте обсуждения послевоенного устройства мира и советско-американских отношений хотя и поднимался в стенах Капитолия, но не носил угрожающего характера для реализации внешнеполитического курса Ф. Рузвельта. Связано это было с несколькими факторами: видные представители Конгресса от обеих партий привлекались администрацией президента к обсуждению вопросов внешней политики страны; внимание сенаторов и конгрессменов, скептически настроенных в отношении как самого Ф. Рузвельта, так и его политики на международной арене, отвлечено было обсуждением вопроса о создании новой международной организации безопасности, а также участием Соединённых Штатов в ней; наконец, ещё шла Вторая мировая война и открыто выступать против советско-американского сотрудничества из-за несоблюдения положений Атлантической хартии по защите прав малых народов никто в Конгрессе не решался.

У Ф. Рузвельта не было иллюзий относительно влияния США в Польше, но он надеялся, что Сталин способствует уменьшению значимости польского вопроса. Компромиссное решение данного вопроса было нужно всем, и Ф. Рузвельт шёл на него. Если прежде президент США настаивал на том, чтобы Люблинский комитет составляло лишь одну треть будущего правительства Польши, то теперь удовлетворился обещанием общего расширения основы польского правительства за счёт демократических сил, находящихся как в Польше, так и за её пределами.

На Ялтинской конференции Ф. Рузвельт заметил, что ему удобно было бы вести дела с польскими избирателями (6–7 млн чел.), «если бы советское правительство изменило линию Керзона, в частности отдав Польше Львов и нефтяные месторождения...» [15, с. 496]. На последующих заседаниях американская сторона на этом уже не настаивала. Всё это свидетельствует о том, что Ф. Рузвельт не желал превращать польский вопрос в главную межсоюзническую проблему. В воспоминаниях сын американского президента Э. Рузвельт особо подчеркивал, что Франклин Рузвельт выступал лишь как посредник и арбитр в советско-английских спорах, т.к. «для сохранения единства было очень важно, чтобы он продолжал эту роль» [11, с. 236].

Трудно сказать, что больше влияло на президента США – аргументация И. В. Сталина или простой реализм политика. С одной стороны, он понимал опасения Советского Союза относительно не дружеского характера польского правительства в изгнании и действий Армии Крайовой. Но, с другой стороны, Ф. Рузвельт вполне трезво оценивал возможные шаги Сталина и понимал, что «...русские на занятых ими территориях будут следовать собственному курсу, исходя из собственных желаний» [15, с. 516].

Через месяц после окончания Ялтинской конференции президент США начал выражать недовольство политикой СССР в Польше: нежелание допускать представителей США в Польшу и другие страны Восточной Европы. То, что отношение президента к польской проблеме начинает меняться, свидетельствует его послание У. Черчиллю от 29 марта 1945 г., в котором он заметил: «Ни правительство, ни народ этой страны... не будут принимать участие в обмане или просто обелять люблинское правительство» [19, р. 524]. Ещё более определённо высказался Гарриман, заявивший, что «...советская программа направлена на утверждение тоталитаризма» [10, с. 124].

Новый президент США Гарри Трумэн был не столь благодушен в отношении Советского Союза. На первом же совещании, посвящённом польскому вопросу было решено, что США будут идти на компромисс с СССР только в том случае, если 85 % требований США будут учтены советской стороной. Президенту Трумэну, также как и его предшественнику, приходилось считаться с многомиллионной польской диаспорой, голоса которой на президентских выборах 1948 г. могли бы ему очень пригодиться. 16 апреля 1945 г., выступая перед Конгрессом, Гарри Трумэн призвал законодателей не толь-

ко поддержать инициативу создания ООН, но особо остановился на правах малых государств в послевоенном мире. Конгрессмен польского происхождения Дж. Лесински-старший (демократ, Мичиган), также как и президент Конгресса польских американцев Чарльз Розмарек, на следующий день отметил, что польские избиратели одобряют слова президента и обещают ему поддержку в предстоящих выборах [2, с. 70].

23 апреля Трумэн при встрече с Вячеславом Молотовым заявил, что не признает польское правительство, которое не будет представлять весь польский народ [21, р. 14–15].

Более жесткую позицию занимают и сенаторы при обсуждении советско-американских отношений на заседаниях палаты и комитетских слушаниях. Уильям Ленгер, сенатор-изоляционист от штата Северная Дакота, заявил в мае 1945 г., что «все заключённые договорённости периода войны – Атлантическая хартия, Каирская и Тегеранская декларации – не выполнялись никогда. Ялтинские соглашения по установлению свободных правительств в Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии, Болгарии и Венгрии также не выполнены. Ялта будет долго жить в анналах позора. ...России дали зеленый свет...» [18, р. 6215–6216].

К этому времени изменяется и мнение сенатора Ванденберга, считавшего решение польского вопроса «неадекватным и неубедительным» для миллионов граждан США, так как «нет никаких гарантий, что польский народ сможет реализовать своё право на самоопределение при том правительстве, которое было насажено там силой» [18, р. 7743–7744]. Он несколько раз поднимал в стенах Сената этот вопрос [18, р. 10676, 10697, 11026], что объясняется ролью польской диаспоры в политической жизни США в 1940-е гг. Совершенно новым в этот период становится обращение сенаторов к «14 пунктам» Вудро Вильсона и заявление о праве поляков на создание национального государства [18, р. 1168]. Однако это право не ставилось под сомнение ни одной из участниц межсоюзнических конференций периода войны.

Своё неудовольствие по вопросу решения польской проблемы высказывал и сенатор Кеннет Уэрри (республиканец, Небраска), который считал, что Советский Союз нарушил Ялтинские соглашения по Польше и превратил это государство в своего сателлита [18, р. 3009, 3614–3615].

В отличие от сенаторов Ванденберга и Уэрри, не ставивших под сомнение Ялтинские соглашения, сенатор-демократ Уолш (штат Массачусетс) настаивал, что они привели к четвёртому

разделу Польши и установлению там просоветского правительства. Лейтмотивом всего его выступления стал вопрос «Станет ли Польша, колыбель европейской свободы, кладбищем мировой демократии» [18, р. А2263].

Конгрессмены-республиканцы Чарльз Итон (Нью-Джерси), Чарльз Уолвертон (Нью-Джерси) и Джон Хеселтон (Массачусетс) призвали президента и госсекретаря быть справедливыми в отношении Польши, не предавать её народ и настоять на установлении истинно демократического правительства [18, р. А647, А1398–1399, А4808–4809].

Наибольшую заинтересованность в разрешении польского вопроса демонстрировали республиканцы, представлявшие штаты Мичиган, Нью-Джерси, Висконсин и Массачусетс, население польского происхождения в которых варьировалось от 4,6 % (Массачусетс) до 11,3 % (Мичиган). При этом только конгрессмены-демократы (Т. Василевски, Дж. Лесински-ст, М. Горски, Дж. Садовски), имеющие польские корни, выступали за ясно обозначенную позицию правительства США по вопросу будущего Польши.

Жесткая политика Трумэна не способствовала разрешению польского вопроса. Конференция в Сан-Франциско показала, что стороны остались при своих мнениях, а отношения между США и СССР ухудшились. Трумэн оказался перед дилеммой – либо признавать марионеточное правительство Польши, либо разорвать все отношения с Советским Союзом. Выбор в пользу признания польского правительства был очевиден, так как американские военные (военный министр Генри Стимсон и начальник штаба

сухопутных войск США Джордж Маршалл) настаивали на участии СССР в войне с Японией. Кроме того, Трумэн признавал, что «без России во всемирной организации мало что останется» [10, с. 127]. Нельзя забывать и того, что общественное мнение в США было настроено в пользу СССР, ещё сильна была эйфория от победы над нацистской Германией.

5 июля 1945 г. Соединённые Штаты и Великобритания признают Временное польское правительство национального единства.

Польский вопрос стал барометром во взаимоотношениях США и СССР в 1944–1945 гг. До окончания Ялтинской конференции администрация Рузвельта сдержанно относилось к польской проблеме, не желая портить отношения с СССР в преддверии вступления Советского Союза в войну с Японией. Однако невыполнение советской стороной взятых на себя обязательств по Польше вынудило нового президента США ужесточить политику в отношении СССР и более ни в чем не уступать. Особо отметим, что если при президенте Рузвельте польский вопрос разделял Великобританию и СССР, то при Трумэне защитником интересов польского правительства в эмиграции становятся Соединённые Штаты. Если же говорить об отношении американского Конгресса к польскому вопросу, то обращает на себя внимание факт начала дебатов лишь в 1945 г., при этом они не носили принципиального и бескомпромиссного характера. Это случится позже, в 1946–1948 гг., и связано будет с подготовкой, проведением и результатом первых выборов в послевоенной Польше.

Источники и литература

1. Василенко В. В. Британская политика в польском вопросе накануне и во время Тегеранской конференции 1943 г. // Известия Алтайского государственного университета. 2005. № 4. С. 17–22.
2. Василенко В. В. Политика администрации Гарри С. Трумэна в польском вопросе в апреле 1945 г.: жесткая линия или непоследовательность? // Научные ведомости. Серия История. Политология. 2015. № 19 (216). Выпуск 36. С. 67–72.
3. Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайло Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): очерки истории. М.: РОССПЭН, 2002. 686 с.
4. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т.1.: 1944–1948. М.: Сибирский хронограф, 1997. 985 с.
5. Золов А. В. Проблема западных границ во внешней политике СССР в годы Второй мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Выпуск 10 (126). С. 130–135.
6. Зырянова А. В. Политическая деятельность польской эмиграции и ее влияние на внешнеполитический курс США в 1945–1952 гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 3. С. 56–64.
7. Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР. М.: Центрполиграф, 2002. 479 с.
8. Ильин Д. В. Советский Союз и проблема послевоенной безопасности: взгляд с Капитолийского холма (1953–1945 гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 85–90.
9. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном. М.: Политиздат, 1976. 328 с.
10. Печатнов В. О. Московское посольство Аверелла Гарримана (1943–1946 гг.) // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 180–204.
11. Рузвельт Э. Его глазами. М.: ИИЛ, 1947. 254 с.

12. Самodelкин П. Я. Польский вопрос в руководстве госдепартамента США в 1941–1945 гг.: проблема преемственности взглядов С. Уэллеса, К. Хэлла, Э. Стеттиниуса // Вестник Вятского государственного университета. 2009. № 4. С. 41–51.
13. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов в 6 т. Т. 6. Потсдамская конференция. М.: Политиздат, 1984. 302 с.
14. Советско-американские отношения во время Второй мировой войны, 1941–1945: Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945. М.: Политиздат, 1984. 575 с.
15. Уткин А. И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1990. 544 с.
16. Чернышев Е. Ю. Уинстон Черчилль и польский вопрос в годы Второй мировой войны // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей: Сборник научных статей. Калининград: РГУ им. И. Канта, 2006. Вып. 2. С. 62–70.
17. Congressional Record. Proceedings and debates of the 78th Congress. Vol. 90. Washington: GPO, 1944.
18. Congressional Record. Proceedings and debates of the 79th Congress. Vol. 91. Washington: GPO, 1945.
19. Dallek Robert. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. N.Y.: Oxford University Press, 1979. 657 p.
20. Larson W. Deborah. Origins of Containment: A Psychological Explanation. N.J.: Princeton University Press, 1985. 396 p.
21. Major Crisis in Contemporary American Foreign Policy, 1932–1945. N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1991. 272 p.

References

1. Vasilenko V. V. Britanskaya politika v pol'skom voprose nakanune i vo vremya Tegeranskoi konferentsii 1943 g. (*British policy in the Polish question on the eve and during the Tehran Conference of 1943*) // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. No. 4. P. 17–22. (In Russian).
2. Vasilenko V. V. Politika administratsii Garri S. Trumena v pol'skom voprose v aprele 1945 g.: zhestkaya liniya ili neposledovatel'nost'? (*The Harry S. Truman administration policy on Polish question in April 1945: a hard line or inconsistency?*) // Nauchnye vedomosti. Seriya Istoriya. Politologiya. 2015. No.19 (216). Issue 36. P. 67–72. (In Russian).
3. Volokitina T. V., Murashko G. P., Noskova A. F., Pokivailo T. A. Moskva i Vostochnaya Evropa. Stanovlenie politicheskikh rezhimov sovetskogo tipa (1949–1953): ocherki istorii (*Moscow and Eastern Europe. Formation of political regimes of the Soviet type (1949–1953): essays of history*). Moscow: ROSSPEN, 2002. 686 p. (In Russian).
4. Vostochnaya Evropa v dokumentakh rossiiskikh arkhivov. 1944–1953. T.1.: 1944–1948 (*Eastern Europe in the documents of Russian archives. 1944–1953. Vol.1: 1944–1948*). Moscow: Sibirskii khronograf, 1997. 985 p. (In Russian).
5. Zolov A. V. Problema zapadnykh granits vo vneshnei politike SSSR v gody Vtoroi mirovoi voiny (*The problem of the western borders in the Soviet foreign policy during the World War II*) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. Issue 10 (126). 2013. P. 130–135. (In Russian).
6. Zyryanova A. V. Politicheskaya deyatel'nost' pol'skoi emigratsii i ee vliyaniye na vneshnepoliticheskii kurs SShA v 1945–1952 gg. (*Political activity of the Polish emigration and its influence on the US foreign policy in 1945–1952*) // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. No. 3. P. 56–64. (In Russian).
7. Kennan Dzh. Diplomatiya Vtoroi mirovoi voiny glazami amerikanskogo posla v SSSR (*Second World War Diplomacy through the eyes of the American ambassador to the USSR*). Moscow: Tsentrpoligraf, 2002. 479 p. (In Russian).
8. Il'in D. V. Sovetskii Soyuz i problema poslevoennoi bezopasnosti: vzglyad s Kapitoliiskogo kholma (1953–1945 gg.) (*The Soviet Union and the Problem of Postwar Security: a Point of View from Capitol Hill (1943–1945)*) // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2011. No. 2. Vol. 1 (Gumanitarnye nauki). P. 85–90. (In Russian).
9. Perepiska Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR s prezidentami SShA i prem'er-ministrami Velikobritanii vo vremya Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (*Correspondence of the Chairman of the USSR Council of Ministers with the US Presidents and Prime Ministers of Great Britain during the Great Patriotic War of 1941–1945*). In 2 vol. Vol. 2. (*Correspondence with F. Roosevelt and G. Truman*). Moscow: Politizdat, 1976. 328 p. (In Russian).
10. Pechatnov V. O. Moskovskoe posol'stvo Averella Garrimana (1943–1946 gg.) (*Ambassador in Moscow Averell Harriman, 1943–1946*) // Novaya i noveishaya istoriya. 2002. No. 3. P. 180–204. (In Russian).
11. Ruzvel't E. Ego glazami (*As He Saw It*). Moscow: IIL, 1947. 254 p. (In Russian).
12. Samodelkin P. Ya. Pol'skii vopros v rukovodstve gosdepartamenta SShA v 1941–1945 gg.: problema preemstvennosti vzglyadov S. Uellesa, K. Khella, E. Stettiniusa (*The Polish question in the US State Department in 1941–1945: the problem of continuity of views of S. Welles, C. Hall, E. Stettinius*) // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. No. 4. P. 41–51. (In Russian).
13. Sovetskii Soyuz na mezhdunarodnykh konferentsiyakh perioda Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: Sbornik dokumentov. T. 6. Potsdamskaya konferentsiya (*Soviet Union at international conferences of the Great Patriotic War 1941–1945: Collection of documents. Vol. 6. The Potsdam Conference*). Moscow: Politizdat, 1984. 302 p. (In Russian).
14. Sovetsko-amerikanskii otnosheniya vo vremya Vtoroi mirovoi voiny, 1941–1945: Dokumenty i materialy. T. 2. 1944–1945 (*Soviet-American relations during the Second World War, 1941–1945: Documents and materials. Vol. 2. 1944–1945*). Moscow: Politizdat, 1984. 575 p. (In Russian).
15. Utkin A. I. Diplomatiya Franklina Ruzvel'ta (*Franklin D. Roosevelt's Diplomacy*). Sverdlovsk: USU publ., 1990. 544 p. (In Russian).
16. Chernyshev E. Yu. Uinston Cherkhill' i pol'skii vopros v gody Vtoroi mirovoi voiny (*Winston Churchill and the Polish question during the Second World War*) // Retrospektiva: Vsemirnaya istoriya glazami molodykh issledovatelei: Sbornik nauchnykh statei. Kaliningrad: RSU named after I. Kant, 2006. Issue 2. P. 62–70. (In Russian).
17. Congressional Record. Proceedings and debates of the 78th Congress. Vol. 90. Washington: GPO, 1944.
18. Congressional Record. Proceedings and debates of the 79th Congress. Vol. 91. Washington: GPO, 1945.
19. Dallek Robert. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. N.Y.: Oxford University Press, 1979. 657 p.
20. Larson W. Deborah. Origins of Containment: A Psychological Explanation. N.J.: Princeton University Press, 1985. 396 p.
21. Major Crisis in Contemporary American Foreign Policy, 1932–1945. N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1991. 272 p.

УДК 94. (479) "17"

Ю. Ю. Гранкин

«СО ЗДЕШНИМИ НАРОДАМИ ОБХОДИТСЯ ЛАСКОВО...»: РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К НАСЕЛЕНИЮ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

В статье анализируются особенности политики Российской империи на Северном Кавказе во второй половине XVIII века. Борьба за надёжные и безопасные южные рубежи заставляла Петербург обратить самое пристальное внимание на привлечение на свою сторону местных народов. Однако выработать оптимальный курс по взаимодействию с северокавказскими обществами было непросто. Социально-экономические, политические и культурные особенности их жизни зачастую противоречили устоям империи. Это приводило к столкновениям и вооружённому противостоянию. Но российская администрация делала всё, чтобы прекратить этот конфликт и решать возникающие споры мирными методами. Не имея реальных рычагов воздействия на местных владельцев, российская власть нередко ограничивалась тре-

бованием от них формальной лояльности. Когда эта практика перестала давать нужный эффект, имперская администрация начала увеличивать своё военно-политическое присутствие в регионе, приступив к возведению цепи крепостей в предгорных районах края. Кроме того, на новые рубежи переселялись казачьи станицы, которые должны были усилить военные гарнизоны укреплений. Успешно отражая покушения внешнеполитических конкурентов, Россия сумела завоевать авторитет у населения Северного Кавказа, обеспечив пророссийский выбор значительной части местных обществ.

Ключевые слова: империя, горцы, регион, администрация, набеги, пленники, политика, укрепления.

Yu. Yu. Grankin

«PEOPLE HERE ARE TREATED KINDLY ...»: RUSSIAN POLICY TOWARDS THE POPULATION OF THE NORTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

The article analyzes the peculiarities of the policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the second half of the 18th century. The struggle for a safe and secure southern frontier forced Petersburg to pay close attention to attracting local people to its side. However, it was not easy to work out an optimal course on cooperation with the North Caucasian societies. Socio-economic, political and cultural characteristics of their lives often contradicted the foundations of the empire. This led to clashes and armed confrontation. But the Russian administration did everything to stop this conflict and settle disputes by peaceful methods.

Having no means of the influence local seniors, Russian authorities wanted just formal loyalty. When it produced no effect the imperial administration increased its military and political presence in the foothills. Besides the Cossack villages transferred to new borders, which had to strengthen garrisons. Having repulsed foreign policy rivals attacks, Russia succeeded in gaining authority with the Northern Caucasus inhabitants, having provided the pro-Russian choice of local societies.

Key words: Empire, highlanders, region, administration, raids, captives, politics, fortifications.

Ко второй половине XVIII века Российская империя уверенно демонстрировала способность защищать не только собственные рубежи, но и оказывать покровительство народам, которые входили в сферу её геополитических интересов. Некогда могущественное Крымское ханство, которое, пользуясь покровительством Стамбула, безнаказанно совершало вторжения на сопредельные территории, теперь всё

чаще должно было опасаться ответных шагов со стороны Петербурга. Это прочувствовали на себе и народы Северного Кавказа, которые, по мере усиления российского присутствия в крае, всё реже становились жертвами набегов крымчаков.

Однако полностью нейтрализовать этот неблагоприятный фактор империя не могла. Предстояло выдержать серьёзную схватку с Турци-

ей, для которой крымский вассал был важен как инструмент её влияния в Причерноморье. В этом противостоянии российское правительство рассчитывало на поддержку и лояльность со стороны северокавказских народов, для которых ликвидация крымской угрозы была не менее важна, чем для самой России.

Между тем отношения с рядом местных владельцев складывались отнюдь не безоблачно. Получив, благодаря России, серьёзные преимущества и защиту от внезапных вторжений, они отнюдь не торопились отказываться от привычного уклада, неприемлемой для империи стороной которого были набеги с целью захвата пленников и добычи [11, с. 10]. Для них же это был институт социализации юношества и часть «престижной экономики», сама мысль об отказе от которых воспринималась крайне враждебно [10, с. 118–119]. В дальнейшем это столкновение интересов будет препятствием в русско-северокавказских отношениях и приведёт к длительному конфликту, чаще всего обозначаемому как «Кавказская война».

Доводить дело до вооружённой борьбы с потенциальными союзниками и подданными российские власти не хотели. Если была возможность разрешить имеющиеся разногласия с помощью переговоров, такой исход считался наиболее предпочтительным. Но неоднократно убеждаясь в бесперспективности дипломатических усилий, не подкреплённых реальной военной поддержкой, Петербург начинает наращивать своё присутствие в крае. Особенно заметной эта тенденция становится в период царствования императрицы Екатерины II.

По указанию императрицы на Северном Кавказе появляется новая крепость – Моздок [6, с. 167–169]. Этот шаг российских властей вызвал резкое недовольство у части кабардинской элиты, которая не без оснований опасалась, что с её появлением начнётся наступление на их вольности. Как показывал опыт, русские укрепления и поселения привлекали к себе «чёрный народ», который искал спасение от произвола своих феодалов.

Кроме того, кабардинские князья рассчитывали стать в регионе силой, которая будет связующим звеном между Петербургом и местными племенами. По существу, это была претензия на региональное лидерство, в котором Россия не нуждалась, т.к. предпочитала сама налаживать взаимодействие с теми обществами, которые хотели войти в состав империи.

В этой связи участились случаи обращения со стороны осетинских и ингушских обществ с просьбой о предоставлении им земель на рав-

нине. Раньше эта территория была для них недоступна из-за угрозы нападения со стороны вооружённых дружин кабардинских и крымских феодалов. Но с появлением здесь российских фортификаций с постоянными гарнизонами вековая мечта этих народов начинала сбываться [3, с. 67].

В Моздок устремились представители закавказских христианских народов, которых власти рассматривали как своих естественных союзников в крае. Сюда переехали даже армянские и грузинские жители Кизляра, посчитавшие новое поселение более перспективным для занятий коммерческой и хозяйственной деятельностью [9, с. 227]. Для горских пленников, которые бежали из неволи, нарождающийся город стал спасительным приютом, причём здесь находили поддержку не только русские, но и все остальные народы края. Отсюда они могли отправиться к месту своего прежнего проживания либо пополнить ряды моздокских поселян.

Кабардинские князья не раз обращались к российскому правительству с пожеланиями и требованиями ликвидировать Моздок. Но их усилия оказывались тщетными. В Петербурге на такие обращения отвечали, что крепость не несёт угрозы верным подданным престола. Более того, указывались все плюсы, которые открывались для желающих заниматься торговой деятельностью, т.к. в Моздок регулярно стали стекаться не только проживавшие в крае купцы, но и прибывшие из других стран [12, с. 48].

Примечательно, что своё недовольство вызывал даже грузинский царь Ираклий II. Он столкнулся с тем, что его подданные стали переезжать в Россию, т.к. здесь условия для жизни были гораздо лучше, чем те, которые он мог создать для своих подданных [6, с. 60].

Моздок почти сразу стал культурным центром, в котором усилиями Русской Православной Церкви начала проводиться миссионерская деятельность. В рассматриваемый период религиозная идентичность нередко становилась синонимом политической ориентации, а потому власти всячески поощряли подобные шаги. Здесь в 1764 г. была учреждена школа, в которой дети местных народов обучались грамоте и основам христианства [8, с. 56]. В Петербурге считали предпочтительным привлекать для этой деятельности русских священников, т.к. иностранные миссионеры могли внушать ученикам идеи, которые шли в разрез с интересами России [16, с. 34]. Привлечение миссионеров из Грузии также не давало ожидаемого результата и вызывало справедливые нарекания со стороны властей [16, с. 36].

Осложнение отношений с кабардинской верхушкой привело к тому, что она попыталась создать альтернативное России объединение из числа горцев. С этой целью в осетинские общества отправились князья, которые предлагали им самим решать проблему с отражением крымских набегов, без участия России. Но эта затея закончилась безрезультатно. Осетины подтвердили верность пророссийскому выбору, хотя и не отказывались действовать совместно против вторжений крымчаков [16, с. 63].

Ответом на отказ стали гонения на тех осетин, которые придерживались христианского вероисповедания. Для охраны церкви в Малой Кабарде «при Барсуковском Кабаке» пришлось выделить воинскую команду, чтобы избежать её разорения. Саму церковь решено было перенести в Моздок, чтобы не допустить кровопролития [16, с. 169].

Ситуация в регионе в целом отличалась противоречивостью и неоднозначностью. Местные народы охотно пользовались покровительством империи и готовы были давать присягу на верность престолу. Но как только заходила речь о реальном выполнении взятых на себя обязательств, возникали трудности, а ещё вчера лояльные владельцы могли занять враждебную России позицию [6, с. 196–198]. О таких особенностях местных владельцев писал И. А. Гильденштедт, отмечавший, что «вероломство, лицемерие, хищничество, коварство, жестокость и непостоянство кавказских князей ни с чем не сравнимо. Князь, который вчера торжественно признавал Россию, завтра будет строить козни и послезавтра станет открытым врагом. Если бы я не соблюдал всевозможную осторожность, то я наверняка стал бы мучеником естественной истории» [4, с. 39].

Раздражающим фактором был запрет российских властей заниматься набегам. Для многих «удальцов» не играло роли, являются ли разоряемые и попадавшие в плен люди дружественными России. Главным был сам факт захвата добычи, который прославлял и обогащал «набежника» [15, с. 130].

Такой ситуацией пользовались геополитические соперники Петербурга. Речь, прежде всего, идёт об Османской империи, которая хотя и растеряла былую мощь, но по-прежнему оставалась серьёзным игроком на Кавказе. Когда осенью 1768 г. началась русско-турецкая война, в противоборство оказались втянуты и народы края, которые должны были определиться со своими политическими симпатиями. Новые испытания показали, что российская администрация в целом выбрала правильный курс, который

позволил обрести на Северном Кавказе надёжную опору. Так, кабардинский «чёрный народ» предупредил своих владельцев, что в случае враждебных действий против России, они покинут их. Это стало решающим аргументом, определившим в целом лояльную позицию местной феодальной верхушки [5, с. 512–513].

В свою очередь российское правительство следило за тем, чтобы местная администрация соблюдала права и интересы горцев. Если в Петербурге узнавали о творимом произволе и притеснениях, тотчас следовало указание прекратить такую практику и возместить пострадавшим претензии. В лучшем случае прощрафившийся начальник получал известие о «неудовольствии» его поступком, а то и вообще мог лишиться своего поста [9, с. 287].

Конечно, среди местных жителей находились те, кто воевал на стороне турок против России. Но в рядах русской армии было немало воинов с Северного Кавказа, храбро сражавшихся с общим врагом и заслуживших похвалу командования. За это кабардинские князья даже получили обещание Екатерины II впредь отправлять обратно их беглых холопов, которые раньше укрывались на Линии [9, с. 302].

В условиях войны кавказская администрация вынуждена была ограничить своё покровительство над народами, которые подвергались притеснению со стороны кабардинских феодалов. Им предлагали временно укрыться в горах, но обещали в дальнейшем обеспечить защиту от нападений их гонителей [16, с. 315].

Победное завершение войны и подписание Кючук-Кайнарджийского мира в июле 1774 г. привело к усилению позиции России на Северном Кавказе [7, с. 356]. Фактически было нейтрализовано Крымское ханство и его разорительные набеги ушли в прошлое. Это был серьёзный геополитический прорыв, который способствовал расширению пророссийской ориентации среди народов региона.

Теперь нужно было последовательно продемонстрировать готовность предоставить новым подданным империи равные права и не допускать того, что одни из них доминировали над другими. Ради этого власти готовы были идти на конфронтацию с теми феодалами, которые не желали смириться с подобной реальностью. Непросто было внушить и необходимость выполнять и определённые обязанности перед государством. Новые законы зачастую шли в разрез с привычным укладом, что не могло не вызвать сопротивления со стороны части общества [1, с. 38].

Российское правительство прекрасно осознавало, что рычагов воздействия в крае у него

мало и нередко ограничивалось формальным выражением лояльности. А на практике даже императрица Екатерина II отмечала, что местные владельцы «хотя и почитаются в нашем подданстве, однако ж во внутренних своих распоряжениях всю свободу имеют...» [15, с. 149].

Отсутствие уверенности в верности северокавказских феодалов в немалой степени стало причиной того, что в 1777 г. в крае начинается широкомасштабное строительство цепи укреплений. Они протянулись от Азова до Моздока и должны были стать фундаментом российского контроля над стратегически важным регионом. Помимо солдат регулярной армии на Северный Кавказ переселялись казачьи станицы, которые должны были обеспечить надёжную охрану кордонной Линии [14, с. 19–20].

Последующие события показали, что опасения российской власти и её стремление усилить свои позиции на юге вполне оправданы. Турция не смирилась с понесёнными потерями и начала активно готовить возврат Крыма под свою власть. Османские эмиссары появились и на Кавказе, где стали активно вербовать всех недовольных политикой Петербурга. А таких людей было немало. Один только «холопий вопрос» в Кабарде провоцировал антироссийские выступления княжеской верхушки, которая не смирилась с потерей былых возможностей повелевать зависимыми сословиями [9, с. 327–331].

О том внимании, которое уделялось правительством ситуации на Кавказе, свидетельствует тот факт, что сюда был направлен А. В. Суворов. Один из лучших полководцев империи провёл рекогносцировку кубанского пограничья и, помимо решения военных вопросов, уделил немало внимания налаживанию мирных отношений с местными обществами. Он приказывал своим подчинённым «со здешними народами обходиться ласково», одаривал влиятельных людей, стремясь не допустить вражды [18, с. 234].

И такая политика дала свои положительные результаты. Убедившись в отсутствии

масштабной поддержки, Турция не пошла на дальнейшее обострение отношений с Россией и подписала Айналы-Кавакскую конвенцию. Фактически подтверждались все договорённости, которые существовали между двумя империями [17, с. 116].

Дальнейшие шаги демонстрировали, что Россия и впредь не собирается поступаться своими интересами. Убедившись в невозможности сохранить влияние в Крыму через своего ставленника в Бахчисарае, она пошла в 1783 г. на присоединение полуострова к своим владениям. В том же году, в крепости Георгиевской был подписан протекторат над Картли-Кахетинским царством. Это не могло не привести к активизации российской политики на северокавказском направлении. Возник замысел создать Кавказское наместничество, центр которого был размещён в Екатеринограде. Началась активная колонизация края, причём, помимо казаков, сюда стали приезжать и крестьяне. Предполагалось, что, контактируя с ними, местные народы постепенно изменят свои воинственные нравы и сделаются лояльными подданными престола [19, с. 109–110].

Ни движение шейха Мансура, ни очередная война с Османской Портой не могли уже остановить этот процесс. Россия достаточно успешно отражала внешние вторжения и фактически вытеснила с Кавказа своих потенциальных конкурентов в лице Турции и Персии. Примечательно, что и после вступления на престол нового императора Павла I, прежний курс в отношении этого региона в своей основе сохранился [1, с. 98].

Периодически применяя военные аргументы, империя в целом придерживалась курса на мирное вхождение этих территорий в свой состав и старалась привлекать новых подданных «лаской», а не насилием. Такими способами формировалось историческое партнёрство, которое должно было определять специфику русско-северокавказских отношений [13, с. 45–51].

Источники и литература

1. Виноградов Б. В. Кавказ в политике государя Павла I (1796–1801 гг.) / под ред. В. Н. Ратушняка. Армавир-Славянск-на-Кубани: АГПИ, 1999. 115 с.
2. Виноградов Б. В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани: СГПИ, 2005. 384 с.
3. Гарунова Н. Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала: Радуга-1, 2007. 275 с.
4. Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 512 с.
5. Гугов Р. Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 686 с.
6. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом с древнейших времён до конца XVIII в. / Документы подобрал, подготовил к печати и предпослал им исследование В. Н. Гамрекели. Тбилиси: Мецниереба. 336 с.
7. Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Издательство АН СССР, 1955. 368 с.

8. Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М.: РИК, 2003. 360 с.
9. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. М.: АН СССР, 1957. Т. 2. 479 с.
10. Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: Наука, 1996. 312 с.
11. Клычников Ю. Ю., Линец С. И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск: РИА КМВ, 2008. 211 с.
12. Илясова А. А., Гранкин Ю. Ю. Торговый фактор в системе политико-экономического развития Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX веков. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. 224 с.
13. Клычников Ю. Ю. Формирование северокавказской окраины России: равноправное историческое партнёрство или проявление имперской политики // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2005. № 2. С. 45–51.
14. Наш край (Документы, материалы. 1777–1917 гг.). К двухсотлетию г. Ставрополя. Ставрополь: Книжное издательство, 1977. 424 с.
15. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. М.: Наука, 1988. 357 с.
16. Русско-осетинские отношения в XVIII веке: Сборник документов: В 2-х т. / сост. М. М. Блиев. Орджоникидзе: Ир, 1984. Т. II. 457 с.
17. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. 241 с.
18. Суворов А. В. Походы и сражения в письмах и записках. М.: Военное издательство, 1990. 480 с.
19. Гранкин Ю. Ю., Землянский А. В. Северный Кавказ и его колонизация Россией в 30–90 годы XVIII века. Пятигорск: ПГЛУ, 2006. 162 с.

References

1. Vinogradov B. V. Kavkaz v politike gosudarja Pavla I (1796–1801 gg.) (*The Caucasus in the Policy of the Sovereign Paul I (1796–1801)*) / ed. by V. N. Ratushnyak. Armavir-Slavyansk-On-Kuban: Publishing center ASPU publ., 1999. 115 p. (In Russian).
2. Vinogradov B. V. Specifika rossijskoj politiki na Severnom Kavkaze v 1783–1816 gg. (*Specificity of the Russian policy in the North Caucasus in 1783–1816*). Slavyansk-On-Kuban: The Publishing Center SSPI, 2005. 384 p. (In Russian).
3. Garunova N. N. Rossijskie goroda-kreposti v kontekste politiki Rossii na Severo-Vostochnom Kavkaze v XVIII – pervoj polovine XIX v.: problemy politicheskoj, jekonomicheskoj i kul'turnoj integracii (*The Russian fortress cities in the context of Russia's policy in the North-East Caucasus in the XVIII – first half of the XIX century: the problems of political, economic and cultural integration*). Makhachkala: Rainbow-1, 2007. 275 p. (In Russian).
4. Gil'denshtedt I. A. Puteshestvie po Kavkazu v 1770–1773 gg. (*The Journey through the Caucasus in 1770–1773*). St. Petersburg.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002. 512 p. (In Russian).
5. Gugov R. H. Kabarda i Balkarija v XVIII veke i ih vzaimootnoshenija s Rossiej (*Kabarda and Balkaria in the XVIII century and their relationship with Russia*). Nalchik: Publishing Center «Jel'-Fa», 1999. 686 p. (In Russian).
6. Dokumenty po vzaimootnoshenijam Gruzii s Severnym Kavkazom s drevnejshih vremjon do konca XVIII v. (*Documents on the relationship of Georgia with the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century*). Tbilisi: Publishing Metsniereba (*Science*), 1968. 336 p. (In Russian).
7. Druzhinina E. I. Kjachuk-Kajnardzhiskij mir 1774 goda (ego podgotovka i zakljuchenie) (*The Kuchuk-Kainardzhskij agreement of 1774 (its preparation and conclusion)*). Moscow: SA USSR publ., 1955. 368 p. (In Russian).
8. Emel'janova N. M. Musul'mane Osetii: na perekrestke civilizacij (*Muslims of Ossetia: at the crossroads of civilizations*). Moscow: RIK, 2003. 360 p. (In Russian).
9. Kabardino-russkie otnoshenija v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah (*The relations of Kabarda and Russia in the XVI–XVIII centuries. Documents and materials in 2 volumes*). Vol.2. Moscow: SA USSR publ., 1957. 479 p. (In Russian).
10. Karpov Ju. Ju. Dzhigit i volk. Muzhskie sojuzy v sociokul'turnoj tradicii gorcev Kavkaza (*Djigit and wolf. Man's unions in the socio-cultural traditions of the mountaineers of the Caucasus*). St. Petersburg: Nauka, 1996. 312 p. (In Russian).
11. Klychnikov Ju. Ju., Lince S. I. Severokavkazskij uzal: osobennosti konfliktogo potenciala (istoricheskie ocherki) (*The North Caucasus knot: features of the conflict potential (historical essays)*). Pjatigorsk: RIA KMV, 2008. 211 p. (In Russian).
12. Iljasova A. A., Grankin Ju. Ju. Torgovij faktor v sisteme politiko-ekonomicheskogo razvitija Severnogo Kavkaza v XVIII – pervoj polovine XIX vekov (*Selling factor in the system of politico-economical development of the North Caucasus in XVIII – first half of XIX centuries*). Pjatigorsk: PSLU publ., 2013. 224 p. (In Russian).
13. Klychnikov Ju. Ju. Formirovanie severokavkazskoj okrainy Rossii: ravnopravnoe istoricheskoe partnorstvo ili projavlenie imperskoj politiki (*The formation of the North Caucasus outskirts of Russia: equal historical partnership or manifestation of imperial policy*) // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Serija: Obshhestvennye nauki. 2005. No. 2. P. 45–51. (In Russian).
14. Nash kraj (Dokumenty, materialy. 1777–1917 gg.). K dvuhstotletiju g. Stavropolja Our region (*Documents, materials, 1777–1917 gg. To the bicentenary of the city of Stavropol*). Stavropol': Kniznoe izdatel'stvo, 1977. 424 p. (In Russian).
15. Russko-dagestanskije otnoshenija v XVIII – nachale XIX v.: Sbornik dokumentov (*Russian-Dagestan relations in the XVIII – early XX centuries: The collection of documents*). Moscow: Nauka, 1988. 357 p. (In Russian).
16. Russko-osetinskie otnoshenija v XVIII veke: Sbornik dokumentov: V 2-h t. (*Russian-Ossetia relations in the XVIII century: The collection of documents: In 2 volumes*) / comp. M. M. Blijev. Vol. II. Ordzhonikidze: Ir, 1984. 457 p. (In Russian).
17. Sмирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках (*Politics of Russia in the Caucasus in the XVI–XX centuries*). Moscow: Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskij literatury, 1958. 241 p. (In Russian).
18. Suворов А. В. Pohody i srazhenija v pis'mah i zapiskah (*Military campaigns and battles in letters and notes*). Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 1990. 480 p. (In Russian).
19. Grankin Yu. Yu., Zemljanskij A. V. Severnij Kavkaz i ego kolonizacija v 30–90 gody XVIII veka (*The North Caucasus and its colonization in the 30s–90s of XVIII century*). Pjatigorsk: PSLU publ., 2006. 162 p. (In Russian).

УДК 94(47).072

С. Л. Дударев

«ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ»: СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА ГИМНАЗИСТА 1870-х гг. ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИКА

В статье рассматривается произведение Г.-М. Амирова «Среди горцев Северного Дагестана» (из дневника гимназиста), которое является репрезентативным примером восприятия образованным выходцем из горской среды взглядов, обычаев, традиций и т.п. своего социума глазами человека, освоившего европейскую (русскую) культуру. Предпринимаемый автором анализ исторического источника представляет собой исследовательскую попытку выяснить представления о горском мире образованного горца, то есть изучить взгляд на сообщество изнутри. Исследование выполнено в имагологическом ключе, в котором сам воспринимающий субъект, является носителем национального самосознания и собственной системы ценностей, измененной европейским образованием, одновременно.

Г.-М. Амиров дает ценные сведения относительно тех или иных социокультурных стереотипов горцев, через призму которых те, в свою очередь, смотрят на человека, который для них является представителем Иномира. Автор статьи, опираясь на наблюдения Г.-М. Амирова и опыт других (как горских, так и русских) авторов XIX – начала XXI вв., стремится показать критерии «своего» и «чужого» у горцев Дагестана начала 1870-х гг., а также их морально-религиозную и психологическую оценку в патриархально-традиционной среде.

Ключевые слова: «свое»–«чужое», «ментальная карта», Иномир, «чужест», экстравертность, русско-горская интеграция.

S. L. Dudarev

«THE ODD MAN OUT»: PAGES FROM THE DIARY OF THE HIGH SCHOOL STUDENT IN THE 1870s. THROUGH THE EYES OF A MODERN HISTORIAN

The article focuses on the work by G.-M. Amirov «Among the Mountaineers of Northern Dagestan» (from the diary of a schoolboy), which is a representative example of the perception by educated person from the mountain environment of the views, customs, traditions, etc. of his society with the eyes of a person who has familiarized himself with European (Russian) culture. The analysis of the historical source undertaken by the author represents a research attempt to elucidate the ideas about the mountainous world of the educated highlander, that is, to study the view of the community from within. The research was carried out in the imagological key, in which the perceiving subject himself, is the bearer of national self-consciousness, and his own value system, changed by European education, simultaneously.

G.-M. Amirov provides valuable information on certain socio-cultural stereotypes of mountain people, through the prism of which they, in turn, looked at the person who was the representative of "Inomir" (Another world) to them. The author of this article, based on the observations of G.-M. Amirov and the experience of other authors of the nineteenth and early 21st centuries (both mountainous and Russian), seeks to show the criteria of «own» and «foreign» for Dagestanian mountaineers in the early 1870s, as well as their moral, religious and psychological assessment in patriarchal-traditional environment.

Key words: «own»–«foreign», «mental map», Inomir (Another world), «alienity», extravertedness, Russian-Mountain integration.

В 2016 г. в ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» под редакцией известного историка профессора Т. А. Булыгиной вышло издание, подготовленное в жанре хрестоматии, и имеющее весьма красноречивое название: «Свое – чужое» в социокультурном пространстве Северного Кавказа. Оно представляет собой сборник документов XVIII–XX вв., отражающих репрезентативные представле-

ния как иностранных, так и российских авторов, а также представителей национальной интеллигенции, явившейся результатом российско-горской интеграции, о северокавказском регионе и его жителях в указанное время. Хрестоматия отражает подходы такой актуальной современной научной дисциплины, как имагология, к описанию образов «своего» и «чужого» [4; 5]. Целью нашей статьи является

обращение к одному из документов, опубликованных в хрестоматии, а именно выдержкам из дневника гимназиста, впервые изданным Г.-М. Амировым в VII выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» [1, с. 1– 57]. Предпринимаемый нами ниже анализ дневника особенно важен тем, что в нем делается попытка выяснить представления о горском мире Дагестана 1870-х гг., данные от лица образованного горца. Это принципиально потому, что иматология характеризует сам воспринимающий субъект, т.е. отражает национальное самосознание и собственную систему его ценностей, которая, в конкретном случае, испытала уже заметное влияние со стороны европейской (русской) культуры.

Уже самые первые страницы дневника гимназиста показательны с точки зрения взаимодействия горского и русского миров, на границе которых будет все время находится главный фигурант повествования, тех правил и понятий, которые их характеризуют и составляют главный конфликт рассказа. За юношей, который завершил процесс обучения в гимназии, из аула прибывает его отец-горец. Встречаясь с сыном, он не просто демонстрирует обычную горскую сдержанность во взаимоотношениях с детьми. Амирову-отцу с первых же шагов нужно было понять, не изменил его сын традиционным понятиям, нравственности, религии ислама за время обучения в гимназии. Первый знаковый жест, сделанный родителем бывшего гимназиста – переодевание молодого человека в горский костюм. Тем самым был положен процесс обратной адаптации сына, возвращения его в исходную среду. С растущим чувством душевного просветления Амиров-отец шаг за шагом узнавал, что сын не запятнал себя порочающим поведением и связями (вернулся поздно вечером от школьного товарища, а не из «дурного» места; первым начал совершать омовение и намаз). Молясь с сыновьями вместе (здесь же находился и младший сын, обучавшийся в школе) Амиров-старший просил у Бога прощения. Причина была, видимо, не только в обычном желании замолить грехи. Отец испытывал некую вину за то, что отдал сына (сыновей) на сторону, в мир, где живут по иным правилам, отличным от среды ислама. Именно в этот мир должен был вернуться старший сын и дальнейшая беседа о религии, проведенная с ним (и его братом) их отцом, играла роль еще одной ступеньки возвращения к истинным ценностям, удержания детей в их лоне. Только после этого Амиров-отец, испытав чувство удовлетворения, позволил себе обнять старшего сына, оконча-

тельно «признав» его. Своеобразный «тест на идентичность» как члена семьи (которая была, таким образом, «восстановлена») был успешно сдан Г.-М. Амировым [1, с. 5]).

Последовавшая за этим сцена имеет, практически, манифестационный характер. Амиров-отец, долго давая наставления сыновьям, не только демонстрировал, тем самым, свою руководящую и направляющую роль, как главы семейства, стремясь удержать детей в русле жестких нравственных установок, что особенно важно в системе координат патриархальной системы ценностей. Немолодой горец хорошо понимал всю сложность безоговорочного следования таковым в новой исторической реальности («с покорения Дагестана русскими») и дал сыновьям четко осознать это, указав на невозможность кровной мести, и т.п. с точки зрения *российских законов*. Амиров-старший предстает перед нами как трезвомыслящий и дальновидный человек, хорошо понимавший неизбежность наступления новой эпохи. Он отдал детей в школу, несмотря на сопротивление их матери, родственников и ликование недоброжелателей, и собственные опасения в утрате сыновьями горской идентичности в иноэтнической среде, чтобы они познакомились «с установлениями и обычаями русских», для обеспечения *будущего сыновей*. Кардинальной звучит мысль отца в изложении просвещенного сына: «Я сказал, что то, чему мы учимся в России, делает человека разумным (курсив наш. – Авт.), а разумный человек не может отвернуться от самых дорогих и священных предметов» [1, с. 3]. Такая позиция Амирова-отца выглядит тем более выразительной и заслуживающей внимания, что, как видно из пояснений Г.-М. Амирова, его родитель неоднократно переходил из одного лагеря в другой, находясь то на стороне российской власти, то на стороне имамата Шамиля, не порывая связей с мюридами даже тогда, когда отходил от активного участия в их делах. В конце-концов, отец нашего героя оказался в ссылке, где провел три года. Иными словами, путь Амирова-старшего к России, как и у многих горцев, испытывавших подобные же колебания, и переживших драматические перипетии судьбы, был тернистым. Тем ценнее было его решение об обучении детей в российской гимназии.

Мы не станем подробно рассматривать те страницы дневника, которые представляют собой интересные этнографические наблюдения Г.-М. Амирова из повседневного быта родного аула. Обратимся, прежде всего, к тем строкам повествования, в которых отчетливо

проявляются особенности отношения горцев к пришельцу из Иномира, хотя и этнически родственному им.

Можно сказать, экзистенциальный характер, носит высказывание автора дневниковых записей от 14-го мая: «Ни одно чувство у горца не развито так сильно, как любовь к свободе». Г.-М. Амиров тут же поясняет: «И единственно эту любовь к свободе объясняется замечающаяся у в горце неприязнь ко всему «русскому», т.е. «европейскому». Как тут не вспомнить знаменитые лермонтовские строки: «Мила черкесу тишина,/ Мила родная сторона,/ Но вольность, вольность для героя/ Милей отчизны и покоя» [3, с. 249]. И первое, что знаменовало собой неприемлемость культурного опыта «чужого» – это одежда, что находит отражение в запоминающемся заключении автора, что только сумасшедший позволил бы себе расхаживать в русской одежде по аулу, что привело бы к потере уважения со стороны даже ближайших родственников [1, с. 1–11]. Руководствуясь именно такими представлениями, Амиров-старший переодевает сына в самом начале повествования. В «русской» одежде, к числу самых непривычных и неприятных ее сторон, принадлежала «форменность». Именно гимназическую форму Г.-М. Амиров носил в городе. Неприязненное отношение горцев к любой, но особенно военной, российской форме еще в начале XX в. прослеживается специалистами и на кубанском материале [2, с. 146–147]. Особенно неприятными для них были форменная фуражка и сапоги, как наиболее яркие внешние признаки «чужести». Не случайно и Г.-М. Амиров не носил сапог в ауле, стараясь не давать предлога для нареканий [1, с. 16]. Напротив, автор этих строк, как бывший житель Чечено-Ингушетии, свидетельствует, что в середине XX в. (да и позднее) чеченские старики любили ходить в полувоенной форме – папахе, чесучевом френче, галифе и сапогах. Не нужно забывать и о том, что Д. Дудаев приносил присягу как «президент Ичкерии», т.е. сепаратистского государства, в 1991 г. в своей советской генеральской форме: под влиянием бурных перипетий этого столетия (служба в армии, трагическая депортация 1944 г. и т.д.) культурный код горцев за прошедшие с начала века десятилетия в чем-то изменился.

Но, хотя автор повествования, совершив переодевание, казалось-бы, соблюл важное условие пребывания в родной ему среде, этого оказалось недостаточно для того, чтобы вновь стать «своим». Как ни старался Г.-М. Амиров внешне соответствовать облику горца-мусульманина, поддерживая соответствующие темы

в разговорах с односельчанами и муллою, визуального и вербального сходства со «своими» было недостаточно, чтобы быть вновь признанным одним из них. Отношение к «новому русскому» (термин самого Г.-М. Амирова) у горцев 1870-х гг. было сугубо отрицательным. Они были готовы относиться к «коренным русским» с большим снисхождением, как не верившим в Бога (в смысле истинного, в понимании горцев, Бога, т.е. Аллаха), но сохранившим верность обычаям своих предков, нежели к таким своим землякам, как автор очерка, которые «с истинного сошли пути на ложный».

У мужчин Г.-М. Амиров наткнулся на холодную вежливость и полупрезрение, у женщин – на боязнь и любопытство. Пришелец из Иномира был «замаран» им бесповоротно, причем едва ли не буквально. Некий хаджи, с которым бывший гимназист столкнулся в мечети, не только не подал ему руки, но и старательно избегал даже соприкосновения с одеждой «пришельца». Налицо представления об изначальной ритуальной «нечистоте» выходца из Иномира, мира «неверных», имеющие четкую средневековую подоснову [8, с. 267–296]. Большой негативный резонанс имело публичное заявление бывшего гимназиста, почерпнутое из календаря еще в городе, что во второй половине мая следует ожидать дожди. То, что в русском (европейском) мире называлось метеопрогнозом, в горном дагестанском селе было расценено как греховное предсказательство, а сам Г.-М. Амиров усилил тем самым, свою славу «отступника», хотя пошедшему дождю все жители села обрадовались, ибо засуха для селянина во все времена – это большое несчастье. Подобное отношение к европейски образованным выходцам из своей среды горцы Северного Кавказа обнаруживали и в ряде других случаев, что, например, наглядно представлено в работе А.-Г. Кешева «На холме. Из записок черкеса». Вот только одна фраза из нее: «Это урус», – говорили некоторые из них [горских ребятишек – *Авт.*] при моем приближении...» и выразительный комментарий ученого, исследовавшего творчество адыгского просветителя: «В восприятии аульских детей молодой горец – русский, так как он общается с представителями русского мира, а соответственно оказывается выключенным из повседневной действительности своего этнического социума» [2, с. 96–97]. «Чужим среди своих» был и старший сын имама Шамиля Джамал эд-Дин, получивший воспитание в России, не нашедший себя в родной среде и рано умерший от чахотки (В. В. Дегоев образно выразил

ся по этому поводу так: «от жестокой простуды души»). Люди с новыми интеллектуальными, культурными потребностями, отошедшие от привычных стандартов, долгое время были изгоями в породившем их мире.

Работа Г.-М. Амиров ярко демонстрирует нам то, что все, исходившее из Иномира, имело у его односельчан отрицательные коннотации, вплоть до эсхатологических. Так, телеграф и железная дорога – это обман и средство отлучить мусульман от Бога, заставить поклоняться новым «идолам». Испытывавшие по этому поводу смятение горцы боялись впасть в грех, потерять «чистоту души». Характерна сценка посещения Г.-М. Амировым примечной школы (они, как правило, именовались мактабами) в родном ауле. Знания, продемонстрированные выпускником гимназии, бесспорно, превосходили средневековую подготовку здешних учеников (муталимов) и произвели благоприятное впечатление на некоторых из них, вызвав сожаление невозможностью получить такие же знания. Но старшие, т.е. наиболее авторитетные и «идейно устойчивые» из муталимов четко выразили «идеологическую платформу» неприятия гимназической жизни: хотя дома у гимназистов лучше, но они полны «идолами», пища варится в тех же котлах, где *солдаты варят свинину* (т.е. мясо «богопротивного» животного), книги тоже лучше, но там нет ни слова о Боге и Его пророке (т.е. нет мусульманского образования и воспитания). Все это надделено отрицательными смыслами в связи с отсутствием той же ритуальной чистоты и опоры на ислам, как истинную религию. Лучше бедность, аскетизм, чистота веры, устраненность от соблазнов мира «неверных», чем все их искусительные блага, вредные для души [1, с. 45]. Даже политика российского правительства с ее мироустроительными интенциями («они не грабят нашего имущества, не уведят наших жен и детей в плен и даже защищают от воров и мошенников») рассматривалась жителями родного аула Г.-М. Амирова как злой умысел чужаков-русских, их утонченное коварство [1, с. 15]. Происходящие перемены, в том числе и в мире ислама, выразившиеся в дружбе с «неверными», переходу на европейский костюм, и т.п., о которых свидетельствовал упоминавшийся выше хаджи (он посетил во время паломничества в Мекку, Стамбул, Каир, Дамаск и Иерусалим), расценивались этим адептом ислама как отход от мусульманской веры и свидетельство наступления конца мира [1, с. 22–23]. Подобные апокалиптические настроения указывают на то, что в менталитете масс

горцев доминировали средневековые черты, о чем говорит и их вера в знамения (связь северного сияния и землетрясения в Дагестане со смертью бывшего имама Шамиля). Характерно, что мать Г.-М. Амирова испугалась найденных у сына фотографий, расцененные ею как свидетельства идолопоклонства. В этом факте отразились представления, восходящие к средневековью, о запрете ислама на изображения живых существ. Они основаны на вере в специфическую связь между актом изображения (*ат-тасвир*) и актом творения (*аль-хальк*), прерогатива на которые принадлежит только всевышнему Аллаху.

Кстати сказать, чисто женское отношение местных уроженок к «своему-чужому» улавливается редко (см. выше), в силу закрытости горских женских сообществ. Оно по-своему примечательно, и, как уже было указано ранее, связано, прежде всего, с такой характерной чертой женской ментальности, как любопытство. Оно в полной мере проявлялось при знакомстве горянок с российскими пленниками, но особенно, пленницами (княгини А. И. Чавчавадзе и В. И. Орбелиани, 1854). Наиболее ярким типажом чужака у горцев вообще являлся русский солдат, именем которого матери пугали непослушных детей [1, с. 11]. Подобное же отношение к солдату, как совершенно чужеродному существу, *полной противоположности горца*, фиксируется у адыгских женщин. Одна из них спросила у русского солдата, «родился ли он от матери или так произошел на свет» [7, с. 105]. Превращение в солдата, *мужика* (вот еще одна неприятная ипостась «чужести») путем утраты своей традиционной одежды и оружия, как маркеров горского образа жизни и соответствующей идентичности – это самая страшная угроза, которую видели односельчане Г.-М. Амирова [1, с. 40].

Единственным благодарным собеседником Г.-М. Амирова выступил старик Алишаха-Аци: болтун, остряк, весельчак, открытый к общению, как со стариками, так и молодежью. Именно эта экстравертность делала Алишаха-Аци желанным партнером по разговорам с юношей, который не был избалован положительным вниманием односельчан. Этот старик очень полюбил басни Крылова, которые Г.-М. Амиров читал и переводил ему. Причина такого отношения к произведениям русского баснописца – их афористичность и иносказательность. В лице Алишаха-Аци выразилась в целом любовь горцев к народной мудрости, меткому, острому, выразительному слову, иными словами, неподдельный интерес к пласту

общечеловеческих ценностей. Именно на этой основе горцам и россиянам надлежало в будущем найти общий язык: «Не Русь Ермолова нас покорила./Кавказ пленила Пушкинская Русь» (Р. Гамзатов).

Зарисовки Г.-А. Амирова весьма ценны для создания «ментальных карт» горского мира и тех его представителей, которые, волей или неволей, были первопроходцами на стезе рус-

ско-горской интеграции. Прошли десятилетия и выросли те поколения горцев, которые оказались «завоеваны» русской культурой, образованием, просвещением. Пришли в мир те, кто смог, наконец, дорасти до тех своих земляков, которые совершали первые и очень трудные шаги на пути сближения горцев и России, и оценить их отвагу, подвижничество и мудрость.

Источники и литература

1. Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VII. Тифлис: [б.и.], 1873. С. 1–57.
2. Ктиторова О. В. Феномен северокавказского просветительства в преломлении судьбы и творчества Адиль-Гирея Кешева. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2015. 232 с.
3. Лермонтов М. Ю. Измаил-Бей // Собрание сочинений. Т. 2. М.: Художественная литература, 1964. С. 245–310.
4. Папилова Е. В. Имагология, как гуманитарная дисциплина // Rhema. Рема. 2011. Вып. 4. С. 31–40.
5. Посохов С. И. В поисках «своих» и «чужих»: проблемы теории и практики имагологии // «Свое – чужое» в социокультурном пространстве Северного Кавказа: хрестоматия/отв. ред. Т.А. Булыгина. Ставрополь: СКФУ; Дизайн-студия Б, 2016. С. 17–44.
6. «Свое–чужое» в социокультурном пространстве Северного Кавказа: хрестоматия / отв. ред. Т. А. Булыгина. Ставрополь: СКФУ; Дизайн-студия Б, 2016. 368 с.
7. Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказ: племена, язык, нравы. Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2011. Вып. VIII. С. 81–144.
8. Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. СПб.: Диля, 2008. 672 с.

References

1. Amirov G.-M. Sredi gortsev Severnogo Dagestana (iz dnevnika gimnazista) (*Among the mountaineers of Northern Dagestan (from the diary of a schoolboy)*) // Collection of information about the Caucasian mountaineers. Issue. VII. Tiflis, 1873. P.1–57. (In Russian).
2. Ktitorova O. V. Fenomen severokavkazskogo prosvetitel'stva v prelomlenii sud'by i tvorchestva Adil'-Gireya Kesheva (*The phenomenon of the North Caucasus enlightenment in the refraction of the fate and creativity of Adil-Girey Keshev*). Armavir; Stavropol': Dizain-studiya B, 2015. 232 p. (In Russian).
3. Lermontov M. Yu. Izmail-Bei // Cobranie sochinenii (*Collected Works*). T. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1964. P. 245–310. (In Russian).
4. Papilova E. V. Imagologiya, kak gumanitarnaya distsiplina (*Imagology as a humanitarian discipline*) // Rhema. 2011. Issue. 4. P. 31–40. (In Russian).
5. Posokhov S. I. V poiskakh «svoikh» i «chuzhikh»: problemy teorii i praktiki imagologii (*In search of «their» and «strangers»: the problems of theory and practice of imagology*) // «Svoe–chuzhoe» v sotsiokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza (*«Its – someone else's» in the socio-cultural space of the North Caucasus*) / editor T. A. Bulygina. Stavropol': NSFU publ.; Dizain-studiya B, 2016. P. 17–44. (In Russian).
6. «Svoe–chuzhoe» v sotsiokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza (*«Its – someone else's» in the socio-cultural space of the North Caucasus*) / editor T. A. Bulygina. Stavropol': NSFU publ.; Dizain-studiya B, 2016. 368 p. (In Russian).
7. Stal' K. F. Etnograficheskii ocherk cherkesskogo naroda (*Ethnographic essay of the Circassian people*) // Kavkaz: plemena, yazyk, нравы (*Caucasus: tribes, language, customs*). Issue. VIII. Nal'chik: Poligrafservis i T, 2011. P. 81–144. (In Russian).
8. Hillenbrand C. Krestovye pokhody. Vzglyad s Vostoka: musul'manskaya perspektiva (*The Crusades. Islamic perspectives*). St. Petersburg: Dilya, 2008. 672 p. (In Russian).

УДК 327(470+410) «19»

К. В. Каспарян

ГЕРМАНСКИЙ ФАКТОР В РОССИЙСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1910 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1914 гг.

Данная статья посвящена осмыслению влияния Германии на развитие российско-британских внешнеполитических отношений в 1910 – первой половине 1914 гг. – периода, предшествовавшего началу Первой мировой войны. В условиях непрерывно возрастающей на протяжении последних трех лет конфронтации России со странами Запада, связанной с событиями в Крыму и Донбассе, повлекшими за собой антироссийские санкции, представляется уместным проанализировать характер внешнеполитических связей Российской империи с крупнейшими западными державами в ключевые моменты истории – в данном случае, в начале XX столетия, во многом обусловившими начало Первой мировой войны. В статье дан анализ причин сближения России и Британии на фоне общей угрозы со стороны Германской империи и выявлены ключевые факторы, не позволившие германской дипломатии разрушить российско-британский союз; проведено сравнение между внешнеполитической стратегией Петербурга, Лондона и Берлина. Существенное внимание уделено изучению личностного фактора: роли Николая II, С. Д. Сазонова, Георга V, Э. Грея,

Вильгельма II, Т. фон Бетмана Гольвега в изучаемый период, уровне их субъективного влияния на ход событий. В работе рассмотрены специфические черты так называемой «династической» (или «брачной») дипломатии, которая все еще активно использовалась в начале XX в. в международных отношениях, с учетом тесных родственных связей между монархическими домами великих держав. Осмысление данного аспекта позволяет прийти к определенному выводу: наибольшую выгоду из «династической» дипломатии извлекал Лондон, сумевший избежать потенциального восстановления партнерских отношений между Петербургом и Берлином. Так же в данной статье изучены особенности российской внешней политики в условиях лавирования между двумя тогдашними лидерами Запада, для каждого из которых альянс с Россией имел первостепенное значение.

Ключевые слова: Тройственное согласие, Балканский полуостров, очаг напряженности, национальные интересы, черноморские проливы, двойные стандарты в политике, дипломатия, Туманный Альбион.

K. V. Kasparyan

GERMAN FACTOR IN RUSSIAN-BRITISH FOREIGN POLICY RELATIONS IN 1910 – THE FIRST HALF OF 1914

The article is dedicated to comprehension of German influence on Russian-British foreign policy relations in 1910 – the first half of 1914 – the period, which preceded the beginning of the First World War. Under conditions of continuously increasing confrontation between Russia and countries of the West during the last three years, which is associated with events in the Crimea and which entailed antirussian sanctions, it seems appropriate to analyze the nature of foreign policy relations of Russian empire with the largest powers of the Western world in key moments of history – in this case, at the beginning of the 20-ieth century which largely caused the outbreak of the First World War. The causes of rapprochement of Russia and Britain against the backdrop of the threat from German empire are analyzed in the article. Besides, the key factors, which did not allow German diplomacy to destroy Russian-British alliance are identified. The study offers a comparison between foreign policy strategy of Saint-Petersburg and London. Significant attention is paid to the study of personality factor: the role of Nich-

olas II, S. D. Sazonov, George V, E. Grey, Wilhelm II, T. von Batman Holweg in the period under consideration and the level of their subjective influence on the course of events. The article considers specific features of the co-called dynastic (or marriage) diplomacy which had been still actively referred to in the beginning of the 20-ieth century in international relationships taking into account close family ties between monarchic houses of great powers. The comprehension of this aspect allows to come to a certain conclusion: London derived the greatest benefit from the dynastic (or marriage) diplomacy as it managed to prevent restoring partnerships between Saint-Petersburg and Berlin. Besides, the study highlights some features of Russian foreign policy under conditions of maneuvering between two then leaders of the West for each of which the alliance with Russia was of primary importance.

Key words: Triple Entente, Balkan Peninsula, hotbed of tension, national interests, The Black Sea straits, policy of double standards, diplomacy, misty Albion.

Сближение Петербурга с Лондоном и Парижем, начавшееся после подписания российско-британского соглашения 1907 г. и образования Тройственного соглашения, вызвало серьезные опасения в Берлине. Германское руководство стремилось всеми силами ослабить данный альянс, делая ставку на укрепление своих отношений с Россией. 22–23 октября 1910 г. в Потсдаме Николай II встретился с кайзером Вильгельмом II. Кайзер заверил правителя России в том, что не одобряет экспансионистские устремления Австро-Венгрии на Балканском полуострове. В свою очередь, Николай II заявил, что не поддерживает антигерманскую политику Британии. Германским канцлером Т. фон Бетманом Гольвегом был составлен соответствующий проект соглашения, однако это вызвало возражения со стороны главы российского МИДа С. Д. Сазонова, не желавшего связывать Россию общими обязательствами в обмен на обещание лишь в отношении Балкан. В своей телеграмме послу в Петербурге Ф. фон Пурталесу от 2 ноября 1910 г. германский статс-секретарь А. фон Кидерлен заметил по этому поводу, что без пункта, касающегося Британии соглашение теряет смысл [14, с. 40].

Встреча в Потсдаме встревожила британские правящие круги. Возможная потеря России, как союзника, таила в себе угрозу для Великобритании. Именно возможность того, что флот Германии может стать сильнее британского, и возрастающая конкуренция германских товаров с британскими на мировом рынке, вынудили Британию создать антигерманскую коалицию. Стремление Германии лишить Великобританию лидерства в Европе и отобрать у нее колонии привели британское руководство к выводу – война с кайзером неизбежна. По этой необходимо было укреплять союз с Россией, учитывая ее внушительные природные и человеческие ресурсы [12, с. 8]. Британские политики начали оказывать давление на Петербург. 20 декабря 1910 г. в письме к Николаю II король Британии Георг V, считавшийся близким другом российского монарха, заметил: «... сэра Эдвард Грей сделает все от него зависящее, чтобы поддержать проводимую Россией политику...» [4, л. 34]. Британский посол в Петербурге Дж. Бьюкенен в беседе с правителем России проявил озабоченность в том, что «...уступки, сделанные... Германии по вопросу о Багдадской железной дороги, несовместимы с той поддержкой, которую они (правительство Николая II) должны были оказывать своим компаньонам по Тройственному согласию» [1, с. 78–79]. При этом у Дж. Бьюкенена сложились

дружеские отношения с С. Д. Сазоновым, которого посол считал наиболее последовательным сторонником российско-британского сотрудничества [1, с. 78].

Следуя традиционной для его страны политике двойных стандартов, министр иностранных дел Британии Э. Грей, с одной стороны, заручился поддержкой России и Франции, а с другой – проводил по отношению к Германии такую линию, которая убедила бы Вильгельма II в том, что в случае большой войны в Европе Лондон не выступит на стороне врагов Германской империи [15, р. 23]. Понимая, какое значение для Николая II имеет мнение короля Георга V, британское руководство, очевидно, объясняло своему монарху, какие именно вопросы он должен обсуждать со своим родственником в их личной переписке. В письме от 15 марта 1911 г. король выразил уверенность в том, что правительство Николая II «...будет получать информацию... о любых обсуждениях, которые могут происходить между Англией и Турцией или Германией в отношении Багдадской железной дороги и других важных вопросов... в Германии знают о соглашении, существующем между Англией, Россией и Францией, но ведь они пришли к нему не для того, чтобы выступить против нее, а ради мира и цивилизации...» [4, л. 38]. Георг V писал эти строки в те дни, когда назревал конфликт Германии с Францией – Второй марокканский кризис, в ходе которого Франция предложила Германии часть своих колониальных владений в Конго в обмен на отказ от притязаний на Марокко. Желая добиться большего, правительство кайзера Вильгельма 1 июля 1911 г. направило в Марокканский порт Агадир на Атлантическом побережье канонерскую лодку «Пантера», что означало военный шантаж [16, р. 287]. Британский министр финансов Д. Ллойд-Джордж прокомментировал это событие следующим образом: «... если интересы Англии окажутся затронутыми в жизненно важных сферах... тогда мир за такую цену стал бы нестерпимым унижением для столь великой страны, как наша» [13, с. 76]. Этот эпизод лишний раз подтвердил намерения Германии разрушить Антанту, что привело бы к установлению германской гегемонии в Европе. Британия предупредила Берлин, что не потерпит проникновение Германии в Марокко. Д. Ллойд-Джордж заявил, что его страна не остановится перед применением военной силы. Почувствовав поддержку союзника, Франция отказалась от уступок немцам [15, р. 189].

Другим очагом напряженности того периода являлся Балканский полуостров. В данном

вопросе Россия имела основания ожидать от Великобритании той же поддержки, что и Франция. Для Петербурга выпал шанс добиться исполнения своей давнишней мечты – свободного прохода своих военных судов через проливы Босфор и Дарданеллы (а в перспективе и контроля над ними) – в сентябре 1911 г. Италия объявила войну Османской империи, рассчитывая захватить Триполи и Киренаику. В октябре того же года российский посол в Стамбуле Н. В. Чарыков передал великому визирю Саид-паше проект соглашения между двумя империями, одним из условий которого и было согласие турецкого правительства на проход российских боевых кораблей через черноморские проливы. Однако, Саид-паша затягивал переговоры, а Франция и Англия отказались поддержать Россию. В итоге, Петербургу пришлось отозвать Н. В. Чарыкова [18, р. 54]. Следует отметить, что в дифференцированном подходе Британии к двум её союзникам нет ничего удивительного – Марокко не являлся сферой интересов Туманного Альбиона, в отличие от черноморских проливов; кроме того, в Лондоне, ещё надеялись восстановить дружественные отношения со Стамбулом. При этом Британия добилась своей цели – не позволив Германии помочь своему союзнику Османской империи, она нанесла германской политике серьезный удар [8, с. 25].

Нельзя не отметить искусство британской дипломатии. Препятствуя экспансии России, Лондон сохранял дружественные отношения с Петербургом. Георг V использовал свои возможности для укрепления российско-британского союза: в письме Николаю II от 14 февраля 1912 г. он благодарил российского самодержца и его супругу за сердечный приём, оказанный группе его подданного, побывавших в России [4, л. 39]. Родственники Николая II обзаводились друзьями на Британских островах; к примеру, зять и близкий друг императора Николая, великий князь Александр Михайлович, состоял в переписке с Г. Уайтом, виконтом Бристоль, с которым обсуждал конструирование аэропланов [5, л. 1]. Сам Николай II неоднократно беседовал с британским политиком Б. Пэйрсом, обсуждая различные вопросы [10, с. 186].

В Британии осознавали, что нельзя давать России (и Франции) серьезный повод усомниться в собственной честности. По этой причине на переговоры в Берлине в феврале 1912 г. поехал военный министр Д. Холден, а не Э. Грей – чтобы не возникло мысли о пересмотре британской политики. Т. фон Бетман Гольвег пытался использовать переговоры с Д. Холденом,

чтобы рассорить Великобританию с Россией и Францией, предложив Лондону заключить соглашение о нейтралитете в случае, если одна из договаривающимся сторон будет вовлечена в войну [14, с. 49]. Однако Британия отклонила это предложение, а в марте 1912 г. было принято решение закладывать по два новых корабля на каждый строящийся в Германии» [14, с. 50]. С этого момента, России пришлось отказаться от попыток поддерживать партнерские отношения одновременно с Британией и Германией. Началась подготовка к подписанию российско-британского военно-морского соглашения – по образцу аналогичного договора между Францией и Британией [16, р. 292].

В то же время, обстановка на Балканах накалялась. Редакция энциклопедии «Британника» признает, что Николай II «... сочувствовал поддержке, оказываемой славянам и... желал установить контроль над Турецкими проливами, но сочетал... экспансионистские планы с... желанием сохранить мир между великими державами» [17, р. 70]. Однако, фактически, внешнюю политику России определял С. Д. Сазонов. Хотя он и являлся сторонником тесного сотрудничества с Великобританией, он не менее был убежден в том, что Россия должна укреплять свое влияние на Балканах. По инициативе С. Д. Сазонова Болгария и Сербия подписали договор, вскоре дополненный соглашением с Грецией и Черногорией. В созданном Балканском блоке российский министр иностранных дел видел противовес Османской империи [19, р. 207].

Осенью 1912 г. С. Д. Сазонов посетил Лондон. Он доставил королю Британии письмо Николая II, в котором, в частности, говорилось: «... Не могу отпустить господина Сазонова в Англию, не написав тебе несколько строк... Он прямодушный и честный человек и я ... его ценю» [19, р. 275]. 23 сентября 1912 г. в замке Балморал состоялась беседа Сазонова с Георгом V и Э. Греем, во время которой обсуждались дела в Персии, а Грей (устно) заверил Сазонова в том, что Великобритания всегда готова исполнить свой долг перед союзниками. Георг V сообщил своей матери, вдовствующей королеве Александре: «...они оба (Сазонов и Грей) ... делают всё возможное и невозможное. Этот визит... многое сделал для устранения недоразумений» [19, р. 276]. Николаю II британский король написал: «согласен с тем, что господин Сазонов честен и прям, и я уверен, что он счел сэра... Грея таким же ...» [4, л. 41–42]. Далее, казалось, Георг V перешел к частным вопросам – рассказал о жизни в Лондоне великого князя Михаила Михайловича [4,

л. 42–43]. Однако затем король затронул щекотливую тему: «...Балканские государства, Греция и Турция мобилизовали свои армии, что... вызывает... тревогу; если... разразится война, я уверен, что Державы... продолжат в том же духе, чтобы локализовать ее, ведь если они потерпят неудачу, то... разразится катастрофа» [4, л. 43–44]. В этих строках сквозил упрек России, стремившейся к господству на Балканах. Г. Николсон, биограф Георга V, в своей книге о короле, утверждает: «...Сазонов, при всей его честности, не сообщил сэру... Грея о секретном пакте, заключённом с согласия России, между Сербией, Болгарией и Грецией» [19, р. 277]. Таким образом, следует признать, что и российское руководство, укрепляя союз с Лондоном, не всегда демонстрировало свои истинные намерения.

9 октября 1912 г. Черногория, объявив войну Османской империи, начала первую Балканскую войну. Через несколько дней к Черногории присоединились Болгария, Сербия и Греция. Турецкие войска быстро потерпели поражение. 28 ноября 1912 г. Болгария, Сербия и Черногория подписали перемирие с Османской империей. В Лондоне состоялись переговоры о мире. В это же время, во время беседы с послом Австро-Венгрии, Георг V убеждал дипломата просить его правительство не предпринимать шагов, способных вызвать возмущение российских властей [19, р. 277]. Лондонская конференция, проходившая под председательством Э. Грея, завершилась лишь 30 мая 1913 г. – мирным договором Османской империи с Грецией, Сербией, Черногорией и Болгарией. Одним из решений конференции стало создание автономной Албании – с целью лишения союзной России Сербии выхода к Адриатическому морю [18, р. 124]. Еще во время работы конференции брат Вильгельма II принц Генрих Прусский нанес визит Георгу V. 8 декабря 1912 г. король написал Э. Грей «... Он спросил меня открытым текстом, не окажет ли Англия, в случае объявления Германией и Австрией войны России и Франции, помощь двум последним. Я ответил: «Да, несомненно. Да – в случае определенных обстоятельств» [19, р. 278]. Чуть позже, в разговоре с графом Р. Менсдорфом, король сообщил, что прямо заявил принцу Генриху: Лондон не может допустить ослабления ни Франции, ни России. 9 декабря 1912 г. Э. Грей, в своем письме королю, согласился с ним в том, что в случае агрессии Австро-Венгрии против Сербии и России или Германии против Франции Британия вынуждена вступить в войну для защиты собственной безопасности [19, р. 279].

29 декабря 1912 г. Георг V написал Николаю II: «...Продолжаю думать, что великие державы продолжат... совместную работу и... сумеют обеспечить мир...» [4, л. 47]. Попытка Берлина внести раскол в ряды Антанты потерпела очередную неудачу. Вильгельм II, сказавший ещё в феврале 1912 г. адмиралу А. фон Тирпицу: «В борьбе за существование в Европе, которую будут вести германцы (Германия, Австрия) против романцев (галлов) и поддерживающих их славян (Россия), англосаксы станут на сторону славян», оказался прав [14, с. 31]. 29 июня 1913 г. началась вторая Балканская война, в которой недавние союзники делили отобранные в Османской империи территории. Война закончилась 30 июля, а 10 августа в Бухаресте был подписан мир. Германии и Австро-Венгрии удалось развалить Балканский блок, сохранить который стремилась Россия [8, с. 237]. Германия постепенно усиливала свое влияние в Османской империи, где традиционно были сильны позиции Британии. Это объяснялось тем, что российско-британское соглашение напугало не только Германию. В Стамбуле предвидели всплеск российской активности на Балканах, против которой Османская империя больше не могла полагаться на поддержку Британии [14, с. 54]. В России уступчивость правительства вызвала недовольство, выразившееся, например, в статье П. Н. Милюкова «Балканская война и Гаагская конференция» [3, л. 1].

Еще одним пунктом противоречий в отношениях России и Великобритании с Османской империей по-прежнему являлся «армянский вопрос». С. Д. Сазонов, желая оказать армянским подданным султана, тяготевшим к России, в мае 1913 г. поручил послу России в Берлине С. Н. Свербееву «...предупредить германское правительство о нашем решении объединить обе группы великих держав в... усилия добиться улучшения положения армянского населения Оттоманской империи путем справедливых реформ... Французское и британское правительства отозвались сочувственно на наше предложение и дали своим представителям в Константинополе соответствующие инструкции...» [11, с. 154–155]. Далее С. Д. Сазонов констатировал: «Невозможность согласовать точку зрения русского проекта, поддерживаемую Францией и Англией, с требованиями Германии и ее союзницы Австро-Венгрии... свела дальнейшие заседания комиссии к одним словопрениям» [11, с. 159]. Лишь в начале 1914 г. было подписано российско-турецкое соглашение, несколько облегчившее положение армянского населения

в Османской империи [11, с. 159]. Отношения между Россией и ее союзниками и Германией становились все более напряженными, хотя внешне все выглядело благополучно – так, в июне 1913 г. в России с почетом встречали принцессу Ирэн Прусскую сестру императрицы Александры Федоровны (и двоюродную сестру Георга V) [4, л. 47].

Все более обострялась обстановка на Балканском полуострове, где Германия оказывала поддержку конкурентам России – Австро-Венгрии и Османской империи. По этой причине страны Тройственного согласия придавали все большее значение укреплению своей обороноспособности и более тесному сотрудничеству в военной сфере [12, с. 67].

В Лондоне и Париже осознавали, что неудача России на Балканах серьезно ослабит её и резко ослабит возможности Британии и Франции противостоять германской агрессии [16, р. 168].

В конце 1913 – начале 1914 гг., по инициативе французского правительства, прошли российско-британские переговоры о заключении секретной военно-морской конвенции. Британская сторона, четко осознавая слабость российского флота, требовала больших уступок, российская сторона не соглашалась. Несмотря на то, что обе державы были заинтересованы в скорейшем заключении конвенции, она так и не была подписана до самого начала войны [14, с. 55]. Более того, британская дипломатия скрывала свои цели. Лондон либо вел переговоры с Берлином, либо занимал нейтральную позицию по ряду второстепенных аспектов, таких, как, к примеру, вложение средств в строительство Багдадской дороги; перспективы развития португальских колоний; определение границ Албанского государства и т.д. [14, с. 55].

Тем не менее, общественное мнение России в целом относилось дружелюбно по отношению к Туманному Альбиону; на достижения Великобритании в области экономики и техники, равнялись, как на эталон. Как указывает в своей работе «Великая княгиня Елизавета Федоровна» чешский исследователь В. Маерова, «...петербургские мечтатели строили планы метрополитена по образцу лондонского» [9, с. 282]. Георг V поддерживал дружеские отношения не только с Николаем II, но и с его родственниками. Так, в конце декабря 1913 г. он поздравил свою кузину, великую княгиню Ксению Александровну, сестру императора Николая, с обручением ее дочери Ирины с князем Ф. Юсуповым [4, л. 48].

16 июня 1914 г. король писал Николаю II «Мой дорогой Ники! Ты, должно быть, вспом-

нить о тех полезных беседах, которые мы проводили в прошлом году в Берлине, когда мы оба признали великую важность сохранения наиболее дружественных отношений между нашими двумя странами для защиты мира в Европе. Признаюсь, в том момент, когда я пишу это письмо, я встревожен... это касается неудовлетворительного состояния наших отношений в Персии. Я уверен, ты согласишься со мной в моем самом искреннем желании, чтобы наши два правительства работали совместно в оказании помощи персидскому правительству в проведении его внутренней политики...» [4, л. 48]. Далее британский монарх выразил надежду, что дружеское расположение к России сохранится в британском общественном мнении. Король также заметил: «...Я знаю, мой дорогой Ники, что могу положиться на тебя, моего друга на протяжении многих лет, в том, что ты сделаешь все, от тебя зависящее для устранения любых недоразумений, которые сейчас существуют между нашими двумя странами из-за отношений в Персии» [4, л. 49].

В 1910 – первой половине 1914 гг., т.е., накануне Первой мировой войны, Российская и Британская империи, несмотря на ряд противоречий, улучшили свои взаимоотношения. Данный факт был обусловлен несколькими причинами, но главной из них было стремительное возвышение кайзеровской Германии, грозившей превратиться в абсолютного экономического, политического и военного гегемона на европейском континенте, что в первую очередь, было невыгодно Туманному Альбиону, однако вызывало тревогу и в Петербурге. Британской дипломатии пришлось прибегнуть к знаменитой формуле Г. Пальмерстона о «постоянных национальных интересах» и вступить в союз со вчерашним заклятым врагом, выиграв тяжелейшую дипломатическую борьбу с Германией за влияние в России. Для этого были использованы все средства – экономические, политические факторы; родственные связи: не игравшему значительной роли в политической жизни королю Георгу V невольно пришлось поучаствовать во внешнеполитических акциях своей страны.

Нельзя отрицать тот факт, что союз России и Британии принес куда больше выгоды последней. Причиной этому послужила не только определенная политическая близорукость Николая II и тогдашнего главы российского внешнеполитического ведомства С. Д. Сазонова, но и то, что Россия, в конце XIX в. вступившая в антигерманский союз с Францией, неминуемо становилась союзницей Британии. В то

же время, следует отметить, что и Николай II и С. Д. Сазонов (который считался и в Лондоне, и в Петербурге убежденным англофилом), не собирались, по-крайней мере, осознанно,

уступать Лондону по важнейшим аспектам и стремились действовать в пользу российских национальных интересов, в особенности, в Балканском вопросе.

Источники и литература

1. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.: Международные отношения, 1991. 344 с.
2. Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Пороховой погреб Европы. М.: Вече, 416 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 579. Оп. 1. Д. 3417.
4. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1219.
5. ГАРФ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 80а.
6. ГАРФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 270.
7. ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 1279.
8. Малые войны первой половины XX века. Балканы / под ред. Лозовского Б. Н. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Terra Fantastica», 2003. 542 с.
9. Маерова В. Великая княгиня Елизавета Федоровна. Биография. М.: Захаров, 2001. 366 с.
10. Мэсси Р. Николай и Александра. М.: Наука, 1991. 410 с.
11. Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002. 368 с.
12. Трухановский В. Г. Антони Иден. Страницы английской дипломатии. 30-е – 50-е годы. М.: Международные отношения, 1974. 379 с.
13. Уткин А. И. Черчилль: победитель двух войн. Смоленск: Русич, 2003. 656 с.
14. Beil Ch. u.a. Der Erste Weltkrieg. Berlin: Berlin Verlag GmbH, 2004. 270 s.
15. Bourne K. The Foreign Policy of Victorian England. Oxford: Clarendon-Press, 1970. 531 p.
16. Chronicle of War. 1914 – to the present day / Ed. By D. Hill. New-York: Transatlantic Press, 2009. 320 p.
17. Encyclopedia Britannica. Volume 15. London: William Benton, Publisher 1987. 1192 p.
18. Gilbert M. History of The Twentieth century. New-York: Harper-Collins Publishers Inc., 2001. 783 p.
19. Nicolson H. King George the Fifth. His Life and Reign. London: Pan Books LTD, 1967. 714 p.

References

1. B'jukenen Dzh. Memuary diplomata (*Diplomat' s memoires*). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991. 344 p. (In Russian).
2. Zadohin A. G., Nizovskij A. Ju. Porohovoj pogreb Evropy (*Powder cellar of Europe*). Moscow: Veche, 416 p. (In Russian).
3. State archive of Russian Federation (GARF). F. 579. Inv. 1. D. 3417.
4. GARF. F. 601. Inv. 1. D. 1219. (In Russian).
5. GARF. F. 645. Inv. 1. D. 80a. (In Russian).
6. GARF. F. 662. Inv. 1. D. 270. (In Russian).
7. GARF. 801. Inv. 1. D. 1279. (In Russian).
8. Malye vojny pervoj poloviny XX veka. Balkany (*Minor warfare of the first half of the 20-th century. The Balkans*) / ed by Lozovskogo B.N. M.: ООО «Izdatel'stvo AST»2003. 542 p. (In Russian).
9. Maerova V. Velikaja knjaginja Elizaveta Fedorovna. Biografija (*Grand Duchess Elizabeth Fedorovna. Biography*). Moscow: Zaharov, 2001. 366 p. (In Russian).
10. Mjessi R. Nikolaj i Aleksandra (*Nicholas and Alexandra*). Moscow: Nauka, 1991. 410 p. (In Russian).
11. Sazonov S. D. Vospominanija (*Memoires*). Minsk: Harvest, 2002. 368 p. (In Russian).
12. Truhanovskij V. G. Antoni Iden. Stranicy anglijskoj diplomatii. 30-e – 50-e gody (*Anthony Eden. Aspects of biography. 30–50-s of the 20-th century*). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1974. 379 p. (In Russian).
13. Utkin A. I. Cherrhill': pobeditel' dvuh vojn (*Churchill: the victor of two wars*). Smolensk: Rusich, 2003. 656 p. (In Russian).
14. Beil Ch. u.a. Der Erste Weltkrieg. Berlin: Berlin Verlag GmbH, 2004. 270 S.
15. Bourne K. The Foreign Policy of Victorian England. Oxford: Clarendon-Press, 1970. 531 p.
16. Chronicle of War. 1914 – to the present day / ed. By D. Hill. New-York: Transatlantic Press, 2009. 320 p.
17. Encyclopedia Britannica. Volume 15. London: William Benton, Publisher 1987. 1192 p.
18. Gilbert M. History of The Twentieth century. New-York: Harper-Collins Publishers Inc., 2001. 783 p.
19. Nicolson H. King George the Fifth. His Life and Reign. London: Pan Books LTD, 1967. 714 p.

УДК 94(470.6).083

М. Е. Колесникова, С. И. Маловичко

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XIX – НАЧАЛА XX вв.: НАЧАЛО НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РЕГИОНА (ЧАСТЬ 2)

В серии статей изучается проблема функционирования разных форм исторического знания в межкультурном пространстве Северного Кавказа XIX – начала XX вв. Во второй статье обращено внимание на становление научной модели изучения истории Северного Кавказа, что было связано с деятельностью Санкт-Петербургской Академии наук, которая организовала комплексные экспедиции, начиная со второй половины XVIII в. и в начале XIX в. В ходе академических экспедиций шло накопление фонда знаний по различным вопросам истории и культуры народов Северного Кавказа, определялась проблематика кавказоведения. Главными центрами по изучению региона стали столичные научные общества России, такие как Императорское Русское Географическое общество, Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Императорское Московское археологическое общество, Императорская Археологическая комиссия. Их исследовательские программы по изучению истории, археологии и

этнографии Северного Кавказа, а также методы работы способствовали оживлению научного интереса к историческому прошлому края, консолидации местных исследовательских сил и развитию северокавказской историографической традиции. Ключевую роль в развитии исторических исследований на Северном Кавказе сыграл V (Тифлисский) Археологический съезд (1881 г.), положивший начало систематическому изучению региона силами провинциальных исследователей, наметивший задачи и перспективы развития кавказоведения вплоть до наших дней. Делается вывод, что характер взаимодействия столичных и провинциальных научных учреждений и обществ, специфика деятельности отдельных регионоведов повлияли на процесс становления научной традиции изучения истории Северного Кавказа.

Ключевые слова: историческое знание, научная модель истории, Санкт-Петербургская Академия наук Императорская Археологическая комиссия, научное общество.

M. E. Kolesnikova, S. I. Malovichko

HISTORICAL KNOWLEDGE IN THE INTERCULTURAL SPACE OF THE NORTH CAUCASUS IN XIX – EARLY XX CENTURIES: THE BEGINNING OF THE RESEARCH IN THE HISTORY OF THE REGION (PART 2)

A series of articles deals with various forms of historical knowledge in the intercultural space of the North Caucasus in the XIX – early XX centuries. Article 2 features formation of an academic model of research in the history of the region. It was due to the activities of St. Petersburg Academy of science, which was arranging expeditions from the mid – XIX to the early XX centuries. The expeditions accumulated bulk of knowledge about the history and culture of local peoples. The main centers for regional studies were located in Russian capitals: Imperial Russian Geographic Society, Imperial Society of Devotees of Science, Anthropology and Ethnography, Imperial Moscow Archaeological Society and Imperial Archaeological Commission. Their research programs on history, archaeology and ethnography of the North Caucasus as well as the research meth-

ods prompted the revival of academic studies of the historic heritage of the region, consolidation of local researchers' efforts and development of the regional Historiographical traditions. The V (Tiflis) Archaeological congress (1881) became the starting point to systematic studies of the region by local researchers. The congress also defined objectives and directions of development of region studies, which are valid up to the present time. To conclude, the interaction of metropolitan and local academic institutions, societies and particular researchers determined the process of formation of the academic tradition of the North Caucasus historical studies.

Key words: historical knowledge, academic model of history, St. Petersburg Academy of science, Imperial Archaeological Commission, academic society.

В XIX – начале XX вв. в межкультурном пространстве Северного Кавказа происходят процессы трансформации и смены форм исторического знания. В первую очередь эти изменения касаются функционирования исторического знания в культурных пространствах северокавказских народов. По сути, в этих пространствах заметны три обуславливающих друг друга процесса: утрата традиционной устной формы поддержания исторической памяти, синтез исламской и европейской моделей историописания и переход от практики устной истории к европейской классической модели исторической науки. Во второй статье мы подробно остановимся на практике становления и развития научного изучения Северного Кавказа, анализе пришедшей на Северный Кавказ европейско-русской практики истории, разрыве и трансформации практик использования истории в местном и российском социокультурных пространствах Северного Кавказа. Сразу хотим пояснить два важных момента присутствующих в исследовании: 1) слово «разрыв» и «трансформация», являются рабочими понятиями, они не в полной мере соответствуют всем рассматриваемым в статье явлениям, связанным с функционированием исторического знания на Северном Кавказе; 2) наш анализ истории научного изучения региона будет касаться пространств Западного и Центрального Предкавказья.

Изучение региона в XIX – начале XX вв. осуществлялось в динамичных условиях, связанных с процессами колонизации и освоения северокавказских территорий различными способами, в уникальной геополитической ситуации и природно-климатической среде. Удаленность его от столичных научных центров, приоритетное влияние на познавательный процесс академической гуманитарной науки определили специфику функционирования разных форм исторического знания и зарождения местной историографической традиции. Последняя, прошла путь от накопления сведений о народах Северного Кавказа и проведения первых научных исследований региона в ходе комплексных академических экспедиций и военных экспедиций до создания местного научного общества и региональных научных структур, объединивших усилия со столичным академическим научным сообществом по формированию целого пласта исторических сочинений и изданий. При этом доминирующую роль в изучении региона играло «правительственное» направление, что было обусловлено официальной политикой вовлечения Северного Кавказа в российскую импер-

скую систему в рассматриваемый исторический период, вследствие чего приоритеты научных исследований определялись государственными интересами.

Во второй статье мы последовательно рассмотрим вопросы: 1) становление научной практики изучения прошлого Северного Кавказа: деятельность Санкт-Петербургской Академии наук; 2) научно-исследовательскую деятельность столичных научных учреждений и обществ по изучению Северного Кавказа.

Нам представляется, что в качестве удобной материализованной метафоры встречи представителя столичного научного учреждения и северокавказской традиции можно привести скульптурную композицию «Этнограф М. М. Ковалевский и таубий Исмаил Урусбиев», выполненную карачаевским скульптором Х. Крымшамхаловым в 1976 г. Композиция запечатлела рабочий момент сбора полевого материала: с одной стороны, – в традиционном кавказском костюме знаток карачаево-балкарских сказаний таубий (князь) И. Урусбиев (1831–1888), с другой стороны, – в европейском костюме известный российский ученый, профессор Московского университета М. М. Ковалевский (1851–1916), делающий запись в блокноте. Здесь традиция (обычай) противопоставлена прогрессу (науке). Этой скульптурной композицией скульптор передал сформированное в тот период системой образования и возвращенное эпохой модерна убеждение в неизбежности победы прогресса над устаревающей традицией. Конечно, такое убеждение было пропитано идеологией сциентизма, предполагающей победу научного знания над «ненаукой».

Становление научной практики изучения прошлого Северного Кавказа: деятельность Санкт-Петербургской Академии наук

Начало научного изучения региона связано с деятельностью Санкт-Петербургской Академии наук, которая с конца XVIII в. организовывала комплексные экспедиции, в ходе которых шло накопление фонда знаний по различным вопросам истории и культуры народов Северного Кавказа, определялась проблематика кавказоведения. Перед учеными была поставлена задача – связать изучение края с потребностями его дальнейшего развития, дать практические рекомендации по использованию его ресурсов. Задачи академических экспедиций, снаряжавшихся на Северный Кавказ, были обширными и охватывали разносторонний спектр исследований, начиная от «естественно-исторических и физико-географических наблюдений» и заканчивая изучением истории,

обычаев и нравов местных жителей, обследованием археологических памятников. Деятельность «академических экспедиций» в области исторических исследований развивалась по двум направлениям: научно-поисковому (сбор исторических источников) и научно-исследовательскому (написание обобщающих трудов). Особенностью их было повышенное внимание к сбору «фактических сведений» (исторических источников) о различных сторонах жизни и деятельности народов, населяющих регион, об этнических процессах, о значимости природно-географического фактора в жизни местного населения. Уже тогда четко наметился постепенный переход от констатации какого-либо факта к наблюдениям, выявлению взаимосвязи различных процессов, установлению причинно-следственных связей. Все это было связано с качественно новым этапом в становлении вспомогательных и специальных исторических дисциплин, прежде всего источниковедения. Источниковедческие изыскания стали важной частью классической европейской исторической науки. Вырабатывались и первые теоретические представления об историческом источнике, составлялись их списки, закладывались основы археографии.

Среди участников экспедиций было достаточно много иностранцев, принявших русское подданство, находящихся на русской службе и производивших исследования на средства российского правительства по специально разработанным программам. Это и И.-А. Гильденштедт, возглавивший экспедицию на Северный Кавказ и в Грузию, С.-Г. Гмелин – на Северный Кавказ, в Дагестан и Азербайджан, И. П. Фальк – в Восточное Предкавказье, П.-С. Паллас – на Северный Кавказ. Они собрали богатый материал, который лег в основу капитальных трудов об истории и культуре народов Кавказа.

В 1807–1808 гг., на Северном Кавказе работала последняя «академическая экспедиция», которую возглавлял немецкий лингвист-ориенталист академик Генрих-Юлиус Клапрот (1783–1835). Целью экспедиции было проведение историко-лингвистических и этнографических исследований на Северном Кавказе и в Грузии, общее ознакомление со вновь приобретенными территориями. Программа была разработана при участии Я. Потоцкого, академиков А. Х. Лерберга и Ф. И. Круга. В предисловии к первому изданию своего «Описания» Клапрот отметил маршрут экспедиции: «В ноябре того же года [1807] я продолжил свой путь на юг через Донскую степь в Георгиевск, столицу Кавказской провинции, где добыл сведения,

касающиеся черкесов и племен, проживающих на другой стороне Кубани. Я исследовал руины Маджара на Куме, минеральные источники первых Кавказских гор и Бештау; посетил английскую миссионерскую колонию на этой горе и собрал языковые образцы и древности этих краев... В Моздоке я добыл наилучшие сведения касательно осетин и кистов, частью от самих местных жителей и частью с помощью любезного вмешательства иезуитов, имеющих здесь дом и отправляющих службу в католической церкви. Из Моздока мой путь лежал через Малую Кабарду во Владикавказ, что на Тереке, а оттуда вдоль обоих берегов этой реки через узкую долину, по которой она течет и которая некогда была заперта знаменитыми Кавказскими Вратами. Я покинул Терек у осетинского села Коби и 26 декабря пересек покрытую снегом горную цепь под названием Гуд, или Крестовая гора...» [27, с. 5]. В 1807 г. Клапрот побывал в Ставрополе и Георгиевске, посетил район Пятигорья, осмотрел развалины Маджар и через Владикавказ отбыл в Тифлис. Из Тифлиса летом 1808 г. он вновь отправился на Северный Кавказ и посетил Малую и Большую Кабарду, проехал вдоль Кавказской укрепленной линии до устья Лабы, затем через Ставрополь вернулся в Санкт-Петербург.

Экспедиция собрала богатый этнографический, нумизматический и лингвистический материал. Клапрот выполнил первое подробное описание «племенного состава населения» Северного Кавказа, социально-политического строя, нравов, обычаев горских народов (адыгейских племен, абазин, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, ингушей, осетин). Имея общелингвистическую подготовку, владея рядом восточных языков, Клапрот уточнил лингвистическую классификацию народов Северного Кавказа. Путевые дневники и записи Клапрота легли в основу его научных работ о Кавказе и Грузии, в которых он описал свое путешествие. Двухтомный труд о Кавказе и Грузии, изданный Клапротом первоначально на немецком языке в Галле и Берлине в 1812 г., стал важным источником по истории и этнографии народов Северного Кавказа. Большое внимание в своем труде Клапрот уделил христианским древностям, впервые отнеся верхнекубанские храмы к числу аланских памятников. Шестая глава «Описание» Клапрота посвящена древнему Маджару. Он дает подробное описание местонахождения археологического памятника, приводит сведения И. Г. Гербера, С.-Г. Гмелина, П.-С. Палласа, И.-А. Гюльденштедта и Я. Рейнегса о нем, фиксирует особенности погребального обряда, публикует надписи с мусульманских надгробий,

первым в историографии привлекает местную устную традицию в качестве исторического источника, обратив внимание на происхождение названия города и на рассказы балкарцев, в которых утверждалось, что их предки пришли из Маджара. Как отметил Л. И. Лавров, начиная с экспедиции Клапрота гуманитарное направление в кавказоведении «завоевало право на самостоятельное существование» [28, с. 7]. Вместе с тем, естественно-научные экспедиции И. Ф. Паррота и М. Ф. Энгельгарда на Северный Кавказ и в Закавказье (1811–1815), Э. И. Эйхвальда в Закавказье и Дагестан (1826–1827), А. Д. Нордмана в Западную Грузию и Абхазию (1835) попутно продолжали собирать материалы по истории, этнографии и археологии. Так, например, в изданном в 1838 г. в «Библиотеке для чтения» «Путешествии профессора Эйхвальда по Каспийскому морю и по Кавказскому краю» содержится различного рода историческая, этнографическая и археологическая информация.

Академические труды по истории и культуре народов Северного Кавказа оказали непосредственное влияние на исторические сочинения, которые, как и различного рода описания, докладные записки и путевые заметки того времени, принадлежали непосредственным участникам и наблюдателям исторических событий (преимущественно офицерам и чиновникам) и в большинстве своем имели военно-стратегический характер и были выполнены в форме военно-топографических, военно-статистических, статистико-географических и историко-географических описаний. Среди них работы П. Г. Буткова, С. М. Броневского, И. Ф. Бларамберга, И. Д. Дебу, И. Шаховского, Г. Новицкого, П. Зубова, Н. Н. Забудского, Н. Ф. Дубровина, А. Л. Зиссермана, П. П. Короленко, И. С. Кравцова, И. Д. Попко, В. А. Потто, Д. Романовского, К. Ф. Сталя, В. Г. Толстова, Р. А. Фадеева, Е. Д. Фелицына, Ф. А. Щербины, С. Эсадзе, А. Юрова и др. Определенную роль в изучении региона сыграли военные научные экспедиции (например, генерала Емануеля в 1829 г. на Эльбрус и в Верхнее Прикубанье) и миссии, которые являлись своеобразным интеграционным механизмом в культурной сфере. Из среды военных вышли многие северокавказские интеллектуалы и общественные деятели: Ш. Б. Ногмов, Хан-Гирей, Казы-Гирей, М. Кодзов, Б. Айдемиров, С.-Б. Абаев и др.

Научно-исследовательская деятельность столичных научных учреждений и обществ по изучению Северного Кавказа

Во второй половине XIX – начале XX в. главными центрами по изучению региона стали на-

учные общества России, такие как Императорское Русское Географическое общество (с 1845 г.) и его Кавказское отделение (с 1850 г.), Императорское Русское Археологическое общество (с 1846 г.), Императорская Археологическая комиссия (с 1859 г.), Общество любителей естествознания (с 1863 г.), Императорское Московское археологическое общество (с 1864 г.), Русское историческое общество (с 1866 г.) и др. Все они сыграли значительную роль в развитии отечественного кавказоведения. Их деятельность нашла поддержку среди местной администрации, оказавшей финансовую помощь в изучении края, местной интеллигенции и военных, которых активно вовлекали в исторические, археологические и этнографические исследования. Их исследовательские программы по изучению истории, археологии и этнографии Северного Кавказа, а также методы работы способствовали оживлению научного интереса к историческому прошлому края, консолидации местных исследовательских сил. В этот период уже не проводились комплексные экспедиции, что было связано с изменением исследовательских задач. Потерял свое значение энциклопедический подход к изучению древностей. Изменилась в целом и общественно-политическая ситуация на Северном Кавказе. Теперь актуальной была культурно-просветительская политика российского правительства, направленная на мирное решение имевшихся в регионе проблем. По-прежнему важной была задача изучения истории, археологии и этнографии северокавказских народов. Все это должно было сделать северокавказское пространство понятным для включения в общероссийский исторический процесс.

История этнографического изучения народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. связана с деятельностью Императорского Русского Географического общества (РГО) и его Кавказского отделения, которое сыграло определенную роль в формировании научно-исторических взглядов и интересов провинциальной интеллигенции. Этнографические экспедиции Кавказского отделения РГО вовлекали в занятия по изучению истории и этнографии народов региона многих оказавшихся на Северном Кавказе российских военных, чиновников и учителей с университетским образованием. Так, в середине XIX в. сбором этнографических сведений о черкесах занимался член общества Л. Я. Люлье [29]. Большое внимание он уделял изучению устной традиции, благодаря которой, как он считал, память о предках не останется «в забвении». Среди первых 16 членов-осно-

вателей Кавказского отдела РГО был и известный лингвист и педагог, просветитель народов Кавказа П. К. Услар. Его исследовательская деятельность, научное изучение языков северокавказских народов, создание алфавитов для кабардинцев, адыгов, чеченцев, дагестанцев и других народов, труды «Древнейшие сказания о Кавказе», «О распространении грамотности между горцами» и др. открыли для науки новый лингвистический мир горских народов [44; 45]. В основу этнографических занятий им был положен научный подход.

Практика этнографических и статистических описаний территорий, ставшая распространенной с 80-х гг. XIX в., продолжила традицию «военно-разведывательного» описания племен и местностей Кавказа. Обществом были разработаны и разосланы специальные вопросники, ответы на которые давали разностороннюю информацию по истории и этнографии различных местностей. Частично она публиковалась в ученых записках общества и на страницах созданного научно-популярного этнографического журнала «Живая старина». Значительное количество этнографических описаний отложилось в научном архиве РГО [25]. При Кавказском отделе РГО был создан музей, которым с 1851 по 1863 гг. заведовал Ф. С. Байерн [2]. Отличительной чертой развития этнографии в этот период было сближение ее с историей, археологией, антропологией, что заметно в трудах этнографов-любителей, публиковавшихся в изданиях общества: «Записках Императорского Русского Географического общества» (СПб.), «Известиях Русского Географического общества» (СПб.), «Записках Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества (с 1852 г., Тифлис), «Известиях Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества» (с 1870 г., Тифлис).

В ответ на распространяемые обществом анкеты, вопросники и программы через губернские и областные статистические комитеты и административные власти в губерниях и областях собирались сведения о памятниках старины Северного Кавказа. Так, в 1886 г. сведения о раскопках в горной Чечне и Западном Дагестане по поручению Кавказского отдела РГО подготовил и представил К. Н. Россиков [6, с. 34–41]. Традиция работы с провинциальными корреспондентами и публикации их материалов проявлялась в деятельности Русского Географического общества на протяжении всего дореволюционного периода.

Большое значение для развития археологических и этнографических исследований в ре-

гионе сыграло созданное в 1863 г. Общество любителей естествознания при физико-математическом факультете Московского университета. В 1867 г. общество организовало Всероссийскую Этнографическую выставку, подготовка к которой активизировала работу по историческому и археологическому исследованию областей Кавказа. В этом же году при обществе был учрежден Этнографический отдел, инициатором создания которого выступил известный историк-славист, профессор Н. А. Попов. В отделе в разные годы работали известные историки С. М. Соловьев, Д. Н. Анучин, Ф. И. Буслаев, Е. В. Барсов; знаменитые востоковеды Ф. Е. Корш, М. В. Никольский, В. М. Михайловский, Д. И. Иловайский, А. Е. Крымский; кавказоведы Г. А. Халатьянц, Л. З. Мсерианц, Л. И. Назарьян, В. М. Папазян (исследователи армянской истории и культуры), А. С. Хаханов (Хаханашвили), Н. Л. Абазадзе (исследователи грузинской истории и культуры), М. И. Ткешелов (занимался изучением истории тюрок Азербайджана), И. Т. Собиев (изучал осетинскую историю и культуру), Н. Н. Харузин (занимался изучением истории чеченцев и ингушей), Б. В. Миллер (исследовал традиционную культуру татов и карачаевцев); филологи А. А. Шахматов, П. В. Шейн, В. Н. Добровольский, А. В. Марков; юристы, занимавшиеся изучением народного права – М. М. Ковалевский, С. А. Муромец, М. Н. Харузин. Этнографический отдел устраивал и «ученые экскурсии» своих членов в разные области Кавказа с целью изучения археологии, истории, религии, юридических обычаев в среде непосредственного бытования их носителей, демонстрируя на практике исследовательский прием – метод включенного наблюдения. Так, например, в Тифлисской и Кутаисской губерниях в 1895–1896, 1898–1899, 1901, 1902, 1908 гг. работал известный исследователь грузинской истории, культуры А. С. Хаханов. В 1899–1902 гг. в Карачае работал В. Ф. Миллер, собирал материалы по этнографии карачаевцев. В 1879 г. обществом была организована Антропологическая выставка, продемонстрировавшая современное состояние археологических и исторических исследований в России. На ней впервые были представлены древности Кавказа, собранные местным знатоком древностей, археологом-любителем Е. Д. Фелицыным.

В 1881 г. председателем Этнографического отдела был избран В. Ф. Миллер, с именем которого связано развитие кавказоведения второй половины XIX в. Его труды относятся к разным областям кавказоведения: истории,

этнографии, лингвистике, археологии, фольклористике, эпиграфике. Кавказовед, филолог, фольклорист, языковед, этнограф и археолог, он был одним из организаторов науки и востоковедного образования в России. С 1875 г. В. Ф. Миллер являлся также действительным членом Императорского Московского археологического общества, основателем и председателем его Восточной комиссии (с 1897 по 1911 гг.). Работа его в двух этих столичных научных обществах была связана с кавказской тематикой. В Этнографическом отделе В. Ф. Миллер занимался изучением устной традиции северокавказских народов, а в Восточной комиссии – кавказоведческими исследованиями. Он выступил организатором и координатором работы столичных и провинциальных исследователей (в т.ч. и представителей северокавказских народов) по изучению истории, археологии, языка, верований и устной традиции народов Северного Кавказа, тем самым определив на перспективу тематику и направления исследований в регионе.

Важное значение уделялось организации этнографических исследований на местах и изданию их результатов. Исследования осуществлялись по специальным программам. Так, например, в 1880 г. Управление Кавказского учебного округа в г. Тифлисе разработало специальную «Программу для собирания сведений о разных местностях Кавказа и племенах, населяющих оные» [37]. Основное внимание в ней уделялось сбору этнографических данных, сведений о различных сторонах духовной жизни народа, фиксации устной традиции. «Программа» была разослана во все учебные заведения вместе с «Циркулярным предложением Попечителя Кавказского учебного округа». Циркуляр предписывал организовать работу учителей и их воспитанников по сбору сведений, касающихся истории, религии, языка и культуры разных народов Кавказа [30]. Все собранные учителями материалы отправлялись в Этнографический отдел общества. В 1882 г. на страницах «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» была опубликована новая редакция «Программы», дополненная и ориентированная на изучение поверий, суеверных обычаев и обрядов кавказских народов. Автором ее был известный собиратель и исследователь фольклора России Г. Н. Потанин [36]. В 1889 г. Этнографический отдел разослал для работы на местах «Программу для собирания этнографических сведений», составленную Н. А. Янчуком [39], и «Программу для собирания сведений об юри-

дических обычаях», подготовленную М. Н. Харузиным [38]. Написанные доступным языком, с четко определенными целями и задачами, «Программы» успешно реализовывались энтузиастами, историками-любителями, учителями и служащими на местах.

С 1889 г. стал выходить журнал «Этнографическое обозрение» – периодическое издание Этнографического отдела общества – первый специализированный этнографический журнал в России. На его страницах печатались историко-этнографические очерки, посвященные осетинам и ингушам, народам Дагестана, обычаям и обрядам, устной традиции, народной музыке северокавказских народов.

Середина и вторая половина XIX в. связаны и с периодом становления системы ведущих археологических учреждений страны. На повестку дня выдвигалась систематизация материалов по формирующимся разделам археологии. Изменилось и представление исследователей об археологических источниках. Большое внимание уделяли не отдельным археологическим находкам, а «совокупности признаков» (археологическому комплексу). Систематическое археологическое обследование Северного Кавказа во второй половине XIX в. осуществляла Императорская Археологическая комиссия (ИАК), совмещавшая в себе научно-исследовательские, охранные и реставрационные функции.

В деятельности ИАК по изучению различных районов Кавказа и Предкавказья современные исследователи выделяют несколько этапов [26, с. 780]. Первый этап – 1859–1874 гг. – время, когда археологические исследования проводились только силами самих членов комиссии и преимущественно в двух регионах: на Таманском полуострове и в области войска Донского, изучались античные и скифские древности. На втором этапе – 1875–1885 гг. – активизируется деятельность комиссии в регионе в силу стабилизации политической обстановки, расширяется география археологических исследований, усиливается интерес к местным древностям. На этот период приходится и время работы в регионе Московского археологического общества (МАО), проведение V Археологического съезда в Тифлисе. Третий этап – 1886–1914 гг. – связан с новыми подходами в деятельности ИАК, систематическим археологическим изучением региона по специально разработанным программам. В поле зрения ученых попадает весь Кавказ, исследуются памятники большого хронологического и культурного диапазона, от каменного века до средневековья. На этом

этапе в изучение археологических памятников Северного Кавказа включаются местные исследователи.

Время работы комиссии на Кавказе совпало с рядом внешне- и внутривосточных событий, повлиявших на положение дел в регионе и ускоривших процесс его изучения. «Замирание» Кавказа способствовало введению на его территории общероссийской системы государственного управления. Согласно административно-территориальному делению в 1880-е гг. Северный Кавказ включал Кубанскую, Терскую, Дагестанскую области и Ставропольскую губернию. В рамках этих территорий и проводилась исследовательская деятельность членов комиссии А. А. Бобринского, Н. И. Веселовского, Н. П. Кондакова, Д. Я. Самоквасова, Н. Е. Макаренко, Н. Я. Марра, Э. А. Реслера и др. Так, например, «Открытый лист» в 1888 г. на проведение раскопок и обследование памятников на Кавказе был выдан А. А. Бобринскому, который представил в комиссию опись находок, найденных и купленных на Кавказе археологических предметов, рисунки находок и описание таблиц к ним [11]. В 1891 г. ему на проведение раскопок в пределах Таврической губернии, земли войска Донского, Кубанской, Терской областей было выделено 1500 руб. [15] За 1880 г. имеется донесение Н. П. Кондакова о раскопках в ст. Курчанской Кубанской области [5].

Императорская археологическая комиссия активно сотрудничала с представителями местной интеллигенции, которым выдавала «Открытые листы» на проведение археологических исследований, поддерживая данное направление в деятельности провинциальных учреждений и научных обществ. Главными критериями, которыми руководствовалась ИАК при выдаче «Открытого листа» и денежных средств на раскопки, были научное имя заявителя и его известность. Так, например, сотнику Нестерову были разрешены раскопки в пределах северной части Кубанской области 5 курганов, а Ф. Г. Николаевскому – в пределах Гостогаявской и Варениковской станиц Кубанской области при непосредственном наблюдении есаула Е. Д. Фелицына [13]. Среди тех, кому выдали «Открытые листы», были П. И. Хицунов (получил в 1869 г. на раскопки древнего городища близ ст. Елизаветовской) [1], преподаватель Владикавказского реального училища В. И. Долбежев (получил в 1886–1888, 1891, 1897 гг. на исследование старинных могильников и городищ в Терской области [7;8;9;10;12, с.1–11; 14; 17], в 1898 г. – на раскопки в районе строящейся Дербентской ветки Владикавказ-

ской железной дороги в Сунженском отделе Терской области [19], в 1902 г. – на раскопки в районе Грозненского округа Терской области [21], в 1904 г. – на раскопки в пределах Владикавказского округа Терской области) [22]. В архиве ИАК хранятся рукописи В. И. Долбежева «Археологические изыскания в Кавказских горах в 1886 г. по поручению Императорской Археологической Комиссии», «О раскопках во Владикавказском округе Терской области, в Джейраховском ущелье», «Археологические раскопки близ станции ж/д Кая-Кент Дагестанской области по поручению Императорской Археологической Комиссии», «Археологические раскопки в Малой Кабарде Терской области по поручению Императорской Археологической Комиссии». В 1896 г. раскопки на частных землях в Нальчикском округе Терской области по поручению ИАК проводил художник И. А. Владимиров. В 1898 г. он работал во Владикавказском и Нальчикском округах Терской области, в 1899 г. – в Баталпашинском отделе Кубанской области [16;18;20]. В архиве комиссии сохранились его рукописи «Раскопки на Песчанке» с планом местности, рисунками находок и могил; «Раскопки у древнего Сентинского храма» с планом местности, планами и рисунками мавзолея, старинного храма, рисунками типов могильных сооружений, планом развалин старинного храма у р. Амгаты; «Древний христианский храм близ аула Сенты Кубанской области на р. Теберде» с рисунками и описанием древнего Сентинского храма, фотографиями остатков живописи храма и находок. Часть из них была опубликована в «Известиях Императорской археологической комиссии» [23; 24].

С целью изучения и сохранения памятников древности в 1871 г. при участии Археологической комиссии в Тифлисе был образован Кавказский археологический комитет, в 1873 г. преобразованный в Тифлисское общество любителей кавказской археологии. С ноября 1872 г. стал издаваться журнал «Кавказская старина», издателем которого был известный кавказский археолог А. Д. Ерицов (Ерицян).

В целом деятельность Археологической комиссии была направлена главным образом на накопление материалов по археологии, древней истории кавказских народов и охрану памятников древности. Аналитическое осмысление добытого археологического материала происходило позже. Накопленный членами комиссии материал стал базой для создания первых схем периодизации археологических культур Северного Кавказа. В их основу были положены археологические памятники, откры-

тые членами и сотрудниками АК: Н. И. Веселовским, Д. Я. Самоквасовым, В. М. Сысоевым, В. Р. Апухтиным, В. И. Долбежковым, Е. Д. Фелицыным. Среди них Майкопский курган и гробницы у ст. Новосвободной, раскопанные Н. И. Веселовским и давшие возможность рассматривать сегодня на Северо-Западном Кавказе майкопско-новосвободненскую культурно-историческую общность. Полевые исследования Н. И. Веселовского на территории Кубанской области позволили выделить скифскую и белореченскую культуры средневековых кочевников. Изучение мегалитических памятников Е. Д. Фелицыным подготовило почву для выделения дольменной культуры Западного Кавказа. Выдающиеся советские археологи Е. И. Крупнов и В. И. Марковин при характеристике северокавказской культуры бронзового века опирались на материалы и музейные коллекции, собранные сотрудниками ИАК.

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. изучением Северного Кавказа начинает активно заниматься Московское археологическое общество (МАО), главной целью которого было объединение и сплочение местных исследователей, организация исторических, археологических и этнографических исследований в провинции. Общество активно сотрудничало с провинциальными научными обществами, которые независимо от своей специфики решали задачи изучения края. Через их деятельность МАО вовлекало в научные исследования местную интеллигенцию. Основное место в эффективной системе индивидуальной работы с провинциальными исследователями отводилось Всероссийским Археологическим съездам.

Ключевую роль в развитии исторических исследований на Северном Кавказе сыграл V (Тифлисский) Археологический съезд (1881 г.), вызвавший научный и общественный интерес к региону, положивший начало систематическому изучению края, наметивший задачи и перспективы развития кавказоведения вплоть до наших дней. Работы, выполненные в ходе подготовки к съезду и после него, стали классическими для кавказской археологии. В марте 1878 г. при МАО под председательством А. С. Уварова был образован Подготовительный комитет съезда [4]. Он состоял из наиболее авторитетных членов научных обществ Москвы и Санкт-Петербурга и осуществлял всю подготовительную работу к съезду. С деятельности этого комитета и начинается систематическое изучение древностей Кавказа, развернувшееся по трем основным направлениям: 1) организация и проведение научных экспедиций; 2) участие

представителей местной интеллигенции и местных жителей в сборе сведений о памятниках археологии и их охране; 3) обработка и издание собранного археологического материала. Впервые были проведены такие многочисленные и широкомасштабные экспедиционные работы до съезда, «давшие богатые результаты» [34, с. 17–50]. Наряду с археологическими выставками и экскурсиями предварительные экспедиционные работы стали после этого съезда составной частью программ российских Археологических съездов.

В октябре 1879 г. в Тифлисе начал работу Тифлисский предварительный комитет по подготовке к V Археологическому съезду [3]. Он был сформирован на базе Кавказского отделения РГО. Председателем комитета был избран начальник военно-народного управления генерал А. В. Комаров, секретарем стал Е. Г. Вейденбаум. В комитет вошли люди, интересующиеся историей и археологией, представители местной интеллигенции: Ф. С. Байерн, Д. З. Бакрадзе, А. П. Берже, князь С. Н. Трубецкой, князь Д. Д. Джорджадзе, А. Д. Ерицов, Ю. П. Проценко, В. Н. Вырубов и др. [34, с.53] Комитет выработал программу своей деятельности, которая в основном совпадала с предложенными отделениями на съезде и предполагала экспедиционные исследования на Северном Кавказе и в Закавказье [41]. Через обращения в средствах массовой информации комитет приглашал к участию в своих занятиях всех лиц, живущих в крае и желающих принять участие в подготовке и работе V Археологического съезда. К исследованиям привлекались члены губернских и областных северокавказских статистических комитетов и различных научных обществ. Кроме того, решено было ввести в программу занятий комитета этнографические исследования. На этом основании предлагалось собирать в ходе археологических экспедиций и специальных экскурсий образцы современной одежды, головных уборов, женских украшений, домашней утвари, музыкальных инструментов и стараться проследить остатки старины в современных нравах, обычаях, легендах, преданиях и песнях.

В организации и проведении исследований к съезду приняли деятельное участие известные ученые России: В. Б. Антонович, И. С. Поляков, Ф. С. Байерн, Д. З. Бакрадзе, А. В. Комаров, А. П. Берже, В. Л. Бернштам, И. Т. Беленький, К. И. Ольшевский, В. Ф. Миллер, И. Е. Забелин, А. Д. Ерицов, Д. Я. Самоквасов, Н. О. Эмин, И. Д. Мансветов, Г. Е. Церетели, Л. П. Загурский и др. Огромный вклад в организацию съезда внес председатель МАО граф А. С. Уваров. Он

провел на Кавказе лето и осень 1879, 1880 и 1881 гг., побывал в Кобани и Мцхете, руководил там раскопками, разрабатывал программы научных исследований и экспедиций, совершил поездку на раскопки Д. Я. Самоковасова в Пятигорск, посетил в ставропольских степях курганные экспедиции, побывал в Дагестане, Армении, Кутаиси и других местах Кавказа [31; 32; 33; 35]. В период подготовки V Археологического съезда систематические обследования археологических памятников в районе Верхне-го Прикубанья проводил Е. Д. Фелицын, несколько позже В. М. Сысоев, А. Н. Дьячков-Тарасов, Д. М. Струков, И. А. Владимиров.

Результаты подготовительных работ к V АС были опубликованы в объемистом томе «Трудов», изданном под редакцией И. Д. Мансветова в 1882 г. [42]. Особый интерес представляют разнообразные Программы исследований (Н. В. Султанова, Ю. Д. Филимонова, В. Г. Тиценгаузена, Л. К. Ивановского, Л. П. Загурского, Н. О. Эмина, В. Ф. Миллера, проф. Шуровского и А. И. Кельсиева). Этим взаимосвязанным программам и были подчинены исследования, охватившие различные разделы археологии, антропологии, лингвистики, этнографии, изучение архитектурных памятников и памятников письменности Кавказа.

Во время работ V Археологического съезда особенно ярко проявилась связь археологических и лингвистических исследований. Заслуга в этом – языковед, этнограф, археолог, профессор В. Ф. Миллера. Итогом его трудов стали известные «Осетинские этюды» (1881–1887, ч. 1–3). В них анализируется большой лингвистический, исторический и топонимический материал. Одной из задач лингвистических программ было «восстановление культуры горских народов из их языка». Именно этот методический подход стал спустя десятилетия основой «нового учения о языке» Н. Я. Марра.

Среди тем, обсуждавшихся на съезде, была и проблема создания для горских бесписьменных языков алфавитов на русской основе, обозначенная в специальном докладе Л. П. Загурского. Подобные задачи научных исследований понимались как составная процесса интеграции местных народов в имперское пространство в новых политических условиях. Л. П. Загурский, подчеркивая значение развития горской письменности и просвещения для становления на-

циональной культуры горских народов, говорил о необходимости создания сети школ для молодежи с преподаванием на родном языке: «Тогда на долю молодых людей – помощников исследователей горских языков – выпадет завидная роль быть первыми распространителями среди своих соотечественников образования, должествующего связать их тесными нравственными узами с обширным Отечеством, и сделать то, чего до сих пор не смогли сделать ни штыки, ни ссылки» [43, с. 7–10].

Тифлисский Археологический съезд не только ознаменовал собой становление кавказской археологии, но и положил начало систематическому изучению Северного Кавказа, способствовал развитию исторических, этнографических и лингвистических исследований. Съездом были намечены перспективы дальнейшего научного изучения региона, которое должно было проводиться согласно специально разработанной программе исследования Кавказа. Разработка программы была начата специальной комиссией съезда, а в 1888 г. МАО по материалам съезда приняло «Программу для исследования древностей Кавказа». Она предусматривала изучение памятников: первобытных, языческих и классических, христианских, мусульманских, памятников искусств и художеств, письма и языка, а также проведение исследований по лингвистике, исторической географии и этнографии [40]. Программа была распространена среди местной интеллигенции (учителей, врачей, административных властей, чиновников, представителей духовенства) и должна была объединить усилия по сбору сведений о памятниках древности. Впоследствии к осуществлению этой программы присоединилась и Археологическая комиссия, начав планомерное археологическое обследование Кавказа.

Европейская светская практика изучения Северного Кавказа к началу XX в. значительно потеснила в регионе теологическую исламскую (существующую в основном на территории Дагестана) традицию историописания и локальные практики рассказов о прошлом. Изучение Северного Кавказа в XIX – начале XX в. силами столичных научных учреждений способствовало складыванию местной – европейско-русской традиции историописания в регионе. Этот процесс мы рассмотрим в следующей статье.

Источники и литература

1. Архив Института истории материальной культуры РАН (далее – Архив ИИМК РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. 1869 г.
2. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. 1872 г.
3. Архив ИИМК РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 17. 1879 г.

4. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. 1879 г.
5. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. 1880 г.
6. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. 1886 г.
7. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. 1886 г.
8. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67. 1886 г.
9. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. 1887 г.
10. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. 1888 г.
11. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 64. 1888 г.
12. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. 1889 г.
13. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 84. 1889 г.
14. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. 1891 г.
15. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. 1891 г.
16. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215. 1896 г.
17. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. 1897 г.
18. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 40. 1898 г.
19. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. 1898 г.
20. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102. 1899 г.
21. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. 1901 г.
22. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. 1904 г.
23. Владимиров И. А. Развалины старинного храма близ речки Амгаты // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.: [б.и.], 1901. Вып. 1. С. 104–106.
24. Владимиров И. А. Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.: [б.и.], 1902. Вып. 4. С. 1–14.
25. Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества. Вып. 1–3. Пг.: [б.и.], 1913–1916.
26. Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Булавин, 2009. 1191 с.
27. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т.д. / пер. с англ. К. А. Мальбахов. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 318 с.
28. Лавров Л. И. К 250-летию академического кавказоведения в России // Кавказский этнографический сборник. М.: АН СССР, 1976. Т. VI. С. 3–10.
29. Люлье Л. Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми: черкесами (адиге), абхазами // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. 4. Тифлис: Типография канцелярии Наместника Кавказского, 1857. С. 173–193.
30. О доставлении в управление округа г. учителями и другими служащими в учебных заведениях сведений, касающихся разных местностей Кавказа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1900. Вып. 27. С. 1–24.
31. Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 251.
32. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 257.
33. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 266.
34. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 626.
35. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 644.
36. Потанин Г. Н. Несколько вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1882. Вып. 2. Отд. 1. С. 5–17.
37. Программа для собирания сведений о разных местностях Кавказа и племенах, населяющих оные // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1881. Вып. 1. С. 1–16.
38. Программа для собирания сведений об юридических обычаях, составленная секретарем Отдела этнографии при ИОЛЕАиЭ д.ч. М. Н. Харузиным на основании доставленного в Отдел этнографии материала гг. Е. Н. Якушкиным, проф. М. М. Ковалевским, К. А. Шапошниковым, М. Н. Харузиным, Н. Н. Харузиным, П. С. Ефименко, П. А. Матвеевым, П. А. Соколовским, А. И. Кистьяковской, И. Я. Лудмером, проф. Фойницким и П. М. Дашкевичем. М.: Типография Е. Г. Потапова, 1887. 365 с.
39. Программа для собирания этнографических сведений, составленная при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Н. А. Янчуком. М.: [б.и.], 1889. 147 с.
40. Программа для исследования древностей Кавказа, составленная Московским археологическим обществом // Древности. Труды Московского Археологического общества. М. [б.и.], 1889. Т. 13. Вып. 1. С. 1–20.
41. Проект Программы для исследования древности на Кавказе, составленный Тифлисским Предварительным комитетом // V Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета, изданные под ред. секретаря комитета И. Д. Мансветова. М.: Синодальная типография, 1879. С. 70–81.
42. V Археологический съезд в Тифлисе 1881 г. Труды Предварительных комитетов / под ред. И. Д. Мансветова. М. [б.и.], 1882. 621 с.
43. Труды V Археологического съезда в Тифлисе / под ред. графини П. С. Уваровой. М.: Типография А. И. Мамонтова и К, 1887. 411 с.

44. Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис: Кавказское военно-народное управление, 1881. 581 с.
 45. Услар П. К. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1870. Вып. III. Отд. IV. С.1–14.

References

1. Archive of the Institute of the History of Material Culture, RAS (later – Arhiv IIMK RAN). F. 1. Inv. 1. D. 10. 1869. (In Russian).
2. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 32. 1872. (In Russian).
3. Arhiv IIMK RAN. F. 4. Inv. 1. D. 17. 1879. (In Russian).
4. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 35. 1879. (In Russian).
5. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 11. 1880. (In Russian).
6. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 6. 1886. (In Russian).
7. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 20. 1886. (In Russian).
8. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 67. 1886. (In Russian).
9. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 18. 1887. (In Russian).
10. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 12. 1888. (In Russian).
11. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 64. 1888. (In Russian).
12. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 16. 1889. (In Russian).
13. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 84. 1889. (In Russian).
14. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 13. 1891. (In Russian).
15. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 53. 1891. (In Russian).
16. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 215. 1896. (In Russian).
17. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 137. 1897. (In Russian).
18. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 40. 1898. (In Russian).
19. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 45. 1898. (In Russian).
20. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 102. 1899. (In Russian).
21. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 36. 1901. (In Russian).
22. Arhiv IIMK RAN. F. 1. Inv. 1. D. 72. 1904. (In Russian).
23. Vladimirov I. A. Razvaliny starinnogo hrama bliz rechki Amgaty (*Ruins of an ancient temple near the Amgata river*) // Izvestija Imperatorskoj Arheologicheskoi komissii. St.Petersburg: [b.i.], 1901. Issue. 1. P. 104–106. (In Russian).
24. Vladimirov I. A. Drevnij hristianskij hram bliz aula Senty v Kubanskoj oblasti (*Ancient Christian temple near the village of Senty in the Kuban region*) // Izvestija Imperatorskoj Arheologicheskoi komissii. St.Petersburg: [b.i.], 1902. Issue. 4. P. 1–14.
25. Zelenin D. K. Opisanie rukopisej uchenogo arhiva Russkogo geograficheskogo obshhestva. Issue. 1–3. Petrograd: [b.i.], 1913–1916. (In Russian).
26. Imperatorskaja Arheologicheskaja Komissija (1859–1917): K 150-letiju so dnja osnovanija. U istokov otechestvennoj arheologii i ohrany kul'turnogo nasledija (*The Imperial Archaeological Commission (1859–1917): On the 150th anniversary of the foundation. At the origins of domestic archeology and protection of cultural heritage*) / ed by A. E. Musin; E. N. Nosova. St.Petersburg: Dmitrij Bulavin, 2009. 1191 p. (In Russian).
27. Klaprot Ju. Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godah po prikazaniu russkogo pravitel'stva Juliusom fon Klaprotom, pridvornym sovetnikom Ego Velichestva imperatora Rossii, chlenom Akademii Sankt-Peterburga i t.d. (*Description of travels in the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808 at the behest of the Russian government by Julius von Klaproth, court counselor of His Majesty the Emperor of Russia, member of the Academy of St. Petersburg, etc.*) / translated by K. A. Mal'bahov. Nal'chik: Jel'-Fa, 2008. 318 p. (In Russian).
28. Lavrov L. I. K 250-letiju akademicheskogo kavkazovedenija v Rossii To the 250th anniversary of academic Caucasian studies in Russia // Kavkazskij jetnograficheskij sbornik (*Caucasian ethnographic collection*). Moscow: SAUSSR, 1976. Vol. VI. P. 3–10. (In Russian).
29. Ljul'e L. Ja. Obshhij vzgljad na strany, zanimaemye gorskimi narodami, nazyvaemyi: cherkesami (adige), abhazami (A general view of the countries occupied by the mountain peoples, called: Circassians (Adyghe), Abkhazians) // Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshhestva (*Notes of the Caucasus Department of the Imperial Russian Geographical Society*). Book. 4. Tiflis: Typography of the Office of the Viceroy of the Caucasus, 1857. P. 173–193. (In Russian).
30. O dostavlenii v upravlenie okruga g. uchiteljami i drugimi sluzhashchimi v uchebnyh zavedenijah svedenij, kasajushchih raznyh mestnostej Kavkaza (*On the delivery to the administration of the district by teachers and other employees in educational institutions of information concerning different localities of the Caucasus*) // Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza (*A collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus*). Tiflis: The printing house of the Chief Directorate of the Viceroy of the Caucasian, 1900. Issue. 27. P.1–24. (In Russian).
31. The Department of Written Sources of the State Historical Museum (OPI GIM). F. 17. Inv. 1. D. 251. (In Russian).
32. OPI GIM. F. 17. Inv. 1. D. 257. (In Russian).
33. OPI GIM. F. 17. Inv. 1. D. 266. (In Russian).
34. OPI GIM. F. 17. Inv. 1. D. 626. (In Russian).
35. OPI GIM. F. 17. Inv. 1. D. 644. (In Russian).
36. Potanin G. N. Neskol'ko voprosov po izucheniju poverij, skazanij, suevernyh obychaev i obrjadov (*Several questions on the study of beliefs, legends, superstitious customs and rituals*) // Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza (*A collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus*). Issue. 2. Part. 1. Tiflis: Tipografija Glavnogo upravlenija Namestnika Kavkazskogo, 1882. P. 5–17. (In Russian).
37. Programma dlja sobiranija svedenij o raznyh mestnostjah Kavkaza i plemenah, naseljavushchih onye (*The program for collecting information about different localities of the Caucasus and the tribes inhabiting them*) // Sbornik materialov dlja

opisanija mestnostej i plemen Kavkaza (*A collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus*). Tiflis: The printing house of the Chief Directorate of the Viceroy of the Caucasian, 1881. Issue. 1. P. 1–16. (In Russian).

38. Programma dlja sobiraniya svedenij ob juridicheskix obyčajah, sostavlenaja sekretarem Otdela jetnografii pri IOLEA d.ch. M. N. Haruzinym na osnovanii dostavlenogo v Otdel jetnografii materiala gg. E. N. Jakushkinym, prof. M. M. Kovalevskim, K. A. Shaposhnikovym, M. N. Haruzinym, N. N. Haruzinym, P. S. Efimenko, P. A. Matveevym, P. A. Sokolovskim, A. I. Kistjakovskoj, I. Ja. Ludmerom, prof. Fojnickim i P. M. Dashkevichem (*The program for collecting information on legal customs, compiled by the secretary of the Department of Ethnography at IOLEA d.ch. M. N. Kharuzin on the basis of the materials delivered to the Department of Ethnography gg. E. N. Yakushkin, prof. M. M. Kovalevsky, K. A. Shaposhnikovym, M. N. Kharuzin, N. N. Kharuzin, P. S. Efimenko, P. A. Matveyev, P. A. Sokolovsky, A. I. Kistyakovskoy, I. Ya. Ludmere, prof. Foinitzky and P. M. Dashkevich*). Moscow: E.G. Potapov's printing office, 1887. 365 p. (In Russian).

39. Programma dlja sobiraniya jetnograficheskix svedenij, sostavlenaja pri Jetnograficheskom otdel Obshhestva ljubitelej estestvoznaniya, antropologii i jetnografii N. A. Janchukom (*The program for collecting ethnographic information, compiled at the Ethnographic Department of the Society of Lovers of Natural History, Anthropology and Ethnography N. A. Yanchuk*). Moscow, 1889. 147 p. (In Russian).

40. Programma dlja issledovanija drevnostej Kavkaza, sostavlenaja Moskovskim arheologicheskim obshhestvom (*The program for the study of the antiquities of the Caucasus, compiled by the Moscow Archaeological Society*) // Drevnosti. Trudy Moskovskogo Arheologicheskogo obshhestva. Moscow, 1889. Vol. 13. Issue. 1. P. 1–20. (In Russian).

41. Proekt Programmy dlja issledovanija drevnosti na Kavkaze, sostavlenyj Tiflisskim Predvaritel'nym komitetom (*The draft program for the study of antiquity in the Caucasus, compiled by the Tiflis Preliminary Committee*) // V Arheologicheskij s#ezd v Tiflise. Protokoly podgotovitel'nogo komiteta, izdannye pod red. sekretarja komiteta I. D. Mansvetova (*In the Archaeological Museum in Tiflis. Protocols of the Preparatory Committee, edition edited by secretary of the committee I. D. Mansvetova*). Moscow: Sinod printing office, 1879. P. 70–81. (In Russian).

42. V Arheologicheskij s#ezd v Tiflise 1881 g. Trudy Predvaritel'nyh komitetov (*In the Archaeological Museum in Tiflis 1881. Proceedings of the Preliminary Committees*) / ed by I. D. Mansvetova. Moscow: Sinod printing office, 1882. 621 p. (In Russian).

43. Trudy V Arheologicheskogo s#ezda v Tiflise (*Proceedings of V Arheological congress in Tiflis*) / ed by P. S. Uvarova. Moscow: A. I. Mamontova and K, 1887. 411 p. (In Russian).

44. Uslar P. K. Drevnejshie skazaniya o Kavkaze (*The oldest legends about the Caucasus*). Tiflis: Caucasian military-popular administration, 1881. 581 p. (In Russian).

45. Uslar P. K. O rasprostranenii gramotnosti mezhdu gorcami (*On the spread of literacy among the mountaineers*) // Sbornik svedenij o kavkazskix gorcah (*Collection of information about the Caucasian mountaineers*). Tiflis: The printing house of the Chief Directorate of the Viceroy of the Caucasian, 1870. Issue. III. Part. IV. P. 1–14. (In Russian).

УДК 94(571.1/.5).083

И. А. Коновалов

ОСОБЕННОСТИ СИБИРСКОЙ ПОЛИЦЕЙСКОЙ БЮРОКРАТИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД XIX в.

Интерес к истории регионального управления связан не только с желанием исследователей более глубоко заглянуть в прошлое, но также и с практическими потребностями. Возвращаясь к забытым традициям местного регионального управления, важно учитывать исторический опыт накопленный веками. Необходимо по-новому взглянуть на уже известные события и факты, чтобы преодолеть заблуждения и старые мифы и не допустить рождение новых. Объектом изучения статьи является исследование особенностей сибирской полицейской бюрократии в пореформенный период XIX в. Автор приходит к заключению о том, что полномочия полицейских органов в Сибири имели свою специфику и были более широкими, чем в европейских губерниях Российской империи. Кроме того, почти полное отсутствие в регионе дворян и дворянского самоуправления освобождало местных чиновников от контроля с их стороны. Другой особенностью края стало его окраинное положение и роль места ссылки

и каторги. Характерной чертой сибирской администрации являлась ее полицейская, военизированная организация. Местные администраторы были слабо теоретически подготовлены, достаточно часто у них даже не было систематического образования. Данное обстоятельство понижало профессиональный уровень местных полицейских. Незрелость коммуникаций, огромная территория, слабая интенсивность политических и социально-экономических связей породили бесконтрольность в деятельности местных административно-полицейских органов, которые были недостаточно обеспечены соответствующей правовой базой. Огромные размеры и отдаленность сибирского края породили неслыханный произвол со стороны местной административно-полицейской бюрократии. История местного сибирского управления в XIX в. – это почти непрерывная череда должностных злоупотреблений.

Ключевые слова: История Сибири, местное управление, реформа, губернатор, власть.

I. A. Konovalov

FEATURES OF SIBERIAN POLICE BUREAUCRACY IN THE PERIOD OF REFORMS IN THE XIX CENTURY

Based on pre-revolutionary legislation the article comprehensively considers the process of Siberian police bureaucracy development. The growing interest in the history of local government connected not only with the aspiration of historians to look more deeply into the past but also with practical needs. Researching of the forgotten traditions of public administration allows to take greater account of historical experience that has been accumulated over the centuries. We also need to take a look at already known facts and events in the light of today's realities. This approach may overcome the old myths and misconceptions and also prevent the birth of new ones. Theoretical and methodological basis of the research were such principles of historical knowledge as objectivity, historicism, alternativeness and social approach which are assuming an unbiased approach to the analysis of the researched problems, as well as a critical attitude to sources. The author concludes that the powers of the administrative and police authorities in the region had their own features and were much wider than in the central provinces of the Russian Em-

pire. Moreover, the absence of the nobility and noble self-government exempted police officers from control by noble corporate organization. Other features of the region were its peripheral status and role of hard labor. A characteristic feature of the Siberian administration was its militarized organization. Siberian administrators had poor theoretical training, and often they did not even have any systematic education. This lowered the professional level of the employees of the Siberian administrative police bodies. A vast territory, underdeveloped communications and weak intensity of socio-economic and political ties generated uncontrolled autonomy in the actions of local police bodies, which were poorly provided with an appropriate legal base. The remoteness and huge size of Siberia generated unheard-of arbitrariness from the local police bureaucracy. The history of the Siberian local management in the XIX century is an almost continuous series of service abuses.

Key words: history of Siberia, power, government, reform, administration, governor, police, authorities, elections, national policy.

Исследование процесса формирования и развития местного управления и бюрократии в Сибири в дореволюционный период имеет не только научную актуальность, но и большую практическую значимость. Сегодня необходимо непредвзято и всесторонне изучить весь как положительный, так и отрицательный опыт, местного регионального управления накопленный в дореволюционной России, объяснить сложные процессы во взаимоотношениях власти и населения на окраинах империи, выявить те аспекты в деятельности местных органов власти, которые в силу различных причин редко попадают в поле зрения исследователей. Особенности сибирской полицейской в пореформенный период XIX в. еще не стали объектом пристального внимания историков, лишь отдельные сюжеты проблемы были освещены в работах более общего характера. Автором статьи на основании дореволюционного законодательства, распорядительных актов и делопроизводственных документов комплексно рассмотрен ряд аспектов темы. В теоретико-методологической основе работы лежат принципы исторического познания – историзм, объективность, социальный подход и альтернативность, которые предполагают непредвзятые подходы к анализу изучаемых вопросов и критический подход к источникам.

В дореволюционной Сибири государственное администрирование как деятельность специальных органов исполнительной власти не была отделена от правоохранительной, полицейской деятельности, в регионе было прочное единство и даже слияние исполнительных и полицейских органов. Под полицией понималась вся совокупность местных государственных учреждений и органов, деятельность которых была направлена как на противодействие преступности в широком смысле этого слова и борьбу со всем, что нарушало общественный порядок и посягало на личную и имущественную безопасность подданных, так и на самую организацию местного сибирского управления. Однако в пореформенный период начался переход от феодальной организации полицейских органов, основанной на натуральной повинности казаков, к профессиональной полиции, формируемой на профессиональной основе. Верховной властью делались попытки унификации полицейских функций путем исключения из компетенции полиции несвойственных ей полномочий, создания систематизированного полицейского законодательства. Осуществлялись меры по централизации управления подразделениями, более четко были определены

пределы действий полицейских, была проведена специализация отдельных полицейских служб, а также были созданы льготы и преимущества для полицейских служащих.

К середине XIX в. в Сибири окончательно сложилась, оформившаяся еще ранее, административно-полицейская вертикаль власти – губернатор и губернские правления отвечали перед Министерством внутренних дел за безопасность в губернии, полицмейстеры и окружные исправники наблюдали за безопасностью, отдельные земские заседатели и частные приставы охраняли безопасность.

Специальным законом 1867 г. был установлен, достаточно небольшой штатный состав полицейских чиновников для генерал-губернаторств Сибирского региона. Он предусматривал для современных территорий Дальнего Востока, Сибири и Северного Казахстана всего 463 чиновника (офицера) полиции. В западносибирском генерал-губернаторстве предполагалось иметь 67 полицейских чиновников в губернских и приравненных к ним городских центрах и 190 в окружных управлениях. Для восточносибирского генерал-губернаторства соответственно 46 полицейских чиновников в городах и 160 сотрудников в окружных полицейских управлениях [10, №44681].

Полицейская иерархия Сибири напоминала пирамиду, основание которой составляли рядовые сотрудники полиции, над ними был слой классовых чиновников – служащих различных полицейских подразделений. Наверху пирамиды был тонкий слой сановной бюрократии во главе с губернаторами и губернскими правлениями, обладавшими огромной властью в крае. Полицейская служба в пореформенный период стала базироваться и функционировать на конкретных принципах. Важнейшим принципом полицейской деятельности службы стал централизм, установление соподчиненности служащих высшего, среднего и низшего звеньев. Другим главным организационным принципом стало определение полномочий сотрудников полиции, прав и обязанностей полицейских. Регламенты, уставы и иные нормативные акты стали содержать конкретную характеристику соответствующих должностей и устанавливали статус полицейских чиновников, круг их обязанностей и требования к ним.

Высший слой сибирских полицейских чиновников формировался в основном за счет перемещения на гражданскую службу армейских офицеров и генералов. Сибирская полицейская бюрократия представляла собой пеструю по происхождению, возрасту, образовательно-

му уровню и знанию службы массу: от бывших армейских и казачьих офицеров до чиновников, всю жизнь проводивших в полицейских канцеляриях.

Обработка формулярных списков сибирской бюрократии середины XIX в., проведенная исследователем И. Б. Марковой, позволяет сделать следующие наблюдения: 37 % чиновников происходили из дворянства, 33 % – из военных (в основном из казаков), 15 % – из духовенства и 15 % – из других сословий [8, с. 45]. По данным Тобольского губернского статистического комитета прибывшие из Европейской России чиновники составляли в 80-е гг. XIX в. свыше 20 % чиновников края [9, с. 367].

В пореформенный период была также установлена единая форма обмундирования для сотрудников полиции. В обмундирование чиновников полиции – полицмейстеров, уездных исправников, помощников полицмейстеров, приставов и надзирателей входила шапка из черной мерлушки с серебряным гербом губернии в городах и золотым гербом в уездах на кокарде офицерского образца. В летнее время – офицерская фуражка из сукна темно-зеленого цвета, кафтан темно-зеленого цвета, а также двубортный китель «не бледного» цвета с петлицами и серебряными погонами. Атрибутами формы были шелковые галстуки, шаровары, заправленные в сапоги, черный кушак, а также шинель офицерского образца серого цвета. Нижние чины обмундировывались в такую же форму, как и чиновники полиции, но с погонами темно-зеленого сукна с оранжевым кантом или шнурами из оранжевого спура, шерстяными галстуками и темно-серыми шинелями солдатского образца [11, № 2097].

В пореформенный период по-прежнему оставались серьезные трудности комплектации подразделений МВД из-за недостатка служащих имевших специальную подготовку, непопулярности работы в полиции и низких денежных окладов рядовых сотрудников. Подготовка полицейских производилась через непосредственный служебный опыт. Профессиональную квалификацию сотрудники полиции получали, как правило, по прибытию к местам службы, их карьерный рост происходил во многом благодаря долговременной работе на различных должностях в органах МВД. Это понижало профессиональный уровень служащих сибирских полицейских органов. Однако система перемещений по службе давала возможность иметь на ключевых должностях полицмейстеров, окружных исправников, приставов и отдельных земских заседателей людей,

неоднократно испытывавших на практике все элементы и методы полицейской службы.

Отсутствие специальной профессиональной подготовки компенсировалось в какой-то мере систематическим изучением сотрудниками законодательства. Статья 92 «Учреждений Сибирских» устанавливала иерархию полицейских должностей в соответствии с Табелью о рангах и закрепляла порядок повышения по службе, который был следующим: 1) столоничальник полицейского управления (городского или уездного); 2) столоничальник губернского управления; 3) секретарь полицейского управления; 4) секретарь губернского управления; 5) помощник уездного (окружного) исправника и полицейский пристав; 6) окружной (уездный) исправник; 7) советник губернского правления, начальник отделения в канцелярии общего губернского управления; 8) председатель губернского управления [12, ст. 92].

Вместе с тем большое количество сотрудников, в силу отсутствия профессиональной подготовки, не знало границ своих полномочий, предусмотренных российским законодательством. Кандидаты на полицейскую службу обязаны были уметь читать и писать. Это требование касалось даже городских – младших полицейских чинов. Для околоточных надзирателей и полицейских урядников обязательным было образование в объеме двухклассного училища. Полицейскому приставу и окружному исправнику полагалось иметь обязательно среднее образование – гимназию (реальное училище) или юнкерское училище, а также опыт государственной службы. Для полицмейстера желательным был диплом об окончании высшего учебного заведения. Для соискателей был изготовлен типографским способом бланк запроса, который собирал сведения о морально-нравственных качествах кандидата, его прежней судимости, политической благонадежности, воинском звании, а также физической подготовке [5, л. 6]. Однако по данным тюменского исследователя Е. А. Крестьянникова, даже в конце XIX в. в Тобольской губернии ни один из полицейских служащих не имел высшего юридического образования «и лишь немногие окончили курс гимназий, а образование некоторых из них было ограничено домашним воспитанием» [7, с. 96].

Сибирская полиция была во многом канцелярским органом, что ограничивало ее правоохранные полномочия, определяло формалистский подход при исполнении сотрудниками своих служебных обязанностей. При этом сохранялась перегруженность ор-

ганов внутренних дел несвойственными им функциями, что затрудняло выполнение полицейскими своих полномочий по охране правопорядка. По многочисленным свидетельствам современников, деятельность главных сибирских полицейских учреждений – губернских правлений – была лишена инициативы, бумажной и вполне рутинной. Формализм и бесцельная трата времени составляли главные характерные черты работы остальных местных полицейских управлений.

Сибирская полицейская бюрократия уже в первой половине XIX в. приобрела свойство олигархичности и достаточно замкнутой, кастовой организации. «Как всякая олигархия, бюрократия стремится к обособленности; она создает особый мир самодовлеющих интересов, особую породу «командующих» людей, – указывал В. М. Гессен, – отсюда – тот «бюрократический дух», который выражается, с одной стороны, в преувеличенной оценке достоинства чиновников, а с другой – в пренебрежении к достоинству людей. Именно этот бюрократический дух имеется в виду Модем и Чичериним, признающими «высокомерие бюрократизма» одним из его свойств. Как олигархия, бюрократия любит окружать себя тайной. Критика колеблет престиж власти; таинственность импонирует массам. Спутник таинственности – подозрительность и недоверие. Бюрократ боится всего – самодеятельности общества, превосходства отдельных лиц, свободы во всех ее проявлениях, а больше всего – свободы мысли и слова. Он любит покой; к нему применимы слова классической древности: *solitudinem faciunt, rasem arrelant* (они создают пустыню и называют это миром)» [2, с. 8].

Низкий престиж полицейской службы приводил на работу в правоохранительные органы региона далеко не лучших представителей общества. В результате этого насилие и грубость по отношению к местному населению часто вытесняли законные методы и формы деятельности органов внутренних дел. «В Красноярске должность тюремного смотрителя занимал бывший арестант Островский – указывал писатель В. Г. Короленко, – ему удалось поступить на службу в какую-то канцелярию, потом добиться восстановления прав, и наконец, добиться места смотрителя в той самой тюрьме, которая видела его в арестантском халате. Нельзя сказать, что собственный опыт расположил его к особенной гуманности. Наоборот. Островский был известен как самодур и человек жестокий к арестантам» [6, с. 244]. Он также отмечал, что «якутский полицмейстер занимался банальным конокрадством [6, с. 281].

На сибирской окраине, с ее огромными расстояниями и удаленностью от центра страны, особенно острой была проблема бесконтрольности за деятельностью работников правоохранительных органов всех степеней и уровней. Так, в 1859 г., при попустительстве местной полиции, была спровоцирована, а потом фактически насильственно осуществлена в Иркутске дуэль между Неклюдовым и Беклемишевым. Коллежский ассесор, чиновник особых поручений Главного управления Восточной Сибири М. Неклюдов вызывал неприязненное отношение со стороны генерал-губернаторского окружения из-за долгов по прежнему месту службы. Отказы Неклюдова от дуэли не принимались его сослуживцами, причем пути выезда из города для этого чиновника были перекрыты. В ходе дуэли Неклюдов был убит. Его похороны стали массовой демонстрацией против произвола местных властей. В них участвовало до десяти тысяч человек – практически все взрослые жители города. Только после этого события лица, организовавшие поединок, были привлечены к уголовной ответственности и осуждены, а генерал-губернатор Муравьев был вынужден уехать из Сибири [3, л. 4].

Верховная власть стремилась не просто заполнить вакансии в органах полиции, она желала выдержать определенные критерии при подборе кадров. Однако недостаток подготовленных сотрудников, рутинное состояние системы образования в крае и нехватка материальных средств заставляли коронную администрацию ограничивать кадровую политику простым заполнением существующих вакансий, мирясь с низким качеством сибирской полицейской бюрократии. Взятка в XIX в., в глазах чиновников МВД была не предсудительным делом. Для рядового полицейского взятка являлась необходимым средством для существования. Оправдывалось это тем, что государство отпускало полицейским мизерное содержание и как бы узаконивало этим коррупцию. Полицейский, уличенный в коррупции, находил в среде своих сослуживцев не осуждение, а сочувствие как «жертва». Как незаслуженное несчастье воспринималось назначенное ему наказание.

А. П. Чехов в книге «Остров Сахалин», говоря о коррупции сибирских полицейских чиновников, писал: «Каждый коллежский регистратор (низший чин по Табели о рангах) записывает на себя полдюжины прислуги, и когда отправляется на пикник, то посылает вперед с провизией десяток каторжных» [14, с. 227]. Злоупотребляли своим служебным положением и лица,

занимавшие высшие чиновничьи должности в Сибири. Так, губернатор Енисейской губернии Л. К. Теляковский не только имел напряженные отношения с общественностью губернии, но и брал подношения мехами и икрой [4, л. 29]. В. Г. Короленко отмечал, что пользующаяся широкой известностью в уголовной среде нижеудинская тюрьма была настоящей фабрикой фальшивой монеты. Об этом знала администрация тюрьмы, полиция и все арестанты. Одни производили, а другие сбывали фальшивые ассигнации. В самой тюрьме были очень свободные нравы: спиртные напитки можно было купить не дороже, чем на воле [6, с. 242].

В Тобольской губернии за период с 1889 по 1892 г. было возбуждено уголовное преследование против семи сотрудников полиции, выполнявших полномочия судебных следователей и занимавшихся производством предварительных следствий. При осуществлении ревизии, в той же Тобольской губернии, П. М. Бутковский обнаружил около тысячи лежащих без движения дел, некоторые из которых были в производстве свыше 15 лет [1, с. 221].

Некоторые факты многолетних полицейских поборов с местных предпринимателей были вскрыты после распространения на Сибирь «Судебных уставов» 1864 г. В октябре 1897 г. мировой судья второго участка г. Красноярска рассматривал дело о клевете на местную полицию частным поверенным Новодворским. Адвокат ранее утверждал, что красноярская полиция давно и систематически занималась поборами с винных складов и кабаков. В ходе судебного заседания факты, изложенные Новодворским, были подтверждены свидетельскими показаниями. Полицейские в течение длительного времени незаконно взимали «налоги» с винных складов и кабаков якобы на содержание полицейской канцелярии. Реше-

нием мирового судьи Новодворский был признан невиновным в клевете [13, № 237].

Реформа местного управления и полиции в Сибири 1867 г. имела ограниченный характер, поскольку на Сибирь не распространились Земская и Судебная реформы 1864 г., она свелась к вопросам реорганизации структуры полицейских учреждений, их штатов и корректировке денежных окладов. В то же время за рамками преобразований осталась большая часть вопросов, связанных с изменением компетенции, корректировки властных полномочий и передачи административно-хозяйственных функций органам местного самоуправления. Низкое материальное обеспечение сотрудников и, как результат, отсутствие профессиональной подготовки и предварительного отбора, мелочная регламентация полицейской деятельности и особый порядок ответственности сотрудников за совершенные противоправные действия приводили к тому, что полиция не пользовалась авторитетом у значительной части сибиряков.

Ситуация усугублялась несоответствием высокого положения в обществе, сообщаемого должностью на административно-полицейской службе, и относительно невысоким материальным содержанием сибирской полицейской бюрократии. Это создавало дополнительные возможности для процветания коррупционной системы в крае. Для подтверждения своего высокого социального статуса полицейские чиновники искали дополнительные источники доходов, занимаясь предпринимательством, взяточничеством и казнокрадством. Коронная власть, не имея возможностей выплачивать достойную заработную плату местным государственным служащим, была вынуждена смотреть сквозь пальцы на коррупцию, процветавшую в Сибири, преследуя лишь ее единичные случаи.

Источники и литература

1. Власть в Сибири XVI – начало XX в. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. Новосибирск: ИД «Сова», 2008. 639 с.
2. Гессен В. М. Вопросы местного управления. СПб.: Типография и литография А. Е. Ландау, 1904. 136 с.
3. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 24. Оп. 5. Д. 59.
4. ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 53.
5. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 11. Оп. 13а. Д. 473.
6. Короленко В. Г. История моего современника в четырех томах. Т. 3–4. М.: Правда, 1985. 510 с.
7. Крестьянников Е. А. Полиция и полицейское следствие в Западной Сибири (1822–1897 гг.) // Российская история. 2013. №1. С. 92–98.
8. Маркова И. Б. Досуг сибирских чиновников первой половины XIX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начала XIX вв. Новосибирск: Наука, 1985. С. 41–52.
9. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск: Типография Тобольского городского правления, 1884. 530 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 42. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1871. 943 с.
11. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 4. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1887. 1015 с.

12. Свод законов Российской империи (СЗ РИ. Т. 2). СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1912. 738 с.

13. Судебная хроника // Сибирская жизнь. 1897. № 237.

14. Чехов А. П. Остров Сахалин. Собрание сочинений. Т.11. М.: Правда, 1985. 367 с.

References

1. Vlast' v Sibiri XVI – nachalo XX v (*The authorities in Siberia of the XVI – beginning of XX century*) / ed by M. O. Akishin; A. V. Remnev. Novosibirsk, 2008. 639 p. (In Russian).

2. Gessen V. M. Voprosi mestnogo upravleniya (*Local government issues*). St. Petersburg: Landau's printing office, 1904. 136 p. (In Russian).

3. State Archive of the Irkutsk Oblast' (GAIO). F. 24. Inv. 5. D. 59. (In Russian).

4. GAIO. F. 25. Inv. 25. D. 53. (In Russian).

5. State Archive of the Omsk Oblast' (GIAOO). F. 11. Inv. 13 a. D.473. (In Russian).

6. Korolenko V. G. Istorija moego sovremennika v chetyreh tomah (*The history of my contemporary, in four volumes*). Vol. 3–4. Moscow: Pravda, 1985. 510 p. (In Russian).

7. Krest'jannikov E. A. Policija i policejskoe sledstvie v Zapadnoj Sibiri (1822–1897 gg.) (*The police and a police investigation in Western Siberia (1822-1897)*) // Rossijskaja istorija. 2013. No. 1. P. 92–98. (In Russian).

8. Markova I. B. Dosug sibirskih chinovnikov pervoj poloviny XIX v. (*Leisure Siberian officials the first half of the nineteenth century*) // Kul'turno-bytovye processy u russkih Sibiri XVIII – nachala XIX vv. Novosibirsk: Nauka, 1985. P. 41–52. (In Russian).

9. Pamjatnaja knizhka Tobol'skoj gubernii na 1884 god (*Memorial book of the Tobolsk province*). Tobol'sk, 1884. 530 p. (In Russian).

10. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoi imperii (PSZ RI) (*Complete collection of laws of the Russian Empire*). Vol. 42. St. Petersburg: Typography And Branch Of His Own Imperial Majesty's Office, 1871. 943 p. (In Russian).

11. PSZ RI. (*Complete collection of laws of the Russian Empire*). Vol. 42. St. Petersburg: Typography And Branch Of His Own Imperial Majesty's Office, 1887. 1015 p. (In Russian).

12. Svod zakonov Rossiyskoi imperii (SZ RI) (*The code of laws of the Russian Empire*). Vol 2. St. Petersburg: Typography And Branch Of His Own Imperial Majesty's Office, 1887. 1015 p. (In Russian).

13. Sudebnaja hronika (*The judicial chronicle*) // Sibirskaja zhizn'. Tomsk, 1897. No. 237. (In Russian).

14. Chehov A.P. Ostrov Sahalin (*The Island Of Sakhalin*). Vol.11. Moscow: Pravda, 1985. 367 p. (In Russian).

УДК 930

Д. А. Ляпин

УРБАНИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РЕГИОНА В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII вв.¹

Статья посвящена анализу процесса урбанизации Центрального Черноземья с конца XVI века по начало XVIII вв. Работа выполнена в рамках проекта по изучению процесса урбанизации Центрально-Черноземного региона России. Эта статья завершает серию работ в этом направлении. Изучив широкий спектр исторических источников, автор выделяет несколько этапов этого процесса. В работе рассматриваются основные события истории процесса урбанизации. В конце XVI в., стремясь защитить свои рубежи, Россия возводит на обширных пространствах южнорусского пограничья, около 10 военных крепостей. К 1615 г. вокруг них формируются уезды, и крепости начинают постепенно становиться полноценными городами. Этот процесс затянулся и, в силу различных фак-

торов, был окончен только в начале XVIII в., когда число посадского населения превысило служилое. Некоторые города стали торговыми и ремесленными центрами, а затем столицами губерний (Курск, Воронеж, Белгород, Тамбов). Изучение процесса урбанизации позволяет перейти на другой, качественно иной уровень понимания этого процесса. От данных социальной и демографической истории в дальнейшем следует перейти к изучению изменений в организации повседневной жизни, норм и ценностей. Иными словами, важно понять как служилые люди, стрельцы и казаки, становились купцами и мещанами.

Ключевые слова: урбанизация, Центральное Черноземье, посадское население, служилое население, демография.

D. A. Lyapin

URBANIZATION OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGION IN THE LATE XVI – EARLY XVIII CENTURIES

The article is devoted to the analysis of the process of urbanization of the Central Chernozemny region from the late XVI century to the beginning of the XVIII centuries. The work was carried out in the framework of the project to study the urbanization process of the Central Chernozemny region of Russia. This article concludes a series of works in this direction. Having studied a wide range of historical sources, the author identifies several stages of this process. The main events of the history of the urbanization process are examined. At the end of the XVI century, in an effort to protect its borders, Russia erects on the vast expanses of the South Russian borderland, about 10 military fortresses. By 1615, around them formed counties, and the fortresses began to gradually become full-fledged cities. This pro-

cess was delayed and, due to various factors, was completed only at the beginning of the XVIII century, when the number of the population of the population exceeded the service level. Some cities became commercial and artisan centers, and then capitals of provinces (Kursk, Voronezh, Belgorod, Tambov). Studying the process of urbanization allows us to move to a different, qualitatively different level of understanding of this process. From the data of social and demographic history, in the future it is necessary to proceed to the study of changes in the organization of everyday life, norms and values. It is important to understand how servicemen became merchants and petty bourgeois.

Key words: urbanization, Central Chernozem region, urban population, military population, demography.

Во второй половине XVI в. Российское государство, обороняя южные рубежи от нападений крымских татар, начинает строительство военных крепостей на стратегически важных участках пограничной со степью территории. Для защиты тульских земель появляются крепости Дедилов (1554) и Крапивна (1561). За-

тем, в 1563 г. на реке Зуше, правом притоке Оки, был построен Новосиль, в 1566 г. в этом районе русские возводят Орел, а в этом же году на Верхнем Дону – Епифань. В 1566 г. ниже Епифани по течению Дона, был построен Данков. Новые крепости позволили России организовать сторожевую службу, предотвращав-

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) и администрации Липецкой области, проект № 16-11-48001 0/Ц

шую внезапность татарских ударов, а также сократить число нападений на города за Окой.

В 1580–90-е гг. строительство крепостных сооружений было продолжено. В этот раз строительство проходило южнее первых крепостей, на северных территориях современного Центрального Черноземья. Здесь были построены Ливны (1585), Воронеж (1585), Елец (1592), Старый Оскол (1596), Курск (1596), Белгород (1596), Валуйки (1599). До нашего времени сохранились документы о строительстве и заселении Ельца и Воронежа [27]. Этот материал свидетельствует, что первые поселения были типичными военными крепостями. Местное население было представлено только служилыми людьми, крепость находилась на военном положении, и обеспечивалась всем необходимым государством. Благодаря строительству крепостей России удалось не только закрепиться на этих землях, но и продвинуться южнее, отодвинув границу до среднего течения Дона, начав хозяйственное освоение территории Центрального Черноземья. В начале XVIII в. крепости, построенные когда-то как форпосты России на степном пограничье, стали полноценными городами, важными экономическими, административными и культурно-религиозными центрами. Процесс перехода от крепостей к городам, урбанизация региона, находится в центре внимания нашей статьи.

Конечно, эта важная проблема имеет много аспектов, связанных с эволюцией политической культуры, динамикой социальной организации, формами поведенческих моделей и структурой повседневной жизни населения крепостей-городов. Однако все стороны жизни местного общества были объединены единым процессом – освоением лесостепных пространств южного пограничья, которое было тесно связано с развитием городов – экономических центров округа. В данной работе мы рассмотрим в общих чертах вопрос об урбанизации региона, обозначим этапы этого процесса и выделим его особенности.

Под «городом» в XVII в., с одной стороны, понимали крупное укрепленное поселение, а с другой стороны – систему укреплений, защищавших наиболее важные стратегические постройки. Понятию «город» сопутствовало понятие «острог», под которым понимали укрепления, возводившиеся вокруг слобод местных жителей. Приехав на место строительства Ельца в 1592 г. городской мастер («горододелец»), осмотрев окрестности, докладывал в Москву: «Под город и под острог место занял» [27, л. 181]. В Сибири, русские крепости первое время назывались «острогами», вероятно по

причине того, что имели одну стену укреплений и были не большими по своим размерам.

Таким образом, в XVII в. «город» – это крупный «замкнутый» (относительно) населенный пункт, имеющий укрепления и являвшийся административным центром. Не обязательно, такой «город» был центром уезда. Уезды складывались постепенно, после того как формировались корпорации местных детей боярских, а «город» обычно строился за 1–2 года. В XVII в. город (в любом понимании термина) служил интересам государства, вся его деятельность была связана реализацией политики центральной власти в регионе. Неслучайно, Смутное время, когда многие города отказывались подчиняться распоряжением Москвы, в официальных летописях назвалось «изменой городов» [11, с. 142].

Хотя дефиниции «города» могут быть самыми различными по своему характеру, важнейшим его признаком сегодня считается наличие торгово-ремесленного населения. Именно преобладание этой социальной группы позволяет говорить о существовании города в современном понимании этого термина. Кроме того, о «городе» в экономическом смысле можно говорить лишь в том случае, если местное население удовлетворяет свои повседневные потребности за счет местных ресурсов, а также привезенных для продажи на местном рынке. Итак, при определении понятия «город» выделяют два важных фактора: экономическая самостоятельность и наличие торгово-ремесленного населения.

Проблема заселения Центрального Черноземья, в состав которой входит и вопрос урбанизации, затрагивались в работах российских исследователей начиная с середины XIX в. Одним из первых эту проблему затронул И. Д. Беляев, сосредоточившись, в основном, на изучении военного аспекта колонизации [2]. Ученый описал и проанализировал систему охраны южных границ, собрал ценный фактический материал, связанные с освоением крепостей. Вопросы хозяйственного развития южных уездов в XVI–XVII вв. рассматривались в трудах Д. И. Багаля и И. Н. Миклашевского [1; 19]. Внимание И. Н. Миклашевского привлекало, прежде всего, хозяйственное развитие региона, однако, коснулся и вопроса о роли городов-крепостей [19]. Д. И. Багаля сосредоточил свое исследование на причинах колонизации степной окраины русскими людьми, выделив особые «психологические импульсы», которые толкали народное движение на юг [1, с. 17]. С. Ф. Платонов посвятил состоянию Юга России накануне Смуты отдельную главу в своих «Очерках по истории

Смуты», которая была выпущена позднее отдельной брошюрой [21, с. 43]. Историк не был удовлетворен работами И. Н. Миклашевского и Д. И. Багалея, отмечая, что они далеко не исчерпали потенциал этой темы и призывал к новым работам в этом направлении. В 1899 г. вышло исследование Н. А. Благовещенского о четвертном праве однодворцев, в котором автор затронул вопросы колонизации земель южной окраины в XVII в. [3]. Исследователь привел много ценных документов по истории южнорусских уездов, рассмотрел процесс формирования поселений и вопросы налогообложения в XVII в.

Процесс становления и развития городов-крепостей в XVI–XVII вв. тесно связан с проблемой колонизацией региона Центрального Черноземья и процессом вхождения его в состав Российского государства. Эта тема была в центре внимания А. А. Новосельского, который рассматривал ее в контексте противостояния России и Крымского ханства [20]. Ученый на широком круге архивных источников показал, что успехи русской колонизации сыграли решающую роль в конфликте и позволили России одержать победу в этом противостоянии.

Большой вклад в изучение этой темы внес В. П. Загоровский, автор серии монографий, посвященных военно-политической истории Центрального Черноземья в XVI–XVII вв. [8; 9]. Исследования В. П. Загоровского были частично продолжены В. Н. Глазьевым, посвятившим несколько работ социальным и административным проблемам [5]. Вопросы колонизации края рассмотрены также в работах тамбовских историков Д. С. Жукова, С. К. Лямина, В. В. Канищева, Ю. А. Мизиса [6; 7; 18]. Следует признать, что исследование колонизации Юга России в теоретических аспектах понятия «фронтир» остаются достаточно дискуссионными. Начальному этапу освоения южнорусского пограничья (конец XVI – начало XVII вв.) посвятил специальное исследование М. Ю. Зенченко. Ученый выделил два типа развития местных городов и уездов, и показал некоторые особенности их истории [10].

Среди зарубежных работ мы можем отметить только две, наиболее близкие к нашей проблеме, принадлежащие американским историкам. Во-первых, это монография К. Белкин-Стивенс «Солдаты в Степи: армейские реформы и социальные изменения на Юге России в раннее Новое время», посвященная освоению южных пространств Российского государства в XVII в. [38]. Автор отмечает, что строительство городов-крепостей стало возможным благодаря постепенной «военной революции», изменившей

русскую армию. В рамках этой революции на Юге создавались «военные полицейские округа», защищавшие пограничье и медленно наступавшие на Степь [38, р. 9].

Второй работой является исследование Б. Девиса о волнениях в городе-крепость Козлов (сегодня Мичуринск) в 1648 г. [37]. Б. Девис подробно рассмотрел историю строительства и заселения города Козлова, отмечая наличие в городах региона особого «гарнизонного режима», который стал причиной мятежа в городе в 1648 г. [37, р. 117]. Он также проанализировал процессы урбанизации региона на примере Козлова.

Демографическая ситуация в некоторых уездах Юга России в XVII в. была изучена нами в нескольких отдельных статьях. В этих работах были намечены основные направления в изучении процесса колонизации региона, в том числе поставлен вопрос об урбанизации отдельных участков южнорусского пограничья [15; 16; 17].

Изучение урбанизации Центрального Черноземья тесно связано с пониманием тех целей и задач, которыми руководствовало московское правительство, определяя направления своей политики в этом регионе. Уже появление крепостей, которое произошло в несколько этапов, было прямым образом связано с инициативой Москвы, пытавшейся таким образом защитить центральную часть страны от нападений крымских татар. Маловероятно, чтобы нестабильные в 1560-е гг. (связанные с террором внутри страны и войной с внешними противниками), появилась идея о колонизации плодородного края лежащего за Окой. Участвуя в затянувшейся Ливонской войне на западе, и испытывая серьезные экономические трудности, Россия стремилась обезопасить свои границы от ударов крымских татар с юга, соорудив несколько крепостей – центров сторожевой службы.

Также и в дальнейшем, в XVII в., процесс урбанизации Центрального Черноземья направлялся политикой правительства, выступавшего главным инициатором скорейшего превращения крепостей в города. Содержание крепости требовало затрат, а город, в значительной степени, обеспечивал себя сам, и к тому же приносил доход казне в виде налогов. Определив политику государства, в качестве главного вектора влияния на процесс урбанизации (хотя и не единственного), мы можем условно выделить несколько этапов определивших процесс превращения крепостей в города.

Построенные во второй половине XVI в. крепости южного пограничья долгое время не

претерпевали никаких существенных социально-экономических изменений. Они выполняли свою главную цель – предотвращать нападения крымских татар на центральные уезды страны и по мере возможностей обеспечивать оборону своего региона. Первые шаги на пути серьезных изменений в их истории были сделаны в конце XVI – начале XVII в. правительством царя Бориса Годунова. В это время Москва начала увеличивать численность местного гарнизона помещиков-детей боярских, чтобы начать формирование вокруг крепостей экономической округи – уезда. Наличие уезда, тесно связанного с городом в хозяйственном отношении, – важная составляющая процесса урбанизации. Начало формирования уездов отражено в т.н. «верстальных десятнях» (документах, фиксирующих переводившихся на службу детей боярских) конца XVI – начала XVII [29; 30; 31]. Начавшись по инициативе правительства, этот процесс вскоре совпал с событиями Смутного времени 1604–1618 гг. Гражданская война способствовала консолидации местных корпораций помещиков, и тем самым ускорила процесс оформления уездов. Переписные книги 1615 г. уже фиксируют наличие уездов вокруг большинства крепостей рассматриваемого нами региона, хотя заселение их было слабым и подчинялось военному фактору [15; 17]. Однако формирование уездов было большим шагом вперед для развития региона.

На этом этапе, когда вокруг крепости шло формирование уезда, выделяются военные поселения, которые еще не смогли стать на путь урбанизации. Это, например, Старый Оскол и Валуйки, а отчасти Белгород. Здесь не было крестьян, а значительная часть служилых людей находилась на временной службе. Основой экономики в местных уездах было оброчное хозяйство (это было характерно, впрочем, и для обширного Воронежского уезда), связанное с эксплуатацией оброчных угодий («ухожаев») [10, с. 196]. Получив права на аренду части реки, озера или леса служилые люди не стремились к развитию региона, а пользовались местными ресурсами до их истощения и ограничивались тем, что продавали товар на местном рынке. Слабое развитие землевладения и сельского хозяйства в целом, тормозили и развитие ремесел. Оброчное хозяйство не могло полноценно обеспечить потребности жителей крепости, вынужденных жить за счет жалования и поставок хлеба из других регионов. Даже при наличии местного рынка, торгово-ремесленное население в этих крепостях не получило развитие в это время, в итоге первый этап развития урбанизации слабо затронул такие крепости как Валуйки,

Старый Оскол и Белгород [10, с. 195]. Сюда же можно добавить крепость Лебединь, появившуюся в 1613 г. на правом берегу Дона к востоку от Елецкого уезда [4].

Смутное время нанесло большой урон местным уездам. В 1613 г. этот регион был охвачен войной войск верных избранному царю Михаилу Романову с казачьей армией атамана И. М. Заруцкого. В результате боевых действий пострадали Данков и Лебединь, большому разорению подверглись Елецкий и Воронежский уезды. В 1618 г. в результате похода казаков гетмана П.К. Сагайдачного на Москву, были уничтожены Ливны, Елец, Данков и Лебединь [26; 24]. Несмотря на существенные потери населения и хозяйственный ущерб, нанесенный этими событиями, города региона смогли продолжить свое развитие в дальнейшем.

В 1620-е г. начинается новый этап урбанизации региона, который продолжался приблизительно до 1645 г. В это время происходит дальнейшее хозяйственное развитие уездов, в большинстве из них растет численность крестьян и во всех – число помещиков. В 1620-е гг. происходит стремительный рост хозяйственного освоения местных земель, который способствовал развитию торговли и ремесел. Об этом свидетельствуют сохранившиеся оброчные и таможенные книги [30; 32]. Первые представители не служилого населения крепостей обслуживали казенные учреждения – кабак, мельницу, баню. Так, например, в Ельце в 1619–1622 гг. группа посадских людей поставляла вино в кабак, работала на мельнице, а предприимчивые представители местной слободы посадских людей «брали на откуп» кабак [32]. Зарождение первых посадских слобод в наиболее крупных крепостях относится к 1613–1620 гг. [5, с. 62; 13, с. 90–96; 14].

В таможенных книгах мы видим приезжавших с торговыми целями жителей различных городов региона, хотя половину из них составляли служилые люди, занимавшиеся торговлей, промыслами и ремеслами в свободное от службы время [26; 31]. На рынках своих городов они составляли представителям посадского населения еще более серьезную конкуренцию. Тем не менее, процесс развития посадского населения был уже устойчив. Особенно это характерно для таких городов как Елец, Курск, Воронеж [5, с. 62–63]. По-прежнему отставали в развитии Оскол и Белгород, а Валуйки все еще были типичной крепостью, находящейся на обеспечении государства.

На этом этапе в городах получили большое развитие частновладельческие дворы, освобожденные от уплаты налогов и податей («бе-

лые слободы»). Они составляли конкуренцию местному торгово-ремесленному населению, обязанному платить оброк и налоги [11; 12, с. 96–100; 13]. В данном случае политика государства была связана с большим влиянием на власть придворной аристократии, т.н. «сильных людей». Стремясь проникнуть на плодородные земли южного пограничья, они тормозили развитие региона, мешали процессу урбанизации и наносили убытки казне. Наличие частновладельческих дворов в 1620–1630-е гг. было обязательным почти для всех крепостей-городов региона, а в Лебедяни они даже преобладали по численности [24; 25; 28].

Серьезный урон процессу становления городов был нанесен в 1630-е гг. во время крупных нападений крымских и ногайских татар. В 1632 г. значительная часть служилого населения была отправлена на начавшуюся Смоленскую войну с Речью Посполитой. Если в 1629 г. общая численность гарнизонов здесь составляла 12 тысяч человек, то в 1632 г. уже 5 тысяч человек [2, с. 2]. Самым крупным городом на Верхнем Дону был Елец, военный гарнизон которого в 1631 г. составлял около 1710 человек. Однако в 1633 г. гарнизон Ельца уменьшился до 500 человек [36, с. 303–304]. Большой гарнизон находился в Курске – 1230 человек, который также был уменьшен, хотя и не столь значительно [36, с. 303]. Между тем, численность татарских войск, участвовавших в единовременном походе на эти земли, достигала обычно 10–15 тысяч человек [20, с. 205; 12, с. 36–42].

В результате военных действий региону был нанесен большой экономический ущерб, серьезно разорению подвергся город Ливны, были уничтожены десятки сел и деревень во всех уездах. Прекратились полноценные торговые связи, в упадок пришло оброчное хозяйство Воронежского, Белгородского и Оскольского уездов. Политика государства в это время характеризуется стремлением защитить регион, но использовать при этом минимум затрат. Население самостоятельно организовывало оборону своих уездов, строительство острогов, крепостей и валов было повинностью, и полноценно не оплачивалось. В 1630-е гг. были приняты некоторые меры по строительству укреплений, новых крепостей и острогов, но они не получили большого развития в силу отсутствия полноценного финансирования.

После прихода к власти в 1645 г. Алексея Михайловича и смены состава правительства начинается новый этап процесса урбанизации, который продолжался до конца XVII в. Начало этого этапа было связано с коренными изменениями в политике правительства, которое

возглавил Б. И. Морозов. Экономические реформы 1645–1648 г. были направлены на полную ликвидацию «белых слобод». Теперь все слободы частных владельцев, поселенные на посадской земле, (неважно законно купленной или захваченной), отходили государству («на государево имя») и приписывались в тягло к посадкам безвозмездно. Даже вотчины и поместья, которые находились близко к городам, так что «сошлись с посадками дворы с дворами», тоже приписывались к посадкам. Всех вольных людей, которые занимались торговлей или промыслами, но при этом государевых податей не несли и не служили, предписывалось взять в тягло. Эти меры были важным шагом на пути превращения посадского населения в замкнутую сословную группу, с которой было удобно брать налоги. Несмотря на протесты со стороны «сильных людей» и даже на попытки избавиться от правительства Б. И. Морозова, эта реформа была доведена до конца и законодательно закреплена в Соборном Уложении 1649 г. [35, с. 123].

Правительство и в дальнейшем пыталось зафиксировать законодательные основы существования посадского населения, продолжить процесс его превращения в замкнутую сословную группу, занимающуюся торговлей и ремеслами. Эти мероприятия привели к формированию значительных посадских общин в ряде южнорусских городов, прежде всего, Курске, Воронеже, Ельце [3, с. 63]. В конечном итоге, условия, сложившиеся в городах, привели к появлению отдельных фамилий, успешно ведающих торговую деятельность, которые положили начало династиям местного купечества.

С 1645 г. начинается решительная политика по освоению южного пограничья. На правом берегу Дона возникают новые укрепления, а затем крепости и остроги. Получили большое развитие недавно основанные крепости Козлов (1635) и Тамбов (1636). В 1645 г. была построена Усмань, защищавшая Елецкий и, отчасти, Лебедянский уезды, в 1646 г. – Орлов, в 1647 г. – Коротояк, в 1648 г. – Урыв, защищавшие Воронежский уезд. Для обороны переправ через реку Воронеж были основаны города Сокольск (1647) и Добрый (1648). Происходило укрепление степных границ в районе татарской дороги – Кальмиуского шляха, где были возведены Ольшанск (1644), Верхососенск и Новый Оскол (1647). На Муравском шляхе возникли 7 новых городов: Вольный и Хотомышск (1640), Лоцицкий (1642), Карпов (1644), Валки (1646), Болховой (1648) и Обоянь (1649). Между городами возводились валы, надолбы, острожки и другие укрепления. Общая численность насе-

ления в новых городах составляла примерно 10 тысяч человек [20, с. 310]. Однако новые поселения оставались, по своей сути, типичными крепостями, в задачу которых входило обеспечение защиты стремительно развивавшихся уездов северной части Центрального Черноземья (Курского, Ливенского, Елецкого, Воронежского, Козловского, Тамбовского).

Таким образом, экономические реформы правительства Б. И. Морозова 1645–1648 гг. и политика по колонизации южнорусского региона стимулировали развитие посадского населения в крепостях. В 1650–1680 гг. государство продолжило эту политику, стремясь быстрыми темпами превратить крепости в полноценные города, особенно те из них, которые оказались в тылу степной войны, поскольку граница отодвинулась на юг. Последние набеги в район Верхнего Дона были совершены около 1680 г. и являлись небольшими разбойными нападениями калмыков [13, с. 163–170].

Несмотря на устойчивый рост числа посадских дворов, численность служилого населения еще в 1670-е гг. оставалась высокой, и превышала число посадского населения. Однако роль посада в эти годы была очень значительной, ведь именно посадские люди обеспечивали экономическое развитие уездов. В конце XVII в. число посадских людей превысило число служилого населения в наиболее крупных городах, хотя соотношение это везде было различным. На этом этапе можно говорить о формировании полноценных городов, которое завершилось окончательно в начале XVIII в. Только отдаленные степные поселения еще продолжали оставаться военными форпостами России, но их задача сводилась к борьбе с разбойничьими бандами.

В XVIII в. часть крепостей, ставших небольшими «городами», была официально лишена этого статуса (Добрый, Сокольск, Урыв, Коротаяк, Орлов и проч.), они не смогли составить конкуренцию крупным соседям, которые стали на путь урбанизации раньше. Воронеж, Тамбов, Белгород, Курск стали центрами губерний. Дру-

гие города в результате урбанизации превратились в важные торговые и духовные центры (например, Елец, Данков, Лебедянь, Козлов).

Таким образом, полноценными городами крепости южного пограничья стали в конце XVII – начале XVIII вв., когда их военная функция уступила место торговой, что способствовало развитию ремесел и промыслов. Это стало возможным благодаря развитию уездов в первой половине XVII в. и поддержке правительством процесса урбанизации и колонизации края во второй половине столетия. Такая политика объяснялась конкретной практической необходимостью, стремлением создать в «диких землях» полноценный регион, способный не только к самостоятельной хозяйственной деятельности, но приносящий прибыль в виде различных налогов и сборов.

Подводя итоги, отметим, что понятие «город» тесным образом связано с деятельностью человека. Город это, прежде всего, разнообразное население и сумма устойчивых связей, возникающих между его постоянными жителями. Поэтому процесс урбанизации в XVII в. был связан не только с изменениями в социальной структуре (колебаниями соотношения посадских и служилых людей), но и с переменами в повседневной жизни. На место военной службе, как важнейшей структуре повседневности служилого человека, приходили иные принципы организации жизни, связанные с торговыми, хозяйственными и иными работами. Вместе с переменами в повседневной жизни менялись и формы поведенческих моделей, а вслед за ними происходила постепенная эволюция политической культуры местного «мира». Все это, в конечном итоге, вылилось в единый процесс, который не только превратил крепости в города, но изменил принципы жизни населения. За несколько поколений на смену жителям крепости – стрельцам и казакам, пришли горожане – купцы, ремесленники, мелкие торговцы. Потомки первопоселенцев имели иной уклад жизни, иную систему ценностей и норм поведения.

Источники и литература

1. Багалец Д. И. К истории заселения и хозяйственного быта Воронежского и Курского края. Отзыв об исследовании И. Н. Миклашевского «К истории хозяйственного быта Московского государства». СПб.: [б.и.], 1896. 72 с.
2. Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М.: университетская типография, 1846. 151 с.
3. Благовещенский Н. А. Четвертое право. М.: Типолитография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1899. 546 с.
4. Гамаюнов А. И. Лебедянь в начале XVII века // Исторический квартал. Выпуск 3. М.: Древлехранилище, 2013. С. 55–60.
5. Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII в. Воронеж: ВГУ, 2001. 430 с.
6. Жуков Д. С., Лямин С. К., Канищев В. В. Фронт и фрактал: результаты компьютерного моделирования динамики южно-российского фронта в середине XVII–XVIII вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. №10 (126). С. 6–16.
7. Жуков Д. С., Лямин С. К., Канищев В. В. Эвристический потенциал фрактального моделирования процессов включения южнорусского фронта в состав России в XVII – середине XIX вв. // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2014. С. 233–248.

8. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж: ВГУ, 1968. 272 с.
9. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: ВГУ, 1989. 272 с.
10. Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 233 с.
11. Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства. СПб.: Типография Компании Типографической, 1771. 333 с.
12. Ляпин Д.А. «Большая война» 1631–1634 гг. на Верхнем Дону // Вестник ЛГТУ Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 1(8). С. 36–42.
13. Ляпин Д. А. На степном пограничье: Верхний Дон в XV–XVII веках. Тула: Гриф и Ко, 2013. 210 с.
14. Ляпин Д. А. Тяглые и частновладельческие двory в городах России в середине XVII в. (по материалам городов-крепостей средней Оки и верхнего Дона) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. 2016. №22 (243). Вып. 40. С. 94–100.
15. Ляпин Д. А., Жиров Н. А. Тяглое население городов Юга России (по материалам переписи 1646 г.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014. С. 283–288.
16. Ляпин Д. А., Жиров Н. А. Численность и размещение населения Ливенского и Елецкого уездов в конце XVI – начале XVII веков // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: материалы международной научной конференции. Вып. 3. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013. С. 283–288.
17. Ляпин Д. А., Коршикова Е. А. Социально-экономическое развитие города Ельца и вотчинное землевладение Елецкого уезда в первой половине XVII в. // Новая наука: проблемы и перспективы. Ч. 3. Стрелитмак: АМИ, 2016. С. 162–164.
18. Мизис Ю. А., Кашенко С. Г. Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011. №1. С. 9–16.
19. Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М.: Типография Д. И. Иноземцева 1884. 318 с.
20. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1948. 450 с.
21. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М.: Типография Н. И. Скороходова, 1910. 535 с.
22. Ракигин А. С. Стрелецкие казаки города Данков после черкасского разорения (1618–1650-е годы) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции. 16–18 мая 2012 года. Ч. 3. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. С. 88–97.
23. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 135.
24. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 136; Д. 13902. Оп. 1. Ч. 2.
25. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8982.
26. РГАДА. Ф. 123. Д. 3; Д. 4.
27. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1, 2.
28. РГАДА. Ф. 210. Д. 230. Оп. 1. Ч. 2.
29. РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. Д. 8.
30. РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 26.
31. РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 7.
32. РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 8.
33. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 86.
34. РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. Д. 8.
35. Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.-Л.: АН СССР, 1947. Т. II. 736 с.
36. Сташевский Е. Д. Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние Московской армии. Киев: [б.и.], 1919. 328 с.
37. Davies L.B. State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635–1649. N.Y.: Palgrave Macmillan 2004. 346 p.
38. Stevens Belkin C. Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois University Press, 1995. 458 p.

References

1. Bagalei D. I. K istorii zaseleniya i khozyaistvennogo byta Voronezhskogo i Kurskogo kraja. Otzyv ob issledovanii I. N. Miklashevskogo «K istorii khozyaistvennogo byta Moskovskogo gosudarstva» (*To the history of settling and economic life of the Voronezh and Kursk regions. Feedback on the research of I. N. Miklashevsky «On the history of economic life of the Moscow state»*). St. Petersburg., 1896. 72 p. (In Russian).
2. Belyaev I. D. O storozhevoi, stanichnoi i polevoi sluzhbe na pol'skoi Ukraine Moskovskogo gosudarstva do tsarya Alekseya Mikhailovicha (*Guard, «stanitsa» and field service in the Polish Ukraine of Moscow state before Tsar Alexei Mikhailovich*). Moscow: University printing office, 1846. 151 p. (In Russian).
3. Blagoveshchenskii N. A. Chetvertnoe pravo (*Quarter right*). Moscow: I. N. Kushnerev i Ko printing office, 1899. 456 p. (In Russian).
4. Gamayunov A. I. Lebedyan' v nachale XVII veka (*Lebedyan at the beginning of the XVII century*) // Istoricheskiy kvartal. Vol. 3. Moscow: Drevlekhranilishche, 2013. P. 55–60. (In Russian).
5. Glaz'ev V. N. Vlast' i obshchestvo na yuge Rossii v XVII v. (*Power and society in the South of Russia in the XVII century*). Voronezh: VGU publ., 2001. 430 p. (In Russian).
6. Zhukov D. S., Lyamin S. K., Kanishchev V. V. Frontir i fraktal: rezul'taty komp'yuternogo modelirovaniya dinamiki yuzhno-rossiiskogo frontira v seredine XVII–XVIII vv. (*Frontier and the fractal: the results of computer simulation of the dynamics of South-Russian frontier in the middle of the XVII–XVIII centuries*) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2013. No.10 (126). P. 6–16. (In Russian).

7. Zhukov D. S., Lyamin S. K., Kanishchev V. V. Evristicheskii potentsial fraktal'nogo modelirovaniya protsessov vklyucheniya yuzhnorusskogo frontira v sostav Rossii v XVII – seredine XIX vv. (*The Heuristic potential of the fractal simulation of the inclusion of the southern Russian frontier into Russia in XVII – mid-XIX centuries*) // Granitsy i pogranič'ye v yuzhnorossiiskoi istorii Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Rostov-on-Don: SFU publ., 2014. P. 233–248. (In Russian).
8. Zagorovskii V. P. Belgorodskaya cherta (*Belgorod hell*). Voronezh: VGU publ., 1968. 272 p. (In Russian).
9. Zagorovskii V. P. Istoriya vkhozhdeniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiiskogo gosudarstva v XVI veke (*The History of occurrence of the Central Chernozem region in the Russian state in the XVI century*). Voronezh: VGU publ., 1989. 272 p. (In Russian).
10. Zenchenko M. Yu. Yuzhnoe rossiiskoe porubezh'e v kontse XVI – nachale XVII v. (*South Russian borderline in the end of XVI – early XVII century*). Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2008. 233 p. (In Russian).
11. Letopis' o mnogikh myatezhakh i o razorenii Moskovskogo gosudarstva (*Chronicle of many rebellions and the ruin of Moscow state*). St. Petersburg: Company "Tipograficheskaya", 1771. 333 p. (In Russian).
12. Lyapin D. A. «Bol'shaya voina» 1631–1634 gg. na Verkhnem Donu («Great war» 1631–1634. on the Upper Don) // Vestnik LGTU Seriya: Gumanitarnye nauki. Vol. 1 (8), 2013. P. 36–42. (In Russian).
13. Lyapin D. A. Na stepnom pogranič'ye: Verkhniy Don v XV–XVII vekakh (*On the steppe frontier: the Upper Don, in the XV–XVII centuries*). Tula: Grif i Ko 2013. 210 p. (In Russian).
14. Lyapin D. A. Tyaglye i chastnovladel'cheskie dvory v gorodakh Rossii v seredine XVII v. (po materialam gorodov-krepostei srednei Oki i verkhnego Dona) (*Tax and privately owned yards in the cities of Russia in the middle of XVII century (on materials of the walled cities of the middle Oka and the upper Don)*) // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya. 2016. No. 22 (243). Vol. 40. P. 94–100. (In Russian).
15. Lyapin D. A., Zhirov N. A. Tyagloe naselenie gorodov Yuga Rossii (po materialam perepisi 1646 g.) (*The tax population of cities in the South of Russia (based on the 1646 census)*) // Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Issue. 4. Chteniya pamyati akademika RAN L. V. Milova. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 26 oktyabrya – 1 noyabrya 2015 g. Moscow: MSU named after M.V. Lomonosov, 2014. P. 283–288. (In Russian).
16. Lyapin D. A., Zhirov N. A. Chislennost' i razmeshchenie naseleniya Livenskogo i Eletskego uezdov v kontse XVI – nachale XVII vekov (*The number and distribution of the population of Yelets and Livny districts in the late XVI – early XVII centuries*) // Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii). Vol. 3. Moscow: MSU named after M.V. Lomonosov, 2013. P. 283–288. (In Russian).
17. Lyapin D. A., Korshikova E. A. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie goroda El'tsa i votchinnoe zemlevladienie Eletskego uezda v pervoi polovine XVII v. (*Socio-economic development of the city of Yelets and the patrimonial estates of the Yelets uyezd in the first half of the XVII century*) // Novaya nauka: problemy i perspektivy. Part 3. Sterlitamak: AMI, 2016. P. 162–164. (In Russian).
18. Mizis Yu. A., Kashchenko S. G. Problema formirovaniya russkogo frontira na yuge Rossii v XVI – pervoi polovine XVIII v. v otechestvennoi istoriografii (*The problem of the formation of the Russian frontier in the south of Russia in the XVI – first half of the XVIII century. in the domestic historiography*) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 2. Istoriya. 2011. No. 1. P. 9–16. (In Russian).
19. Miklashevskii I. N. K istorii khozyaistvennogo byla Moskovskogo gosudarstva (*The history of the economic life of the Moscow state*). Moscow: D.I. Inozemtsev's printing office 1884. 318 p. (In Russian).
20. Novosel'skii A. A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoi polovine XVII v. (*Fight of the Moscow state with the Tatars in the first half of the XVII century*). Moscow-Leningrad: SA USSR, 1948. 450 p. (In Russian).
21. Platonov S. F. Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. (*Essays on the history of the Troubles in the Moscow State of the XVI–XVII centuries*). Moscow: N. I. Skorokhodov's printing office, 1910. 535 p. (In Russian).
22. Rakitin A. S. Storozhevye kazaki goroda Dankov posle cherkasskogo razoreniya (1618–1650-e gody) (*Guard Cossacks of the city of Dankov after Cherkasy ruin (1618–1650)*) // Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy Tret'ei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 16–18 maya 2012 goda. Part. 3. Saint Petersburg, 2012. P. 88–97. (In Russian).
23. Russian state archive of ancient acts (RGADA). F. 210. Inv. 20. D. 8. (In Russian).
24. RGADA. F. 210. D. 230. Op 1. Part. 2. (In Russian).
25. RGADA. F. 1209. Inv. 1. D. 135. (In Russian).
26. RGADA. F. 1209. Inv. 1. D. 136; D. 13902. Inv. 1. Part. 2. (In Russian).
27. RGADA. F. 1209. Inv. 1. D. 8982. (In Russian).
28. RGADA. F. 123. Inv. 1. D. 3; D. 4. (In Russian).
29. RGADA. F. 141. D. 1, 2. (In Russian).
30. RGADA. F. 210. Inv. 21. D. 26. (In Russian).
31. RGADA. F. 210. Inv. 21. D. 7. (In Russian).
32. RGADA. F. 210. Inv. 21. D. 8. (In Russian).
33. RGADA. F. 210. Inv. 4. D. 86. (In Russian).
34. RGADA. F. 210. Inv. D. 8. (In Russian).
35. Smirnov P. P. Posadskie lyudi i ikh klassovaya bor'ba do serediny XVII v. (*Citizens and the class struggle until the middle of XVII century*). Vol. II. Moscow-Leningrad: SA USSR. 1947. 736 p. (In Russian).
36. Stashevskii E. Smolenskaya voina 1632–1634 gg. Organizatsiya i sostoyanie Moskovskoi armii (*Organization and status of the Moscow army*). Kiev, 1919. 328 p. (In Russian).
37. Davies L. B. State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635–1649. N.Y.: Palgrave Macmillan 2004.
38. Stevens Belkin C. Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois University Press, 1995.

УДК 94(47)

Е. Ю. Любушкина

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ОКАЗАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ ДОНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье освещается деятельность общественных организаций Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв., направленная на оказание благотворительной помощи преимущественно людям среднего, пожилого и старческого возраста. В рассматриваемом регионе стала широкой практика открытия и содержания благотворительных заведений – ночлежных домов, домов для престарелых, столовых для бедных, лечебниц. Однако это было прерогативой общественных организаций, которые обладали значительными денежными средствами. Распространенными видами благотворительной помощи были выдача единовременных и ежемесячных пособий, ссуд на различные нужды. Автор на примерах деятельности различных общественных организаций Дона и Северного Кавказа раскрывает роль и значение самоорганизующейся обще-

ственности в сфере оказания социальной помощи населению. Проведен сравнительный анализ деятельности общественных организаций Северного Кавказа и области войска Донского, выявлено, что финансовое состояние филантропических общественных организаций области войска Донского было выше, нежели подобных обществ на Северном Кавказе. Уделено внимание работе общественных организаций в селах и станицах региона, отмечено, что их деятельность не была широкопрофильной и могла прерываться из-за отсутствия средств. Общественные организации региона представлены как неотъемлемая часть повседневной жизни населения.

Ключевые слова: социальная помощь, общественные организации, благотворительные заведения, Дон и Северный Кавказ, вторая половина XIX – начало XX вв.

E. Yu. Luybushkina

THE ACTIVITY OF PUBLIC ORGANIZATIONS TO PROVIDE SOCIAL SUPPORT TO THE POPULATION OF THE DON AND THE NORTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES

The article covers the activities of public organizations in the Don and the North Caucasus during the second half of XIX – beginning of XX centuries, aimed at the provision of charitable support mostly to the people of average, elderly and senile age. The practice of establishing and maintenance of charitable institutions-dosshouses, nursing homes, canteens and hospitals for the poor has become widespread in the region. However, it was the prerogative of public organizations that have significant cash. Common types of charitable aid were issuing one-time and monthly allowances, loans for various purposes. By the examples of the activities of the various public organizations in the Don and the North Caucasus regions, the author reveals the role and importance of self-organised

public in the provision of social assistance to the population. The comparative analysis of the activity of public organizations in the North Caucasus and Don army region revealed that the financial condition of philanthropic public organizations in the Don army region was more consistent than the one of similar societies in the North Caucasus. The focus is on the work of social organizations in towns and villages in the region. It is noted that their activities was not various and could be broken up due to the lack of funds. Public organizations of the region are presented as an integral part of the daily life of the population.

Key words: social support, public organizations, charitable institutions, the Don and the North Caucasus, the second half of XIX – beginning of XX centuries.

В зарубежной и отечественной историографии накоплен достаточно обширный материал по исследованию проблем благотворительности и общественных организаций в России.

Изучению коллективных объединений в России дореволюционного периода в контексте ис-

следования проблем гражданского общества посвящены работы таких зарубежных исследователей как Э. Кимбэлл, А. Линденмейер, Дж. Бредли, Дж. Уолкин, М. Хильдермейер [6].

Ведущее место в отечественной историографии проблемы исследования общественных

организаций в России занимают монографии крупных специалистов в этой сфере профессоров, докторов исторических наук А. С. Тумановой, В. Я. Гросула, И. С. Розенталя, Г. Н. Ульяновой, М. В. Михайловой, А. Е. Иванова [7].

Существенным вкладом в изучение истории общественных организаций в дореволюционной России стала коллективная научная монография зарубежных и отечественных ученых Дж. Бредли, В. Я. Гросула, О. Ю. Елиной, И. В. Зубкова, А. Е. Иванова, Д. И. Раскина, И. С. Розенталя, А. А. Сафонова, А. Д. Степанского, П. П. Щербинина, обобщающее и фундаментальное исследование «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в.» [11], в которой на высоком теоретическом уровне и широком корпусе источников процесс становления и эволюции российской общественной самоорганизации рассматривается в рамках формирования гражданского общества в России.

Ведущими специалистами на юге России по изучению истории благотворительности, общественных организаций, в том числе научных обществ в России и регионе являются профессора Т. Е. Покотилова, М. Е. Колесникова, П. Я. Циткилов, В. Н. Ратушняк, З. В. Канукова, Б. В. Туаева [10] и др.

Значительный вклад в исследование благотворительности и отдельных групп общественных организаций Дона и Северного Кавказа второй половины XIX – начала XX вв. внесли исследования кандидатов исторических наук – Л. Е. Оспищевой, Н. Е. Рыловой, В. А. Тимченко, С. Л. Дьячкова, В. В. Немовой, О. И. Шафрановой, К. В. Мальцевой, И. М. Игнатьевой, И. А. Павловой, К. К. Афанесян, Е. В. Четвериковой, Е. А. Кадзова и др.

В целом, современный этап развития отечественной историографии проблемы характеризуется повышенным вниманием к ней региональных исследователей, в трудах которых рассматривается деятельность общественных организаций, их роль в социокультурной жизни региона. Между тем, исследование отдельных вопросов, связанных с благотворительной деятельностью, участием в благотворительном процессе различных сословий, процессами развития самоорганизующейся общественности по регионам России все еще остаются открытыми в исследовательском поле историков.

Вторая половина XIX в. характеризуется большей активизацией общественной деятельности в России, дальнейшей эволюцией гражданских ассоциаций, внедрением и совершенствованием различных форм их работы в

сфере благотворительности, разносторонностью и последовательностью проводимых ими мероприятий. Филантропическое движение, имевшее широкое распространение в России во второй половине XIX в., нашло свое выражение и на южных рубежах империи. На Дону и Северном Кавказе стали создаваться общественные организации, уделявшие особое внимание наиболее нуждающимся в социальной поддержке гражданам.

К рубежу XIX–XX вв. в России существовали благотворительные заведения для взрослых, которые подразделялись на 5 групп: 1) заведения для призрения престарелых, убогих, неизлечимых, неспособных к труду; 2) заведения дешевого и бесплатного пропитания; 3) заведения дешевого и бесплатного проживания; 4) заведения трудовой помощи; 5) заведения лечебной помощи для взрослых [1, с. 12].

На Дону и Северном Кавказе имели место все 5 групп благотворительных заведений. Распространенной формой работы общественных организаций региона в сфере помощи взрослому населению стала практика открытия и содержания благотворительных заведений, предназначенных для нищих и полунисщенствующих. Наибольшее распространение получили ночлежные дома. К примеру, на Кубани подобного рода заведения были открыты практически во всех отделах области: Обществом пособия бедным г. Майкопа в 1898 г., Темрюкским благотворительным обществом в 1901 г., Обществом пособия бедным в 1903 г., Обществом борьбы с нищенством в г. Екатеринодаре в 1909 г.

Практиковались и другие формы работы. Так, Екатеринодарское благотворительное общество в 1893 г. открыло воскресные школы с вечерними классами для взрослых мужчин, в 1895 г. – Дом трудолюбия, в 1899 г. – бюро разных заявлений и прошений, главным образом с целью помочь людям устроиться на работу и обрести заработок, в 1904 г. – публичную библиотеку с читальней им. К. В. Россинского [2, л. 22, об.].

На Ставрополье весной 1888 г. был создан «Кружок учредителей бесплатных столовых», основной целью которого стала организация обедов для нуждающихся. В июле 1888 г. он был преобразован в Братство Св. равноапостольного кн. Владимира. Членами кружка, затем Братства были общественные деятели Г. Н. Прозрителев, Г. К. Пправе, И. П. Кувшинский, И. В. Бентковский, Д. И. Евсеев, директор народных училищ М. В. Краснов, доктор медицины П. С. Лабенский, мировой судья

И. А. Манжос-Белый, неперенный член приказа общественного призрения В. М. Каптерман и др. Обеды организовывались в колокольне Кафедрального собора. 24 апреля 1888 г. столовая для бедных была открыта. В тот же день ее посетило 90 человек. Отчеты Братства свидетельствуют о том, что для наблюдения за организацией этого учреждения, столовую периодически посещали епископ Ставропольский и Екатеринодарский Владимир и губернатор Н. Е. Никифораки. Об успешной работе столовой свидетельствует тот факт, что за один только месяц с 24 апреля по 24 мая в ней побывало 2958 человек. Постоянными посетителями были местные бедняки, бездомные престарелые ночлежники. В последствии, организация обедов и учреждение столовых вошло в практику уже объединенного Ставропольского Андреевско-Владимирского братства (1892 г.), а также других общественных организаций Ставрополя. В частности, одной из форм работы Общества помощи бедным в г. Ставрополе (1897) было открытие столовой для бедных с 13 января 1898 г. в период зимнего времени, рассчитанной на 100 человек [4, л.17]. Возможно, развитие такой формы работы было связано с тем, что в Общество помощи бедным входили, наряду с другими членами, также Г. К. Пправе, Г. Н. Прозрителев, И. П. Кувшинский, кто первоначально стоял у истоков создания «Кружка учредителей бесплатных столовых», которые, затем, вступая в ряды других обществ, пропагандировали уже апробированные формы работы с населением. Из кассовых отчетов видно, что преобладающее значение в его денежных средствах имели достаточно крупные взносы немногих лиц. Только за первый год существования Общества в кассу поступило 10694 руб. [4, л.16]

Интересна организация формы контроля за нуждающимися в помощи людьми, которую практиковало Общество помощи бедным. Ставрополь разделили на 23 участка, каждым из которых заведовали особый участковый попечитель или попечительница, избираемые ежегодно правлением из числа почетных или действительных членов Общества, им выдавались билеты для удостоверения личности. Подобная организация обеспечила качественные показатели работы Общества.

Отличительной особенностью деятельности Общества в сравнении с другими общественными организациями на Ставрополье была широкая практика доставления разнообразной помощи на дому, в том числе снабжение бедных медицинскими пособиями, одеждой,

продуктами питания. Пострадавшим от неурожая 1897 г. в г. Ставрополе вдовам с детьми, беременным, нетрудоспособным гражданам выдавались карточки, по которым они получали из лавок мясо, сало, хлеб, картофель, крупу, чай, сахар и пр. Общество практиковало и выдачу ссуд на ремонт жилищ, на приобретение усадебных мест, различных сельскохозяйственных орудий, на занятие торговлей и пр. К сожалению, эта форма работы оказалась убыточной для Общества в связи с несвоевременным возвращением ссуд. Новой формой работы в деятельности Общества стала организация помощи по отправлению граждан на родину и в другие регионы. Эта услуга предоставлялась рабочим, оказавшимся в г. Ставрополе в поисках работы, а также бездомным и бесприютным гражданам, среди них были и те, кто нуждался в лечении на Кавказских Минеральных водах.

Общество открыло приют для престарелых в помещении «Кружка изящных искусств» при бывшем юнкерском училище, а также Бюро заявлений для правильного оформления документов жителями г. Ставрополя.

Ставропольским Братством св. равноапостольного кн. Владимира 26 ноября 1889 г. был открыт Дом для беспомощных, в который первоначально приняли 25 мужчин и женщин преклонного и старческого возраста. С 1892 г. Дом для беспомощных стал заботой Андреевско-Владимирского братства.

Форма благотворительности через филантропические общества распространилась и на сельскую местность. Практику выдачи ссуд активно применяло Общество пособия бедным в Медвеженском уезде Ставропольской губернии (1892). Ежегодно в Правление организации поступало от 80 до 140 просьб о выдаче пособий и беспроцентных ссуд. Общество смогло привлечь к деятельности почетных членов 15 сельских обществ с ежегодным взносом по 50 руб. В связи с этим увеличился капитал Общества, из средств которого Правление выдавало ссуды и пособия. В 1904 г. была открыта богадельня на 10 кроватей и баня. В здании, предоставленном Обществу под богадельню, были отведены 2 комнаты под ночлежный приют. В 1909 г. Общество приобрело 15 десятин земли под организацию трудовых работ для престарелых, призреваемых в богадельне [5, л. 23].

Общество пособия бедным в Благодаринском уезде (1903) выдавало ежемесячные и единовременные пособия, предоставляло возможность в приобретении бесплатных лекарств, выделяло средства на операции, опла-

чивало проживание нуждающимся в лечении на Кавказских Минеральных Водах. Подопечными Общества являлись неимущие и инвалиды.

В области войска Донского масштабную работу проводило Донское попечительство о бедных в г. Новочеркасске (1871). 18 декабря 1899 г. был открыт дом призрения для престарелых женщин Донского попечительства о бедных им. Ф. П. Бобриковой, в апреле 1901 г. – новочеркасская дешевая столовая попечительства [8, с. 26]. Столовую посещали крестьяне и рабочие, живущие поденной работой. Бедняк получал возможность пообедать за 4–10 коп. В 1902 г. столовую посетило 64951 чел. [7, с. 13]. Отметим, что это было одно из самых богатых попечительств в области войска Донского. Так, к 1 января 1902 г. в кассе Попечительства имелось 106680 руб. [7, с. 2] Из этой суммы только в 1902 г. было оказано благотворительной помощи в размере 19471 руб. [7, с. 7]. Помощь заключалась в выдаче пособий в г. Новочеркасске и в станицах, выдаче бедным 5 700 пудов угля (8 вагонов), пожертвованных углепромышленниками С. В. Шушпановой, А. Ф. Богта, А. В. Марковым и В. А. Отто, а также Русским обществом пароходства и торговли и Азовской угольной компанией [7, с. 9]. С течением времени, по мере развития деятельности попечительства, финансового обогащения увеличивались статьи его расходов. Если в 1902 г. было выдано пособий 189-ти семействам [7, с. 9], то в 1912 г. выдано таковых 929-ти нуждающимся жителям области войска Донского на сумму 6820 руб. [8, с. 15].

Ростовское-на-Дону Александровское благотворительное общество (1873) в 1901 г. выдало ежемесячных и единовременных пособий продуктами питания и медикаментами на сумму 7700 руб. Ежемесячные пособия были выданы 250-ти гражданам, преимущественно слепым, калекам и вдовам, имеющим детей. В течение 1901 г. 1000 граждан получили единовременные пособия, 30 человек были отправлены на родину. Для бесплатного лечения в городских больницах 130-ти гражданам были выданы больничные билеты, 200 человек бесплатно получили медикаменты [3, л. 79]. Средства Общества складывались из членских взносов, пожертвований, доходов от проводимых спектаклей, лотерей-аллегри, субсидий от Городской управы, Ростово-нахичеванского-на-Дону общества взаимного кредита, купеческого общества, различных обществ и товариществ. К 1 января 1911 г. капитал Общества составил 49087 руб. [9, с. 9].

Попечительство о Доме трудолюбия им. Петра Романовича Максимова в г. Росто-

ве-на-Дону (1896) располагало недвижимым имуществом, включавшим двухэтажный дом, в котором помещались мастерские дома трудолюбия, дезинфекционная камера, столовая и ночлежный приют на 200 человек, а также одноэтажный дом, в котором находилась школа грамоты на 50 человек. Здания были оценены в 103391 руб. [3, л. 101]. Учреждения попечительства были открыты по воле умершего потомственного почетного гражданина Петра Романовича Максимова, завещавшего на благотворительные цели капитал в 200000 руб., из которых 100000 руб. определены на постройку зданий, а другие 100000 руб. – в неприкосновенный капитал, с которого поступали проценты на содержание учреждений [3, л. 101].

В 1901 г. неприкосновенный капитал Общества составлял 112087 руб. При доходе Общества в сумме 53342 руб., оно смогло оказать материальную помощь 301 человеку, затратив 50080 руб. [3, л. 101].

В Терской области Владикавказским благотворительным обществом в 1891 г. была открыта богадельня для призрения престарелых, неимущих и нетрудоспособных женщин, за которой утвердилось название «Вдовский дом», а с 1893 г. утверждено название «Женская при Владикавказском благотворительном обществе богадельня» [14, л. 6, об.]. Благотворительное общество в г. Грозном (1892) в первый год своего существования оказало помощь 147-ми нуждающимся [13, л. 13]. Одной из форм деятельности Общества была забота о состоянии здоровья учителей города, которые не имели достаточных средств на приобретение медикаментов. К тому же в городе не было больницы, а местный военный госпиталь не всегда был открыт для приема граждан. Правление Общества подготовило проект бесплатной лечебницы, с которым обратилось в грозненское городское управление, на что было дано согласие. В 1893 г. была открыта лечебница, где проводился амбулаторный прием больных [13, л. 13].

По эффективности реализации проводимых мероприятий отметим, что далеко не все общественные организации проводили широкомасштабную работу. Главной причиной эффективной работы было наличие денежных средств, обеспечивающих устойчивое финансовое состояние общественных организаций. Основными показателями устойчивого финансового состояния были средства, складывающиеся из ежегодных доходов от недвижимости, процентов с капиталов, членских взносов, поступлений от жертвователей, местных органов власти и иных структур, от концертов, лотерей и дру-

гих мероприятий. Если доход общества был небольшим, на оказание помощи нуждающимся тратилась небольшая сумма денег. Наряду с крупными обществами, такими, как Александровское благотворительное общество в г. Ростове-на-Дону, Екатеринодарское благотворительное общество, Общество помощи бедным в г. Ставрополе, чьи капиталы достигали от 10000 до 50000 руб., а Донского попечительства о бедных в г. Новочеркасске более 100000 руб., функционировали менее финансово состоятельные организации, в основном, в селах и станицах региона. Деятельность сельских и станичных благотворительных обществ не отличалась столь значительными масштабами и могла прерываться из-за отсутствия средств. К примеру, «Попечительное общество и дом трудолюбия, ночлежный приют и дешевая столовая в ст. Каменской» Донецкого округа возникло по инициативе донецкого окружного предводителя дворянства Николая Степановича Грекова в 1900 г. Общество существовало на членские взносы, средства от устраиваемых культурно-развлекательных мероприятий. В 1901 г. при доходе Общества в сумме 2985 руб., оно оказало помощь 417 гражданам в размере 1198 руб. [3, л. 156].

Сравнительный анализ по региону позволяет заключить, что филантропические общественные организации области войска Донского были существенно богаче, нежели подобные общества на Северном Кавказе. Это было связано с динамично развивающейся экономикой области войска Донского, что не могло не отразиться на деятельности общественных организаций. Присутствие в рядах благотворительных обществ состоятельных граждан, жертвовавших крупные суммы денег, крупные единовременные пожертвования от частных лиц, финансовые отчисления со стороны местных органов власти и иных структур обеспечи-

вали жизнеустойчивость многих общественных организаций. Развитие банковской сети на Дону позволяло общественным организациям вкладывать средства под проценты, что обеспечивало стабильные ежегодные доходы обществ, а соответственно позволяло тратить более крупные средства на оказание помощи нуждающимся.

Прерогативой деятельности благотворительных общественных организаций региона стали попытки предупреждения бедности и нищеты. В общественном сознании провинциальной элиты прослеживается гуманное отношение к нищим. Провинциальная самоорганизующаяся общественность, прежде всего, ориентировалась на оказание социальной поддержки самым бедным слоям общества. На Дону и Северном Кавказе распространенной формой работы общественных организаций стала практика открытия и содержания благотворительных заведений, в которых осуществлялась помощь нуждающимся категориям населения. В целом, можно заключить, что отмеченные формы работы благотворительных общественных организаций с населением, такие как открытие ночлежных домов, приютов для престарелых, лечебниц, домов для вдов, дешевых столовых, оказание помощи на дому, выдача единовременных и ежемесячных пособий, ссуд на различные нужды свидетельствуют о складывании эффективной системы социальной помощи в рассматриваемом регионе в досоветский период. Общественные организации сыграли немаловажную роль в создании лучших условий для нуждающегося в помощи населения в рамках социально-помогающей деятельности, выразившейся в многообразных формах работы, в предоставлении широкого спектра помощи для трудоспособного и нетрудоспособного населения.

Источники и литература

1. Благотворительные учреждения Российской империи. Т. 1. СПб.: [б.и.], 1900. 360 с.
2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3854.
3. Государственный архив Ростовской области. Ф. 353. Оп. 1. Д. 529.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 101. Оп. 4. Т. 2. Д. 2534.
5. ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Т. 2. Д. 3408.
6. Кимбэлл Э. Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху великих реформ. 1859–1863 // Великие реформы в России. 1856–1874 / под ред. Л. Г. Захарова, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: МГУ, 1992. С. 260–282.
7. Отчет комитета Донского попечительства о бедных за 1902 г. Новочеркасс: [б.и.], 1903.
8. Отчет комитета Донского попечительства о бедных за 1912 г. Новочеркасс: [б.и.], 1913.
9. Отчет о приходе, расходе и остатке сумм Ростовского-на-Дону Александровского благотворительного общества за 1910 г. Ростов-на-Дону, б.г.
10. Покотилова Т. Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России. М: МГАДИ., 1997. 185 с.
11. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. редактор А. С. Туманова. М.: РОССПЭН, 2011. 887 с.
12. Туманова А. С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002, 488 с.

13. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. 12. Оп. 2. Д. 181.
14. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 972.

References

1. Blagotvoritel'nye uchrezhdenija Rossijskoj imperii (*Charitable institutions of the Russian Empire*). Vol. 1. St. Petersburg, 1900. 360 p. (In Russian).
2. State archive of Krasnodar territory (GAKK). F. 454. Inv. 2. D. 3854. (In Russian).
3. State archive of Rostov territory (GARO). F. 353. Inv. 1. D. 529. (In Russian).
4. State archive of Stavropol territory (GASK). F. 101. Inv. 4. Vol. 2. D. 2534. (In Russian).
5. GASK. F. 101. Inv. 4. Vol. 2. D. 3408. (In Russian).
6. Kimbjell Je. Russkoe grazhdanskoe obshhestvo i politicheskij krizis v jepohu velikih reform. 1859–1863 (*Russian civil society and the political crisis in the era of the great reforms. 1859–1863*) // Velikie reformy v Rossii. 1856–1874 / ed by L. G. Zaharov, B. Jeklof, Dzh. Bushnell. Moscow: MSU publ, 1992. P. 260–282. (In Russian).
8. Otchet komiteta Donskogo popechitel'stva o bednykh za 1912 g. (*The Committee's report about the poor for guardianship of Don 1912*). Novocherkassk, 1913. (In Russian).
9. Otchet o prikhode, raskhode i ostatke summ Rostovskogo-na-Donu Aleksandrovskogo blagotvoritel'nogo obshchestva za 1910 g. (*Report on parish and consumption balance amounts of Rostov-on-Don Alexander's charitable society, 1910*). Rostov-on-Don, without date.
10. Pokotilova T. E. Blagotvoritel'nost' v sotsial'noi istorii dorevoljucionnoi Rossii (*Charity in the social history of pre-revolutionary Russia*). Moscow: Moscow-State Road Institute, 1997. 185 p. (In Russian).
11. Samoorganizatsiya rossijskoj obshchestvennosti v poslednei treti XVIII – nachale XX v. (*Self-organization of Russian society in the last third of the XVIII – early XX century*) / ed by A.S. Tumanov. Moscow: ROSSPEN, 2011. 887 p. (In Russian).
12. Tumanova A. S. Samoderzhavie i obshchestvennye organizatsii v Rossii. 1905–1917 gody (*Autocracy and public organizations in Russia. 1905–1917*). Tambov: TSU named after G.R. Deravina, 2002, 488 p. (In Russian).
13. The central State archive of the Republic of North Ossetia-Alania (TsGA RSO-A). F. 12. Inv. 2. D. 181. (In Russian).
14. TsGARSO-A. F. 12. Inv. 2. D. 972. (In Russian).

УДК 94(47).084

А. Ц. Марукян

ЗНАЧЕНИЕ СОВМЕСТНОЙ ДЕКЛАРАЦИИ ДЕРЖАВ АНТАНТЫ ОТ 24 МАЯ 1915 ГОДА В ВОПРОСЕ КВАЛИФИКАЦИИ МАССОВОГО ИСТРЕБЛЕНИЯ АРМЯН И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ВЛАСТИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В данной статье рассматриваются некоторые документы, касающиеся квалификации массового истребления армян в Османской империи в годы Первой мировой войны: совместная декларация держав Антанты от 24 мая 1915 г., официальный ответ турецкого правительства от 27 мая на декларацию держав Антанты, а также закон Османской империи «О депортации» от 30 мая.

Автор анализирует указанные документы и сопоставляет их с историческими фактами. На основе сравнительного анализа содержания этих документов, автор приходит к выводу, что принятием временного закона «О депортации» и публикацией официального ответа на обвинения и угрозы, содержащиеся в совместной декларации держав Антанты, турецкое правительство стремилось «узаконить» свои преступные деяния в отношении армян и массовое истребление ар-

мянского населения мировому сообществу представить как меры, предпринятые «из требований закона и необходимости защиты общественного спокойствия». Что касается принятой по инициативе России совместной декларации держав Антанты, то данным документом еще в годы Первой мировой войны, в момент совершения Геноцида армян, дается объективная политико-правовая оценка данному преступлению, формулировки которого впоследствии в качестве прецедента были использованы при разработке конвенции ООН 1948 г. о геноциде.

Ключевые слова: Геноцид армян, Османская империя, совместная декларация держав Антанты, Россия, закон «О депортации», официальный ответ турецкого правительства, Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него».

A. Ts. Marukyan

VALUE OF THE JOINT DECLARATION OF POWERS OF THE ENTENTE OF MAY 24, 1915, IN THE QUESTION OF QUALIFICATION OF ARMENIAN GENOCIDE AND ITS IMPACT ON THE AUTHORITIES OF THE OTTOMAN EMPIRE

The article studies some documents concerning qualification of Armenian Genocide in the Ottoman Empire during World War I: the joint declaration of powers of the Entente of May 24, 1915, the official reply of the Ottoman government of May 27 on a Declaration of powers of the Entente, and also the law of the Ottoman Empire "About deportation" of May 30.

The author analyzes the specified documents and compares them with historic facts. On the basis of the comparative analysis of contents of these documents the author comes to a conclusion that that adoption of the temporary law «On Deportation» and publication of the official response to the charges and threats, which are contained in the joint declaration of Entente powers, Turkish government sought «to legalize» the criminal actions against Armenians and to present

mass destruction of the Armenian population to the world community as the measures taken «from requirements of the law and the need to protect public peace». As for the joint declaration of Entente powers which was adopted at the initiative of Russia, this document even in the years of World War I, at the time of Armenian Genocide, the objective political and legal treatment is given to this crime, which formulations as a precedent were used subsequently when developing UN convention on genocide of 1948.

Key words: Armenian Genocide, Ottoman Empire, Joint declaration of powers of Entente, Russia, law "On Deportation", official reply of the Turkish government, UN Convention "On the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide".

Еще в годы Первой мировой войны, когда в Османской империи совершался геноцид армян, 24 мая 1915 г. в трех столицах союзных держав Антанты – в Париже, Лондоне и Петрограде – одновременно была опубликована совместная декларация, инициатором и автором

текста которой была Россия. Окончательный текст декларации был опубликован Петроградским телеграфным агентством: «В течение всего последнего месяца в Армении происходит резня армян курдами и турками при явном попустительстве, а иногда и при прямом содей-

ствии османских властей. В половине апреля нового стиля резня армян имела место в Эрзруме, Дергане, Эгине, Битлисе, Муше, Сасуне, Зейтуне и во всей Киликии, поголовно вырезаны жители сотен деревень в окрестностях Вана; в самом Ване армянский квартал осаждался курдами. В то же время Константинопольское турецкое правительство подвергает арестам и небывалым притеснениям мирное армянское население.

Ввиду этих новых преступлений, совершаемых Турцией против человечества и цивилизации, союзные правительства России, Франции и Англии сим публично объявляют Высокой Порте, что они возлагают личную ответственность за эти преступления на всех членов турецкого правительства, а также на тех его местных представителей, которые окажутся причастными к подобной резне» [6, с. 21].

Примечательно, что державы Антанты в совместной декларации отмечают, что массовые убийства армян происходит не в Османской империи или в Анатолии, а именно в Армении, чем фактически фиксируется факт уничтожения коренного населения на его родине. В декларации действиям младотурецкого правительства давали как политическую, так и правовую оценку. В документе четко определяется участие самого турецкого правительства к массовым убийствам армян как «прямое содействие». Принципиальное значение имеет также указание на то, что происходят «новые преступления». Тем самым, во-первых, указывается, что прежние акты массового уничтожения армян имели место, и, во-вторых, подчеркивается тесная связь геноцида армян с убийствами прошлых лет [2, с. 25]. Декларация положила начало введению личной ответственности физических лиц за подобные деяния, и отвергла апелляцию к доктрине «государственного акта», согласно которой деяния ставится в вину государственному аппарату, а не конкретному руководителю и исполнителям. Согласно данному документу официальное положение лиц, виновных в геноциде армян, являются ли они членами правительства или его представителями на местах, не может рассматриваться как оправдательное обстоятельство или как основание для смягчения наказания [4, с. 280]. Более того, из логики текста следует, что статус членов правительства, или же представителей власти на местах рассматривается не как смягчающее, а напротив – как отягчающее обстоятельство в вопросе определения степени их наказания за причастность к геноциду.

Декларация держав Антанты дает отпор фальсификаторам истории, которые самооборонительные бои армян в Ване пытаются

представить как восстание, которое, якобы, пытались подавить турецкие власти. В тексте документа особо подчеркивается, что жители сотен деревень в окрестностях Вана поголовно вырезаны, а в самом Ване армянский квартал осаждался курдами. Из данных формулировок документа становится очевидным, что осажденные в квартале Вана армяне не восстали против турецких властей, а прибегли к вынужденной самообороне, когда пришел их черед уничтожения.

Подобная квалификация геноцида армян влечет за собой справедливое признание и осуждение данного преступления международным сообществом и в первую очередь теми государствами, которые подписали декларацию (Россия, Франция, Великобритания), а также приняли ее положения (США). Это наметило перспективу преодоление последствий этого преступления, восстановление попранных прав армянского народа [2, с. 26].

Текст декларации МИДом Франции через телеграфное агентство «Ява» был передан в Константинополь и Берлин. Так как вследствие войны дипломатические отношения между Османской империей и державами Антанты были прерваны, официальная передача текста декларации Порте несколько затянулась. 28 мая по просьбе министра иностранных дел Франции Делькасе посол США в Париже Шарп копию декларации отправил в Вашингтон госсекретарю В. Бриану для последующей передачи османскому правительству в Константинополь. В. Бриан 29 мая телеграммой отправил текст декларации в Константинополь послу США Г. Моргентау, который представил ее премьер-министру Саиду Халиму [10, с. 175].

Следует отметить, что посреднические действия между Османской империей и державами Антанты диппредствительств США были актом доброй воли. В случае несогласия с формулировками относительно массовой резни армянского населения и ответственности турецких властей, госдепартамент США мог отказать державам Антанты в вопросе передачи текста данной декларации младотурецкому правительству, предложив это сделать через диппредствительства другой нейтральной страны, например – Италии. Однако текст документа был передан именно через диппредствительства США, что означает согласие американских властей с теми формулировками, которые были сделаны в данном документе. Данное заключение подтверждается тем, что Госдепартамент неоднократно поручал послу Моргентау протестовать перед младотурецким правительством по поводу политики массовой

резни армянского населения, проводимой властями Османской империи.

Обвинения и угрозы в адрес османского правительства, содержащиеся в декларации держав Антанты, поначалу вызвали панику в младотурецкой верхушке. Однако вместо того, чтобы прекратить преступную политику истребления армян, главари младотурок предприняли шаги, направленные на обоснование и оправдание своих преступных деяний.

После того, как еще до официального получения документа в Константинополе стало известно о содержании декларации держав Антанты, министр внутренних дел Талаат, отдававший приказы о депортации и истреблении армян, вероятно, осознавая свою личную ответственность и возможность привлечения к ответственности, инициировал поспешное принятие правительством временного закона «О депортации». После обсуждения доклада Талаата на заседании правительства 27 мая, данный законопроект был утвержден 30 мая и опубликован 1 июня, после чего вступил в законную силу [10, с. 180]. Очевидно, что принятым законом Талаат пытался уже проводимой политике массовой депортации и истребления армян придать «законный облик» и ответственность в данном процессе возложить на всю исполнительную власть страны.

На третий день после принятия совместной декларации странами Антанты – 27 мая, младотурецкое правительство предприняло второй шаг, опубликовав официальный ответ [12, р. 659–660]. Характерно, что младотурецкое правительство через болгарскую прессу стало распространять свой официальный ответ только после вступления в силу временного закона «О депортации» – в начале июня [7; 11, р. 618–621]. Последовательность этих действий объяснялась стремлением младотурок опередить реакцию международного сообщества узаконением массовой резни армян положениями временного закона «О депортации», а затем, ссылаясь на них перед мировым сообществом свои преступные действия представить как легитимные в рамках османского законодательства. Это обстоятельство явно прослеживается в самом тексте официального ответа турецкой стороны, в котором особо указывается, что действия против армян были предприняты «исходя из строгих требований закона и необходимости защиты общественного спокойствия» [8, с. 1093] (выделено авт. – А. М.). Под данной формулировкой правительство младотурок подразумевало закон «О депортации». Согласно 1-й статье закона, если со стороны местного населения были бы замечены какие-либо про-

тивоположные шагам правительства – предписывалось незамедлительно предпринять самые строгие меры наказания с применением военной силы [9, с. 291]. Данная статья закона могла быть интерпретирована ее исполнителями вольно. 2-я статья закона предоставляла право перемещать отдельных жителей или целые населенные пункты в другие районы «исходя из военной необходимости или же в тех случаях, когда с их стороны будут замечаться шпионские и предательские действия» [9, с. 291] (выделено авт. – А. М.). Этим положением, квалификация действий армянского населения оставалась на усмотрение командования корпусов и дивизий османской армии и местных властей. И те, и другие руководствовались субъективными оценками. Таким образом, полностью отпадала необходимость доказательства фактов саботажа, проявления шпионажа и предательства, которые якобы наблюдались среди армянского населения. Достаточно было личной убежденности представителя турецкой власти. Этого было достаточно для применения силы и начала массового уничтожения.

Хотя в официальном турецком ответе отмечалось, что Высокая Порта считает своей законной обязанностью осуществлять все необходимые меры по обеспечению своих сухопутных и морских границ и не обязана отчитываться перед каким-либо другим правительством [8, с. 1093], тем не менее, развернутый ответ выглядел как оправдание перед обвинениями держав Антанты.

В нем правительство младотурок пыталось объяснить, что в указанных декларацией областях – Эрзруме, Держане, Эгине, Битлисе, Муше, Сасуне, Зейтуне и Киликии, по отношению к армянскому населению власти не видели необходимости проводить предусмотренные временным законом «О депортации» чрезвычайные меры, т.е. депортацию и истребление, так как население этих областей не осуществляло никаких действий, нарушающих мир и общественное спокойствие империи [8, с. 1091]. Из этих положений можно сделать следующие выводы: во-первых, не отрицалось, что «чрезвычайные меры» все же применяются в отношении армян, а во-вторых, Высокая Порта, в случае появления подозрений, не скрывала свою готовность применения этих мер также в отношении армян указанных областей. Цинизм турецких заявлений заключался в том, что на самом деле правительство младотурок не ставило никакой разницы между армянским населением различных областей Западной Армении, Киликии и других регионов империи, так

как была поставлена задача полной ликвидации армянского населения всей империи.

Высокая Порта на обвинения стран Антанты выдвигала ответные претензии в том, что они вмешиваются во внутренние дела империи, подстрекая армян на восстания против османского правительства. Россия обвинялась в формировании армянских добровольческих отрядов, которые вместе с русскими войсками сражались против турецких армий и во время взятия Баязета, якобы, разорили находящиеся на их пути все мусульманские села и уничтожили население этих сел [8, с. 1092]. Младотурки обвиняли Россию также в том, что она призвала армян к восстанию в Ване, а командования французских и английских военно-морских сил, в свою очередь, обвинялись в подстрекательстве киликийских армян на так называемое восстание. Таким образом, самооборонительные бои армян за выживание в некоторых населенных пунктах Западной Армении и Киликии Порта стремилась представить как спровоцированные Антантой восстания, которые турецкое правительство вынуждено было подавить карательными мерами.

Для придания достоверности своим доводам, турецкое правительство отмечало, что во время обысков в провинциях у многих армян были обнаружены доставленные из России тысячи бомб и винтовок. Подчеркивалось, что Порта в своем распоряжении имеет документы, которыми, доказывалось, что арестованные и преданные суду за хранение оружия и боеприпасов, уклонение от воинской службы, нападение на жандармов армяне совершали эти действия по побуждению и подстрекательству французских, английских и русских чиновников. Турецкая сторона не представляла каких-либо документов, подтверждающих эти серьезные обвинения в адрес держав Антанты, угрожая со всеми подробностями обнародовать их при удобном случае [8, с. 1093]. Можно утверждать, что если бы у Турции действительно имелись подобные документы, то один из них обязательно был бы приложен к заявлению, так как момент был подходящий. Контробвинения турецкой стороны документально не подтверждались, и заявления Высокой Порты были безосновательны.

Младотурецкое правительство утверждало, что в отношении армян были предприняты всего лишь «превентивные меры» с целью подавления их революционных движений, исключая массовые погромы [8, с. 1093]. Формулировки, нашедшие место в ответном заявлении Высокой Порты, напрямую исходят из положений вышеупомянутого закона «О депортации».

Примечательно, что всячески отрицая преднамеренность и преступность действий, совершаемых в отношении армян, младотурецкое правительство, признавало арест 2345 армян [8, с. 1093]. Это были представители западно-армянской интеллигенции, которые в дальнейшем были убиты без суда и следствия.

Таким способом правительство младотурок пыталось отразить обвинения держав Антанты и спасти свой авторитет и имидж в международном сообществе. Пропаганда действия не возымела, и мировая печать уже была полна сообщений о массовом истреблении армян в Османской империи, а общественное мнение не только держав Антанты, но и нейтральных стран имело антитурецкую направленность.

Формулировки закона «О депортации», ответного заявления турецкого правительства на совместную декларацию держав Антанты, и сегодня являются основными элементами государственной политики проводимой Турецкой Республикой, отрицающей геноцид армян и оправдывающей законом массовые убийства.

Что же касается совместной декларации держав Антанты, то этот документ в дальнейшем стал прецедентом для политико-правовой оценки аналогичных преступлений. 30 октября 1943 г., во время Второй мировой войны. По инициативе СССР была принята декларация «О зверствах, совершенных гитлеровцами», в которой почти дословно повторяются положения и формулировки совместной декларации держав Антанты от 24 мая 1915 г. В Московской декларации стран антигитлеровской коалиции, также как и в совместной декларации, предусматривалась личная ответственность германских офицеров, солдат, а также членов нацистской партии, которые принимали участие в массовых убийствах [3, с. 418–419]. Именно он лег в основу привлечения к ответственности нацистских преступников после завершения Второй мировой войны на Нюрнбергском процессе. К сожалению, державы Антанты не проявили той же решительности после Первой мировой войны, и не претворили в жизнь положения совместной декларации, не создали международный трибунал для привлечения к ответственности лиц, совершивших военные преступления и преступления против человечества.

Еще до принятия Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него» от 9 декабря 1948 г., Комиссия ООН по военным преступлениям формулировку «преступление против человечества», данную в совместной декларации от 24 мая 1915 г. сочла тождественной по отношению к тем пре-

ступлениям, которые во время Нюрнбергского процесса международным правом были квалифицированы как бесчеловечные действия в отношении собственных подданных, то-есть – геноцид [5, с. 651]. Как известно, нацистские преступники были осуждены Нюрнбергским трибуналом как за преступления против мира и военные преступления, так и за преступления против человечества, в том числе за преступление геноцида.

Через 20 лет после принятия Конвенции ООН о геноциде, 26 ноября 1968 г. была принята другая конвенция ООН «О неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества», которой в общее применение международного права вводится принцип отсутствия сроков давности в

отношении военных преступлений и преступлений против человечества. Этот постулат декларируется первой статьей документа [6, с. 165]. Конвенция также уточняет, что именно подразумевается под «преступлениями против человечества»: преступлением против человечества рассматривается также преступление геноцида, так как оно сформулировано в конвенции ООН 1948 г. «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него», даже если эти деяния не нарушают внутреннее законодательство той страны, где они были совершены» [6, с. 161].

Таким образом, и исторический опыт, и международное право дают основания выдвижения армянским народом требований по ликвидации последствий геноцида и восстановления утраченных прав.

Источники и литература

1. Арев. 19 июня 1915. (На арм.).
2. Барсегов Ю. Г., Геноцид армян – преступление против человечества. О правомерности термина и юридической квалификации. Ереван: Айастан, 1990. 29 с.
3. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Сборник материалов и документов. Т. 1. Ч. 1. М.: Госполитиздат, 1944. 698 с.
4. Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов /под редакцией М. Нерсисяна, Ереван: Айастан, 1983. 685 с.
5. Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества, документы и комментарий / сост., ред., автор предисловия и комментария, Ю. Г. Барсегов. Т. 2. М.: Гардарики, 2003. 911 с.
6. Права человека. Сборник международных договоров. Нью Йорк: ООН, 1989. 474 с.
7. Русские источники о геноциде армян в Османской империи 1915–1916 / сост. Г. А. Абраамян, Т. Г. Севан-Хачатрян, Ереван: Гитутюн, 1995. 272 с.
8. Памятный журнал Мец Егерна 1915–1965 / сост. Г. Агаронян. Бейрут: Атлас, 1965. 1115 с. (На арм.).
9. Саакян Р. Из истории геноцида, Ереван: Айастан, 1990. 367 с. (На арм.).
10. Сафрастян Р. Османская империя: генезис программы геноцида (1876–1920 гг.), Ереван: Лусакн, 2009. 247 с. (На арм.).
11. Uras E., The Armenians in history and the Armenian Question, Istanbul Documentary Publications, 1988. 1048 p.
12. The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, 1915–1916. Bryce, Viscount James. Beirut: G. Donigian&Sons Publishers, 1972, second edit., 684 p.

References

1. Arev. 19 June, 1915. (In Armenian).
2. Barsegov Yu. G. Genocid armyan – prestuplenie protiv chelovechestva. O pravomernosti termina i juridicheskoy kvalifikacii (*Armenian Genocide – crime against humanity. On legitimacy of the term and legal qualification*). Erevan: Ayastan, 1990. 29 p. (In Russian).
3. Vneshnyy politika Sovetskogo Sojuza v period Otechestvennoy vojni. Sbornik materialov i dokumentov (*Foreign policy of the Soviet Union in the period of Patriotic war. Collection of materials and documents*). Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat, 1944. 698 p. (In Russian).
4. Genocid armyan v Osmanskoj imperii. Sbornik dokumentov (*Armenian Genocide in the Ottoman Empire. Collection of documents*) / ed by M. Nersisyan. Erevan: Ayastan, 1983. 685 p. (In Russian).
5. Genocid armyan: otvetstvennost Turcii i obyazatelstva mirovogo soobshestva, dokumenty i kommentarij (*Armenian Genocide: responsibility of Turkey and obligation of a world community, documents and comment*) / Ed., author of the preface and comments professor Yu. G. Barsegov. Vol. 2. Part. 1. Moscow: Gardarika, 2005. 911 p. (In Russian).
6. Prava cheloveka. Sbornik mejdunarodnikh dogovorov (*Human rights. Collection of International Treaties*). New York, published by UN, 1989, 474 p.
7. Russkie istochniki o genocide armyan v Osmanskoj imperii 1915–1916 (*Russian sources about Armenian Genocide in the Ottoman Empire 1915–1916*). Ed. by G. A. Abraamyan, T. G. Sevan-Khachatryan, Yerevan: Gitutyun, 1995, 272 p. (In Russian).
8. Pamyatnij jurnal Mets Egherna 1915–1965 (*Memorable magazine of Armenian massacres, 1915–1965*), ed. by G. Aharonyan, Beirut: Atlas, 1965. 1115 p. (in Armenian).
9. Saakian R. Iz istorii genocida (*From history of genocide*). Yerevan: Ayastan, 1990. 367 p. (in Armenian).
10. Safrastyan R., Osmanskaya imperiya: genezis programmi genocida (1876–1920 gg.) (*Ottoman Empire: genesis of genocide program (1876–1920)*). Yerevan: Lusakn, 2009. 247 p. (In Armenian)
11. Uras E., The Armenians in history and the Armenian Question, Istanbul Documentary Publications, 1988, 1048 p.
12. The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, 1915-1916. Bryce, Viscount James, Beirut: G. Donigian & Sons Publishers, 1972, second edit., 684 p.

УДК 364.054 : 930.253 (470.6) "18-19"

П. Г. Немашкалов

ЧАСТНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ЦЕРКОВНОЙ СФЕРЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ КАВКАЗСКОЙ ЕПАРХИИ: СЕРЕДИНА XIX в.

В 1843 году начала свою историю одна из самых больших в Российской империи Кавказская епархия. Открытие её совпало с началом активных боевых действий, предпринятых новым Кавказским наместником в шедшей не первое десятилетие Кавказской войне. Вопросы обустройства новой епархии в этих условиях приобрели особо острый характер, и встала необходимость привлечения дополнительных средств для их разрешения. При расчете финансирования Правительством и Синодом не были учтены особенности региона и дороговизна жизни в регионе, что еще более обостряло дефицит установленной сметы

расходов. С одной стороны, он покрывался привлечением дополнительных средств, требующих длительного согласования и пояснения обоснований, во многом не находящих поддержки в верхах власти. Более значимым источником средств на данном этапе для развития церковной жизни стала помощь со стороны частных лиц из числа местного населения, которые старались любым способом способствовать росту авторитета Русской православной церкви на Северном Кавказе.

Ключевые слова: православие, благотворительность, церковная жизнь, Северный Кавказ, епархия.

P. G. Nemashkalov

PRIVATE CHARITY IN CHURCH SPHERE IN THE NORTH CAUCASUS IN THE PERIOD OF ESTABLISHING THE CAUCASUS DIOCESE: THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY

In 1843 the Caucasus diocese, one of the biggest in the Russian Empire, began its history. The opening coincided with the beginning of active hostilities undertaken by the new Caucasian Viceroy in the coming decades, the Caucasian war. The development of the new diocese under these conditions was particularly acute, and it became necessary to attract additional funds for their permission. The peculiarities of the region and the high cost of living were not taken into account by the Government and the Synod as regards the funding, which further aggravated the

shortage of funds. On the one hand, it was covered with additional funds, requiring extensive negotiation and clarification, largely not finding support with authorities. A more important source of funds at this stage, for the development of Church life, was the assistance of individuals from the local population, who tried in any way to boost the authority of the Russian Orthodox Church in the North Caucasus.

Key words: Christianity, philanthropy, Church life, the North Caucasus, the diocese.

Начавшаяся в начале XIX в. активная колонизация как следствие расширения границ и включения региона в состав Российской империи привела к началу Кавказской войны и военной конфронтации в регионе. Распространение мюридизма способствовало эскалации конфликта и обострило противостояние сторон, что потребовало пересмотра форм и методов разрешения этого противостояния. Одним из мероприятий в этом направлении стало учреждение Кавказского наместничества. В результате менялась административная система управления, которая совпала с учреждением в регионе самостоятельной епархии. Кавказская епархия оказалась территориально одной из

самых большой в Империи и одной из самых малочисленных по числу православного населения в ней, но нельзя недооценивать религиозного духа народа её населяющего.

Самостоятельной Кавказской епархии присвоили третий класс с годовым содержанием 4989,23 руб. серебром, что было значительной суммой. На организацию архиерейского дома одновременно из казны выделялось 3000 руб. серебром [17, л. 2–4]. Острая нехватка средств обнаруживалась во всех начинаниях по организации епархии. На обустройство только Кавказской духовной консистории необходимыми предметами обихода в условиях дороговизны региона, по ходатайству Иеремии

перед обер-прокурором Синода графом Протавовым, 21 сентября 1843 г. было выделено дополнительно еще 500 руб. серебром [3, л. 8, 12].

Установленной суммы не хватало даже на обустройство Архиерейского дома, а на приобретение дров для отопления правительством предоставлялась квота на заготовку их в столице Темнолесской. Только их доставка в город обходилась в 300 руб. серебром, которых не было, и поэтому первые годы приходилось ощущать на себе все капризы кавказской зимы. Вызвано это было тем, что в хозяйство Архиерейского дома не было возможности выделить рыбные промыслы и мельницы, поскольку в окрестностях города не нашлось свободных. Так что все способы улучшения содержания кавказской кафедры заключались в увеличении пособия от правительства [11, л. 26–27 об.].

В современной науке установилась точка зрения, согласно которой причинами благотворительности является то, что люди по своей природе альтруистичны, и ими движет желание помогать другим. Побудительным мотивом проявления благотворительности относится осознание её участниками целостности человеческого общества, сопричастности и ответственности за мир, в котором живем.

Исходя из вышеуказанных обстоятельств материального положения Кавказской епархии, пожертвования частных лиц были существенным подспорьем в её становлении. Так, епископ Кавказский и Черноморский Иеремия называл всё, переданное: «в дар Кавказской кафедре, Божьим благословением <...> от Киевской, матери всех кафедр российских, для Критовой церкви Архиерейского дома три полных архиерейских облачения, с митрою, панаягею и посохом, и три дьяконских облачения; от преосвященных Могилевской и Тамбовской облачение архиерейское» [4, л. 94 об.–95]. Сам Иеремия привез с собой напечатанные и освященные в Киеве 100 антиминов, изготовленные там же ставленические грамоты, стихари, фелонии, печати консистории, попечительства и прочее [22, С. 16–21]. Специально для Крестовой церкви (возводимой сегодня в Ставрополе на ул. Голенева, д. 67 – Н. П.) по его заказу был изготовлен походный иконостас, а позже доставлен стационарный. Для обустройства этой же Крестовоздвиженской церкви житель города Ставрополя Илья Аникеев сделал за свой счет пять колоколов весом в 26 пудов 5 фунтов (на сумму около 1500 руб. ассигнациями). Стоит отметить, что о пожертвовании Аникеева не доносилось Синоду по желанию самого благотворителя [4, л. 95].

В своем отчете за первый год пребывания на кавказской кафедре Иеремия особо выде-

лил то, что заставило даже такого человека как он, имевшего высокие христианские устои, поразиться масштабам христианского долга, присутствовавшего у местного населения. Например, Ставропольский почетный гражданин купец 1-й гильдии Игнатий Юдович Волобуев безвозмездно, на протяжении нескольких месяцев до покупки подходящего помещения, уступил для преосвященного и его свиты часть своего дома, в котором проживал вместе с семьей. Вскоре Волобуевым для удобства размещения преосвященного были сделаны в доме дополнительные пристройки. Не найдя более удобного места в городе, Синод разрешил аренду дома, при этом плата Волобуевым была уменьшена на половину. Вскоре он со всей своей семьей попросил преосвященного принять в дар Кавказской епархии арендуемый дом с прилегающей территорией [4, л. 95, 116–117].

В одной из бесед с ним Иеремия восторгался расположением дома и прилегающим земельным участком, на территории которого преосвященный предполагал основать мужскую обитель, расширить его за счет территории занимаемой упраздненным кладбищем. Данный земельный участок прилагался в дарственной к жертвуемому дому [4, л. 95]. В последующие годы было приобретено прилегающее домовладение мещанина Егора Иевлева, и на этой земле был основан Архиерейский дом [14, л. 1, 4–5].

До передачи своего домовладения Волобуев получил от Кавказской духовной консистории за аренду дома 1500 руб. серебром, которые он отказался принимать и предложил их потратить на улучшение и расширение Крестовоздвиженской церкви при Архиерейском доме преосвященного. Поскольку это совпало с сезонной приостановкой работ по её возведению, Консистория оставила деньги у благотворителя [9, л. 1–2]. За последующие три года Крестовая церковь была практически окончена. В отчетах Консистории Волобуев числился в числе основных лиц, внесших большой вклад в её возведение. На этом основании Иеремия просил Волобуева считать свои финансовые обязательства-пожертвования выполненными [9, л. 8]. Однако сам пожертвователь, видя сложность развития церковного строительства в городе Ставрополе, так не считал и обратился в Консисторию с ходатайством о разрешении ему возвести на собственные средства в Ставрополе за Военным госпиталем на территории кладбища часовню с каменной оградой. На это он предварительно получил разрешение от гражданского губернатора генерал-майора Норденштама [12, л. 1–5], но смерть И. Ю. Волобуева не дала реализоваться поставленным планам, и этот проект не был воплощен в жизнь.

Не менее значимой для становления Кавказской епархии оказалась деятельность купца первой гильдии города Ставрополя и городского головы Ивана Григорьевича Ганиловского. Когда с большим трудом разрешился вопрос об учреждении в Ставрополе в 1846 г. самостоятельной Кавказской духовной семинарии, возникла проблема размещения ее до постройки соответствующего здания. Ограниченный в сумме 1500 руб. серебром учрежденный учебный комитет не смог подобрать соответствующего здания. Тогда преосвященный Иеремия обратился к Ганиловскому с просьбой отдать дом, который сдавался а за 3000 руб. серебром для семинарии на выделенную сумму от Синода [5, л. 40–45]. Купец ответил, что: «<...> принимая с сыновей готовностью предложение <...> имея постоянное желание способствовать Вашим благим начинаниям», он передает дом по оговоренной цене. Для удобства расположения семинарии он за свой счет пристроил каменную столовую и установил дополнительные окна на первом этаже здания [11, л. 48].

Среди документов архива часто встречаются случаи частной благотворительности меньших размеров, сделанных местными жителями Северного Кавказа, которые не всегда попадали в отчеты, но указывались в приходно-расходных книгах по отдельным церквям. Широкою огласку частные пожертвования получили с началом публикации Кавказских епархиальных ведомостей, которые начали регулярно выходить в 1873 г. В отдельном разделе на страницах издания описывали каждый значимый эпизод благотворительности. На основе массива источников можно сделать вывод о том, что если при учреждении епархии пожертвования вносились на строительство храмов и обновление иконостасов как материалом и собственно деньгами, то с начала второй половины XIX века это были взносы банковскими билетами на различные суммы для вечного поминания своих усопших родных [18, с. 496]. В рассматриваемый период при получении благотворительных взносов на казачьей земле Войсковое правление ограничивало распоряжение пожертвованиями, сделанными жителями станиц в духовных завещаниях. Для их получения Консистория вынуждена была получать поддержку Войскового правления, которое принуждало станичное правление к передаче их церкви [13, л. 1–5, 7–8].

В это время за редким исключением строительство приходских храмов велось за счет «доброхотный подаяний», т.е. добровольных пожертвований, сделанных жителями самого прихода. После проверки на соответствие установленным нормам строительства Консистория выдавала разрешение на возведение

храма, а после окончания строительства давала указ о его освящении. Архивные документы свидетельствуют о том, что красота церковного убранства большинства имеющихся храмов на момент открытия Кавказской епархии в 1843 г. соответствовало специальным нормам. Прихожане сами заботились о красоте своего храма, но это была не активность покорных прихожан, а скорее усердие хозяев. При этом нужно обозначить разницу, которая прослеживалась в казачьих станицах и крестьянских селах. Больше всего замечаний в устройстве церкви и её убранства при личном осмотре епархии преосвященный Иеремия, отметил в селах Ставропольской губернии, в то время как в станицах замечаний было меньше [4, л. 1–72]. Он отметил «нерадение к храму Божьему» самого церковного клира, требовал приложения больших усилий на привлечение населения поселений к решению имеющихся проблем.

Особая роль в приходе принадлежала церковному старосте или ктитору, которого избирал сам приход для контроля над имуществом и церковными финансами. Впервые эта должность упоминается в указах Петра I. Староста не являлся человеком духовного звания. Изначально в круг его обязанностей входило приобретение свечей и хранение церковной кассы. Его роль в приходе усиливается, когда в начале XIX века в целях сохранения баланса между прихожанами и клиром Синод расширил полномочия и ввел дополнительные льготы. В церквях военного ведомства в это же время вводится специальная должность с теми же полномочиями – церковный ктитор. В отличие от церковных старост, избираемых и отстраняемых прихожанами, ктитору назначались военным начальством, перед которым и отчитывались по всем хозяйственным вопросам войсковых церквей. Поскольку Кавказская епархия не имела однородной структуры, т.к. включала станичные приходы казачьих войск и государственных сел, то в церковной структуре встречаются должности и ктиторов, и церковных старост, различий функций и статуса которых практически не было.

По инструкции от 17 апреля 1808 г. на церковных старост, наравне с членами причта, возлагалось также увеличение свечных доходов и требовалось не допускать их упадка даже в неурожайные годы [16, л. 1–2]. Они также обязаны были осуществлять контроль над церковной суммой и приходо-расходными книгами церкви. Ревизию этих книг старосты должны были осуществлять ежемесячно в присутствии членов клира и почетных граждан. Считая для себя подобный контроль личным оскорблением, некоторые старосты не допускали наблюдение причта за церковным хозяйством [20, с. 147].

В осуществлении своих обязанностей старосты привлекали к ответственности не только членов приходского клира, но и благочинных священников, некоторые из которых допускали злоупотребления [15, л. 1–2 об.]. Их деятельность могла вносить разногласия во взаимоотношения причта и прихода, поскольку в вопросах развития приходского хозяйства они не находили с последними взаимопонимания.

Нередко в Кавказской епархии церковные старосты, однажды выбранные на эту должность, служили бессменно и без выборов два или три трехлетия, т.е. от 6 до 9 лет, тогда как по установленным правилам они могли оставаться на должности только на три года, а по истечении установленного срока на их место должны были избираться другие. Стоит отметить, что единого образца общественного приговора, приносимой клятвы и расписки в принятии церковного имущества установлено не было [2, л. 93–96]. Кавказская консистория обязательно требовала соблюдения процессуальной части, касающейся участия в выборах не только прихожан, но и церковного клира с благочинным. Закон допускал на должность тех же лиц на следующее трехлетие только тогда, когда служба их была полезна церкви [2, л. 107–109]. При этом обязательно должна была прилагаться ведомость о церковных доходах за период исполнения возложенных обязанностей, что являлось основанием выбора и подтверждением заслуг [2, л. 188–191]. Избрание на должность старосты давало освобождение от обязанностей по службе и от всех повинностей. Так что эта должность сулила избранному определенные выгоды [6, л. 261].

Одним из значимых благотворителей на должности церковного старосты сельского прихода Кавказской епархии можно считать деятельность ктитора Покровской церкви станицы Григорополисской, Кубанского полка, не служащего казака Антона Буланкина. Занимая данную должность с 1828 г., «при отличном поведении, ревностном прилежании к своей должности, усердия и набожности к святой церкви», он увеличил церковные доходы и украсил церковь, сделал значительные приобретения по церковной утвари. За это он был награжден в 1838 г. Новочеркасской духовной консисторией похвальным листом. Даная награда еще усилила усердие в исполнении старостой своих обязанностей. За последующие десять лет он приобрел более чем на 7000 руб. сер. церковной утвари, лично внес для хранения и прибавления процентов в пользу церкви 714,30 руб. серебром. И это в то время, когда прихожане испытывали большие трудности от набегов и грабежей со стороны горцев [1, л. 1–2 об.]. На

постройку иконостаса и придела к Покровской церкви он пожертвовал 2000 руб., приобрел колокол в 2100 руб., перекрыл крышу церкви, переделал колокольню. Кроме того, была окрашена ограда вокруг церкви на 2500 руб. ассигнациями, 1000 руб. из которых были его собственными [1, л. 4–6 об.]. Другим, не менее значимым примером может служить деятельность ктитора селения Пелагиады, Покровской церкви, казенного крестьянина Андрея Тамилина, который за свой счет построил вокруг церкви каменную ограду, и за 9 лет пополнил церковную сумму на 16 000 руб. [6, л. 316–317].

Жертвывая часть собственных доходов на развитие церкви и покрывая недостаток церковных сумм, зажиточное казачество могло сосредотачивать силы на имеющемся хозяйстве. За успехи в области развития церковного имущества ктитория получали от Синода по представлению Консистории похвальные листы [6, л. 582, 813]. За службу и пожертвования в пользу церкви отставной казак Антон Буланкин был награжден императором серебряной медалью на Аннинской ленте для ношения на груди или в петлице [1, л. 16]. Во второй половине XIX века за заслуги по духовному ведомству стали вручать золотые медали на Станиславской ленте для ношения на груди [21, с. 749].

Как правило, старосты брали на себя все вопросы церковного строительства в приходе. Начиная от получения разрешения на возведение церкви, сбора средств после получения приходно-расходной книги, заготовки материала, до контроля в ходе строительства на всех этапах работы [8, л. 1–61]. В случаях возникновения пожара, они организовывали их тушение, при этом предметом их заботы было не только церковное имущество, но и имущество местного священника [19, с. 681].

В то же время, иногда должность церковных старост занимали лица, не способные справиться с возлагаемыми на них обязанностями. В каждом подобном случае Консистория требовала от благочинного подробного проведения следствия и выявления причин устранения ктитора, которого прихожане переизбирали [6, л. 420].

С момента своего образования Кавказская епархия испытывала системную нехватку средств для удовлетворения первостепенных потребностей. Ситуация осложнялась действием указа от 27 декабря 1846 г. о запрете входить в переписку по увеличению выплат сверх установленных смет. Финансовые проблемы получили частичное разрешение только с 1848 г., когда в смету финансирования на пять лет была введена предназначающаяся сумма за аренду помещения для архиерея, которая до этого не

использовалась, поскольку купец Волобуев пожертвовал для архиерейской кафедры собственный дом [10, л. 13, 19]. При этом сам Иеремия из-за дороговизны жизни в регионе неоднократно направлял в Синод ходатайство о назначении Кавказскому архиерейскому дому нового штатного расписания на уровне штатного содержания западных епархий [10, л. 8–12 об.].

Представленные в работе примеры представляют неполную картину того энтузиазма, с которым отнеслось местное население к утверждению православной веры в регионе. В рассматриваемый период православное население находилось в меньшинстве по отношению к населяющему регион подвижников исла-

ма, старообрядцев, сектантов. Поэтому помощь частных лиц в развитии церковной жизни в сложившейся ситуации была ничем иным, как истинной формой духовного единения населения региона и церковной власти. Сама церковная власть, стремясь сохранить баланс полномочий между прихожанами и клиром, усиливала роль церковных старост, которые стали центральной фигурой в решении имущественных вопросов. Важной особенностью была выборность церковных ктиторов, что показывает важность позиции верующих в вопросах церковной жизни прихода для рассматриваемого периода становления Кавказской епархии.

Источники и литература

1. Государственное казенное архивное управление «Государственный архив Ставропольского края» (далее – ГАСК). Ф. 135. Оп. 1. Д. 34.
2. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 135.
3. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 319.
4. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 51.
5. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 840.
6. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 877.
7. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 921.
8. ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 378.
9. ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 383.
10. ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 252.
11. ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 921.
12. ГАСК. Ф. 135. Оп. 5. Д. 167.
13. ГАСК. Ф. 135. Оп. 5. Д. 227.
14. ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 210.
15. ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 239.
16. ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 473.
17. ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1548.
18. Кавказские епархиальные ведомости. 1873. № 14. 16 июля.
19. Кавказские епархиальные ведомости. 1873. № 19. 1 октября.
20. Кавказские епархиальные ведомости. 1874. № 5. 1 марта.
21. Кавказские епархиальные ведомости. 1879. № 19. 1 октября.
22. Ставропольские епархиальные ведомости. 1885. № 1. 2 января.

References

1. State archive of Stavropol territory (GASK). F. 135. Inv. 1. D. 34. (In Russian). (In Russian).
2. GASK. F. 135. Inv. 1. D. 135. (In Russian).
3. GASK. F. 135. Inv. 1. D. 319. (In Russian).
4. GASK. F. 135. Inv. 1. D. 51. (In Russian).
5. GASK. F. 135. Inv. 1. D. 840. (In Russian).
6. GASK. F. 135. Inv. 1. D. 877. (In Russian).
7. GASK. F. 135. Inv. 1. D. 921. (In Russian).
8. GASK. F. 135. Inv. 2. D. 378. (In Russian).
9. GASK. F. 135. Inv. 2. D. 383. (In Russian).
10. GASK. F. 135. Inv. 4. D. 252. (In Russian).
11. GASK. F. 135. Inv. 4. D. 921. (In Russian).
12. GASK. F. 135. Inv. 5. D. 167. (In Russian).
13. GASK. F. 135. Inv. 5. D. 227. (In Russian).
14. GASK. F. 135. Inv. 7. D. 210. (In Russian).
15. GASK. F. 90. Inv. 1. D. 239. (In Russian).
16. GASK. F. 90. Inv. 1. D. 473. (In Russian).
17. GASK. F. 90. Inv. 1. D. 1548. (In Russian).
18. Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti. 1873. No. 14. (In Russian).
19. Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti. 1873. No. 19. (In Russian).
20. Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti. 1874. No. 5. (In Russian).
21. Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti. 1879. No. 19. (In Russian).
22. Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti. 1885. No. 1. (In Russian).

УДК 94 (470.6)

Е. В. Панарина

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается организация общественного питания на Северном Кавказе в условиях Великой Отечественной войны. Дается характеристика организации общественного питания в годы войны, принципам ее сочетания с действующей карточной системой. На основе статистических данных доказывается расширение сферы общественного питания, охватывающей большинство работников предприятий и учреждений, а также социально незащищенные слои населения. Анализируются основные проблемы организации общественного питания в годы войны: ограниченность ассортимента блюд и столового инвентаря, отсутствие должной культуры поведения персонала. В связи с этим, приводятся примеры обращений граждан в органы власти, критические статьи различных периодических изданий. Рассматриваются попытки улучшения организации общественного питания со стороны местных органов власти, направленные на повышение уровня ответственности и исполнительской дисциплины

администрации столовых, усиление контроля со стороны торговой инспекции. Освещаются тяжелые последствия оккупации для деятельности предприятий общественного питания Северного Кавказа: упадок материально-технической базы, острый недостаток продуктов питания и другие, раскрываются принимаемые местными органами меры по их восстановлению. Приводятся сведения о работе заводских и городских столовых, организации обслуживания льготных категорий населения: передовиков производства, инвалидов войны, больных людей и детей. Обращается внимание на ограниченные возможности предприятий общественного питания в охвате нуждающихся в помощи граждан. Вместе с тем, подчеркивается важная роль предприятий общественного питания Северного Кавказа в решении продовольственной проблемы в условиях военного времени.

Ключевые слова: общественное питание, продовольственное обеспечение, Великая Отечественная война, Северный Кавказ.

E. V. Panarina

ORGANIZATION OF PUBLIC CATERING ESTABLISHMENTS IN THE NORTH CAUCASUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article deals with the catering in the North Caucasus in the midst of the Great Patriotic war. The study highlights the organization of catering during the war years, the principles of its combination with existing rationing system. On the basis of statistic data the expansion of catering, covering the majority of employees in enterprises and institutions, as well as socially vulnerable segments of the population, is proved. It analyses the main problems of catering during the war: limited assortment of dishes and cooking equipment, poor culture of the staff. In this context, the applications of citizens to the authorities and critical articles in various periodicals are given. The author examines the attempts to improve catering from local authorities, aimed at increasing the level of responsibility and executive discipline of the authorities, strengthening of control by the trade

inspection. The article highlights severe effects of the occupation on the catering activities in the North Caucasus: the decline of material-technical base, critical lack of food, etc., as well as the measures taken by local authorities to tackle the situation. The study provides information on the work of the factory and urban canteens, preferential service categories of the population: the pioneers production, war invalids, sick people and children. Attention is drawn to the limited capacity of public catering in the coverage of needy citizens. Along with that, the important role of public catering enterprises in solving the food problem in wartime conditions in the Northern Caucasus is emphasized.

Key words: catering, food provision, the Great Patriotic war, the North Caucasus.

Система общественного питания сложилась в СССР в довоенное время. Важность ее создания с точки зрения советского руководства

обуславливалась такими факторами, как необходимость организации питания рабочих непосредственно на предприятиях для поддержа-

ния непрерывного ритма производства, а также в более широком контексте для внедрения общественных форм жизнеобеспечения граждан в русле реализации идей коммунистического строительства. В годы войны роль предприятий общественного питания многократно возросла ввиду остроты продовольственной проблемы. Помимо дальнейшего развития сети столовых промышленных предприятий и учреждений, предприятия общественного питания стали широко использоваться в целях продовольственного обеспечения социально незащищенных слоев населения.

Централизованный характер продовольственного снабжения в условиях войны оказал большое влияние на изменение организации общественного питания. Широкое распространение получила практика прикрепления работников предприятий и других категорий населения к определенным столовым. Отпуск обедов осуществлялся путем отоваривания карточек по нормам, полагающимся тем или иным категориям потребителей. Прикрепленные к столовым должны были сдавать талоны продовольственных карточек в соответствии с установленными нормами раскладки продуктов на блюда. С этой целью в карточках были введены мелкие купюры талонов, например на 100 и 50 г мяса. Поскольку большинство пользовавшихся услугами столовых брало к обеду, завтраку и ужину хлеб, то мелкие талоны были введены и в хлебных карточках. Так, при норме отпуска на день 600 г хлеба имелось три талона: на 300, 200 и 100 г [6, с. 33–34].

В целом по стране доля общественного питания в общем объеме товарооборота с начала войны неуклонно возрастала, увеличившись с 13 % в 1940 г. до 23 % в 1942 г. [10, с. 318]. О повышении роли общественного питания в годы войны свидетельствуют данные по отдельным городам Северного Кавказа. Например, в Ростовском тресте столовых выпуск готовых блюд в июле 1941 г. достиг 1295 тыс., тогда как в мае этот показатель составлял 850 тыс. блюд [16, л. 7].

Вместе с тем, увеличение количественных показателей в работе предприятий общественного питания не сопровождалось повышением качества предлагаемых блюд и обслуживания посетителей. Причем, такие недостатки в работе столовых, как ограниченность ассортимента блюд и столового инвентаря, отсутствие должной культуры поведения персонала приобрели устойчивый характер. Об этом свидетельствует большое количество обращений граждан в органы власти, критические статьи различных периодических изданий.

Например, в январе 1942 г. в газете «Социалистическая Осетия» был опубликован материал, в котором осуждалось чиновничье отношение работников общественного питания к своей работе. «В погоне за выполнением количественных показателей, – отмечалось в газете, – они увеличивали выпуск доходных блюд за счет массовых, на которые был большой спрос. Санитарное состояние в столовых скверное, обращение с посетителями недопустимо грубое» [11]. В рационе питания в годы войны значительно уменьшились мясные и рыбные продукты, в основном стали использоваться более дешевые и доступные, прежде всего, овощные блюда.

Низкое качество питания в столовых сочеталось с отсутствием должной организации обслуживания посетителей. Так, в ходе проверки в феврале 1942 г. столовой завода №229 г. Краснодара было установлено, что у кассы и столов возникают большие очереди из-за недостатка тарелок и нечеткости работы персонала, поэтому рабочие не успевали за время перерыва пообедать. Столовая находилась в антисанитарном состоянии, коридор был залит грязной водой из канализации, стены в кухне закопчены, в посудомоечной и заготовочных помещениях не проводилось регулярной уборки, отсутствовали умывальники [7, л. 48]. Отмеченные недостатки в организации системы общественного питания были характерны и для других городов и рабочих поселков Северного Кавказа.

Попытки партийных и советских органов улучшить ситуацию в основном были связаны с повышением уровня ответственности и исполнительской дисциплины администрации столовых, усилении контроля со стороны торговой инспекции. Этим достигался лишь частичный эффект, что объяснялось отсутствием адекватной реакции на критические замечания со стороны многих работников общепита. В ряде случаев улучшению состояния общественного питания мешала и пассивная позиция со стороны местного руководства. Например, руководители Правобережного района Северо-Осетинской АССР вместо того, чтобы наладить работу столовой районного центра, находящуюся в одном помещении с райкомом ВКП (б) и райисполкомом, предпочитали ездить на обед в столовую Бесланкомбината, теряя ежедневно полтора-два часа [12].

Наряду с влиянием недостатков организационного характера дальнейшее ухудшение состояния общественного питания было связано с последствиями поражений на фронте и захватом противником большей части европейской

территории страны, богатой продовольственными ресурсами. Широкомасштабные бои, происходившие на Северном Кавказе, а также длительная оккупация региона привели к значительному упадку материально-технической базы общественного питания. Большинство зданий и помещений были разрушены, столовый инвентарь и принадлежности разграблены. В связи с этим, в первые месяцы после оккупации в осуществлении питания рабочих и жителей городов широко использовались кухни-раздаточные, которые зачастую работали под открытым небом.

Организация общественного питания затруднялась также острым недостатком продуктов и постоянными перебоями их поступления в торговую сеть. После оккупации Краснодарский крайисполком пытался частично решить эту проблему путем возобновления работы коммерческих ресторанов и закусочных. 1 марта 1943 г. было принято решение об открытии в городе 2 коммерческих ресторанов и 10 закусочных. Для обеспечения их работы была разрешена закупка сырья по рыночным ценам [1, л. 28]. Однако инициатива краевых властей не получила поддержки со стороны Наркомата торговли СССР. 18 мая 1943 г. краевой торговый отдел издал приказ, который предписывал «запретить всем торгующим организациям открывать коммерческие рестораны и закусочные, а существующие закрыть» [5, с. 303].

В то же время, процесс восстановления столовых проходил с большим трудом. Например, в г. Ростове н/Д из 56 имевшихся до оккупации столовых сохранились только три. К началу апреля 1943 г. удалось организовать работу только 11 столовых с охватом питанием ограниченного контингента в 4 тыс. человек. Небольшое количество действующих столовых не позволяло обслуживать в полной мере работников социальной сферы, а также инвалидов войны и детей [17, л. 67]. В системе потребительской кооперации количество предприятий общественного питания сократилась к началу 1944 г. по сравнению с довоенным временем: по Ростовской области с 178 до 112, что составило 63 %, по Краснодарскому краю с 237 до 173 (75 %), по Ставропольскому краю со 164 до 84 (51 %) [9, л. 34].

Большинство столовых работало в помещениях, непригодных для приготовления пищи и обслуживания посетителей. По сравнению с начальным периодом войны в еще большей степени обострилась проблема недостатка столового и кухонного инвентаря. Количество имеющихся в столовых столов

абсолютно не соответствовало числу прикрепленного контингента, что ограничивало пропускную способность и создавало огромные очереди. Многие посетители принимали пищу стоя, держа в руках тарелки, использовали подоконники и другие подручные средства. Такая ситуация была типична для всех столовых, в том числе обслуживающих определенные правительством важнейшие контингенты потребителей. Так, столовые комбината «Ростовуголь» в июле 1943 г. не были обеспечены необходимым инвентарем, имели недостаточное количество посадочных мест, находились в антисанитарном состоянии [14, л. 10].

Пропускная способность столовых была также ограничена острой нехваткой посуды, ложек и вилок, что затрудняло процесс приема пищи. Как правило, стоявшие в очереди посетители терпеливо ждали, когда освободиться и будет вымыт необходимый столовый инвентарь. Проблема недостатка кухонного и столового инвентаря оставалась нерешенной не только до конца войны, но и после ее окончания. Централизованное производство и снабжение этими видами продукции фактически не было налажено. Так, столовые детских садов Краснодарского края за 1945 г. получили всего лишь 90 мелких тарелок, 100 блюдец и 90 чайных чашек [3, л. 4]. В связи с этим, производство столов, стульев, мисок, ложек, различной кухонной посуды осуществляли предприятия местной промышленности и кустарные мастерские. Однако они не могли в полной мере удовлетворить существующий спрос. Кроме того, изготовленные на местных предприятиях мебель и столовый инвентарь отличались низким качеством и быстро приходили в негодность.

К началу 1944 г. возобновление на территории региона работы большинства промышленных предприятий и учреждений потребовало скорейшего решения вопроса о полном восстановлении сети общественного питания. Потребность в развитии общественного питания касалась также занятых в полевых работах колхозников, работников МТС и совхозов, городского населения, привлекаемого для оказания помощи колхозам и совхозам. При постановке этой задачи Ставропольский крайком ВКП (б) связывал необходимость организации общественного питания, с тем, чтобы работающие в поле не были вынуждены отправляться домой и терять на это время [8, л. 11].

В это же время в организации общественного питания усилился дифференцированный принцип в обслуживании различных категорий потребителей. На производстве это было

связано с необходимостью использования материальных стимулов в целях скорейшего восстановления и развития экономики. Вместе с тем, значительный рост стахановцев и ударников производства приводил к постоянному увеличению контингента, имевшего право на дополнительное питание. Например, в г. Ставрополе количество передовиков производства составляло 30 % к общему числу рабочих и служащих [13, с. 395]. Такая ситуация вступала в противоречие с реальными возможностями предприятий общественного питания, что часто не позволяло обеспечить передовиков дополнительным питанием.

В условиях обострения демографической проблемы большое внимание придавалось организации питания социально незащищенных слоев населения, больных и обессиленных людей, количество которых в годы войны неуклонно возрастало. Для инвалидов войны в ряде городов были организованы столовые закрытого типа, а в небольших городах отводились специальные залы. Например, в городах и районных центрах Краснодарского края в 1944 г. для инвалидов были организованы 7 специальных столовых и 11 специальных секций в обычных столовых. Как правило, инвалиды получали здесь двухразовое питание. Общее количество обслуживаемых в специальных столовых инвалидов войны 1 и 2 групп в крае составляло 6314 человек [2, л. 37].

В феврале 1943 г. правительство приняло решение об усиленном и диетическом питании. Для ослабленных и больных людей организовывались специальные столовые, к которым производилось прикрепление по особым карточкам, выдававшимся по заключению врачебных комиссий. Для обеспечения усиленного питания выделялись специальные фонды мяса и рыбы, жиров, крупы и макарон, сахара. Прикрепленные к таким столовым могли получать не только обеды, но при условии сдачи своих продовольственных карточек – двух- или трехразовое питание [6, с. 118–119].

В яслях и детских садах дети получали полный рацион питания. Если ребенок находился там круглосуточно, то родители сдавали его продовольственную карточку полностью, при десятичасовом пребывании сдавалась только часть талонов. Нормы расхода продовольственных товаров в яслях и детских садах были значительно выше, чем по карточкам. Так, в яслях полагалось в месяц 900 г сахара на ребенка при норме по карточке 300 г, т.е. втрое больше. Во всех школах городов и рабочих поселков были введены завтраки. Для них без зачета по карточкам отпускалось из

централизованных ресурсов 50 г хлеба и 10 г сахара в день на каждого школьника. В ряде мест для приготовления горячих школьных завтраков отпускали из ресурсов городов молоко и молочнокислые продукты, картофель, овощи, овощные и фруктовые консервы, а за счет продукции подсобных хозяйств и закупок торговых организаций – жиры, мясные и некоторые другие продукты [6, с. 38–39].

К 1944 г. местным органам в основном удалось организовать общественное питание социально незащищенных слоев населения. О масштабах этой работы свидетельствуют данные по Ростовской области. В апреле 1944 г. в школах области завтраками было обеспечено 21300 детей. Усиленным диетическим питанием в столовых пользовалось 2590 детей, одноразовым питанием свыше 1300 детей. В специальных столовых питалось более 1,5 тыс. инвалидов Отечественной войны. Кухни-раздаточные производили отпуск более 4 тыс. обедов на дом нуждающимся членам семей военнослужащих и престарелым [15, л. 9].

Отмеченные тенденции расширения сферы общественного питания на Северном Кавказе были характерны в целом по стране. Если в 1940 г. было выпущено 8,1 млрд блюд, то в 1944 г. – 15,8 млрд, а в 1945 г. – 15 млрд. К началу 1945 г. удельный вес общественного питания в общей реализации продовольственных товаров составлял около 30 % (в 1940 г. – 20,7 %). Услугами предприятий общественного питания пользовалось не менее 25 млн человек [4, с. 19].

Вместе с тем, ограниченные возможности предприятий общественного питания, с одной стороны, и огромное количество нуждающихся в помощи граждан, с другой стороны, в полной мере не позволяли охватить обслуживанием весь необходимый контингент. Кроме того, качество работы большинства столовых находилось на низком уровне. Ассортимент предлагаемых блюд отличался однообразием и низкокалорийным содержанием.

Несмотря на существующие недостатки в организации и объективные трудности, связанные с обеспечением продуктами и слабой материально-технической базой, общественное питание в годы войны способствовало ослаблению продовольственной проблемы. Создание широкой сети столовых на предприятиях и учреждениях позволило поддерживать физические силы рабочих и служащих, создавало условия для бесперебойной работы. В то же время предприятия общественного питания играли большую роль в организации питания социально незащищенных слоев населения.

Источники и литература

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 32.
2. ГАКК. Ф. Р-1457. Оп. 1. Д. 41.
3. ГАКК. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 672.
4. Ильющенко Д. В. Об особенностях общественного питания в СССР в условиях борьбы с фашизмом // Государственная служба. 2015. №3 (95). С. 18–21.
5. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Кн. 2. Ч 1. 1943 г. Краснодар: Советская Кубань, 2003. 896 с.
6. Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1968. 233 с.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 983.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 1589.
9. Российский государственный архив экономики. Ф. 484. Оп. 4. Д. 3221.
10. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны / под. ред. Г. А. Куманева. М.: Наука, 1988. 422 с.
11. Социалистическая Осетия. 1942. 11 января.
12. Социалистическая Осетия. 1942. 28 января.
13. Ставрополье в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: Сборник документов и материалов. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1962. 514 с.
14. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 382.
15. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 454.
16. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 779.
17. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 4. Д. 20.

References

1. State Archives of Krasnodar region (GAKK). F. p-687. Inv. 1. D. 32. (In Russian).
2. GAKK. F. p-1457. Inv. 1. D. 41. (In Russian).
3. GAKK. F. p-1561. Inv. 1. D. 672. (In Russian).
4. Ilyuschenko D. V. Ob osobennostyakh obshchestvennogo pitaniya v SSSR v usloviyakh bor'by s fashizmom (*On peculiarities of catering in the Soviet Union in the context of the fight against fascism*) // Gosudarstvennaya sluzhba. 2015. No. 3 (95). P.18–21. (In Russian).
5. Kuban' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (*Kuban in the Great Patriotic War 1941–1945*). Book 2. Part 1. Krasnodar: Kuban Soviet, 2003. 896 p. (In Russian).
6. Lubimov A. V. Torgovlya i snabzhenie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (*Trade and supply during the Great Patriotic War*). Moscow: Economics, 1968. 233 p. (In Russian).
7. Russian State archive of socio-political history (RGASPI). F. 17. Inv. 43. D. 983.
8. RGASPI. F. 17. Inv. 45. D. 1589. (In Russian).
9. Russian State archive of the economy. F 484. Inv. 4. D. 3221. (In Russian).
10. Soviet rear during the first period of the great patriotic war / ed. G. A. Kumaneva. Moscow: Nauka, 1988. 422 p. (In Russian).
11. Socialisticheskaja Osetija. 1942. 11 January. (In Russian).
12. Socialisticheskaja Osetija. 1942. 28 January. (In Russian).
13. Stavropol'e v Velikoi Otechestvennoi voine. 1941–1945 gg.: Sbornik dokumentov i materialov (*Stavropol in the Great Patriotic war. 1941–1945: a collection of documents and materials*). Stavropol: Stavropol book publishing house, 1962. 514 p. (In Russian).
14. Centre for documentation on contemporary history of Rostov region (CDNIRO). F. 9. Inv. 1. D. 382. (In Russian).
15. CDNIRO. F. 9. Inv. 1. D. 454. (In Russian).
16. CDNIRO. F. 13. Inv. 2. D. 779. (In Russian).
17. CDNIRO. F. 13. Inv. 4. D. 20. (In Russian).

УДК 94 (410)

В. Н. Садченко

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АПОСТОЛЬСКОГО СЛУЖЕНИЯ ФРАНЦИСКАНЦЕВ В АНГЛИИ В XIII в.

В статье отражена специфика апостольского служения Ордена францисканцев в первые годы появления их в Англии с 1224 г. в сопоставлении с апостолатом братьев в других частях Европы. Раскрываются лингвистические, социальные, материальные и другие трудности, с которыми столкнулись братья во время миссионерства, освещаются причины первоначального негативного восприятия мирянами и клириками активности миноритов, изучаются факторы, приведшие к росту популярности братьев в последующем. В центре внимания – такие аспекты служения братьев как научная и образовательная деятельность во францисканских школах Studium Generale и теологических факультетах средневековых университетов, помощь больным и прокаженным, посредничество в урегулировании конфликтов.

В работе освещается сложный процесс инкорпорации миноритов в средневековые городские структуры, особенности появления собственности Ордена в английских городах, что приводило к конфликту внутри Ордена между следованием правила Устава – бедности и активным участием братьев в городской жизни. Автор раскрывает интересные биографические факты из жизни и деятельности известных францисканских монахов, внёсших вклад в развитие науки и образования, Ордена, Римско-католической церкви и христианства, в целом.

Ключевые слова: минориты, францисканцы, мениканти, кустод, гвардиан, провинциал (провинциальный министр), Studium Generale, каритативная практика, капитул, меньшие братья, приход.

V. N. Sadchenko

SOME ASPECTS OF THE APOSTOLIC SERVICE OF THE FRANCISCANS IN ENGLAND IN XIII CENTURY

The article reflects the specifics of the Apostolic service of the Franciscan Order in the early years of their appearance in England in 1224, in comparison with the apostolate of the brothers in other parts of Europe. It reveals the linguistic, social, material and other difficulties faced by the brothers during the mission, covers the causes of initial negative perceptions of the laity and clergy activity of the Minorites, studies the factors that led to the rising popularity of brothers in the future. The focus is on such aspects of the service as scientific and educational activities in the Franciscan schools of Studium Generale and the theological faculties of medieval universities, to patient care and the leper, mediation in the settlement of conflicts. The study describes a complex process

of incorporation of the Minorites into medieval urban structure, the peculiarities of the appearance of the Order's property in English cities, which led to a conflict within the Order between the following rules of the Charter – poverty, and the active participation of brothers in urban life. The author reveals interesting biographical facts from life and work of famous Franciscan monks, which contributed to the development of science and education, of the Order of the Roman Catholic Church and Christianity in general.

Key words: the Minorites, the Franciscans, the Mendicants, Custodian, Guardian, Provincial (provincial Minister), Studium Generale, charitable practice, chapter (capitulum), the Friars Minor, parish.

В XIII в. в самом консервативном институте западноевропейского общества – Римско-католической церкви – произошли значительные изменения. Это связано с возникновением нищенствующих орденов францисканцев и доминиканцев. Францисканский монашеский орден или Орден миноритов (меньших братьев) с момента своего возникновения на основании устного утверждения Устава папой Иннокентием III

в 1209 г., продемонстрировал новые религиозные практики.

Так, одним из основных видов своей деятельности св. Франциск Ассизский – основатель Ордена – видел в миссионерстве. Миссионерская активность, сначала в пределах Италии, охватила ещё при жизни основателя Ордена и другие части Европы и Африки, а с посольства к монгольскому хану Хубилаю Джо-

ванни дель Пьяно Карпини (Плано Карпини) в 1245 г. распространилась и на Азию. Во-вторых, Франциск изменил традиционную вертикальную структуру организации религиозной общины на основе назначения, введя принцип коллегиального правления и ежегодных собраний членов Ордена – капитулов, установив выборность должностных лиц в Ордена от кустодов до провинциалов и генерального министра конгрегации. В-третьих, францисканцы изменили представление о проповеди и сам характер увещаний, начав использовать не только латынь, но и народные языки в силу того, что чётко дифференцировали состав слушающих. Так, в XIII–XIV вв. появляются учебники по церковному красноречию (лат. *ars praedicandi* – искусство проповеди), что напрямую связано с деятельностью мендикантов.

В-четвертых, важным своим призванием францисканцы видели миротворчество, стремясь выполнять функции посредников в различного рода конфликтах – между городской общиной и феодалами (светскими и духовными), между папой и монархами, внутри городской общины и пр.

В-пятых, братья, заняв кафедры средневековых университетов, внесли вклад в развитие богословия, схоластики и научных знаний. Далее, занимаясь миссионерской практикой, братья вели дневники, составляли отчёты о своих странствиях и путешествиях, тем самым обогащая европейскую науку новыми знаниями и сведениями о быте и традициях, обрядах и ритуалах других народов, способствуя знакомству европейцев с другими цивилизациями и народами. Занимаясь составлением проповедей и литургических сочинений, братья содействовали становлению итальянского, французского, испанского, немецкого и английского языков.

Кроме того, миноритов кардинально отличало от прежнего монашества их активность в городах. Известно, что ранние монастыри в Европе возникали в отдалённых от поселений местах, следуя логике «ухода от суеты», «ухода от мира», а францисканцы изначально нацелили свою активность на жителей города. В городах их деятельность была многоплановой: занимались проповедничеством и каритативной практикой, участвовали в управлении городской общины, вели преподавательскую деятельность, представляли в качестве легатов и нунциев интересы Святого Престола в переговорах с императорами и королями, осуществляли санитарно-гигиенические и ритуально-похоронные функции, особенно во время чумы и эпидемий, выступали в качестве

гаранта справедливой торговли, были хранителями эталонов мер и весов, выполняли миротворческие функции. Именно это и отличало нищенствующих монахов от цистерцианцев, августинцев и бенедиктинцев.

Так, первые миссии францисканцев были в пределах Италии, затем францисканцы расширили свою проповедническую активность на территории Франции, немецких земель, Северной Африки и Святой Земли, Англии, Восточной Европы, Азии и пр.

Историческим источником, раскрывающим особенности миссионерской активности ранних францисканцев, являются орденские хроники XIII в. К середине XIII в. францисканцы испытывают потребность в фиксации и трансляции корпоративной орденской идентичности, что и нашло отражение в хрониках братьев Салимбене Пармского, Иордано из Йано, Томаса Экклестона.

Специфика орденских хроник состоит в том, что они изначально несли отпечаток регионализма, т.е. помимо общеорденской идентичности они нацелены были на формирование представлений о регионально-страновой принадлежности. «Хроника Иордано из Йано» (вторая половина XIII в.) [25] демонстрирует особенности появления и деятельности братьев в германских землях, а «Появление и распространение братьев миноритов в Англии» брата Томаса (Фомы) Экклестона (первая половина XIII в.) [26] даёт нам представление об региональной специфике активности братьев в Англии. «Хроника» Салимбене (вторая половина XIII в.) сочетает разные жанры и стили средневековой литературы – локальную, всеобщую, епископскую хроники с историческим повествованием и моральным трактатом [2, с. 831]. Хроникой, отражающей специфику деятельности миноритов в итальянских землях, можно считать «Хронику, или Историю о семи искушениях Ордена брата Анжело Кларено» (ок. 1320) [7].

После Франции, Испании братья в 1224 г. направились в Англию с миссией. Автор хроники «Появление и распространение братьев миноритов в Англии» Томас Экклестон вступил в Орден, вероятно, между 1229 и 1232 гг., учился в Оксфорде и принадлежал Лондонскому конвенту [16, р. 26; 14, р. 83; 4, с. LXVI, 21, р. 43]. Личность и его характер Томаса в хронике практически не проявляется, но одна черта все же обнаруживается – это гордость за братьев-англичан, которым удалось достичь высокого положения в структуре Ордена. Это единственные строки, имеющие эмоциональ-

ную окраску, в то время как дальнейшее повествование отличается лаконичностью.

В основу хроники легли записи Экклестона, которые он вёл в течение 26 лет. Его повествование характеризуется зачастую беспорядочным описанием, простотой изложения материала, смешением описания видений, чудес и реальных событий, что затрудняет восприятие информации.

Экклестон сообщает, что францисканец Ангеллус (Анжело) из Пизы и другие братья, переплыв Ла-Манш, высадились возле Дувра 10 сентября 1224 г. Состав миссии был невелик (три англичанина, пять итальянцев и один француз), и состоял как из клириков, так и мирян. Братьями были учтены ошибки предыдущих францисканских миссий во французские и немецкие земли, поэтому они включили в состав своей группы трёх миноритов, обладавших знаниями староанглийского языка [12, р. 7; 10, р. 126]. Остальные братья, по предположениям английского учёного В. Грина, приобрели знания основ французского языка во времена своих вояжей в период 1217–1224 гг. Во всяком случае, они не испытали тех проблем с языком, что имели члены первых францисканских миссий в Германии, где из-за незнания языка братья попали в опасную ситуацию, чуть не стоившую им жизни [25, р. 22–23; 5, с. 66–68].

Но английские миссионеры столкнулись с иными трудностями. Так, анонимный автор «Хроники Ланеркоста», написанной во времена короля Эдуарда III (1312–1377) и охватывающей период с 1201 по 1346 г., приводит описание первых францисканцев, вступивших на английскую землю в Дувре: они выглядели презренными и отличались внешним видом ото всех горожан [20, р. 7]. На континенте братья сопровождали свою апостольскую деятельность прощением милостыни, как это делал св. Франциск, что и стало их отличительной чертой среди всех монашествующих. Им с большим трудом удавалось приучать западноевропейских горожан к такого рода религиозной практике, поскольку до них просили милостыню, как правило, прокажённые, больные лепрой, нищие, но никак не служители церкви. Когда же францисканцы в Дувре стали практиковать прощение милостыни, то их посчитали бродягами и попрошайками, заперев под замок. Слухи взбудоражили население, и к утру собралась большая толпа, требуя наказания, но все обошлось, и монахи беспрепятственно направились в Кентербери. В «Хронике Ланеркоста» отражён тот факт, что у населения Британских островов сжилось не совсем вос-

торженное первое впечатление о миноритах, но впоследствии оно изменилось.

Отправляясь из Дувра, братья разделились на малые группы. Одна из них в составе Ричарда Ингворта, Ричарда из Дэвона, Генри и Мелиоратуса направились в Лондон. В течение семи недель после прибытия в Англию, минориты рассредоточились по монастырям и конвентам Кентербери, Лондона и Оксфорда, иными словами нацелили свою активность на церковную, политическую и интеллектуальную столицы Англии.

Возглавлявший миссию минорит Ангеллус или Анжело (Adnellus, Angellus), по сведениям Экклестона, был кустодом (главой отделения Ордена, меньшее, чем провинция) Парижа, дьяконом Ордена и, вполне вероятно, что говорил на французском языке. На страницах хроник Экклестона и Иордана брат Ангеллус из Пизы смешивают с братом Альбертом из Пизы, что привело в дальнейшем к путанице в последующих хрониках и даже научной литературе [18, р. 37].

В ранней истории Ордена было два монаха из Пизы с похожими именами: Ангеллус (Анжело) из Пизы, первый провинциальный министр Англии, и Альберт (Анжело) Пизы, также бывший провинциальным министром Англии и ставший в последующем главным министром Ордена. Известный хронист и историк Францисканского ордена Лука Ваддинг (1588–1657) сообщал, что оба брата были приняты в Орден лично св. Франциском в 1211 г. [13]. Ангеллус из Пизы стал первым министром Англии в истории Ордена и умер в 1233 (1236) г. от дизентерии.

Согласно мнению Розалинды Брук, Альберт занимал пост провинциального министра Тосканы (1217–1221), Марки Анконской (1221–1223), Германии (1223–1227), Испании (1227–1230), Болоньи (1230–1232), Венгрии (1232–1236) и наконец, Англии (1236–1239) [9, р. 184]. Он прибыл в Англию в канун праздника св. Лючии (13 декабря 1236 г.), в феврале 1237 г. его избрали провинциальным министром Англии на капитуле провинции Ордена, а в 1239–1240 г. был избран на должность генерального министра Ордена [26, р. 93–94; 25, р. 45].

В университетском городе Оксфорде братья обосновываются в 1224 г., где доминиканцы им предоставляют жилье в госпитале, пока Роберт ле Мерсер не предоставил им дом в приходе Св. Эбби. В 1225 г. братья получили в дар дом с землёй от некоего Ричарда Миллера [22, р. 265]. В 1230 г. возникла первая самостоятельная обитель францисканцев в Кембридже, а ее первым гвардианом (должность в струк-

туре Францисканского ордена, стоящая ниже кустода) стал Фома (Томас) Испанский [15, р. 103]. В том же 1230 г. мендиканты обосновались в Ноттингеме, в 1231 г. – в Линкольне во главе с гвардианом Генри Мизерикорде. Экклестон также перечисляет кустодии Солсбери, Йорка, Ворчестера, и сообщает, что «на тридцать второй год прибытия миноритов в Англию (т.е. 1256 г. – В. С.) в 45 обителях проживало 1242 братьев Ордена» [24, р. 101–102].

По причине роста количества поселений миноритов и числа братьев, было принято решение разделить провинцию Англия на кустодии. Это произошло на провинциальном капитуле в Лондоне, который проходил не позднее 1230 г. [26, р. 128–130]. Согласно Томасу Экклестону, каждая кустодия в Англии славилась в Ордене какой-либо святостью. Так, в кустодии Лондона процветало рвение, почтение и преданность богослужению со стороны братьев. Кустодия Оксфорда славилась образованием и знанием. Первым гвардианом Оксфорда был избран брат Вильям Эшби, известный тем, что борясь с искушениями, покалечил себя [26, р. 96].

После произведённого негативного впечатления на начальном этапе, отношение населения к ним вскоре изменилось на вполне положительное. «Хроника Ланеркоста» и Матвей Парижский сообщают о последовавших дарениях со стороны мирян: король, городские власти и частные лица стали жертвовать земли, строить дома для миноритов.

Так, в Лондоне некий горожанин Джон Ивн купил для братьев землю, переписал её на собственность города, так как братьям было запрещено что-либо приобретать согласно Уставу. Шериф Лондона сир Джойс прикупил к указанному участку ещё земли, увеличив её площадь. Зажиточный купец и шериф сир Вильям Джойнер построил на собственные деньги капеллу для братьев, пожертвовал деньги на устройство поселений для братьев, поддерживая их вплоть до своей кончины. В Кентербери некий сир Александр предоставил в пользование миноритам участок земли, возведя там часовню. Особым образом братьев облагодетельствовал господин Симон Лэнгтон, архидьякон Кентербери, брат известного Стефана Лэнгтона – архиепископа Кентерберийского (1227–1248) [26, р. 112–113]. В Кентербери горожане устроили миноритов в синагоге; а король Генрих III пожертвовал на покупку земли 10 марок, где братья выстроили скромную капеллу. В Шрюсбери король подарил им участок земли, а при помощи бюргеров Ричарда

Прайда и Лоуренса Кокса была построена церковь и остальные постройки [26, р. 115].

Этот поворот от неприязни к признанию можно объяснить тем, что занимаясь отправлением культа, проповедуя вне прихода, братья быстро завоевали популярность мирян, и внешний облик братьев перестал ассоциироваться с попрошайками и бродягами. А вот клир и духовенство увидели в новых братствах опасных конкурентов, так как они уничтожали принцип «*stabilitas loci*», т.е. занимались апостольским служением не стационарно и на основании лицензии, а в процессе миссионерской активности и постоянного передвижения, охватывая большой контингент верующих. Минориты пытались инкорпорироваться в общество, где роли и обязанности были давно распределены, а братья принялись трансформировать, и довольно успешно, общественные институты, чего опасалось приходское духовенство. Свидетельством того, что францисканцы изначально были хорошо восприняты мирянами из различных социальных стран (вплоть до короля), служат указанные Экклестоном щедрые дарения.

Томас Экклестон на страницах хроники нам сообщает, что прибывшие в Англию братья, быстро увлеклись схоластическими занятиями и ежедневно стали регулярными слушателями теологических школ. Они ежедневно ходили на занятия, несмотря на сильные морозы или слякоть, порою даже босиком [26, р. 120]. Глава францисканской миссии Ангеллус из Пизы принял в качестве учителя для своих братьев магистра Роберта Гроссетеста (1168/1170–1253) [8], который знал греческий, иврит и арабский языки, легко комментировал известные философские произведения античных времён, а также средневековые переводы Аристотеля, сделанные арабскими философами. Он стал первым учителем богословия среди францисканских монахов и основателем францисканской школы в Оксфорде. Назначенный в 1208 г. магистром школы Оксфорда, Гроссетест оказал большую помощь францисканцам. При его содействии для миноритов был выстроен студенческий дом в Оксфорде, который стал центром исследований Францисканского ордена в Англии. Гроссетест читал лекции монахам в период с 1229 по 1235 г., пока не был назначен в 1235 (1236 г.?) епископом Линкольна [22, р. 62].

Будучи учёным и епископом, Гроссетест принимал активное участие в проведение пастырской реформы, вдохновлённой IV Латеранским собором. В записке, доставленной папе Иннокентию IV в Лион в 1250 г., он писал, что после

назначения епископом Линкольна, он посчитал должным с большим усердием заботиться о пастве. С этой целью он организовал новый подход к работе пастыря, основанный на проводимых миноритами регулярно богослужений, проповедях, исповедях, благотворительных акций [11, р. 265; 17]. Поскольку в средневековой Европе право на это имели лишь приходские священнослужители, но не монахи, то Гроссетест смог изменить это правила в рамках своего епископства. Кроме того, ему принадлежит новая традиция постоянных проверок работы братьев в качестве проповедников, исповедников и пр., что в своё время сделал генеральный министр Ордена брат Илия Кортонский, введя должности визитаторов.

Первые четверо францисканцев в Оксфорде (начиная с Гроссетеста) были светскими учителями. Лишь с Адама Марша (ок. 1200–1259), получившего образование в Оксфорде и вступившего в Орден миноритов в 1226 г., ведётся отсчёт миноритов-преподавателей, кто имел степень богословия. Вероятно, он её получил в 1247–1248 гг. Францисканец Томас Йорк (ум. 1260 г.), обучавшийся в Оксфорде до 1256 г., позже стал ректором францисканской школы Кембриджа.

В 1257 г. булла папы Александра IV «*Exultante spiritu*» устанавливала, что «...братья вашего Ордена, назначенные лекторами согласно вашим постановлениям, вправе читать лекции в монастырях вашего Ордена, преподавать на факультете теологии без какой-либо дополнительной лицензии, за исключением тех мест, где есть *Studium Generale*; в этом случае, они должны быть официально приняты на этот факультет...» [24, р. 216]. Это означало, что если францисканский монастырь находился в университетском городке, где существовал факультет теологии, присваивающий учёные богословские степени, подобно университетам в Париже или Оксфорде, тогда францисканские лекторы могли заниматься преподаванием вне этого богословского факультета, даже если не были официально утверждены в качестве лекторов, то есть получали формальную степень теологии. Однако, в университете подобного Болонье, не имевшем факультета теологии и не предлагавшего богословских степеней, францисканцы могли преподавать теологию только светским ученикам.

Данная булла способствовала активному развитию средневековых школ *Studium Generale*. По мнению Гастингса Рашдалла, этот вид средневековых школ отличает три характеристики: во-первых, в ней обучались сту-

денты из разных регионов; во-вторых, имелся, по меньшей мере, один из высших факультетов (юриспруденция, теология, медицина); в-третьих, в ней преподавало значительное число профессоров [19, р. 7]. Францисканская школа *Studium Generale* была открыта в Кембридже в период в 1236–1239 гг., позже подобная школа появилась в Оксфорде. Францисканская школа в Оксфорде более известна своими открытиями в области естествознания и логики, чем в спекулятивной философии и схоластике.

Известными схоластами и проповедниками средневековой Англии, которых отметил на страницах своей хроники Экклестон, были Ричард Руфус из Корнуолла, (ум. 1260–1261), Роджер Марстон (1235–1303), Роджер Бэкон (1214–1294) и др. [26, р. 120]. Францисканским учёным-схоластом и проповедником был Джон (Иоанн) Пекхам, вступивший в Орден в 1250 г. Известно, что в 1257 г. его направили в Париж для получения степени доктора богословия. В Париже он успешно преподавал в 1269–1271 гг., успев стать регентом мастера францисканской школы Парижа, отмечен в диспутах с Фомой Аквинским. Вернувшись в Оксфорд, успешно преподавал в 1274–1277 гг., после чего был избран провинциальным министром Англии на капитуле братьев. 28 января 1279 г. стал архиепископом Кентерберийским и занимал кафедру вплоть до своей смерти 8 декабря 1292 г.

Джон Дунс Скот (1265/66–1308) вступил в Орден францисканцев в 1281 г. Известен тем, что изучал искусство в 1281–1283 гг., философию в 1282–1285 гг., теологию в 1287–1290 гг. После прохождения обучения был рукоположен в сан епископа Нортгемптона в марте 1291 г. Он читал лекции во францисканской школе *Studium Generale* этого города. Далее, известно, что он в 1293–1297 гг. пребывал в Париже, где получил степень бакалавра искусств, читал лекции в Оксфорде, Кембридже, Париже. В 1304 г. Гонсалвус Вальбоа, генеральный министр Ордена и один из его учителей в университете, рекомендовал Скота в качестве магистра в Парижский университет. В 1305–1308 гг. Дунс Скот успешно преподавал в Парижском университете, Оксфорде, Кёльне, войдя в историю философии и богословия под эпитетом «тонкий доктор».

Кроме деятельности в сфере образования и науки, братья занимались каритативной практикой в больницах и частных домах. По замечаниям францисканского историка Р. Губера, пребывая в новый город, свой первый визит францисканцы обычно совершали в госпиталь или в лачуги несчастных. Авторы английских

трактатов и хроник быстро признали само собой разумеющимся, что первые минориты ухаживали за прокажёнными и чумными. Беглый взгляд на такие источники как Patent Close и Liberate Rolls говорит нам о том, что обители францисканцев в большинстве случаев находились в тех городах, где располагались колонии и госпитали больных лепрой. Например, в восьми первых городах – Оксфорде, Честере, Ворчестере, Ковентри, Линкольне, Йорке, Лондоне, Личфилде – где обосновались меньшие братья, находились госпитали для такого рода больных [12, р. 41].

Как сообщает В. Грин, около 200 домов Лазаря и госпиталей в течение всего средневековья были снабжены необходимыми вещами. Большинство из них было основано по инициативе миноритов или на их средства. Они во многом являлись независимым институтом по отношению к королевской и епископской власти. В «Хронике Ланеркоста» сообщается, что медицина многим обязана францисканцам [12, р. 42]. По данным В. Грина, точно известно, что один из первых братьев-миноритов в Англии, Адам де Бешезувер был известным медиком. Другой известный монах-францисканец, Адам Марш о котором упоминалось ранее, имел сердце, открытое для бедных и страдающих: своими призывами в церквях он всегда напоминал о помощи больным лепрой и нищим [12, р. 45].

Экклестон упоминает, что первые пять из девяти прибывших в Англию братьев, поселились в госпиталь Св. Марии для нищих, где и пребывали, пока не обрели свою обитель [26, р. 97]. Участники миссии – англичане Ричард Ингворт, Ричард из Девона – вступили в Орден в Ноттингеме в госпитале Св. Иоанна, при котором располагалась больница для бедных и прокажённых, где они и проживали после прибытия в Англию [26, р. 101; 25, р. 44].

Св. Франциск завещал последующим поколениям братьев помогать всем обездоленным, униженным и прокажённым. Чтобы выполнить это на практике, потребовалось изменить существующую систему призрения. В раннее средневековье больницы возводились под патронатом церковных учреждений и предназначались, преимущественно, для пилигримов и странников. С конца XII в. строятся больницы на средства мирян, но, тем не менее, они оставались под покровительством Церкви. Лишь с середины XIII в. наблюдается процесс «коммунализации больниц», в полной мере проявивший себя в XIV в., когда инициаторами возведения больниц становятся городские власти. Они стремятся принять участие в управлении

ими или полностью взять их в свои руки. С этого момента больницы превращаются в благотворительные учреждения и строятся, главным образом, внутри и даже в центре города, в отличие от лепрозориев, которые локализовались на окраинах населённых пунктов [6, с. 23]. Можно предположить, что это косвенным образом связано с деятельностью мендикантов.

Монахи нищенствующих орденов служили различным категориям населения, и многие из мирян, при составлении завещаний во спасение души приносили им в дар либо собственность на дома и землю, либо на движимое имущество. Концентрация движимого и недвижимого имущества в одних руках давала преимущество силы и власти в городской коммуне. Потому светские власти и испытывают потребность контролировать благотворительные организации.

На основании различных источников, каких из среды братьев, так и из нефранцисканской среды, известно, что францисканцы ухаживали за больными, работали в больницах во времена эпидемий. Средневековая медицина своими скромными достижениями в лечении больных многим обязана их самопожертвованию. В период пандемии Чёрной смерти минориты преданно ухаживали за больными, в то время как другие священники покидали зачумлённые поселения [1, с. 332]. Об этом писал и известный историк церкви Генри Чарльз Ли: «Весьма возможно, что самоотверженность братьев во время чумы, когда священники позорно прятались, а братья одни ухаживали за больными и напутствовали умирающих, подняло ещё более престиж (миноритов – В. С.) в глазах народа, и захваты их стали шире» [3, с. 167, 185–186]. В 1351 г. депутация от высшего духовенства обратилась к папе Клименту VI, прося его либо уничтожить мендикантов, либо отменить их привилегии. На что папа ответил: «Если вы заставите их замолчать, то о чем сами-то вы будете говорить народу? О смирении? Но ведь вы – первые гордецы... О бедности? Но ведь вы так жадны до денег, что вам мало было бы церковных доходов всего мира! О целомудрии?... Но об этом я лучше уж помолчу... Если на то пошло, то нечего вам жаловаться, что нищенствующие получают часть имущества тех покойников, которых они напутствовали на смертном одре в то время, как вы позорно бежали; нечего плакаться, что они тратят эти деньги на сооружения, служащие только во славу Бога и Церкви, а не мотают их на кутежи и удовольствия...» [3, с. 186]. Поэтому, неудивительно, что население сред-

невековой Европы относилось к нищенствующей братии с любовью и уважением.

Одной из острых проблем средневекового общества было наличие различного рода острых конфликтов внутри городской общины и разного плана противоречий между городами-коммунами. Указанные распри были отягощены кровной враждой и мстостью, борьбой между папством и империей (что наиболее характерно для Италии), противоречиями между королём и парламентом, между королём и архиепископами (в Англии). Мендиканты выступали миротворцами и примирителями различных партий, семейств, родов и отдельных людей. Следует отметить, что ни основатель Ордена, ни его первые последователи не являлись первооткрывателями в этой области. В первой половине XI в. Церковь возглавила движение против частных феодальных войн – «за Божий мир», в буквальном смысле умиротворяя общество, а в XIII в. минориты лишь возобновили эту практику.

Известным миротворцем среди английских братьев был Ангеллус из Пизы – первый провинциальный министр Англии. Как сообщает Экклестон, Ангеллус умер в 1233 или 1236 г. от дизентерии, которой заболел в Оксфорде от холода и переутомления, когда пытался примирить короля Англии и графа-церемониймейстера Уэльского (графа Пэмброка) [26, р. 163]. Следует упомянуть Альберта (Анжело) из Пизы, который выступил в качестве посредника при разрешении конфликта между гене-

ральным министром Ордена Илией Кортонским и папой Григорием IX.

Орден быстро в течение XIII в. расширился в пределах Англии, Уэльса, Шотландии и Ирландии, а его члены внесли большой вклад в развитие научных знаний. Первые монахи были как глоток свежего воздуха в стране, где духовенство далеко ушло от идеалов своего призвания. Успех францисканцев в Англии объясняется тем фактом, что вероятнее всего, население с самого начала восприняло мендикантов достаточно тепло, другое дело – клир и духовенство, которые справедливо усмотрели в новых братствах опасных конкурентов и противников, что в скором будущем и случилось. Если в Италии важными функциями миноритов были миротворчество из-за остроты коммунальных распри, каритативная активность по причине быстро растущего имущественного расслоения, созерцательная практика в еремиториях, в Германии братья активно участвовали в процессе становления и развития немецких городов, выполняя оборонительные функции, становясь духовными наставниками для населения вновь возникших городов Германии. Из всех направлений деятельности Ордена в средневековой Англии, особо выделяется интеллектуальная традиция францисканцев усилиями известных философов и богословов. Так, в Англии, как и во Франции, минориты сосредоточили свою активность в сфере образования и проповедования. Так, относительно гармонично, Англия вошла в орбиту влияния Ордена миноритов.

Источники и литература / References

1. Данэм Б. Герои и еретики: политическая история западной мысли. М.: Прогресс, 1967. 504 с.
Danjem B. Geroi i eretiki: politicheskaja istorija zapadnoj mysli (*Heroes and Heretics: A Political History of Western thought*). Moscow: Progress, 1967. 504 p. (In Russian).
2. Кудрявцев О. Ф. «Хроника» францисканца Салимбене де Адам: Историописатель и время // Салимбене де Адам. Хроника / пер. с лат. И. С. Култышевой, С. С. Прокоповича, В. Д. Савуковой, М. А. Таривердиевой. М.: РОССПЭН, 2004. 984 с.
Kudrjavcev O. F. «Hronika» franciskanca Salimbene de Adam: Istorioisatel' i vremja («*The Chronicle*» of the Franciscan Salimbene de Adam: *Descriptor of History and Time*) // Salimbene de Adam. Hronika / Per. s lat. I. S. Kultyshevoj, S. S. Prokopovicha, V. D. Savukovoj, M. A. Tariverdievoj. Moscow: ROSSPJeN, 2004. 984 p. (In Russian).
3. Ли Г.-Ч. История Инквизиции в Средние века. Перевод с французского А.В. Башкирова, под редакцией С.Г. Лозинского. В 3-х т. Т. 1. СПб.: Тип. Брокгауз-Ефрон, 1911. XVI, 559 с.
Li G.-Ch. Istorija Inkvizicii v Srednie veka (*A History of the Inquisition in the Middle Ages*). Perevod s francuzskogo A. V. Bashkirova, pod redakciej S. G. Lozinskogo. T. 1–3. SPb.: Tip. Brokgauz-Efron, 1911–1914. T. 1. SPb.: Tip. Brokgauz-Efron, 1911. XVI, 559 p. (In Russian).
4. Сабатье П. Жизнь Франциска Ассизского. Пер. с фр. М.: Издание Сытина, 1895. LXXXI, 354 с.
Sabat'e P. Zhizn' Franciska Assizskogo (*Life Of Francis Of Assisi*). Per. s fr. M.: Izdanie Sytina, 1895. LXXXI, 354 p. (In Russian).
5. Садченко В.Н. Специфика миссионерской деятельности францисканцев в немецких землях в XIII–XIV вв. // Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия: материалы международной научно-практической конференции 1–2 ноября 2011 г. Пенза – Липецк – Семей: Социосфера, 2011. С. 66–74.
Sadchenko V. N. Specifika missionerskoj dejatel'nosti franciskancev v nemeckih zemljah v XIII–XIV vv. (*The Specificity of the Missionary Activities of the Franciscans in the German Lands in the XIII–XIV centuries*) // Religija – nauka – obshhestvo: problemy i perspektivy vzaimodejstvija: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 1–2 nojabrja 2011 g. Penza – Lipeck – Semej: Nauchno-izdatel'skij centr «Sociosfera», 2011. P. 66–74. (In Russian).

6. Средневековая Европа глазами современников и историков: Кн. для чтения. В 5 ч. (Всемир. история и культура глазами современников и историков). Ч.2: Европейский мир X–XV вв. / отв. ред. А. Л. Ястребицкая. М.: Интерпракс, 1995. 379 с.

Srednekovovaja Evropa glazami sovremennikov i istorikov (*Medieval Europe Through the Eyes of Contemporaries and Historians*): Kn. dlja chtenija. V 5 ch. M.: Interpraks, 1995. (Vsemir. istorija i kul'tura glazami sovremennikov i istorikov). Ch. 2: Evropejskij mir X–XV vv. / Otv. red. A. L. Jastrebičkaja. 379 p. (In Russian)

7. Angelo da Chiarino. Dalla «Cronaca delle sette tribolazioni» // Scrittori di religione del trecento. Volgarizzamenti. Tomo terzo. A cura di don Giuseppe de Luca. Torino: EINAUDI, 1977. P. 511–523.

8. Boyle L. E. Robert Grosseteste and the Pastoral Care // *Medieval and Renaissance Studies*. 1979. No. 8. P. 3–51.

9. Brooke R. B. Early Franciscan Government. Elias to Bonaventure. Cambridge; Published Cambridge University Press, 1959. XV, 313 p.

10. Carpenter S. C. The church in England 597–1688. London: Published by John Murray, 1954. V, 516 p.

11. Councils and Synods with Other Documents Relation to the English Church. 2 vols. V. 2, pt. 1,2. Vol. 2 / Ed. F. M. Powicke and C. R. Cheney. Includes indexes. Oxford: Clarendon Press, 1964. 772 p.

12. Green V. G. The Franciscans in medieval English life (1224–1348). Paterson: St. Anthony Guild Press, 1939. 164 p.

13. History of the Franciscan Movement. Volume 1: From the beginnings of the Order to the year 1517. On-line course in Franciscan History at Washington Theological Union Washington DC By Noel Muscat OFM. Jerusalem, 2008. URL: <http://www.franciscan-sfo.org/hland/histfranmov1.pdf>. (Accessed: 28.08.2017).

14. Laureilhe M.-T. Introduction to Thomas of Eccleston: The coming of the friars minor to England // XIIIth century chronicles. Translated from the Latin by Placid Hermann OFM, with introduction and notes by Marie-Therese Laureilhe. Chicago: Franciscan Herald Press, 1961. P. 81–90.

15. Lef G. Paris and Oxford university in the thirteenth and fourteenth centuries. An institutional and intellectual history. New-York, London, Sidney: John Wiley & Sons, 1968. VIII, 331 p.

16. Little A. G. Franciscan papers, lists and documents. Manchester: Manchester University Press, 1943. XIII, 262 p.

17. Memorandum is edition by Servus Gieben, Grosseteste at the Papal Curia, Lyons 1250. Edition of the Documents // *Collectanea Franciscana*. 1971. 41. P. 340–393.

18. Power A. The Friars in Secular and Ecclesiastical Governance, 1224– c.1259 // *The English Province of the Franciscans (1224–c.1350)* / Ed. Michael J.P. Robson. Cambridge (em.), St Edmund's College, 2017. P. 28–45.

19. Rashdall H. The Universities of Europe in the Middle Ages / Ed. F. M. Powicke and A.B. Emden. Volume 1, Salerno, Bologna, Paris. Oxford, 1936. 562 p.

20. Robson J. P. M. Thomas of Eccleston, the Chronicle of the Friars' Arrival in England // *The English Province of the Franciscans (1224–c.1350)* / Ed. Michael J.P. Robson. Cambridge (em.), St Edmund's College, 2017. P. 3–27.

21. Robson M. The Franciscans in the Middle Ages. Woodbridge: The Boydell Press, 2009. 256 p.

22. Roest B. The Franciscan School System: Re-assessing the Early Evidence (ca.1220–1260) // *Franciscan Organisation in the Mendicant Context: Formal and informal structures of the friars' lives and ministry in the Middle Ages* / Ed. Michael Robson and Jens Röhrkasten. Berlin: LIT Verlag Münster, 2010. P. 253–279.

23. Röhrkasten J. The Mendicant Houses of Medieval London, 1221-1539. Berlin: LIT Verlag Münster, 2004. 688 p.

24. Şenocak N. The Franciscan Studium Generale: A New Interpretation // *Philosophy and Theology in the «Studia» of the Religious Orders and at Papal and Royal Courts: Acts of the XVth Annual Colloquium of the Société Internationale pour l'Étude de la Philosophie Médiévale*. University of Notre Dame, 8-10 October 2008. P. 221–236. URL: https://www.academia.edu/2364632/THE_FRANCISCAN_STUDIUM_GENERALE_A_New_INTERPRETATION (Accessed: 29.08.2017).

25. The chronicle of brother Jordan of Giano // XIII-th century chronicles. Translated from the Latin by Placid Hermann OFM, with introduction and notes by Marie-Therese Laureilhe. Chicago: Franciscan Herald Press, 1961. P. 17–72.

26. Thomas of Eccleston: The coming of the friars minor to England // XIIIth century chronicles. Translated from the Latin by Placid Hermann OFM, with introduction and notes by Marie-Therese Laureilhe. Chicago: Franciscan Herald Press, 1961. P. 79–192.

УДК 94 (37).08

С. А. Сахаров

COMES SACRARUM LARGITIONUM В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (ПО ДАННЫМ «КОДЕКСА ФЕОДОСИЯ»)

В статье на основе данных «Кодекса Феодосия» и сочинений позднеримских историков рассматриваются особенности компетенции comes sacrarum largitionum – руководителя центрального финансового ведомства в Поздней Римской империи. Источниковой базой работы является десятый титул первой книги «Кодекса Феодосия», который содержит ряд императорских эдиктов, дающих представление о правах и обязанностях руководителя казны, его положении в системе позднеримской вертикали власти. Помимо обязанностей, непосредственно связанных с финансами, comes sacrarum largitionum был наделен целым рядом обязанностей контрольно-надзорного характера, мог вмешиваться в процесс судопроизводства. Глава финансового ведомства обладал правом применения насилия и принуждения к любому должностному лицу, если это было необходимо в целях обеспечения финан-

совой и фискальной дисциплины. В целом, компетенция comes sacrarum largitionum и центрального финансового ведомства в период домината складывалась из двух ключевых элементов. Это, во-первых, финансовое администрирование и, во-вторых, обеспечение финансовой дисциплины. Помимо полномочий comes sacrarum largitionum, в статье рассматриваются особенности функционирования финансовой системы, делаются выводы относительно содержания и характера финансового управления в Римской империи эпохи домината. В работе затрагиваются проблемы обеспечения финансовой дисциплины, поддержания правопорядка в области налогообложения и финансов.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, доминат, comes sacrarum largitionum, финансовая администрация, «Кодекс Феодосия».

S. A. Sakharov

COMES SACRARUM LARGITIONUM IN THE LATE ROMAN EMPIRE (ACCORDING TO THE «THEODOSIAN CODE»)

With the reference to the data of the «Theodosian Code» and the writings of late Roman historians the article studies the competence comes sacrarum largitionum, the head of the central financial department in the Late Roman Empire. The source of the work is the tenth title of the first book of the «Theodosian Code», which contains a number of imperial edicts that give an idea of the rights and duties of the head of the treasury, his position in the system of the late Roman power vertical. In addition to duties directly related to finance, comes sacrarum largitionum was given a number of supervisory duties, and could interfere with the judicial process. The head of the financial department had the right to use violence and coercion against any official, if this was necessary in order to ensure financial and fiscal discipline.

In general, the competence comes sacrarum largitionum and the central financial department in the period of the Dominate was composed of two key elements. This, first, financial administration and, secondly, the provision of financial discipline. In addition to the authority comes sacrarum largitionum, the article examines the features of the functioning of the financial system, draws conclusions regarding the content and nature of financial management in the Roman empire of the period of the Dominate. The article examines the problems of ensuring financial discipline, maintaining law and order in the field of taxation and finance.

Key words: Late Roman Empire, Dominate, comes sacrarum largitionum, financial administration, «Theodosian Code».

Финансы и финансовая система играют особую роль в практике функционирования любого государства. В современной научной литературе финансы определяются как денежные фонды государства, его территориальных подразделений, используемые для удовлетворения потребностей общества [1, с. 18].

В свою очередь в рамках финансовой системы осуществляется распределение и использование этих денежных фондов, за счет чего и становится возможным удовлетворение общественных потребностей [6, с. 21]. В этой связи и сообразуясь с постулатами органической теории происхождения и определения сущности

государства, в которой закономерности развития животного мира перекладываются на политические процессы [2], финансовая система может сравниваться с кровеносной системой живого организма [5].

Для Поздней Римской империи исправное функционирование финансовой системы имело огромное значение. Сформировавшаяся в результате реформ финансового администрирования Диоклетиана и его преемников [13, р. 75], позднеимперская система финансов должна была обеспечить способность власти отвечать на вызовы времени в условиях усиливающегося внешнего натиска. От исправного поступления денежных средств зависело снабжение армии и, следовательно, обороноспособность римского государства. Иными словами, в период домината от стабильности финансовой системы в значительной степени зависело само выживание имперского государственного организма, сохранение римской цивилизации.

Естественно, что финансовая система, как и любое иное звено государственного организма, – это, в первую очередь, люди, должностные лица, осуществляющие финансовое администрирование. В числе этих должностных лиц ключевую роль, судя по данным позднеимперского императорского законодательства, играл *comes sacrarum largitionum* – руководитель имперского финансового ведомства [10, р. 28], в ведении которого находились, в том числе, налоговые поступления [3, с. 211]. А именно они и составляли «кровь» всего государственного организма империи. Именно за счет налоговых и прочих сборов, причитающихся казне, обеспечивалось функционирование всей политической системы домината, всех звеньев государственной системы.

В данной статье, опираясь на данные «Кодекса Феодосия» и сочинения позднеимперских авторов, мы рассмотрим особенности компетенции *comes sacrarum largitionum* и отдельные аспекты функционирования подчиненного ему ведомства.

Должности *comes sacrarum largitionum* посвящен десятый титул первой книги «Кодекса Феодосия». Названный титул содержит ряд императорских эдиктов, которые дают представление о правах и обязанностях руководителя имперской казны, его положении в системе позднеимперской вертикали власти.

Данные источников указывают, что *comes sacrarum largitionum*, вероятно, был самым важным в числе финансовых чиновников империи [8, р. 28]. Сфера его компетенции охватывала все уголки обширного государства – от

центральной администрации до диоцезов и провинций [9, р. 668].

В подчинении *comes sacrarum largitionum* находилось обширное ведомство, насчитывавшее около пятисот сотрудников, разделенных на 18 отделов [11, р. XXX], а так же провинциальные финансовые чиновники [17, р. 68], с помощью которых государство и проводило свою финансовую политику [10, р. 31]. Кроме того, данные источников свидетельствуют, что *comes sacrarum largitionum* имел определенную власть над провинциальными и городскими администрациями [8, р. 29], в том числе администрациями имперских столиц [11, р. 39].

Ключевой задачей *comes sacrarum largitionum* в Поздней Римской империи было обеспечение надлежащего сбора причитающихся имперской казне налогов и, как следствие, максимизация доходов государства [8, р. 28]. В целях реализации названной задачи позднеимперское императорское законодательство наделяет *comes sacrarum largitionum* целым рядом полномочий контрольно-надзорного характера в области финансов и налогообложения. Именно эти полномочия главы финансового ведомства и раскрываются в полной мере в «Кодексе Феодосия».

Позднеимперские императоры напрямую связывают пополнение казны с добросовестностью налоговых чиновников. По этой причине в 385 г. Валентиниан, Феодосий и Аркадий издают эдикт, по которому начальник казначейства наделялся правом (а возможно ему это вменялось в обязанность) «взять под стражу» всякого руководителя провинции, если будет установлено, что он небрежно исполнял свои обязанности в части сбора налогов (CTh.1.10.2) [18]. Руководитель казны мог держать под арестом провинциального руководителя до тех пор, пока все причитающиеся государству деньги не будут доставлены в казну (CTh.1.10.2). Обнаружить названную небрежность было довольно легко с учетом того, что руководители провинций должны были три раза в год передавать собранные в подвластных им провинциях средства в центр [8, р. 28]. Следовательно, при малейшем подозрении на наличие нарушений в сборе налогов руководитель финансового ведомства мог принять соответствующие меры.

Более того, *comes sacrarum largitionum* имел право допросить любого фискального чиновника, покидающего провинцию, в которой он исполнял свои обязанности. В случае обнаружения злоупотреблений последний мог быть «отстранен от императорской службы»

и «осужден» (вероятно, наказан) на основании «приговора» главы центрального финансового ведомства (CTh.1.10.5).

Среди вышеназванных чиновников были многочисленные налоговые сборщики, разбросанные по городам империи [8, р. 29], которые могли легко выйти из-под контроля, что неизбежно влекло за собой злоупотребления, лишая государство необходимых ресурсов. Осознание этого и заставляло позднеримских императоров наделять *comes sacrarum largitionum* обширными полномочиями, превращая его в одного из самых могущественных сановников имперской администрации [8, р. 29], некоего высшего финансового инспектора, способного подвергнуть наказанию любого провинциального начальника [4, с. 72].

Говоря о контрольно-надзорных полномочиях *comes sacrarum largitionum* в финансовой сфере следует обратить внимание на эдикт Аркадия и Гонория от 27 февраля 401 г. Названный эдикт обязывает руководителя казначейства ежегодно направлять в провинции двух дворцовых агентов (*palatini*), которые, являясь по словам выдающегося позднеримского ритора, философа и государственного деятеля Фемистия «глазами и ушами» императора [21, р. 71–74] (Them. Or. I.19) [19], должны были оказывать на провинциальные администрации необходимое давление с тем, чтобы заставить их соблюдать требования закона при взыскании налогов (CTh. 1.10.7).

Из эдикта следует, что провинциальные руководители были обязаны сообщать агентам о любом факте финансовых злоупотреблений, имена всех лиц, которые, как гласит закон, стремятся к обладанию «большими выгодами», чем позволяло их «общественное положение» (CTh.1.10.7). Иными словами, *palatini*, которых уже император Константин называл своими помощниками «во всех формальных обязанностях» [14, р. 367], под непосредственным контролем *comes sacrarum largitionum* осуществляли надзор за сбором в провинциях налогов [15, р. 205–206]. *Palatini* должны были следить за тем, чтобы налоговые списки не реже трех раз в год направлялись в столицу (CTh.1.10.7). Агенты «напоминали» провинциальным руководителям, что «золото должно без какой бы то ни было задержки» направляться в казну (CTh.1.10.7) [4, с. 73].

В конечном итоге можно говорить о том, что *palatini*, действуя от имени центрального финансового ведомства, подчиненного *comes sacrarum largitionum*, являли собой некое подобие современных налоговых инспекторов, или

аудиторов [15, р. 206]. При этом сами агенты, судя по данным «Кодекса Феодосия», будучи подконтрольны *magister officiorum*, могли использоваться для достижения целей своей службы различными ведомствами и должностными лицами. В их числе не только имперская казна и ее глава *comes sacrarum largitionum*, но и преторианские префектуры. Префекты претория, как гласит закон, были обязаны заботиться о том, чтобы «энергичные служащие императорского двора были назначены в несколько отдаленных провинций и использовали свою смекалку для того, чтобы ни один ответственный чиновник не смел покинуть провинцию, если был не способен доказать большим количеством надежных документов, что правильно облагал налогами свою администрацию» (CTh.1.10.1).

В контексте реализации контрольно-надзорных полномочий *comes sacrarum largitionum* важное значение имеет эдикт Валента, Феодосия и Аркадия 385 г., по которому глава имперского финансового ведомства был обязан «проявлять внимание» ко всякому судебному спору, рассматривая дело «в экстраординарном порядке безотносительно к установленному законом пределу времени» (CTh.1.10.3). Иными словами, полномочия *comes sacrarum largitionum*, судя по сему, затрагивали сферу судопроизводства. Определить пределы компетенции начальника имперской казны в названной сфере помогает распоряжение Валента, Феодосия и Аркадия 391 г. В нем говорится о неких торговцах, которые «были захвачены (в плен) и подвергнуты наказанию (очевидно, незаконному)». Помимо материальных убытков, им были причинены и физические увечья. Причем, как следует из документа, все это происходило при попустительстве префекта Константинополя. Пытаясь добиться справедливости, указанные торговцы обратились в императорский суд, что и привело к появлению распоряжения. Однако в нем императоры указывают, что дела о злоупотреблениях подобного рода не должны рассматриваться «дворцовым судом», являясь исключительной прерогативой городской префектуры Константинополя. При этом, что имеет для нас принципиальное значение, в документе говорится о том, что если финансовое ведомство во главе с *comes sacrarum largitionum* испытывает в этом необходимость (а вероятно оно было обязано это делать), документы по делу могут быть запрошены им «для рассмотрения по существу».

Таким образом, желая добиться исправного поступления налогов, позднеримские импера-

торы наделяют *comes sacrarum largitionum* обширнейшими полномочиями, вкладывая в его руки рычаги влияния на всю провинциальную политику империи. Как видно из вышеназванных императорских распоряжений, от руководителя центрального финансового ведомства зависела судьба провинциальных руководителей, судьба многочисленных налоговых чиновников, отвечавших за непосредственный сбор причитающихся казне средств в провинциях. В зависимости от *comes sacrarum largitionum* находились города, которым главный казначей империи мог даже в некоторых случаях позволить оставить для собственных нужд до трети собранных в виде налогов денег. Городские общины, в свою очередь, эти деньги могли потратить, например, на поддержание своих оборонительных сооружений или строительство новых стен и общественных зданий [8, р. 28].

В конечном итоге, и провинциальные начальники, и городские советы, и даже рядовые налоговые сборщики были вынуждены всячески заискивать перед *comes sacrarum largitionum*, пытаясь добиться его расположения.

Однако, наделяя руководителя казны обширными полномочиями, императоры вместе с тем создавали и определенные риски для функционирования системы власти и управления империи. Будучи обязаны обеспечивать законность в процессе сбора налогов, руководители казны сами легко могли превратиться в источник произвола. Обладая огромной властью и влиянием, *comes sacrarum largitionum* участвовали в придворных интригах и борьбе за власть, использовали вверенные им полномочия в корыстных целях или в угоду прочим влиятельным лицам, вероятно, вымогали взятки, примеры чему мы неоднократно встречаем в источниках.

Так, например, Аммиан Марцеллин, рассуждая о вреде придворных интриг, вспоминает префекта претория Лампадия, бывшего магистра императорской канцелярии рескриптов и прошений (*magister scriniorum*) Эдесия и, среди прочих, комита *sacrarum largitionum* Евсевия, которые, «смыв кисточкой текст писем Сильвана (магистра пехоты в Галлии) и оставив только подпись, ... написали на них совершенно отличный от прежнего текст, как будто Сильван ... просил ... друзей помочь в затеваемом им государственном перевороте» (*Amm.Marc. XV.5.4–5*) [7].

Заслуживает внимания и еще один пример. Антонин, влиятельный чиновник при дуксе Месопотамии, попал в большие долги. Однако, опасаясь за свое будущее вследствие неспра-

ведливости судей и не желая вступать в судебные процессы с влиятельными людьми, «он ... составил точные записи о том, какие войска и где стоят, какова сила отдельных частей и куда они должны двинуться во время похода». Когда же комит казначейства в угоду другому лицу стал преждевременно требовать уплаты, Антонин решил бежать к персам, передав и собранные секретные сведения (*Amm.Marc. XVIII.5.1–2*).

По словам того же Аммиана Марцеллина, Домициан, занимавший пост *comes sacrarum largitionum*, а затем даже ставший префектом претория, оказывал помощь императору Констанцию в его противостоянии с цезарем Галлом, используя имеющиеся в его руках рычаги «финансового» воздействия (*Amm.Marc. XIV.7.9–17*).

Вместе с тем, как повествует Феодорит Кирский, задуманное Юлианом «изъятие церковных сосудов и хлебных запасов» также осуществлялось при непосредственном участии «блюстителя государственной казны» Феликса, который, прежде был христианином, «но в угоду нечестивому царю отступил от благочестия» (*Theod. III.12*) [20].

Хотя, безусловно, встречались примеры и иного рода. Евсевий Кессарийский упоминает некое Адавкта, «человека высокого звания, ... достойного от императора ... почестей и общественных должностей, безупречно исполнявшего обязанности управляющего хозяйством всей империи» (*Eus. H.E. 8.11.2*) [12]. Аммиан Марцеллин также свидетельствует о «строгости» и порядочности Урсула, «комита финансов» времен Констанция, который, будучи известен своим честным нравом, даже был привлечен к «расследованию» злодеяний Руфина – «старшего в канцелярии префекта претория» (*Amm.Marc. XVI.8.3–7*).

В целом же Феодорит Кирский делает ценное замечание относительно всей позднеримской налоговой системы, отмечая, что «подати обычно взымали» «воины» (*Theod. IV.17*). Это находит подтверждение и в «Кодексе Феодосия», в соответствии с которым государство могло потребовать свои «доходы» с помощью «вооруженных солдат» (*CTh 1.14.1*) [10, р. 41]. Последнее характеризует саму фискальную систему. Использование вооруженной силы при взыскании налогов может означать, что сами эти налоги представляли собой своеобразную «дань», которую государство «выбивало» из населения.

Подчас негативную роль жизни позднеримского государства играли и государственные

агенты *palatini*, используемые *comes sacrarum largitionum* для установления контроля над провинциальными администрациями. Деятельность агентов весьма красноречиво характеризует выдающийся антиохийский оратор Либаний, называя их «ищейками», терроризировавшими провинциалов, «овчарками, присоединившимися к волчьей стае», «церберами», «многоголовыми монстрами» и т.д. Либаний утверждает, что каждый, кто вступал с агентами в какие-либо контакты, неизбежно подвергался ограблению, ибо они видели врага в каждом, кто обладал чем-либо стоящим, будь то лошадь, рабыня, плодовое дерево, поле или сад» (Lib. Or. 18. 134–136, 138, 140) [16].

Подводя итог, необходимо отметить следующее.

В Поздней Римской империи сложилась в целом развитая система финансового и фискального администрирования, которая охватывала все государство. Финансовая система, как и римская государственная система в целом, была бюрократизирована и действовала на иерархических началах.

Полномочия главы финансового ведомства *comes sacrarum largitionum*, наравне с полномочиями самой финансовой службы, носили комплексный межотраслевой характер. Помимо обязанностей, непосредственно связанных с финансами, *comes sacrarum largitionum* был наделен целым рядом обязанностей контрольно-надзорного и административного характера, мог вмешиваться в процесс судопроизводства в том случае, если этого требовали интересы казны.

Власть *comes sacrarum largitionum* и подчиненной ему службы обладали свойством принудительности. Иными словами, глава финансового ведомства обладал правом применения насилия и принуждения от имени и в интересах государства к любому должностному лицу, если это было необходимо в целях обеспечения финансовой и фискальной дисциплины.

Деятельность центрального финансового ведомства имела некоторые сходства с практи-

кой деятельности так называемых спецслужб. Наряду со штатными сотрудниками, исполняющими обязанности в области финансов и налогообложения, финансовая администрация для достижения целей своей деятельности использовала государственных агентов *palatini*, наделенных правом проведения служебных финансовых проверок и, вместе с тем, применения государственно-властного принуждения.

В целом же, основываясь на данных «Кодекса Феодосия», ведомство *comes sacrarum largitionum* условно может быть отнесено к числу «правоохранительных органов» позднеримского государства. Основанием для этого является то, что императорские эдикты акцентируют внимание именно на его контрольно-надзорных функциях, практически не затрагивая собственно финансовые полномочия. Безусловно, это не освобождало финансовое ведомство от обязанностей финансового характера. Но, вместе с тем, данный акцент, очевидно, указывает на проблемные аспекты функционирования позднеримской финансовой системы. То есть собственно финансовые полномочия рассматриваются законодателем как нечто само собой разумеющееся, в то время как контрольно-надзорные полномочия, полномочия в области обеспечения правопорядка в финансовом / фискальном секторе выносятся на первый план. Иными словами, финансовое ведомство, подчиненное *comes sacrarum largitionum*, наряду с функциями главного финансового администратора выполняло функции налоговой полиции, неся ответственность за финансовое благополучие империи.

Таким образом, из сказанного следует, что компетенция *comes sacrarum largitionum* и центрального финансового ведомства в период домината складывалась из двух ключевых элементов. Это, во-первых, финансовое администрирование и, во-вторых, обеспечение финансовой дисциплины. В совокупности, названные полномочия, судя по данным императорского законодательства, являлись основой финансового управления в Поздней Римской империи.

Источники и литература / References

1. Крохина Ю. А. Финансовое право России: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 720 с.
Krohina Ju. A. *Finansovoe pravo Rossii: uchebnik (Financial law of Russia: a textbook)*. Moscow: Norma: INFRA-M, 2011. 720 p. (In Russian).
2. Органическая теория происхождения государства и права // LawBook.online: электронная библиотека. URL: <https://lawbook.online/gosudarstva-prava-teoriya/organicheskaya-teoriya-proishojdeniya-25972.html> (Дата обращения: 17.07.2017).
Organicheskaja teorija proishozhdenija gosudarstva i prava (Organic theory of the origin of the state and law) // LawBook.online: jelektronnaja biblioteka. URL: <https://lawbook.online/gosudarstva-prava-teoriya/organicheskaya-teoriya-proishojdeniya-25972.html> (Accessed: 17.07.2017). (In Russian).
3. Покровский И. А. История Римского права. СПб.: Летний сад, 1999. 531 с.
Pokrovskij I. A. *Istorija Rimskogo prava (History of Roman Law)*. St. Petersburg: Letnij sad, 1999. 531 p. (In Russian).

4. Сахаров С. А. Система государственной власти и проблема коррупции в Поздней Римской империи (по данным «Кодекса Феодосия»): дисс...канд. ист. наук. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2013. 234 с.
Saharov S. A. Sistema gosudarstvennoj vlasti i problema korrupcii v Pozdnej Rimskoj imperii (po dannym «Kodeksa Feodosija»): thesis (*The system of state power and the problem of corruption in the Late Roman Empire (according to the «Theodosian Code»*). Smolensk: Smolenskij gosudarstvennyj universitet, 2013. 234 p. (In Russian).
5. Финансовая система // LawBook.online: электронная библиотека. URL: <https://lawbook.online/finansovoe-pravo-rossii-kniga/finansovaya-sistema-4630.html> (Дата обращения: 17.07.2017).
Finansovaja Sistema (*Financial system*) // LawBook.online: jelektronnaja biblioteka. URL: <https://lawbook.online/finansovoe-pravo-rossii-kniga/finansovaya-sistema-4630.html> (Accessed: 17.07.2017). (In Russian).
6. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. М.: Юрист, 2004. 749 с.
Finansovoe pravo: Uchebnik / otv. red. N. I. Himicheva (*Financial Law: A Textbook*). Moscow: Jurist, 2004. 749 s. (In Russian).
7. Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / Rec. F. Eyssenhardt. Berolini, 1871.
8. Barnwell P.S. Emperor, prefects, and kings: the Roman West. 395–565. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1993. 248 p.
9. Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1953. 476 p.
10. Dodd E.C. Byzantine Silver Stamps. With an Excursus on the Comes Sacrarum Largitionum by J. P. C. Kent. Washington: The Dumbarton Oaks Research Library and Collection, Trustees for Harvard University. 1961. 283 p.
11. Ecclesiastical silver plate in sixth-century Byzantium: papers of the symposium held May 16-18, 1986, at the Walters Art Gallery, Baltimore, and Dumbarton Oaks, Washington, D.C., organized by Susan A. Boyd, Marlia Mundell Mango, and Gary Vikan. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1992. 243 p.
12. Eusebii Pamphili. Historiae Ecclesiasticae. Libri X. Lipsiae, 1828.
13. Hendy M. Mint and Fiscal Administration under Diocletian, His Colleagues, and His Successors A.D. 305 – 24 // The Journal of Roman Studies. 1972. Vol. 62. P. 75 – 82.
14. Jones A. H. M. The Later Roman Empire. 284-602. A social, economic, and administrative survey. In 2 Vols. Vol. I. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986. 782 p.
15. Kelly G. Ruling the Later Roman Empire. London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2004. 341 p.
16. Libanius. Selected Works: In 3 Wols (With an Engl. transl., introd. a notes by Norman A. F.). Cambridge: Harvard University Press; London: Heinemann, 1969. 592 p.
17. MacMullen R. Soldier and civilian in the later Roman Empire. Cambridge: Harvard University Press, 1963. 217 p.
18. The Theodosian Code and Novels and sirmondian constitutions / A translation with commentary, glossary, and bibliography by C. Pharr in collaboration with T. S. Davidson and M. B. Pharr. New Jersey: The Lawbook Exchange, 2001. 643 p.
19. Themistii orationes quae supersunt. Bd. I / Eds. H. Schenkl, G. Downey. Leipzig: Teubner, 1965. 339 s.
20. Theodoretus, Cyrensis Episcopus. Historia ecclesiastica // PG. T. 83. Paris, 1864. Col. 879–1279.
21. Vanderspoel J. Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995. 280 p.

УДК 94(38).09

Е. В. Смыков

МАРК АНТОНИЙ В МИРЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ МОНАРХИЙ: ГОСУДАРЬ ИЛИ МАГИСТРАТ?

В статье рассматривается вопрос о том, оказала ли политическая практика эллинистической монархии глубокое влияние на политику римского триумвира Марка Антония. Для ответа на него привлекаются нумизматические данные – выпуски монет Антония, относящиеся ко времени его пребывания на Востоке, надписи в его честь, данные о его религиозной политике. Весь этот комплекс материалов свидетельствует, что в целом Антоний оставался в рамках римских

политических традиций. Нет никаких серьезных оснований говорить о его «монархизме», он был таким же римским традиционалистом, как и другие лидеры римских политических группировок того времени.

Ключевые слова: Марк Антоний, эллинистическая монархия, монетная чеканка, эпиграфические свидетельства, дионисийская политика, римские политические традиции.

E. V. Smykov

MARC ANTONY IN THE WORLD OF HELLENISTIC MONARCHIES: SOVEREIGN OR MAGISTRATE?

The article examines the question whether the political practice of the Hellenistic monarchy had a profound influence on the policy of the Roman triumvir Marc Antony. In search of the answer the numismatic data is referred to – issues of Antony coins, dating back to the time of his stay in the Orient, inscriptions in his honor, data on his religious policy. All this set of materials shows that, in general, Antony remained

within the framework of Roman political traditions. There is no reason to talk about his “monarchism”, he was a mere Roman traditionalist like other leaders of the Roman political groups of the time.

Key words: Mark Antony, Hellenistic monarchy, coinage, epigraphic evidence, Dionysian policy, Roman political traditions.

Говоря об Антонии, обычно подчеркивают связь его политики с традициями эллинистического Востока. Иногда вывод звучит достаточно категорично: «Едва ли можно сомневаться, что Антоний на Востоке активно использовал идеи и принципы эллинистической монархии» [5, с. 118]. Более того, в свое время С. Л. Утченко подчеркивал, что «как исторический деятель Марк Антоний был ... типичным порождением той эпохи, которая уже безвозвратно уходила в прошлое, эпохи эллинизма. Быть может, именно этим обстоятельством определялась и объяснялась его постоянная тяга к Востоку. Всем своим обликом, всей своей деятельностью, всем сочетанием противоречивых качеств и талантов он походил на тех блестящих авантюристов, которые были эпигонами Александра. Недаром Плутарх сопоставляет его с таким искателем славы и приключений, как Деметрий Полиоркет» [10, с. 173]. Но как «типичным порождением эпохи» может быть человек, который ей не принадлежит? Ведь, несмотря

на то, что Антоний являлся современником заката эллинистических государств, расположенных к западу от Евфрата, он сформировался как личность в Риме, где мир эллинизма воспринимался как чуждый и враждебный римским mores maiorum? Так ли уж бесспорны эти утверждения?

Прежде всего, как мне кажется, стоит оговорить принципиально важную вещь: когда речь идет о зависимом от Рима Востоке, следует четко различать действия римского магистрата и те формы, которое принимало официальное отношение к нему местного населения. Дело в том, что магистраты, при всех своих личных особенностях, представляли мир суверенной гражданской общины, которой еще только предстояло вступить на путь, который С. Л. Утченко удачно назвал «от гражданина к подданному» [11, с. 229]. Мир эллинистических полисов вступил на этот путь гораздо раньше. Монархия имела своих адептов даже в демократических греческих полисах задолго до походов Алек-

сандра, а монархические тенденции в политике нарастали на протяжении всего позднеклассического периода [9, с. 42–64, 328–331]. Ко времени, когда Рим стал доминирующей силой в мире греческих государств, прежде свободная Эллада имела уже длительный опыт подчинения эллинистическим монархам. Соответственно, смена власти привела к тому, что сложившееся отношение к властителям было перенесено на римских магистратов [28, с. 40–47]. При этом формы, в которых проявлялось почтение к их власти, искреннее или показное, были глубоко чужды политическим традициям Римской республики. Итак, при характеристике того, насколько Антоний был эллинизирован, требуется чрезвычайная осторожность. Необходимо рассмотреть все имеющиеся в наличии материалы, в первую очередь монеты и надписи, которые относятся к оформлению власти Антония на Востоке, и только после этого можно делать какие-то выводы.

Монетная чеканка Антония, пожалуй, наиболее традиционна среди чеканок всех protagonists этого этапа римских гражданских войн. Конечно, на монетах присутствует портрет самого Антония – к тому времени это сделалось уже привычным явлением. Но в символике и легендах автократические тенденции представлены достаточно слабо. В отличие от своих соперников, он не имел, если можно так выразиться, идеологического тыла в виде прославленного предшественника, к имени которого можно было апеллировать в монетной чеканке. Поэтому если Секст Помпей усиленно акцентировал свою *pietas* по отношению к отцу, Октавиан делал упор на родство с божественным Цезарем и именовал себя *divi filius*, то Антонию просто нечего было им противопоставить. Легенды его монет содержат его официальную римскую должность, а изображения набор образов, связанных с саном авгура (*lituus, praeficulum*) [13, №520, 521, 522, 531, 533.2], процветанием (рог изобилия) [13, №516, 520], победами. Из этих последних наиболее выразительны серии, выпущенные в 39–38 гг. до н.э. – денарий с изображением на реверсе мужской фигуры со скипетром и ветвью в руках – возможно, изображение Юпитера Виктора [13, vol. 2, p. 743]. Все это, как мне кажется, может служить свидетельством традиционализма политики Антония. Более того, по наблюдению М. Кроффорда, по мере приближения решающей схватки за власть чеканка Антония делается более однообразной, выразительная символика в ней отсутствует [13, vol. 2, p. 743].

Единственный монетный тип, на основании которого некоторые исследователи постулируют наличие у Антония далеко идущих планов, это ауреус, выпущенный в 34 г. до н.э., на реверсе которого помещен портрет М. Антония-младшего (Антилла), сына триумвира [13, №541]. При этом, учитывая то, что золотая монета чеканилась прежде всего для выплат легионерам [6, с. 70–74], вполне вероятно, что главным адресатом этого выпуска являлась армия [5, с. 118]. Случай это беспрецедентный в римской монетной чеканке периода республики, и конечно, требует объяснения. Э. Хьюзар, например, ставит его в контекст борьбы Антония за власть над всей территорией римского государства: «Целью Антония было господство над всей Римской империей, над западом так же, как и над востоком; отделять личные владения на востоке значило бы ограничивать его более значительные притязания. Знаменательно, что он уже назначил себе наследника: Марка Антония, старшего сына от Фульвии... Как Октавиан заявлял притязания на имперское наследие Цезаря, так Антилл, как кажется, предполагался в наследники Антония по контролю над всей империей. Для него, как и для Антония, не было назначено никакой особой территории, только предполагаемое наследование Римской империи» [23, p. 197]. Однако при таком широком толковании остается недоумение: о каком наследовании могла идти речь? Октавиан, выступавший как наследник Цезаря, был *divi filius*, что хоть как-то могло обосновать его притязания на политическое наследие приемного отца (да и то оформление его власти осуществлялось на протяжении долгого времени, методом проб и ошибок). А какие основания для притязаний на власть, да еще и передачу ее сыну, мог выдвинуть Антоний? Весь материал, как кажется, свидетельствует об отсутствии у него подобных амбиций. Поэтому монету с портретом Антилла, скорее, следует рассматривать в контексте происшедшей в том же году реорганизации Востока. Антоний хотел представить своего сына как будущего главу своего семейства и наследника [37, s. 252], в том числе и наследника восточной клиентелы. Некоторую смысловую параллель этой монете можно усмотреть в известном ауреусе, выпущенном через два года, где аверс с портретом Антония и легендой ARMENIA DEVICTA сочетался с изображением Клеопатры на реверсе и упоминанием ее детей в легенде: CLEOPATRAE REGINAE REGUM FILIORUM REGUM [13, № 543]. Возможно, стоит обратить внимание

на то, что здесь триумвир представлен без его римской титулатуры (что довольно редко для монетных выпусков Антония), но с указанием на победу над Арменией. Не подчеркивает ли это, что его победа является основой царских титулов его детей и пышного, не имеющего аналогов в практике Птолемеев, титула самой Клеопатры? Подобно этому Антиллу, видимо, предназначалось унаследовать то место, которое пока занимал отец – место римского гаранта стабильности и патрона той политической структуры, которая была учреждена «александрийскими дарениями».

Итак, нумизматические данные не дают прямых и недвусмысленных указаний на авторитарные тенденции в политике Антония. Зарубежная клиентела, как и стремление к ее расширению, для ведущих римских политиков была делом обычным, Антоний в этом отношении не является исключением; более того, его клиентела вряд ли превосходила по численности, например, клиентелу Помпея Магна, лояльность которого Римской республике в настоящее время не подвергается сомнению никем. Символика выпущенных Антонием монет тоже в общем и целом находится в русле римских традиций, эллинистические влияния на нее минимальны.

Обратимся к эпиграфическим свидетельствам. Здесь важно отметить, что на Востоке римляне выступили как преемники пришедших в упадок эллинистических монархий, в которых получаемые ими почести маскировали новизну монархии и образовывали важный элемент во властных отношениях между подданными и правителями [28, с. 52]. Римляне, восприняв у эллинистических монархов властные функции, были автоматически включены и в существующую систему идеологических отношений. Уже Помпей, которого, как кажется, никто и никогда не обвинял в излишних симпатиях к эллинистическим политическим формам, получил от эллинистических полисов ряд почетных царских эпитетов. В Митилене на Лесбосе его именовали в разных сочетаниях *ktistēs, sōtēr, euergetēs* – основатель, спаситель, благодетель (IG 12.2. № 140 150, 163a, 202); на Делосе – *sōtēr kai euergetēs*, спаситель и благодетель (Syll.3 749 B); в Солах-Помпейополе в Киликии *ktistēs kai patrōn*, основатель и патрон (IGR. 3.869). В надписи из окрестностей Кизика он поименован еще более пышно – «спаситель и благодетель народа и всей Азии, страж земли и моря» [22, р. 64, № 7]. Кроме того, в Митиленах имя Помпея было присвоено месяцу (IG 12.2.59) [20, sp. 1416; 34, р. 39; 26, s. 50]. Чтобы оценить

значимость этого, следует иметь в виду, что, по словам Э. Бикермана, одного из крупнейших знатоков эллинистических государственных структур, «особой и более редкой почестью царям и царицам было присвоение их имен месяцам календаря» [3, с. 230]. Все это является выражением отношения местного населения к римскому полководцу, безусловно, приятного ему. Но отнюдь не обязательного. Характерно, что в надписях в честь Помпея из западных провинций нет даже намека на подобные эпитеты – он именуется строго в соответствии с римскими традициями [36].

В случае с Антонием, несмотря на то, что его вмешательство в восточные дела было не менее активным, чем у Помпея, да и пробыл он на востоке почти втрое дольше, ничего подобного нет – надписи единичны, и никакой пышной титулатуры не содержат. Конечно, частично это можно объяснить тем, что после поражения Антоний подвергся *damnatio memoriae*, и связанные с ним памятники были уничтожены, однако практически полное исчезновение почетных надписей кажется весьма маловероятным. Скорее, их просто не было. Создается впечатление, что Антоний был достаточно равнодушен к внешним почестям, или, во всяком случае, не был столь болезненно честолюбив, как Помпей. Сама атмосфера праздничного чествования ему, безусловно, была приятна – здесь можно вспомнить все его восточные процессии, имевшие определенный политический и религиозный смысл, и увеселения, которые он позволял себе в Афинах, Эфесе, Тарсе и других городах, а затем при дворе Клеопатры. Но об институализации полученных почестей он, похоже, не слишком заботился. Во всяком случае, как мне кажется, можно констатировать, что взаимное отчуждение Антония и мира греко-эллинистических полисов было гораздо большим, чем у Помпея или Цезаря. Личностей, подобных Полибию при Сципионе Эмилиане или Теофану Митиленскому при Помпее, в окружении Антония явно не было, как нет и следов того, что его хоть в малейшей мере интересовала интеллектуальная жизнь греко-эллинистического Востока.

В связи с «эллинистическими» тенденциями в политике Антония стоит сказать несколько слов и о его «дионисийской политике» [8]. Порой ее пытаются объяснить субъективными качествами Антония. Так, по мнению Г. Бенгтсона, «Антоний чувствовал себя земной копией бога Диониса» [1, с. 341], он подражал Александру Великому, которого также приравнивали к Дионису, по крайней мере – потомки

[12, s. 159]. Некоторые же, наоборот, считают, что Антоний всерьез не верил в свою божественность, а просто играл роль, подобно актерам греческой комедии [30, 165]. Замечательную по своей выразительности характеристику субъективной стороны поведения Антония дал в свое время Ф. Ф. Зелинский: «Романтик по природе, Антоний охотно превращал действительность в сказку, жизнь в сновидение; погружаясь в грезы, он входил в жизнь своих близких как видение из сна, то грозное, то чарующее, но всегда фантастическое, всегда в противоречии с действительностью. И когда его не стало, окружающим показалось невероятным, что Антоний вообще когда-либо существовал» [4, с. 34]. При этом нет недостатка и в объяснениях политического характера. Обычно указывают на то, что Дионис был божеством весьма популярным на эллинистическом Востоке, что через отождествление с ним Антоний вставал в один ряд с другим популярным в греческом мире персонажем – Александром Великим, что еще до отправления на Восток Антоний имел претензии на особые отношения с божеством, выражением чего было его сопоставление с Геркулесом [24, p. 243–244; 26, s. 126–127; 29, p. 110–111]. Однако вопрос о времени, с которого следует начинать «дионисическую» религиозную политику Антония остается при этом дискуссионным.

Если, к примеру, А. Жанмэр, Л. Р. Тэйлор и ряд других исследователей полагают, что исходной точкой здесь является уже пребывание Антония на Востоке в 41 г. до н.э. и события, имевшие место в Эфесе и в Тарсе [24, p. 243; 31, s. 90; 34, p. 109–110], то У. Тарн, утверждает, что манифестация в Эфесе была всего лишь эпизодом, не имевшим никаких последствий на практике, а стабильная политическая линия на отождествление с Дионисом начинается лишь со времени брака с Октавией и второго пребывания в Афинах [32, p. 33; 33, p. 68].

Однако более тщательное рассмотрение материала показывает, что обращение Антония к культу Диониса, его пресловутое «дионисийство», не является однородным феноменом и на разных этапах его деятельности носит разный характер. Так, дионисийские празднества Антония в Азии в 41 г. до н.э. были лишь незначительным эпизодом в калейдоскопе событий этого года [3, с. 60–69], и сам Антоний вряд ли придавал им большое значение. К. Пеллинг, комментируя рассказ Плутарха, отмечает: «Кажется, что Антоний не слишком настаивал на этой (с Дионисом. – Е. С.) идентификации и возможно даже сам не подстрекал к ней» [27, p.

179]. Показательно, что об этих событиях рассказывает только Плутарх, отличавшийся умеренной склонностью к красочным описаниям и эффектным сценам, остальные авторы о них не упоминают даже вскользь. Совсем иное дело использование Антонием культа Диониса во время пребывания в Афинах в 39–38 гг. до н.э., когда даже фигуры второго плана автоматически объявляли себя находящимися под особым покровительством божества [38, p. 44]. И уже совсем иное дело – грандиозные александрийские торжества 34 г. до н.э., выражавшие масштабную политическую программу, давшие Октавиану повод для пропагандистских атак на Антония, отголосок которых мы находим у Веллея Патеркула, единственного латинского автора, который упоминает эти события (Vell. 2.82.4). Любопытно, что этот автор упрекает Антония не за политическую, а за религиозную составляющую его действий, за то, что он, будучи человеком, позволил себе изображать бога.

Возмущение Веллея понятно: поведение Антония не имело прецедентов в Риме; однако для александрийских церемоний следует искать не римский, а эллинистический прототип, которым могут служить, например, пышные победные торжества в Александрии, организацией которых славился Птолемей II [18, p. 417; 35, p. 138–139]. Если взглянуть на дело с этих позиций, то окажется, что Антоний, празднуя победу над Арменией, и в мыслях не имел воспроизвести или, тем более, спародировать римский триумф, он просто следовал в русле уже существующих птолемеевских традиций. С некоторыми вариациями в деталях эта оценка принимается значительным числом исследователей [15, p. 161; 16, p. 675; 19, s. 3156; 21, s. 219; 25, s. 53, Anm. 220]. Как подчеркивал М. Грант, «это искажение было понятным, но все-таки оставалось искажением, поскольку вовсе и не предполагалось, что это будет римский триумф» [15, p. 162]. При этом сам Антоний, явившись в образе бога жителям Александрии, через некоторое время вновь предстал перед ними в качестве римского магистрата во время церемонии в гимнасии. Плутарх в своем описании (Ant. 54) подчеркивает торжественность и роскошь обстановки во время этого действия (Кассий Дион в своем описании (XLIX.41) гораздо прозаичнее), но, в сущности ничего экстраординарного не произошло. Действительно, рядом с монархами на троне восседал еще Сулла во время своей каппадокийской миссии, а оглашение в собрании политических решений напоминает то, как Цезарь публично

выступил примирителем в споре Клеопатры и Птолемея XIII. Кстати, тогда тоже были осуществлены территориальные дарения, Кипр передан Арсиное и Птолемею-младшему; интересно, что Цезарь обосновывал свое право вмешиваться в конфликт детей Птолемея Авлета тем фактом, что он является диктатором и в нем воплощена вся власть римского народа (Cass. Dio. XLIX.35.5). Положение Антония было, в сущности, тем же, только Цезарь был *dictator rei publicae constituendae*, а Антоний – назначенный с той же целью триумвир.

И. С. Свенцицкая считает такое поведение вызовом римским традициям, который на эллинистическом Востоке стал естественным для Антония, все дальше уходящего от представлений и этических норм его родной *civitas* [7, с. 127]. Исследовательница усматривает в его действиях «ощущение единовластия, типичное для того времени неприятие староримской политической традиции» [7, с. 124], говорит о его стремлении «приблизиться к образу эллинистического правителя» [7, с. 127–128]. Антоний переименовал город Эвмений в Фульвий в честь своей жены, сделав это без особого политического расчета, поддавшись искушению увековечить имя своей жены рядом с Апамеями, Стратоникеями и т.п. [7, с. 128]. В общем, Антоний исходил в своих действиях не из реальных отношений, а из некой модели эллинистического монарха, противостоящей идеалу римской гражданской общины [7, с. 128], был не эллинистическим, а квазиэллинистическим монархом [7, с. 124]. Однако Антонию вряд ли были понятны сложные отношения между эллинистическими монархами и полисами, или монархами и местными храмами, он и не принимал во внимание полисной структуры эллинистических городов [7, с. 128, 130]. В этом смысле его политика не выдерживает сопоставления с политикой Октавиана, политическая интуиция которого может произвести впечатление на историка [7, с. 133].

Эти рассуждения достаточно типичны, Антоний как носитель идеи восточной монархии присутствует в десятках работ, посвященных политической истории этого периода. Однако, прежде всего, еще раз подчеркнем: как следует из эпиграфических и нумизматических материалов, степень разрыва Антония с римскими традициями сильно преувеличена. Кроме того, в случае демонстративной враждебности римским традициям он не имел шансов одержать победу на западе – вся его деятельность демонстрирует, что западное направление всегда оставалось приоритетным в его политике.

Что касается ориентации на эллинистических монархов, то здесь тоже все не так просто. Из чего, собственно, следует, что Эвмений в Фульвий переименовали по приказу Антония? Ведь, если это было его желание, логичнее был бы «Антониополь» или что-либо подобное! Гораздо более резонным выглядит предположение, что инициатива исходила от местного населения, возможно, от тетрарха Галатии и царя Дейотара, которому Фульвия помогала в Риме добиться подтверждения его власти. Кстати, монетный чиновник, который выпустил монету с названием Фульвий, носит галатское имя Зметорикс [14, с. 141–147]. Что касается Августа, то, действительно, его политическая интуиция была огромной; тем более показательным, что после победы он оставил неприкосновенными большинство назначений на царство, сделанных Антонием. Исключение здесь составляют только Клеопатра и ее дети, но это вполне понятно.

Однако, с чем можно безусловно согласиться – это с тем, что Антоний не понимал сложных политических механизмов эллинистических монархий. Будучи представителем иного политического мира, он и не мог их понимать. Когда говорят о его «монархических» замашках, которые порождали произвол в его отношениях с полисами, слишком акцентируют тот процесс, который совершенно очевиден нам, знающим конечный результат, но не был столь же очевиден современникам событий. Мы, которые можем проследить ход римской истории до самого ее завершения, считаем, что гражданские войны в Риме – это борьба за установление единовластия, соперничество его разных моделей. Для самих римлян это не было столь очевидно. Э. Грюэн, завершая свое фундаментальное исследование о последнем поколении Римской республики, особо подчеркивал, что в качестве защитников римских традиций позиционировали себя и протагонисты гражданской войны в 80-е гг. I в. до н.э., и Помпей, и Цезарь, и Брут и Кассий, и Антоний, и даже Октавиан [17, р. 504]. Поэтому объяснение поведения Антония нужно искать не на путях поиска точек соприкосновения его деятельности с эллинистической монархией. Такая политика представляла бы опасность прежде всего для него самого – вспомним, что спустя семь десятилетий после гибели Антония, когда, казалось бы, и следа не осталось от республиканских традиций, приверженность к абсолютизму стояла жизни потому Антония, Калигуле, а еще почти через три десятилетия – Нерону, другому «эллинисту» на троне римских цезарей.

Антоний любил восточную роскошь, но он не был политическим самоубийцей. Поэтому, не отказываясь от восточной роскоши в частной жизни, в вопросах управления он действовал как римский магистрат, грубо и произвольно вмешиваясь в существующие отношения, делая своим «друзьям» недопустимые подарки, предоставляя привилегии, которые в конечном счете могли оказаться опасными (как, на-

пример, расширение асиили (права убежища) храма Артемиды Эфесской на часть городской территории) и т.п. Ни один эллинистический монарх, заботящийся о сохранении устойчивости своей власти, такого себе бы не позволил; но это вполне мог позволить себе римский магистрат, за спиной которого стояли легионы римского государства.

Источники и литература / References

1. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М.: Наука, 1982. 391 с.
Bengtson G. Praviteli epochi ellinizma (*The rulers of the Hellenistic age*). Moscow: Nauka, 1982. 391 p. (In Russian).
2. Бикерман Э. Государство Селевкидов. М.: Наука, 1985. 264 с.
Bikerman E. Gosudarstvo Selevkidov (*The Institutions of Seleucids*). Moscow: Nauka, 1985. 264 p. (In Russian).
3. Богомазова Л. Н. Начало «дионисийской» политики Марка Антония // *Antiquitas Iuventae*. Саратов: СГУ, 2015. Вып. 10. С. 60–69.
Bogomazova L. N. Nachalo «dionisijskoj» politiki Marka Antonija (*The origin of "dionysian" policy of Marc Antony*) // *Antiquitas Iuventae*. Vol. 10. Saratov: SSU publ., 2015. P. 60–69. (In Russian).
4. Зелинский Ф. Ф. Римская империя. СПб.: Алетейя, 1998. 489 с.
Zelinskij F. F. Rimskaja imperija (*The Roman Empire*). St. Peterburg: Aleteja, 1998. 489 p. (In Russian).
5. Парфенов В. Н. От Цезаря до Августа. Саратов: СГУ, 1987. 148 с.
Parfenov V. N. Rim ot Cezarja do Avgusta. Oчерki sozialno-politicheskoj istorii (*Rome from Caesar to Augustus. Essay in social and political history*). Saratov: SSU publ., 1987. 148 p. (In Russian).
6. Поздняков А. В. Начало регулярной чеканки золотой монеты в Риме при Цезаре и причины ее появления // *Вестник Московского университета. Серия 8. История*. 1980. №1. С. 70–74.
Pozdnjakov A. V. Nachalo reguljarnoj chekanki zolotoj monety v Rime pri Cezare i prichiny eje pojavlenija (*The beginning of the regular golden coinage in Rome under Caesar and the reasons for its appearance*) // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 8. Istorija*. 1980. No. 1. P. 70–74. (In Russian).
7. Свенцицкая И. С. Марк Антоний и малоазийские полисы // *Социальная структура и политическая организация античного общества*. Л.: ЛГУ, 1982. С. 119–134.
Svencickaja I. S. Marc Antonij i maloazijskie polisy (*Marc Antony and poleis of Asia Minor*) // *Sotsialnaja struktura i politicheskaia organizacija antichnogo obshhestva Leningrad: Leningrad State U.P.*, 1982. P. 119–134. (In Russian).
8. Смыков Е. В. Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония) // *Античный мир и археология*. Саратов: СГУ, 2002. Вып. 11. С. 80–106.
Smykov E. V. Antonij i Dionis (iz istorii religioznoj politiki triumvira M. Antonija) (*Anthony and Dionysus (from the history of the religious policy of the triumvir M. Antonius)*) // *Antichnyj mir i archeologia*. Saratov: SSU publ., 2002. Vol. 11. P. 80–106. (In Russian).
9. Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М.: Университет Дм. Пожарского, 2015. 392 с.
Surikov I. E. Antichnaja Grecija: politiki v kontekste epochi. Na poroge novogo mira (*Ancient Greece: politics in the context of their epoch. On the threshold of a new world*). Moscow: Dm. Pozharskii university publ., 2015. 392 p. (In Russian).
10. Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М.: Наука, 1969. 324 с.
Utchenko S. L. Drevnij Rim. Sobytija. Ljudi. Idei (*Ancient Rome. Facts. Men. Ideas*). Moscow: Nauka, 1969. 324 p. (In Russian).
11. Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима. III I вв. до н.э. М.: Наука, 1977. 256 с.
Utchenko S. L. Politicheskie uchenija Drevnego Rima. III I vv. do n.e. (*Political doctrines of Ancient Rome. III I B.C.*). Moscow: Nauka, 1977. 256 p.
12. Bengtson H. Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher des Orients. München: Beck, 1977. 327 s.
13. Crawford M. Roman Republican coinage. Cambridge: Univ. Press, 1974. Vol. I II. – XV, XI, 919 p., 78 pl.
14. Fischer R. A. Fulvia und Octavia. Die beiden Ehefrauen des Marcus Antonius in den politischen Kämpfen der Umbruchszeit zwischen Republik und Prinzipat. Berlin: Logos, 1999. XIII, 293 p.
15. Grant M. Cleopatra. New York: Simon, Schuster, 1972. XVI, 301 p.
16. Green P. Alexander to Actium: The historical evolution of the Hellenistic Age. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1990. XXIII, 970 p.
17. Gruen E. S. The Last Generation of the Roman Republic. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1974. XIV, 596 p.
18. Heinen H. The Syrian-Egyptian Wars and the New Kingdoms of Asia Minor // *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Cambridge: Univ. Press, 1984. Vol. VII.1. P. 412–445.
19. Heinen H. Vorstufen und Anfänge des Herrscherkultes in Römischen Ägypten // *Aufstieg und Niedergang der Römische Welt*. Berlin; New York: De Gruyter, 1995. Tl. II. Bd. 18.5. S. 3144–3180.
20. Herbst R. Mytilene // *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1935. Bd. 16. Sp. 1411–1427.
21. Hölbl G. Geschichte des Ptolemäerreiches. Politik, Ideologie und religiöse Kultur von Alexander der Grossen bis zum römischen Eroberung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994. XXXII. 402 S.

22. Huslock F.W. Inscriptions from the Cyzicus District, 1906 // *The Journal of Hellenic Studies*. 1907. Vol. 27. P. 61–67.
23. Huzar E. G. *Mark Antony. A Biography*. Minneapolis: U. of Minnesota Press, 1978. IX, 347 p.
24. Jeanmaire H. M. *La politique religieuse d'Antoine et de Cléopâtre* // *Revue archéologique*. 1924. T.19. P. 241–261.
25. Kienast D. *Augustus: Prinzeps und Monarch*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1992. X, 516 p.
26. Michel D. *Alexander als Vorbild für Pompeius, Caesar und Marcus Antonius*. *Archäologische Untersuchungen*. Bruxelles: Latomus, 1967. 139 p.
27. Plutarch. *Life of Antony*. Ed. by C. B. R. Pelling. Cambridge, 1988. – XIII, 338 p.
28. Price S. R. F. *Ritual and power: The Roman imperial cult in Asia Minor*. Cambridge: Cambridge: Univ. Pr., 1987. XXVI, 289 p.
29. Rossi R. F. *Marco Antonio nella lotta politica della tarda Republica Romana*. Trieste: Univ. de Trieste, 1959. 176 p.
30. Smethurst S. E. *Marc Antony reluctant politician* // *Thought from the Learned Societies of Canada*. Toronto: Gage, 1960. P. 155–170.
31. Täger F. *Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes*. Stuttgart: Kohlhammer, 1960. X, 718 p.
32. Tarn W. W., Charlesworth M.P. *The Triumvirs* // *The Cambridge Ancient History*. Cambridge: Univ. Press, 1934. Vol. X. P. 31–65.
33. Tarn W. W., Charlesworth M.P. *The War of the East against the West* // *The Cambridge Ancient History*. Cambridge: University Press, 1934. Vol. X. P. 66–111.
34. Taylor L. R. *The divinity of Roman emperor*. Philadelphia, Pennsylvania: Porcupine Pr., 1975. XVI, 296 p.
35. Turner E. *Ptolemaic Egypt* // *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Cambridge: Univ. Press, 1984. Vol. VII.1. P. 118–174.
36. Valverde L. A. *Inscripciones honoríficas dedicadas a Pompeyo Magno* // *Faventia*. 2001. Vol. 23.1. P. 87–102.
37. Wallmann P. *Triumviri Rei Publicae Constituendae. Untersuchungen zur politischen Propaganda im Zweiten Triumvirat*. Frankfurt-am-Main; Bern; New York; Paris: Lang, 1989. 334 p.
38. Zanker P. *The Power of Images in the Age of Augustus*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1988. X, 385 p.

УДК 94(47).084:070

Н. М. Тихонова

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП БАЛКАНСКОГО КРИЗИСА 1908–1909 гг. НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ МЫСЛЬ»

В представленном материале рассматривается отношение ведущего московского либерального журнала, тесно связанного с партией кадетов «Русская мысль» к событиям на Балканском полуострове зимой – осенью 1908 г. Автор показывает противоречивое отношение журнала к австро-русскому соглашению 1897 г. Первоначально издание признавало его позитивность, так как договор 1897 г. позволил стабилизировать ситуацию на Балканском полуострове, но затем он стал прикрытием для агрессивной политики Германии и Австро-Венгрии на Балканах, что проявилось в 1908 г. В статье отмечается полная неожиданность начала проведения Австро-Венгрией активной политики на Балканском полуострове для европейской общественности, в том числе редакции журнала. «Русская мысль» не сомневалась

в поддержке Германией агрессивных действий империи Габсбургов. Автор акцентирует внимание на признании журналом возможности создания широкой антиавстрийской коалиции на Балканах для борьбы с агрессивной политикой Вены. В заключении статьи отмечается поддержка изданием необходимости проведения международной конференции по разрешению конфликта на Балканах и пересмотра решений Берлинского конгресса. В целом «Русская мысль» поддержала политику министра иностранных дел России А. П. Извольского, одновременно призывая его к последовательной защите национальных интересов России и южных славян.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Македония, внешняя политика, Балканы, младотурецкая революция, Тройственный союз.

N. M. Tikhonova

THE FIRST STAGE OF THE BALKAN CRISIS IN 1908–1909 ON PAGES OF THE PERIODICAL «RUSSKAYA MYSL»

The attitude of the leading Moscow liberal periodical «Russkaya mysl» that was closely connected with the party of cadets towards the events on the Balkan Peninsula in winter – autumn in 1908 is considered in the article. The author shows contradictory attitude of the periodical towards Austrian – Russian agreement in 1897. Originally the edition admitted its positivity, as the treaty of 1897 permitted to stabilize the situation on the Balkan Peninsula, but then it became a cover for aggressive policy of Germany and Austria-Hungary on the Balkans that resulted in 1908. The complete suddenness of the beginning of Austria-Hungarian active policy on the Balkan Peninsula for European society including the editorial office of the periodical is marked in the article. The «Russkaya Mysl» didn't

doubt the German supporting of aggressive actions of the Habsburg Empire. The author emphasizes the recognition of the periodical of an opportunity to create a broad anti-Austrian coalition on the Balkans in order to struggle against aggressive policy of Vienna. It is considered in the conclusion of the article that the holding of an international conference on the conflict resolution on the Balkans and reconsideration of decisions of the Berlin congress were necessary. On the whole «Russkaya mysl» supported the policy of the Foreign Secretary A. P. Izvolskiy calling him for sequential protection of the national interests of Russia and Southern Slavs at the same time.

Key words: Austria-Hungary, Macedonia, foreign policy, Balkans, Young Turk Revolution, Triple Alliance.

К началу XX в. российская журналистика добивается значительных успехов. Общественность требовала новых изданий и расширения проблематики, поднимаемой на страницах газет и альманахов. Журнал «Русская мысль» по праву принадлежал к числу наиболее уважаемых и популярных изданий России. Журнал начинает издаваться в 1880 г. в Москве, его издателем-редактором долгое время являлся В. М. Лавров

(умер в 1906 г.). В 1886 г. после смерти редактора С. А. Юрьева журнал отказывается от славянофильских взглядов, переходя на позиции либеральной, прогрессивной журналистики. Данный курс полностью поддерживал новый редактор В. А. Гольцев.

После смерти В. А. Гольцева 1 декабря 1906 г. журнал оказался в очень сложной ситуации, его издатель Товарищество «Кушнарера» даже

допускало возможность закрытия «Русской мысли». Издатель согласился сохранить журнал при условии, что его редакторами станут А. А. Кизеветтер и П. Б. Струве. А. А. Кизеветтер руководил журналом в Москве, а П. Б. Струве из Санкт-Петербурга. Однако вскоре П. Б. Струве взял полностью редакторскую работу журнала под свой контроль, что привело в 1912 г. к фактическому уходу А. А. Кизеветтера из журнала «Русские ведомости». В этом же году П. Б. Струве переводит журнал в Санкт-Петербург.

Журнал сыграл важную роль в создании партии конституционных демократов, со временем став рупором правого крыла партии. Нестрашно, «Русскую мысль» называли «кадетским ежемесячником». Журнал закрывается большевиками в 1918 г. После чего эмигрантские круги, в частности П. Б. Струве, пытались издавать журнал за пределами России, но этот проект пришлось свернуть.

Журнал проявлял большой интерес к международным делам, выражая свою позицию по ключевым проблемам развития зарубежных государств и международных отношений. Особое внимание журнал уделял событиям, развивавшимся на Балканском полуострове и Ближнем Востоке.

В начале 1908 г. российская дипломатия не собиралась предпринимать на Балканском полуострове самостоятельных действий, тем более направленных на разрушение сложившегося статус-кво. МИД рассчитывал законсервировать ситуацию на полуострове до «лучших времен», и сохранить хорошие отношения с Австро-Венгрией, координируя с ней совместные действия на Балканах [1, с. 182]. Сверху балканской политики Россия и Австро-Венгрия стали проводить после заключения соглашения в 1897 г. Однако, в 1908 г. события на Балканском полуострове начинают приобретать острый характер, перечеркивая принципы, предыдущей политики сохранения на полуострове статус-кво.

В начале 1908 г. министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталь выступая перед делегациями Австрии и Венгрии, заявил о желании Вены получить концессию на строительство железной дороги из Боснии-Герцеговины до Митровицы. Данное событие сразу привлекло внимание европейской, в том числе российской прессы. «Русская мысль» в этих действиях империи Габсбургов видела желание получить доступ к порту Салоники и Эгейскому морю. По мнению издания, учитывая союзнические связи Вена и Берлин автоматически выход к Эгейскому морю получала Германия [6, с. 207]. «Русская мысль» солидаризирова-

лась с британской «Таймс», что в случае реализации данного проекта, Салоники станут австро-германским портом. Через Салоники Австро-Венгрия и Германия могли влиять на ситуацию в Восточном Средиземноморье, в том числе в Египте. Более того в перспективе среднеевропейские империи получали кратчайший доступ к Индии через Суэцкий канал. Кроме этого на Балканах возрастал политический авторитет Австро-Венгрии, и она получала мощные рычаги воздействия на государства полуострова. По мнению журнала, данные события вели к отмене мюрштетских соглашений России с Австро-Венгрией [6, с. 207].

Следует подчеркнуть, что в ряде газет прозвучало мнение о безобидности действий империи Габсбургов, которая не угрожала славянскому миру, в частности в России. На таких позициях стояла польская газета «Kraj», издававшаяся в Санкт-Петербурге. «Русская мысль» вступила в полемику с такими изданиями. Журнал напоминал, что первоначально и мюрштетское соглашение рассматривалось в качестве альтернативы притязаниям Германии на Балканы и на Ближний Восток [6, с. 207]. Однако после некоторого времени становится очевидным соответствие соглашения 1897 г. основному вектору германской внешней политики. Оно способствовало укреплению позиций Германии на Ближнем Востоке и прежде всего в Малой Азии.

«Русская мысль» не сомневалась в попытках Германии надавить на Османскую империю с целью получения ее согласия на предоставление Австро-Венгрии концессии на строительство железной дороги. Берлин мог для этого задействовать все свои политические механизмы в Стамбуле. О согласованности действий Австро-Венгрии и Германии косвенно свидетельствовали похвальные отзывы германской прессы о политике А. Эренталя [6, с. 207].

Действия Австро-Венгрии, по мнению издания, окажут влияние на внутреннюю политику Порты, в том числе в Македонии. Султан, осознавая отсутствие единства среди ведущих государств Европы, вполне мог пойти на игнорирование реализации плана реформ в Македонии [6, с. 208]. Это самым негативным образом скажется на положении христиан в провинции. Политика А. Эренталя представляла угрозу интересам Сербии и Болгарии на Балканах, включая Македонию.

В ноябре 1908 г., возвращаясь к теме строительства железной дороги до Митровицы, «Русская мысль» уже видела в данном проекте начальный этап большой антисербской кампании, организованной А. Эренталем. За, как

казалось первоначально, частным заявлением А. Эренталя о строительстве железной дороги скрывался, стратегический разворот внешней политики Австро-Венгрии на Балканах, ознаменовавший отказ от политики сохранения на полуострове статус-кво и переход империи Габсбургов к наступательным действиям на Балканах [3, с. 174].

Появление железной дороги помимо того, что она отрезала Сербию от Черногории, ставило эти государства в полную экономическую зависимость от империи Габсбургов, так как в регионе Западных Балкан она являлась единственным железнодорожным путем. К тому же Австро-Венгрия получала возможность быстро и оперативно перебрасывать свои войска к границам Сербии и Черногории [3, с. 173].

Агрессивные действия Австро-Венгрии могли сыграть и на руку России. Сербия и Болгария, обеспокоенные политикой Вены и Берлина, могли предпринять усилия по укреплению связей с Санкт-Петербургом и даже по созданию Славянского союза на Балканах под эгидой России.

Славянским государствам при поддержке России, на взгляд издания, следовало реализовать собственный железнодорожный проект на Балканах, который на протяжении нескольких лет обсуждался, но из-за политических причин, оставался только на бумаге. Речь шла о строительстве железной дороги от болгарского порта Варна на Черном море до портового города Антивари на берегах Адриатики. Железная дорога Варна-Антивари являлась альтернативой австро-венгерскому железнодорожному проекту. К строительству железной дороги от Варны до Антивари проявляли интерес практически все балканские государства, в том числе Болгария, Сербия, Румыния и Черногория [6, с. 208].

В марте 1908 г. «Русская мысль» с удовлетворением отмечала усилия российской дипломатии в Стамбуле в деле продвижения проекта Дунайско-Адриатической железной дороги [7, с. 180]. Строительство данной железной дороги существенно разгружало порты Болгарии и Румынии, переводя часть грузов в Антивари. Сербия в этих условиях могла диверсифицировать свои морские перевозки, получив короткий и дешевый выход к морю. Большие выгоды от реализации проекта получала европейская торговля на Балканах, а больше всех выигрывала Италия. По мнению журнала, Рим мог выступить в качестве основного инвестора при строительстве железной дороги. Италия приобретала с ее помощью доступ

не только к Балканам, но и к Малой Азии [7, с. 181]. В данном факте журнал не видел ничего опасного для России. Вырисовывался союз России-Франции-Великобритании и Италии в противовес гегемонистским устремлениям Австро-Венгрии и Германии на Балканах. Италия, будучи членом Тройственного союза, на Балканах и Ближнем Востоке в большей степени солидаризировалась с оппонентами Вены и Берлина, что расшатывало монолитность союза Германии, Австро-Венгрии и Италии.

Журнал отмечал, что Россия прямо не была заинтересована в строительстве железной дороги от Черного моря до Адриатики. За исключением возможного расширения экономических связей с Румынией, в случае нормализации с ней политических контактов [7, с. 181]. Однако, это не совсем соответствовало действительности. Применительно к Румынии и Болгарии, издание признавало большие выгоды для этих стран, поскольку они переставали зависеть от контроля Османской империей черноморских проливов. То же самое можно с полной уверенностью сказать и о России, так как значительная часть ее внешнеэкономического оборота и прежде всего вывоза зерна из южных губерний, шла через Босфор и Дарданеллы [9, с.60]. «Русская мысль», вслед за «Таймс» исключала военное значение Дунайско-Адриатической железной дороги. Правда, Османская империя могла ее использовать для переброски войск в Албанию [7, с. 181]. Реализация этого проекта, на взгляд издания, имело большое политическое значение. Она наносила удар по позициям Австро-Венгрии на Балканах, и поднимала авторитет России. Кроме этого Дунайско-Адриатическая железная дорога делала более независимой политику балканских государств от Австро-Венгрии, Германии и Османской империи [7, с. 181].

В тоже время, среди балканских государств отсутствовало полное единство в вопросе выбора маршрута строительства железной дороги. Румыния настаивала на ее строительстве из одного своих портов, Болгария начальный пункт видела в Варне. «Русская мысль» не сомневалась в предпочтительности болгарского проекта. С одной стороны, это объяснялось неопределенностью отношений России с Румынией, так как Бухарест заключил несколько союзнических соглашений с Австро-Венгрией и Германией [10, с. 22–23]. С другой стороны, журнал, не сомневался в возможном возвращении Болгарии в орбиту внешней политики России. В ноябре 1908 г. возвращаясь к теме строительства Дунайско-Адриатической железной дороги, «Русская мысль» отмечала, что

выдвижение Россией данного проекта, по сути, означало ее отход от соглашательского курса 1897 г. [3, с. 174].

Дестабилизация ситуации на Балканах, по мнению «Русской мысли», могла негативно отразиться на положении дел на Кавказе и позициях России в Персии. Османская империя, получив свободу действий и избавившись от опеки Европы, была способна предпринять активные шаги по ослаблению позиций России на Кавказе и в Персии, используя для этого поддержку Германии [6, с. 208].

О кардинальных изменениях на Балканах, на взгляд «Русской мысли», свидетельствовала и речь британского премьер-министра Э. Грея по македонскому вопросу в парламенте страны. Журнал отмечал недовольство общественного мнения Великобритании пассивностью Лондона в проведении реформ в Македонии [7, с. 182]. Э. Грей подчеркнул, что попытки реализации железнодорожного проекта Австро-Венгрии сорвут план реформ в Македонии. Он, в очередной раз, заявил о необходимости назначения в провинции губернатора, независимого от Порты и контролируемого Европой, реального проведения судебной реформы и создания нового корпуса жандармов на ранее изложенных Форин Офисом принципах.

«Русская мысль» обратила внимание на негативную реакцию германской и австро-венгерской прессы на это заявление британского премьера [8, с. 195]. В качестве примера приводились высказывания ведущей австрийской либеральной газеты «Neue Freie Presse», полагавшей, что реализация британского проекта в Македонии будет фактически означать ее отделение от Османской империи и на что султан никогда добровольно не пойдет. Кроме этого британский проект расколел единство действий европейских держав в македонском вопросе, так как Германия и Австро-Венгрия не согласятся с такими решительными действиями в Македонии [7, с. 182]. «Русская мысль» с горечью констатировала ухудшение положения дел в Македонии на фоне бесконечных дискуссий между европейскими государствами. Хильми-паша, губернатор Македонии, по мнению издания, занимался только борьбой с четниками, не предпринимая ни каких серьезных усилий для проведения реформ в Македонии [7, с. 183].

В марте 1908 г. исполнялось 30 лет со дня подписания Сан-Стефанского мирного договора. В России этот юбилей праздновался довольно скромно, так как он больше напоминал не об освобождении славян, а о последовавшем за ним дипломатическом поражении Рос-

сии на Берлинском конгрессе. Журнал обратил внимание на празднование юбилея в Болгарии, где помнили и чтили заслуги России.

В данной связи С. Котляревский обратился к анализу будущего Болгарии в балканских делах. По его мнению, Болгарию ждало славное будущее, страна поэтапно решала свои национальные задачи, получив Восточную Румелию. На очереди находилась Македония, где как отмечал автор, доминировал болгарский элемент, а сербы и греки значительно уступали по численности и степени влияния на жизнь Македонии. С. Котляревский допускал раздел Македонии между Болгарией, Сербией и Грецией, но София в любом случае получила большую часть провинции. Автору imponировала тактика Болгарии в решении сложных политических проблем. Она занимала выжидательную позицию, воздерживаясь от необдуманных и авантюрных шагов [7, с. 183]. В развернувшейся «железнодорожной войне» на Балканах Болгария вынашивала собственный проект. Она хотела построить железную дорогу от Кюстендила до Куманово, связывавшую железные дороги Болгарии с железнодорожной системой Македонии. В тоже время, С. Котляревский признавал невозможность реализации в ближайшей перспективе этого проекта. Порты прекрасно отдавала отчет в том, что проведение данной железной дороги еще больше усилит позиции Болгарии в Македонии [7, с. 184].

В апреле 1908 г. «Русская мысль» констатировала дальнейшее ухудшение положения на Балканском полуострове, спровоцированного действиями Австро-Венгрии. На полуострове в конце XIX – начале XX вв. за внешней стабильностью, скопился огромный горючий материал, который мог вспыхнуть в любой момент. Самое ужасное, на взгляд «Русской мысли» заключалось в том, что события на Балканах могли взорвать всю систему стабильности в Европе и втянуть континент в серьезную войну [8, с. 195]. Следует признать пророческий характер этих строк.

В России и за ее пределами много говорилось о личных качествах А. Эренталя, способствовавших изменению внешней политики Австро-Венгрии в сторону ее агрессивности. «Русская мысль» отчасти придерживалась данной точки зрения. В тоже время, она отмечала, что изменение внешнеполитического курса в Вене вынашивали давно, призвав для его реализации, именно А. Эренталя [3, с. 174]. А. Эренталь был молод и энергичен, на протяжении ряда лет, возглавляя дипломатические представительства Австро-Венгрии в Румынии, а затем в России, он хорошо изучил специфику

развития России и Балкан. По мнению издания, А. Эренталь отличался крайней лицемерностью, умело скрывая истинные взгляды за различной политической фразеологией [3, с. 174]. Журнал относил А. Эренталя к сторонникам пангерманизма, но специфического. Поскольку он являлся последовательным сторонником династии Габсбургов, поэтому министр поддерживал австрийский вариант пангерманизма или «австрийский империализм» [3, с. 174]. Эти взгляды повлияли, по мнению издания, на отношение А. Эренталя к Тройственному союзу. Он, поддерживая союз с Германией, одновременно выступал за проведение Австро-Венгрией активной внешней политики. В агрессивной внешней политике А. Эренталя, «Русская мысль» видела проявление новой концепции развития империи Габсбургов: «Эренталь является, таким образом, представителем той «новой Австро-венгерской империи», которая введением всеобщего избирательного права в Австрии и решительной борьбой с мадьярским сепаратизмом поколебала традиционный тезис о «распадении империи Габсбургов. Переход к активной и даже агрессивной внешней политике на Балканах является с этой точки зрения дальнейшим этапом на пути развития австрийской государственной идеи» [3, с. 175].

Не раз, рассуждая по поводу славянизации Австро-Венгрии, «Русская мысль» в ноябре 1908 г. относила эти интеллектуальные конструкции к перспективам отдаленного будущего. В настоящее время в империи Габсбургов победил пангерманизм с присущей ему антиславянским настроением, отсюда для издания продвижение Австро-Венгрии на Балканах в 1908 г. ознаменовало, очередной удар пангерманизма по интересам славянства [3, с. 175].

Особо «Русская мысль» остановилась на анализе ситуации в Черногории, осложнившей ее отношения с Россией и Сербией. В октябре 1907 г. в стране раскрывается заговор, направленный против короля Николая [4, с. 392]. В результате арестовываются многие оппозиционные лидеры, представлявшие в основном либеральную партию, являвшуюся последовательным оппонентом правящего консервативного кабинета министров. По мнению издания, с самого начала не вызывала сомнения фальсификация фактов и ангажированность судебного процесса. Арестованные не могли рассчитывать на справедливый суд, все они обвинялись в связях с великосербскими политическими кругами, желавшими присоединить Черногорию к Сербии. Однако самое интересное во всем этом политическом спектакле заключалось том, что его организатором стал

австро-венгерский агент и провокатор, серб из Боснии-Герцеговины Г. Настич, который выполнял приказы А. Эренталя, действуя в интересах агрессивного курса Вены на Балканах [3, с. 177].

Г. Настич стоял и за организованным погромом югославянских организаций в Хорватии, Боснии-Герцеговине. А. Эренталь, по мнению издания, стремился расколоть и посорить между собой югославянские народы. На внешней арене Сербию, Болгарию и Черногорию, внутри Австро-Венгрии сербов с хорватами и мусульманами-боснийцами [3, с. 181–182]. Это открывало путь Австро-Венгрии для проведения агрессивной политики на Балканском полуострове.

Затем последовал митровицкий железнодорожный проект, соглашение Болгарии с Австро-Венгрией и как венец всего – аннексия Боснии и Герцеговины. По мнению «Русской мысли», российская дипломатия не смогла во время разгадать план Австро-Венгрии и своевременно принять адекватные превентивные меры. «Но, прежде всего, движение Австро-Венгрии на Балканы, на славян подготовилось нашей политикой, которая не видела того... что на Балканах скапливается гроза...», – заключало по данному поводу издание [3, с. 182].

Еще больше запутала ситуацию на Балканском полуострове младотурецкая революция. 3 июля 1908 г. в македонском городе Ресен вспыхнуло восстание среди турецких воинских частей, расквартированных в городе. По мнению издания, в Европе давно уже привыкли к анархии, царившей в османской армии [5, с. 191]. Скучное содержание, маленькое жалование, поступавшее нерегулярно постоянно приводили к брожению среди солдат. Но в данном случае восстание солдат приобрело политическую окраску. «Русская мысль» отмечала набирающую силу нестабильность в Османской империи, поэтому революция в ней могла разразиться в любой момент [5, с. 191]. К зонам повышенного риска относились Албания, Аравия, Македония, приграничные с Россией и Персией провинции. Журнал признавал непредсказуемость турецкой революции. В июле 1908 г. ни кто не брался предсказать ее исход.

События в Турции, на взгляд «Русской мысли», ставили перед Россией несколько серьезных вызовов. Первый – способна ли Россия создать коалицию из европейских государств для совместных действий в сложившейся ситуации? Второй – является Россия великой державой, реально, отстаивавшей собственные интересы? Третий – сможет Россия защитить интересы славянских народов [2, с. 205]? В тоже время, на взгляд издания, в сложившейся

ся ситуация Россия на Балканах не оказалась в изоляции, ее союз с Лондоном и Парижем создавал предпосылки для совместных действий России, Франции и Великобритании [5, с. 191].

В октябре 1908 г. подводя итоги событий на Балканском полуострове, «Русская мысль» выделяла негативный внешнеполитический аспект данной проблемы. Европа вступала на опасный путь, поскольку «концерт европейских держав», на котором на протяжении более 20 лет, несмотря на все его несовершенство, держалась стабильность на Балканах, рухнул. Каждое государство получало возможность для проведения собственной политики без особой оглядки на мнение конкурентов, а это уже было чревато непредсказуемыми последствиями [2, с. 206]. «Худой мир, на котором зиждилось все современное здание европейского политического благополучия, оказалось фикцией, и здание сотрясилось. Европа почувствовало возможность доброй ссоры...», – писал по данному поводу Л. Гальберштадт [2, с. 207]. Одновременно, публицист отмечал, попытки здравомыслящих европейских политиков, восстановить «концерт», чтобы не ввергнуть Европу в пучину возможной войны. Следовательно, «Русская мысль» больше склонялась к проведению совместной политики европейских государств на Балканах и Ближнем Востоке.

Таким образом, новый балканский конфликт в 1908 г. стал полной неожиданностью для дипломатов и общественности. В начале 1908 г., несмотря на все предостережения «Русская мысль» также не предполагала, что конфликт вспыхнет с новой силой. Всю вину за дестабилизацию ситуации на Балканском полуострове журнал возлагал на Австро-Венгрию, взявшую курс на проведение на полуострове агрессивной политики. По мнению издания, Вена решилась на такие действия, стремясь стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию и нанести удар по венгерскому сепаратизму. Кроме этого империя Габсбургов хотела укрепить собственные позиции на Балканах, нейтрализовав Россию и изолировав Сербию. При этом издание не сомневалось в поддержке Берлином своей союзницы по Тройственному союзу. «Русская мысль» в очередной раз подчеркнула несостоятельность разговоров о постепенной славянизации Австро-Венгрии, по крайней мере, в ближайшей перспективе, где окончательно победил пангерманизм, но в его австрийском варианте. Издание в целом поддерживало действия А. П. Извольского в сложившейся ситуации, призывая министра к более решительным действиям по защите интересов южных славян.

Источники и литература

1. Бестужев-Лада И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики в 1906–1910 гг. М.: АН СССР, 1961. 406 с.
2. Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Октябрь. С. 206–220.
3. Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Ноябрь. С. 173–189.
4. Искандеров П. А. Черногория в 1903–1914 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М.: Индик, 2003. С. 386–410.
5. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1908. Июль. С. 183–194.
6. Котляревский С. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Февраль. С. 201–211.
7. Котляревский С. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Март. С. 177–187.
8. Котляревский С. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Апрель. С. 195–202.
9. Статистические сведения о внешней торговле России. СПб.: Типография и Литография Берман и К, 1896. 60 с.
10. Ястребчук В. П. Феномен «Великой Румынии» и румынская дипломатия в годы Первой мировой войны // Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XX вв.). М.: РИСИ, 2011. С. 21–33.

References

1. Bestuzhev-Lada I. V. Bor'ba v Rossii po voprosam vneshnej politiki v 1906–1910 gg. (*The struggle in Russia on foreign policy in 1906–1910*). Moscow: SA USSR, 1961. 406 p. (In Russian).
2. Gal'bershtadt L. Inostrannaja politika (*Foreign Policy*) // Russkaja mysl'. 1908. October. P. 206–220. (In Russian).
3. Gal'bershtadt L. Inostrannaja politika (*Foreign Policy*) // Russkaja mysl'. 1908. November. P. 173–189. (In Russian).
4. Iskanderov P. A. Chernogorija v 1903–1914 gg. (*Montenegro in 1903–1914*) // V «porohovom pogrebe Evropy». 1878–1914 gg. (*In the powder cellar of Europe. 1878–1914*). Moscow: Indrik, 2003. P. 386–410. (In Russian).
5. Inostrannoe obozrenie (*Foreign Review*) // Russkaja mysl'. 1908. July. P. 183–194. (In Russian).
6. Kotljarevskij S. Inostrannaja politika (*Foreign Review*) // Russkaja mysl'. February. 1908. P. 201–211. (In Russian).
7. Kotljarevskij S. Inostrannaja politika (*Foreign Review*) // Russkaja mysl'. 1908. March. P. 177–187. (In Russian).
8. Kotljarevskij S. Inostrannaja politika (*Foreign Review*) // Russkaja mysl'. 1908. April. P. 195–202. (In Russian).
9. Statisticheskie svedenija o vneshnej trgovli Rossii (*Statistical information on Russia's foreign trade*). St. Petersburg: Berman and K, 1896. 60 p. (In Russian).
10. Jastrebychuk V. P. Fenomen «Velikoj Rumynii» i rumynskaja diplomatija v gody Pervoj mirovoj vojny (*The phenomenon of «Great Romania» and Romanian diplomacy during the First World War*) // Vostochnaja politika Rumynii v proshlom i nastojashhem (konec XIX – nachalo HH vv.) (*Eastern policy of Romania in the past and present (late XX – early XX centuries)*). Moscow: RISI, 2011. P. 21–33. (In Russian).

УДК 94[47].084.9

В. Н. Томилин

МЕХАНИЗМ ВЫРАБОТКИ РЕШЕНИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ 1958 г. В СССР

В статье рассматривается подготовка реформы 1958 г. по реорганизации машинно-тракторных станций – самого радикального аграрного проекта в СССР за послевоенный период, а также выработка ее основных направлений. Новизна исследования состоит в вовлечении в научный оборот неопубликованных документов ЦК КПСС, хранящихся в Российском государственном архиве новейшей истории, в постановке вопроса о целесообразности разрушения производственной системы «МТС – колхозы». Производственная система «МТС – колхозы» одна из базовых конструкций советской экономики. Машинно-тракторные станции являлись механизмом государственного управления колхозной деревней и включения ее в единую плановую систему. МТС сыграли большую роль во внедрении индустриальных методов в аграрный сектор экономики, они механизировали большую часть наиболее трудоемких полевых работ. Государство перераспределяло через МТС

значительную часть производимой в колхозах продукции. Потребность реформирования отношений государства и колхозов в послевоенное время обострилась. Однако руководство страны принимает решение о реорганизации МТС и фактической ликвидации производственной системы «МТС – колхозы». Это была попытка правительства отвлечь население страны от провалов аграрной политики. В итоге неудачной реформы продовольственная проблема в СССР приняла такой масштаб, что уже страна уже не могла обойтись без закупок зерна за границей.

Актуальность статьи определяется задачами модернизации аграрного сектора экономики и необходимостью учета исторического опыта при решении проблемы продовольственной безопасности в современной России.

Ключевые слова: аграрная политика КПСС, советское государство, машинно-тракторные станции, колхозы.

V. N. Tomilin

MECHANISM FOR DECISION MAKING ON THE CONDUCTING OF THE AGRARIAN 1958 REFORM IN THE USSR

The article considers the preparation of the 1958 Reform on the reorganization of the machine and tractor service stations – the most radical agrarian project in the USSR during the post-war period, as well as the development of its main directions. The novelty of the research is in involving of the unpublished documents of the Central Committee of the CPSU stored in the Russian State Archive of Contemporary History in the scientific circulation, in stating the question of the expediency of the destruction of the production system “MTSS – collective farms”. Production system “MTSS – collective farms” one of the basic structures of the Soviet economy. Machine and tractor service stations was a mechanism of state management of the collective farm of the village and its inclusion in the unified planning system. MTSS played a major role in the introduction of industrial methods in the agricultural sector of economy; they automated the most time-consuming fieldwork. The state redistributed a significant part of the produced

farm products through MTSS. The need of reforming relations between the state and collective farms in the postwar period intensified. However, the country's leadership takes a decision on reorganization of MTSS and the virtual elimination of the production system “MTSS – collective farms”. It was the government's attempt to distract the population from the failures of the agrarian policy. In the end, unsuccessful reform of the food problem in the Soviet Union reached such a scale that the country could not do without purchases of grain abroad.

The relevance of the article is determined by the tasks of modernizing the agrarian sector of economy and the need of taking into account the historical experience when solving the problem of food security in modern Russia.

Key words: agrarian policy of the CPSU, the Soviet state, machine and tractor service stations, collective farms.

1956 г. стал знаковым для Н. С. Хрущева. Только что состоялся XX съезд партии, на нем он упрочил свое лидерство. Инициатива Первого секретаря по развенчанию культа

личности и реабилитации жертв политических репрессий нашли широкую общественную поддержку. Год оказался благоприятным для сельского хозяйства страны. Целинные земли дали

высокий урожай. В Казахстане был собран миллиард пудов зерна. Этот успех Н. С. Хрущев воспринимал как личное достижение, как правоту своего политического курса.

Но районы освоения целинных и залежных земель нельзя рассматривать обособленно, в отрыве от традиционных земледельческих регионов СССР. Целинная эпопея – это составная часть аграрной политики советского государства. Поэтому ее оценивать следует с точки зрения положения дел в аграрном секторе страны в целом. При таком подходе аграрная политика правительства представляется в другом образе. На целину направлялись огромные финансовые, материально-технические и людские ресурсы за счет их отвлечения от традиционных районов земледелия. Складывалась парадоксальная ситуация: введение в хозяйственный оборот целинных и залежных земель происходило при ускорившемся процессе запустения деревни центральных районов России, прежде всего Нечерноземья [1, с. 97].

Жажда перемен захватила Н. С. Хрущева. Первый секретарь ЦК партии развивает бурную деятельность по общему руководству сельским хозяйством страны. В феврале – мае 1957 г. он выступает перед работниками сельского хозяйства многих регионов страны: в Ростове-на-Дону, Краснодаре, Москве, Горьком, Свердловске, Новосибирске, Воронеже и Ленинграде. На совещаниях подводятся итоги работы колхозов, совхозов и МТС за 1956 г., определяются новые задачи по увеличению производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов в 1957 г. Именно тогда рождается идея догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения в ближайшие годы.

Программа освоения целинных и залежных земель оказалась очень затратной. Финансовые и материальные ресурсы, необходимые для организации новых совхозов в необжитых краях, изымались из фондов развития МТС. Производственная структура МТС в 1957 г. включала в себя 7 903 предприятия основного назначения, разветвленную инфраструктуру, большой управленческий аппарат в центре и на местах [7, с. 41]. За произведенные полевые работы колхозы расплачивались с МТС натуральными поставками продукции. Но так как директивно установленные цены на сельскохозяйственные товары были очень низкими (они даже не покрывали издержек колхозного производства), то складывалось впечатление о неэффективности государственных вложений в аграрный сектор экономики через МТС.

В поисках дополнительных источников поступления финансов в казну государства Н. С. Хрущев замахнулся на «святую святых» сталинской аграрной политики – на МТС. Группа членов президиума ЦК КПСС – Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, Н. А. Булганин, названная позднее «антипартийной группой презренных фракционеров», пыталась удержать Н. С. Хрущева от принятия скоропалительных и необдуманных решений. Об этом стало известно из выступления министра сельского хозяйства СССР В.В. Мацкевича на декабрьском (1958 г.) пленуме ЦК КПСС. «...Когда практически встал вопрос о подготовке материалов по реорганизации МТС, – гневно обличал министр уже повергнутых противников, – Молотов и Каганович буквально пытались терроризировать аппарат Министерства сельского хозяйства, чтобы раздобыть, вернее, состряпать какие-нибудь материалы, которые опорочили бы это мероприятие. А Шепилов и его подручные, вроде академика Лаптева, пытались «теоретически» обосновать «ошибочность разрабатываемых предложений» [2, с. 422].

26 декабря 1957 г., выступая на пленуме ЦК компартии Украины, Н. С. Хрущев впервые публично высказался по вопросу реорганизации МТС. Это был своеобразный «пробный шар», позволяющий выявить общественную реакцию на предстоящую реформу. Речь шла о дороговизне сельскохозяйственной продукции, которую государство получает из колхозов в качестве натуроплаты работ МТС. Оратор назвал «неприглядной картиной» положение, когда зерно, сахарная свекла, виноград, чай, хлопок, получаемые государством из колхозов, были в 2–2,5 раза дороже аналогичной продукции совхозов [8, с. 499].

Лидер партии, конечно, не стал говорить о значительно лучше материально-техническом обеспечении совхозов, в сравнении с колхозами, тракторами, комбайнами, и другими сельскохозяйственными машинами и инвентарем, о более высокой производительности труда в совхозах. Напротив, нехватку сельскохозяйственной техники МТС, работавшей на колхозных полях, Н. С. Хрущев преподносил как ее «нерациональное использование».

Просчеты государственного планирования и распределения сельскохозяйственной техники Н. С. Хрущев объяснял отсутствием государственного подхода со стороны руководства машинно-тракторных станций. Он подсказывает аудитории выход из создавшегося положения – «не пора ли пойти на то, чтобы некоторым колхозам передать технику МТС». «Когда земля

и техника будут находиться в руках одного хозяина, – уверенно заявлял он, – тогда все машины наверняка будут производительнее использоваться. Этим мы еще больше развяжем инициативу колхозников» [8, с. 500].

22 января 1958 г. Н. С. Хрущев выступил с пространной речью на совещании передовиков сельского хозяйства Белорусской ССР, в которой вновь был поднят вопрос о МТС. Но если месяц тому назад, в Киеве, он осторожно говорил о том, чтобы продавать технику МТС «некоторым колхозам», то теперь вопрос ставился иначе – о роли МТС в современных условиях. «Теперь, колхозы окрепли, выросли их кадры, способные решать любые задачи, окрепли партийные организации в деревне, глубже стали вникать в экономику партийные комитеты, во главе которых стоят люди, имеющие, как правило, большую теоретическую подготовку и хороший практический опыт, – убеждал руководитель партии присутствующих, – нет необходимости возлагать на МТС роль организаторов производства» [8, с. 521].

Далее события развиваются с возрастающей скоростью, реформатор спешил. 1 февраля 1958 г. в ЦК КПСС состоялось заседание специальной комиссии по вопросу реорганизации МТС. Комиссия состояла из 41 члена. В заседании принимало участие всего 16 человек. Это – Хрущев, Аристов, Беляев, Брежнев, Игнатов, Кириченко, Мухитдинов, Козлов, Микоян, Денисов, Дорошенко, Зверев, Кучумов, Мацкевич, Мыларщиков, Штыков. Стенограмма заседания комиссии свидетельствует о том, что по существу вопрос о необходимости реорганизации МТС впервые выносился на обсуждение.

Вопрос реорганизации МТС в ЦК КПСС открыто ранее вообще не рассматривался. «До моего выступления, – заметил Н. С. Хрущев, – мы обменивались по этому вопросу в узком кругу товарищей. Я с разрешения членов Президиума ЦК выступал по данной проблеме. Выступление опубликовано в печати. Есть такое мнение, чтобы сейчас пойти на решительную реформу машинно-тракторных станций. Повторять сказанное я не буду, потому что все читали об этом в газетах» [3, л. 2].

Первого секретаря ЦК КПСС больше волнует не судьба МТС, она была уже решена, а общественный резонанс на кардинальные перемены в жизни советской деревни как внутри страны, так и за ее пределами. Ведь речь шла о ликвидации несущей конструкции аграрной политики советского государства, заложенной И. В. Сталиным. Надо было исключить

какое-либо общественное возмущение. Вот поэтому, рассуждал Н. С. Хрущев, надо показать МТС как структуру, исчерпавшую свои возможности, оценить «историческую роль МТС, показать, что ее создание было не ошибочным, а наоборот, оно было организационно полезным для осуществления коллективизации сельского хозяйства. МТС сыграли свою большую положительную роль. Это важно подчеркнуть, чтобы нас правильно поняли как внутри страны, так и в странах народной демократии, чтобы наши друзья не поняли так, что, мол, русские в какой-то степени подражают югославам (это уже в иностранной печати проскальзывает)» [3, л. 2].

Н. С. Хрущев убеждает участников совещания в том, что перестройка работы МТС проводится в интересах укрепления колхозов, которые стали незыблемой системой. Он не боится говорить от имени крестьян, они «не мыслят себе других форм ведения хозяйства, да это и невозможно по экономическим условиям». Далее следует вывод: «Мы уже прошли тот этап, когда колхозы могли обслуживаться только техникой МТС. Сейчас существование двух хозяев на одной земле – колхозов и МТС – не дает возможность более рационально использовать наши материальные средства для подъема сельского хозяйства» [3, л. 3].

В публичных выступлениях Н. С. Хрущев «существование двух хозяев на одной земле – колхозов и МТС» преподносил как тормоз в развитии сельского хозяйства, а будущую реорганизацию МТС как проявление заботы о колхозах. На закрытом совещании в ЦК КПСС зазвучали новые нотки. Теперь затрагивается вопрос расходования государственных средств на развитие сельского хозяйства: «... Мы затрачиваем на содержание одних только машин процентов 20–30 лишних средств. Видимо, общие издержки производства также более высокие. Надо это устранить» [3, л. 3].

Уже тогда руководством страны обсуждалась идея построения коммунизма в СССР. Н. С. Хрущев увязывал реформу по реорганизации МТС с главной идеей коммунистов. «...Реорганизация МТС, – говорил он, – не ослабляет наших партийных позиций и устремлений по дальнейшему развитию сельского хозяйства путем подъема производительных сил и достижения конечной цели – построения коммунистического общества» [3, л. 3].

В рамках совещания по реорганизации МТС среди высшего руководства КПСС состоялось весьма интересное обсуждение вопроса о том, какая форма хозяйства более отвечает задачам построения коммунизма – колхозы или

совхозы. На протяжении 1950-х гг. в СССР происходило массовое укрупнение колхозов и их преобразование в совхозы. В теоретическом плане данное направление аграрной политики советского государства объяснялось тем, будто совхозы стоят ближе к коммунизму [3, л. 3].

Н. С. Хрущев, к удивлению многих, однозначно высказался в защиту колхозов. «...Почему совхозы, по мнению отдельных товарищей, более отвечают задачам строительства коммунизма?, – задается вопросом Первый секретарь ЦК КПСС. – ...Колхоз как раз отвечает этим требованиям. Здесь общественность выбирает правление, правление руководит хозяйством и отчитывается перед своими избирателями. Продукты труда делятся среди участников данного производства.

Так почему же, спрашивается, колхозная форма не отвечает нашим идеалам управления экономикой, почему она не отвечает более совершенным формам общества, переходу к коммунистическому обществу?». Доводы теоретиков, «будто колхозы в сравнении с совхозами удалены от принципов коммунистической организации общества», были названы несостоятельными [3, л. 4]. Таким образом, вопрос о реорганизации МТС был перенесен в плоскость рассуждений о перспективах развития колхозного строя.

А. И. Микоян продолжил дискуссию. Вопрос о двух формах собственности был назван «до конца не продуманным, запутанным», внес в него «ясность». Несомненно, он старался не только подкрепить позицию Н. С. Хрущева, но и пойти дальше. Про государственные машинно-тракторные станции речь не шла, хотя именно для этого и было созвано совещание. Оказывается, реорганизация МТС должна была перевернуть представления партии о путях развития советского общества. Колхоз, по мнению А. И. Микояна, – «это лучшая форма коммунистического построения. Самоуправление при социализме вовсе не исключается, не отвергается, наоборот, на самоуправлении должно быть построено все общество». Более того, предположил оратор, «вполне может быть, что ...самоуправление в колхозах останется основой самого демократического способа участия народа в общественно-хозяйственной жизни» [3, л. 5].

Принципиальных возражений по вопросу реорганизации МТС у участников совещания не было. Все говорили об этом, как о назревшем деле. «Здесь никакого сомнения нет, – заявил секретарь ЦК КПСС Н. И. Белаяев, – и в партии, и в государстве относительно целесообразно-

сти этого возражений не будет». На такое замечание Н. С. Хрущев ответил репликой: «Еще будут возражать некоторые теоретики». «Преподаватели», – добавил А. И. Микоян [3, л. 31].

Члены комиссии рекомендовали обратить внимание на слабые колхозы, дать им государственный кредит на покупку техники, постепенно решать практические вопросы, не разрушать ремонтную базу. Министр финансов СССР А. Г. Зверев заострил внимание на вопросе о цене реформы: «Нам нужно подсчитать, что мы будем иметь в результате реорганизации МТС, чтобы ни колхозы, ни государство ничего не потеряли». А. И. Микоян уточнил: «Выгода должна быть». «Выгода должна вообще быть, – согласился министр. «Правильный вывод», – подытожил председательствовавший Н. С. Хрущев [3, л. 39]. Не вызывает сомнения тот факт, что, прежде всего, речь шла о финансовой выгоде государства при проведении данной реформы [5, с. 396].

Далее события развиваются с нарастающей скоростью. Уже 25 февраля 1958 г. был созван пленум ЦК КПСС по вопросу реорганизации МТС. На обсуждение вопроса, который радикально менял жизнь колхозной деревни всей страны и затрагивал миллионы людей, отвели всего два дня. Доклад Н. С. Хрущева «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» пленумом был одобрен.

Предложения президиума ЦК КПСС, от имени которого выступал Н. С. Хрущев, признавались «правильными и своевременными», направленными «на выполнение решений XX съезда партии по вопросам сельского хозяйства». Учитывая исключительно важное государственное значение вопроса о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС, пленум постановил внести его на рассмотрение очередной сессии Верховного Совета СССР. События июня 1957 г. были свежи в памяти Н. С. Хрущева. На этот раз Первый секретарь ЦК КПСС решил перестраховаться, действовал более осторожно и «демократично». Было признано целесообразным, до рассмотрения этого вопроса на сессии Верховного Совета СССР, провести всенародное обсуждение намеченных мероприятий [5, с. 396].

В качестве исходного документа для обсуждения были опубликованы в печати тезисы доклада Н. С. Хрущева на предстоящей сессии Верховного Совета СССР [9, с. 46–85]. К политической акции партия тщательно готовилась. Во всех союзных и автономных республиках, краях и областях были проведены установоч-

ные совещания первых секретарей горкомов и райкомов. В городах и районах созывались инструктивные совещания с партийно-хозяйственным активом, представители партийных комитетов выезжали на предприятия, в колхозы, МТС, совхозы и учреждения «для оказания помощи на местах в организации глубокого изучения и обсуждения» документов трудящимися [4, л. 8].

Размах партийно-пропагандистской кампании впечатляет. Ее можно оценить на примере Брянской области. Брянский обком КПСС отчитывался перед Центральным Комитетом о том, что во все города и районы области выезжали секретари, члены бюро, заведующие отделами, инструкторы обкома КПСС и руководящие работники облизполкома. Уже к 15 марта 1958 г. в области было проведено 596 собраний трудящихся, в том числе 380 – в колхозах, 25 – в МТС и совхозах, 85 – на предприятиях и 106 – в организациях и учреждениях. Присутствовало на этих собраниях 84 438 человек, выступило 3 700 человек [4, л. 8].

Агитационно-пропагандистская работа велась нарастающим темпом. Всего же по обсуждению постановления февральского пленума и тезисов доклада Н. С. Хрущева было проведено в Брянской области 3 880 собраний трудящихся, на которых присутствовало 304 980 человек [4, л. 45]. Разумеется, и постановление пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций», и тезисы доклада Н. С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР встретили у трудящихся Брянской области только лишь «горячее одобрение» [4, л. 8].

С большим размахом политическая акция проходила в Псковской области. Там было проведено 700 партийных, 413 комсомольских, 2 517 собраний трудящихся, на которых присутствовало почти 168 тыс. человек. Обсуждение вопроса будущего колхозного строя и судьбы МТС было организовано даже в воинских частях. Мероприятия руководства страны одобрялись и в Псковской области «единодушно» [4, л. 12].

Сессия Верховного Совета СССР проходила с 27 по 31 марта 1958 г. С докладом о предстоящей реформе выступил Н. С. Хрущев. В итоге Верховный Совет СССР принял «Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» [6, с. 138–140]. Высказывания Н. С. Хрущева о том, что МТС исчерпали свои возможности по производственно-техническому обслуживанию колхозов, в Законе доведено до логического завершения. «В современных условиях, – говорится

в нем, – ...существующая форма производственно-технического обслуживания колхозов через машинно-тракторные станции перестала соответствовать задачам дальнейшего развития производительных сил сельского хозяйства. Более того, эта форма во многих случаях начинает тормозить дальнейший подъем передовых колхозов, связывать инициативу колхозников в деле лучшего использования резервов колхозного производства» [6, с. 138–140].

В преамбуле Закона вопрос о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций напрямую увязывается с решением задач коммунистического строительства в стране. Отмечается, что мероприятия партии и правительства встретили «единодушное одобрение и поддержку колхозного крестьянства, рабочего класса, интеллигенции, всего советского народа». Колхозный строй вырос в могучую силу социализма, открыл возможности для небывалого роста производительных сил сельского хозяйства, подъема благосостояния и культурно-технического уровня советского крестьянства [6, с. 138–140].

В законе подчеркивается историческая роль машинно-тракторных станций в социалистическом переустройстве деревни, в создании и упрочении колхозного строя. «В руках Советского государства машинно-тракторные станции явились той большой политической и организующей силой, с помощью которой крестьяне объединялись в колхозы и убеждались в преимуществе крупного механизированного социалистического сельского хозяйства. Через машинно-тракторные станции осуществлялись технический прогресс в сельском хозяйстве и его перевооружение на базе новой техники, подготовка квалифицированных механизаторских кадров, повышение культуры земледелия и животноводства. В машинно-тракторных станциях выросла огромная армия механизаторов – трактористов, комбайнеров, бригадиров тракторных бригад, шоферов, ремонтных и других рабочих, владеющих техникой и индустриальной культурой труда» [6, с. 138–140].

Статья 2 Закона стала приговором для МТС. Вот ее полный текст: «Учитывая достигнутый в настоящее время уровень экономического и организационного развития колхозов, признать необходимым реорганизовать машинно-тракторные станции в ремонтно-технические станции. Тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины, принадлежащие машинно-тракторным станциям, продавать колхозам, изъявившим желание приобрести эту технику. Колхозам, не имеющим возможно-

сти сразу оплатить купленные ими тракторы и машины, предоставлять рассрочку в зависимости от их экономического состояния.

Продавать, начиная с 1958 г., колхозам и совхозам новые тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины. Реорганизация машинно-тракторных станций должна осуществляться постепенно с учетом развития экономики отдельных колхозов и особенностей различных зон и районов Советского Союза в сроки, устанавливаемые Советами Министров союзных республик» [6, с. 138–140].

Согласно принятому Закону, тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины, принадлежащие машинно-тракторным станциям, следовало продавать колхозам, «изъявив-

шим желание приобрести эту технику». В действительности, это была уловка. На колхозы оказывался столь сильный нажим со стороны государства, что они были просто принуждены покупать технику МТС. Реформа 1958 г. по реорганизации МТС ложилась на колхозы тяжелым бременем, поскольку им приходилось выкупать у государства тракторы, комбайны, почвообрабатывающие и др. орудия и механизмы. В итоге рушилась устойчиво работавшая производственная система «МТС – колхозы». Прямым следствием аграрного реформаторства правительства стала обострение продовольственного вопроса: страна столкнулась с острой нехваткой хлеба.

Источники и литература

1. Аграрные отношения: теория, историческая практика, перспективы развития / отв. ред. И. Н. Буздалов. М.: Наука, 1993. 267 с.
2. Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 15–19 декабря 1958 г. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1958. 543 с.
3. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 45. Д. 193.
4. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 199.
5. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. 1953–1961. М.: Политиздат, 1968. 783 с.
6. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1958 гг. М.: Госюриздат, 1959. 500 с.
7. Сельское хозяйство СССР. Ст. сб. М.: Госстатиздат, 1960. 666 с.
8. Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 2. Февраль 1955 г. – январь 1958 г. М.: Госполитиздат, 1962. 534 с.
9. Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 3. – январь 1958 г. – май 1959 г. М.: Госполитиздат, 1962. 544 с.

References

1. Agrarnye otnosheniya: teoriya, istoricheskaya praktika, perspektivy razvitiya (*Agrarian relations: theory, historical practice, prospects*) / ed by I. N. Buzdalov. Moscow: Nauka, 1993. 267 p.
2. Plenum Tsentral'nogo Komiteta Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuz. 15–19 dekabrya 1958 g. Stenograficheskiy otchet (*The Plenum of the Central Committee of the Communist party of the Soviet Union. 15-19 December 1958 stenographic report*). Moscow: Gospolitizdat, 1958. 543 p.
3. Russian state archive of contemporary history (RGANI). F. 5. Inv. 45. D.193.
4. RGANI. F. 5. Inv. 46. D.199.
5. Resheniya partii i pravitel'stva po khoziaistvennym voprosam. T.4. 1953–1961 (*The decision of the party and government on economic issues. Vol. 4. 1953–1961*). Moscow: Politizdat, 1968. 783 p.
6. Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938–1958 gg. (*Collection of laws of the USSR and decrees of Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938–1958*). Moscow: Gosyurizdat, 1959. 500 p.
7. Sel'skoe khoziaistvo SSSR (*Soviet agriculture*). Moscow: Gosstatizdat, 1960. 666 p.
8. Khrushchev N. S. Stroitel'stvo kommunizma v SSSR i razvitie sel'skogo khoziaistva. T. 2. Fevral' 1955 g. – yanvar' 1958 g. (*The building of communism in the USSR and development of agriculture. Vol. 2. February 1955 – January 1958*). Moscow: Gospolitizdat, 1962. 534 p.
9. Khrushchev N.S. Stroitel'stvo kommunizma v SSSR i razvitie sel'skogo khoziaistva. T. 3. – yanvar' 1958 g. – mai 1959 g. (*The building of communism in the USSR and development of agriculture. Vol. 3. – January 1958 – May 1959*). Moscow: Gospolitizdat, 1962. 544 p.

УДК 94(54) «1949»

Л. А. Черешнева

ВИЗИТ ПЕРВОГО ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ИНДИИ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ В США В 1949 г.

В статье, написанной на английском языке, основанной на материалах Архива внешней политики РФ, дана характеристика визита первого премьер-министра независимой Индии Джавахарлала Неру в Соединенные Штаты Америки, состоявшегося в 1949 г. по официальному приглашению президента США Г. Трумэна. Становление внешней политики Индийского Союза, возникшего на политической карте мира в августе 1947 г. в результате передачи власти и раздела Британской Индии на Хиндустан и Пакистан, происходило в условиях начавшейся «холодной войны». Стратегическое значение Индии для США до определенного времени было не более весомым, чем значение Пакистана. Премьер-министр Индии Джавахарлал Неру первым получил приглашение посетить США с официальным визитом. Вопрос о получении американской пшеницы и технической помощи явился одним из основных мотивов поездки Неру в США. Рост коммунистического влияния в Азии и авторитета Советского Союза, образование Китайской Народной Республики также вызывали тревогу в правящих кругах Индии. Компартия Индии при Неру подверглась гонениям. При этом премьер именовал себя со-

циалистом и намеревался бороться с бедностью и социальным неравенством у себя в стране. Определить свое место в новых геополитических реалиях (антикоммунизм или позитивный нейтрализм?), сформулировать политику Индии в отношении СССР, КНР и коммунистического движения вообще – еще один побудительный мотив поездки Неру в США. Визит состоялся в 1949 г., и Неру получил возможность переговоров с политиками, бизнесменами, научной и культурной элитой США. Он в известной мере способствовал индо-американским экономическим связям, но не привел к прорыву в двусторонних отношениях, разочаровав обе стороны: Неру не нашел понимания по важнейшим вопросам, в первую очередь по проблеме Кашмира, и был встревожен вниманием Белого дома к Пакистану. Президент же США Трумэн остался недоволен непреклонной силой индийского политика, отдающего себе отчет в сущности внешнеполитических приоритетов Индии и необходимости защищать ее национальные интересы.

Ключевые слова: Индия, Джавахарлал Неру, США, Г. Трумэн, 1949 г., антикоммунизм, позитивный нейтрализм.

L. A. Cheresheva

THE VISIT OF THE FIRST PRIME MINISTER OF INDIA JAWAHARLAL NEHRU TO THE USA IN 1949

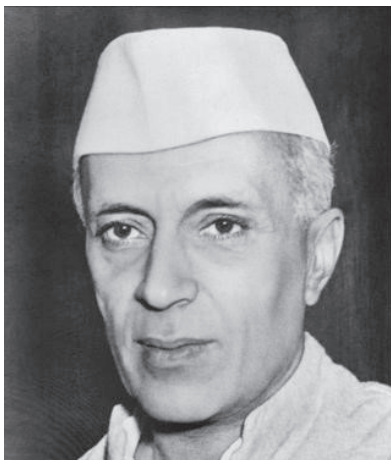
The article contains the characteristics of the official visit of the first Prime Minister of India Jawaharlal Nehru to the United States of America in 1949. It is written in English.

Indian Union and Pakistan appeared on the political map of the world in 14–15 August 1947 in the result of the partition of British India – the most significant British colony. The transfer of power in India was organized on the basis of compromise of the political forces – a result of the negotiations

Key words: India, Jawaharlal Nehru, USA, G. Truman, 1949, anticommunism, positive neutralism.

between Britain and Indian leading parties: the Indian National Congress (leader – Jawaharlal Nehru), the All India Muslim League (leader – Muhammad Ali Jinnah), and others. Nehru became the first Prime Minister of India, the League's Secretary General Liaquat Ali Khan – that of Pakistan [2].

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-01-00258

Jawaharlal Nehru (14 November 1889 – 27 May 1964) was the first Prime Minister of India and a central figure in Indian politics before and after independence. He emerged as the paramount leader of the Indian independence movement under the tutelage of Mahatma Gandhi and ruled India from its establishment as an independent nation in 1947 until his death in 1964. He is considered to be the architect of the modern Indian nation-state: a sovereign, socialist, secular, and democratic republic. He was also known as Pandit Nehru due to his roots with the Kashmiri Pandit community while many Indian children knew him as Chacha Nehru (Hindi, lit., «Uncle Nehru»). The son of Motilal Nehru, a prominent lawyer and nationalist statesman and Swaroop Rani, Nehru was a graduate of Trinity College, Cambridge and the Inner Temple, where he trained to be a barrister. Upon his return to India, he enrolled at the Allahabad High Court, and took an interest in national politics, which eventually replaced his legal practice. A committed nationalist since his teenage years, he became a rising figure in Indian politics during the upheavals of the 1910s. He became the prominent leader of the left-wing factions of the Indian National Congress during the 1920s, and eventually of the entire Congress, with the tacit approval of his mentor, Gandhi. As Congress President in 1929, Nehru called for complete independence from the British Raj and instigated the Congress's decisive shift towards the left [1].

The independence was accompanied with a deterioration of relations between India and Pakistan, primarily due to their territorial claims to each other. Thus, the debate about the principality of Jammu and Kashmir led to the outbreak of the hostilities in October 1947. Nehru was ready to divide Kashmir along the line separating the armies of the dominions after January 1, 1949.

In the context of the beginning of the «Cold War» the Indian subcontinent quickly turned into a collision zone of the strategic interests of the great powers. The United States, as well as the former colonial power, Britain, through their representatives in the Commission on India and Pakistan

set up in the United Nations in January 1947, did not oppose the division of Jammu and Kashmir, but into three parts: to give Pakistan the territories which had been already occupied by Pakistani troops, Jammu was to be given India, and as for the Kashmir valley, which was under control of the Indian army, they even plan to turn it in a separate section and organize a plebiscite there. The idea was that, as a result of the plebiscite, it would have been given to Pakistan. Both of the Dominions resolutely opposed such a decision. The USSR and the Ukrainian SSR abstained from voting on the Kashmir issue at the UN Security Council in 1948. Indo-Pakistani military conflict over Jammu and Kashmir led to a de facto partition of the principality, with the most important military-strategic areas located near the territory of the Soviet Union, were in the sphere of Pakistan' influence and control. The United States got into this principality, using a decisive voice in the relevant UN Commission and sending a group of military observers to that region. British achieved the adherence of Gilgit to Pakistan and was satisfied because it was its main military base in the north of Kashmir; they tried to gain a foothold there. In addition, the success of the national liberation movement in China made the United Kingdom and the United States to counterbalance it and try to form a block of Southeast Asia [3].

By the end of the 1940s the strategic importance of India for the United States was no more significant than the value of Pakistan. However, it was Jawaharlal Nehru, who first received an invitation to visit the United States with an official visit. As for the Kashmir problem, the United States supported the idea of a plebiscite in the principality, and although Nehru on the eve of the trip said he would not give Kashmir in, and rejected the offer of President Truman to mediate on the issue of plebiscite, the latter did not change his mind about the reception of the Indian Prime Minister in his own country.

A trip to the USA was necessary to the Indian government for many internal and external causes. In India, the rapidly growing inflation did not stop from the end of the Second World War. Britain owed a huge amount of money to the Indians, that by June of 1948 amounted to 15 billion 470 million. Rs [4]. London agreed to increase the sum for payment in 1949–1950 and 1950–1951 up to 650 million. Rs. For this «concession» British India, from its side, agreed to reduce its imports from the dollar area on 25 % compared with imports 1948–1949. In that way the UK protected to some extent from its Indian market from the American export [5].

From that time India could increase its imports from the United States or by increasing exports

or by borrowing from the Americans. India needed food and equipment, and the issue of the reception of US wheat and technical assistance through the delivery of goods or by the American loan was one of the main motives for Nehru's trip to the United States.

In addition, the growth of communist influence in Asia and the prestige of the Soviet Union, the victory of the Chinese People's Liberation Army, and then the formation of the People's Republic of China caused alarm in the ruling circles of India. The Communist Party of India was persecuted. The Premier called himself a socialist and intended to fight poverty and social inequality at home. To define a place in the new geopolitical realities (anti-communism or positive neutralism?), to formulate India's policy toward the Soviet Union, China and the communist movement in general – another incentive for a trip of Nehru to the United States.

Over the ocean, they were preparing for the arrival of Nehru. Political advertising appreciated him as «a national leader, a figure of international significance» and, furthermore, – «as the most popular man in the world» [6].

In October 1949 the Premier of India paid an official visit to the United States. He spent three weeks in America touring around different cities from the Atlantic coast to the Pacific Ocean. His meetings with President Truman, business and political elite, public figures contributed to Nehru's fuller understanding of Americans and their government. The Truman Administration and the US business also received a comprehensive view of the Indian leader.

Speaking to the US Congress, October 13, 1949, Nehru said: «The US is not an unknown country even to my distant India, and many of us have grown up admiring the ideals and aspirations that had created your great country ... India has achieved its political freedom, and now she must provide economic progress and raise the welfare of the Indians ... To do this, it needs the technical assistance on mutually beneficial terms». In this speech, he touched on the fundamental question, which the US government had asked him: «I am often asked why India is not adjacent to any particular nation or group of nations, and that if we refrain from such actions, it means, we sit on the fence. The answer is: we do not want to lose the benefits that we provide with our current isolation ... To save this isolation is not only our interests but also the interests of peace and freedom around the world» [7]. It was a designation of Nehru's policy of positive neutrality, non-alignment in any military-political blocs, which – in the circumstances of the beginning of the confrontation

between the United States and the Soviet Union – appeared to be a bold bid, a claim to India's own role in the system of international relations of the postwar world.

On October 19, speaking to the UN correspondents, Nehru said about the economic purposes of his visit:

1) «India requests the immediate priority to the supply of food, especially wheat.

2) India needs the technical assistance for the implementation of major projects of the country, prepared by the Indian government.

3) India needs investment on terms to be agreed between India and foreign countries» [8].

The White House and political circles in the US found «strange» that Nehru limited their statements only with the themes of the Asian continent and showed no interest in the so called «Soviet aggression and intolerance», which had great significance for Americans. The agency «United Press of America» declared on October 19: «Nehru adheres very unrealistic views on communism in the broadest sense of the word. He informed the US officials that he saw no reason to ensure that the activities of the Indian Communists, whose leaders had imprisoned for their violent acts, must set up him against the Chinese Communist regime. Nehru intended to recognize them as a legitimate government of China... He would've not any objections against the Communists of India, if they ceased their militant activities» [9]. Washington newspaper «Daily News» on October, 17 wrote without any ethic norms: «If India insists to stay away from the «Cold War», then can we at least protect our wear carpets spread out for the reception of such a fair visitor?» [10].

The Indian business and the ruling elite saw the main thing and in the whole were rather objective in Nehru's visit evaluations. Thus, the official «Hindustan Times» on October 21, 1949 wrote that «Nehru, despite everything, had created a favorable for India environment of the US dollars in the United States» [11]. As a proof of these estimates, on the 16 of November, 1949, four US senators, members of the Special Subcommittee on the US Senate Appropriations came to India – Allen Ellender, chairman of the subcommittee, Theodore Green, Homer Ferguson, William Jenner. The nature of the talks with them the Indian government left in a secret. However, the left newspaper «Blitz» informed its readers that the senators involved in the development of parts of the Indo-US Treaty of Friendship, Commerce and Navigation [12].

Thus, the visit of Nehru to the United States to a certain extent contributed to the Indo-US econom-

ic relations, but did not lead to a breakthrough in their bilateral relations. It is no exaggeration to say that the origin of Indo-US relations disappointed both sides: Nehru did not find understanding on key issues, primarily on the issue of Kashmir, and was alarmed with the attention of the White House to Pakistan. Truman while inviting Nehru did not expect to meet with so soft, but unbending force of that great Indian politician, who was aware of the essence of India's foreign policy priorities and the need to protect its national interests.

A few months after that visit, the United States warmly welcomed the Prime Minister of Pakistan, Liaquat Ali Khan, and obviously found it more amenable for the cooperation in the issue of transformation of the South Asia into the bastion of the struggle against communism of China and the Soviet Union. In the context of the «Cold War» pro-Western policies of Liaquat appeared to be much more preferable for Washington than a positive neutralism of Jawaharlal Nehru.

Sources and Literature

1. Юрлов Ф. Н. Династия Неру-Ганди: от восхода до заката. Кн. 1. Мотилал и Джавахарлал Неру. М.: ИВ РАН, 2015. 520 с.
2. Черешнева Л. А. Несостоявшийся визит премьер-министра Пакистана Лиаката Али Хана в Советский Союз в 1949 г. // Восток. Афро-азиатские общества: прошлое и настоящее. 2014. №5. С. 55–68.
3. Черешнева Л. А. Радуга над Красным фортом: борьба политических сил колониальной Индии в 1947 г. М.: Восточная литература, 2012. 391 с.
4. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 090. Оп. 7а. П. 11. Д. 4.
5. Blitz. 1949. November, 16.
6. Hindustan Times. 1949. October, 21.

References

1. Yurlov F. N. Dinastiya Neru-Gandhi: ot voshoda do zakata. Book 1. Motilal i Jawaharlal Nehru (*Dinasty of Nehru-Gandhi: from Sunrise to Sunset*). Moscow: OI RAS. 520 p. (In Russian).
2. Cheresheva L. A. Nesostoyavshiysya vizit premier-ministra Pakistana Liakata Ali Hana v SSSR v 1949 godu (*The Failed Visit of the Prime Minister of Pakistan Liaquat Ali Khan to the Soviet Union in 1949*) // Orients. Afro-Asian Society: Past and Present. 2014. No. 5. P. 55–68. (In Russian).
3. Cheresheva L. A. Raduga nad Krasnim fortom: borba politicheskikh sil kolonialnoi Indii v 1949 godu (*Rainbow over the Red Fort: Struggle of the Political Forces of Colonial India in 1949*). Moscow: Vos. lit., 2012. 391 p. (In Russian).
4. Archives of Foreign Policy of Russian Federation Ministry of Foreign Affairs. F. 090. Inv. 7a. P. 11. D. 4. (In Russian).
5. Blitz. 1949. November, 16.
6. Hindustan Times. 1949. October, 21.

УДК 94.4; 4.03.01

В. Ю. Щербаков

ДВИЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ ФРГ В НАЧАЛЕ XXI в.: ПОВОРОТ ВПРАВО?

В статье дана характеристика одного из направлений современного движения гражданских инициатив ФРГ. Автор полагает, что в конце XX в. правительство и парламентские партии Германии оказались неспособны решить ряд актуальных проблем, вызванных миграцией и углублением европейских интеграционных процессов. Не доверяя традиционным государственным и политическим институтам, группы инициативных граждан пытаются взять решение части этих проблем на себя. Если в 1970–1980-х гг. основу движения гражданских инициатив составляли группы левого и экологического направлений, то типичным образцом современного гражданского протеста является массовое движение «Патриотические европейцы против исламизации Запада» (ПЕГИДА). При этом,

новая политическая сила ФРГ «Альтернатива для Германии» (АдГ), выступающая против единой европейской валюты, быстро избавляется от имиджа «партии одной темы», уделяя всё больше внимания проблемам, связанным с миграцией и угрозой исламского экстремизма. Представители АдГ завоёвывают один земельный парламент за другим. По мнению автора, тенденция к сближению антиисламского и антииммигрантского движения с партией «Альтернатива для Германии» может привести к серьёзным изменениям в политической системе страны.

Ключевые слова: исламизм, «Альтернатива для Германии» (АдГ), международная приступность, правый популизм, ПЕГИДА, выборы в Бундестаг.

V. Yu. Shcherbakov

THE MOVEMENT OF CIVIC INITIATIVES IN THE BEGINNING OF XXI CENTURY: TURNING RIGHT?

One of the directions of contemporary civic initiatives movement in the FRG is characterized in this article. The author of the article considers that the government and parliament political parties were not able to accept a series of crucial challenges related to migration and intensification of European integration processes at the end of the 20th century. Not having confidence in traditional state and political institutions, the groups of initiative citizens are trying to solve some parts of the problems themselves. In the 1970–1980s the basis for the movement of civil initiatives were left-wing and ecological groups. Now political movement “Patriotic Europeans Against the Islamisation of the West (PEGIDA)” is the typical ex-

ample of modern civil protest. At the same time new political power “Alternative for Germany” (AfD) which stands against unified European currency is making away from image of “one subject party”, paying more attention to migration problems and the Islamic terrorism threat. Representatives of AfD win one Landtag after another. In the author’s opinion, the tendency of approximation of anti-Islamic and anti-immigrant movements with the Alternative for Germany (AfD) party can lead to serious political system changes in the state.

Key words: Islamism, Alternative for Germany (AfD), International Criminal, Right-wing populism, PEGIDA, Elections to the Bundestag.

Движение гражданских инициатив, зародившееся в ФРГ во второй половине 1960-х гг. и ставшее значимым фактором политической жизни страны на рубеже 1970–1980-х гг., традиционно идентифицируется в качестве проявления политической активности, преимущественно левых и «альтернативных» настроений. Одной из основных причин формирования и эволюции движения стало возросшее недоверие части граждан по отношению к традиционным государственным и политическим институтам страны. Толчком явилось создание и

деятельность правительства так называемой «большой», или «чёрно-красной» коалиции ХДС/ХСС и СДПГ во второй половине 1960-х гг. Именно ситуация, когда в стране фактически исчезла действенная оппозиция, привела к возникновению оппозиционного движения «снизу», со стороны политически активных граждан. Группы движения гражданских инициатив брались за решение широчайшего спектра экономических, социальных и политических проблем, как местного, так и федерального уровней. Численность групп колебалась от не-

скольких десятков активистов, выступающих за запрет ночных полётов авиации над населёнными пунктами, или требующих отменить запрет на аборт, до десятков тысяч граждан, выходящих на митинги и демонстрации против размещения в стране американских ядерных ракет среднего радиуса действия. Именно на основе резонансных акций «пёстрых», «экологических» и «альтернативных» групп сформировалась специфическая тактика и стратегия деятельности гражданских инициатив. Отказываясь от парламентской трибуны любого уровня, активисты движения действовали «локально», «спонтанно» и «базисно», то есть на местах, без излишней заорганизованности, структуры и иерархии, обращаясь непосредственно к определённому человеку. Подобная деятельность, ориентированная на выполнение конкретной задачи, не требовала особых финансовых затрат, направленная «от сердца к сердцу», была весьма эффективной и выгодно отличалась от казённого бюрократизма традиционных политических партий и государственных структур. Вершиной эволюции движения гражданских инициатив 1960–1970-х гг. стало создание в 1980 г. на их основе партии «зелёных». Войдя в Бундестаг, в 1983 г. «зелёные», навсегда изменили, казавшуюся неизменной, политическую систему ФРГ. Некоторые их установки, вроде гарантии особых прав женщин в партийных структурах, были полностью, или частично заимствованы всеми значимыми политическими силами страны. Со второй половины 1980-х гг. в стране нет ни одной уважающей себя политической партии, которая не уделяла бы внимания экологическим проблемам. Некоторое время «зелёные» сохраняли верность традициям движения гражданского протеста, но постепенно они стали частью «этаблированной» системы, значительно сдвинувшись вправо, потеснив на этом фланге традиционных либералов. Насыщенное событиями последнее десятилетие XX в., включавшее в себя объединение Германии и усиление левого сегмента спектра политической системы страны, крах биполярной системы международных отношений, война в бывшей Югославии, ускорение процесса европейской интеграции не оставляло особых шансов для движения гражданского протеста. Основную роль в решении не только внешних, но внутренних проблем взяли на себя крупные «традиционные» партии, входившие в Бундестаг. Казалось бы, движение гражданских инициатив исчезло с политической сцены Германии надолго, если не навсегда. Отдельные его

элементы сохранились на низовом уровне партии «Союз 90/Зелёные» и у ряда маргинальных группировок, преимущественно ультралевых, вроде «автономных».

В конце XX начале XXI вв. в ФРГ резко обострилась проблемы, связанные с миграцией. Всё больше переселенцев из мусульманских стран оседали в Германии, увеличивая и без того крупные диаспоры албанцев, боснийцев, арабов и прежде всего, турок. Районы некоторых крупных городов, прежде всего, на западе Германии фактически превратились в мусульманские гетто. Почувствовав силу, иммигранты стали выдвигать требования, отвечающие обычаям своих стран, началось массовое строительство мечетей. Усилились проблемы в социальной сфере, большую часть преступлений на территории Германии совершают именно мигранты. Однако «старые» праворадикальные партии страны, которые традиционно использовали в своей пропаганде тезисы об «опасности неконтролируемой миграции» и «мусульманской угрозе», в лучшем случае могли говорить о стабилизации численности своих приверженцев. На протяжении всего существования Федеративной республики, традиционное праворадикальное движение стремилось избавиться от имиджа наследников НДСАП и существования в плоскости политической маргинальности. Однако ни один из проектов, наиболее успешным из которых были «Национал-демократическая партия Германии» (НДПГ) в середине 1960-х гг. и партия «Республиканцев» в начале 1980-х гг., так и не сумел привести к консолидированию гетерогенного праворадикального спектра и занять прочные позиции в политической системе ФРГ. В то же время, партии, представленные в парламенте, проводили благоприятствующую иммиграции политику и старались не замечать её негативных последствий. С конца 1990-х гг. часть участников праворадикального движения ФРГ принимает на вооружение хорошо зарекомендовавшую себя у «зелёных» тактику деятельности «гражданских инициатив». Такие организации, как движение «За Кёльн» активно и зачастую успешно поднимали и решали локальные проблемы, связанные с преступностью мигрантов (торговля наркотиками, грабежи, воровство, мошенничество), и пытались противостоять «ползучей исламизации» страны на уровне городов и районов (прежде всего, строительству новых мечетей). В 1999 г. «За Кёльн» впервые участвовало в выборах обербургомистра Кёльна. Кандидатом от движения стал член НДПГ Стефан Флюг, которому,

правда удалось набрать всего 0,3 % голосов [7]. По данным Ведомства по защите конституции Северной Рейн-Вестфалии, большинство руководства движения и значительная часть членов «За Кёльн» «являются выходцами из правоэкстремистских партий, или из организаций, по поводу которых существуют, или существовали подозрения в правоэкстремистских стремлениях» [14, s. 35]. «За-движение» всегда старательно подчеркивало свой миролюбивый, толерантный, демократический характер. В 2003–2005 гг. оно начинает демонстративно дистанцироваться от представителей традиционного праворадикального спектра и добивается определённых успехов в политической борьбе, не только участвуя в акциях протестующих граждан, но в ряде случаев даже возглавив протест [5]. Так, в кёльнском районе Полл «За Кёльн» провело демонстрацию, направленную против ставшего рассадником преступности сборного центра для беженцев. В Меркенихе, другом районе Кёльна, правые популисты собрали более 3000 подписей под требованием закрыть приют для беженцев, обитатели которого, как считалось, «отбирают у детей местных жителей деньги, сотовые телефоны и одежду», а также сексуально угрожают «даже пенсионеркам и маленьким девочкам» [1, s. 1]. Во время коммунальных выборов в Северной Рейн-Вестфалии 26 сентября 2004 г. объединению «За Кёльн» удалось получить 4,7 % голосов в Кёльне и провести 4 депутатов в городской совет [8]. Меньше чем через год число мест в городском совете Кёльна увеличилось до 5 за счёт примкнувшего к фракции независимого депутата, избранного от «республиканцев» [12, s. 4]. 20 января 2005 г. на базе движения «За Кёльн», в Кёльне появилось гражданское движение «За Германию», которое создавалось именно в качестве общегерманского. В июне 2010 г. было образовано земельное отделение «За Германию» в Берлине, имеющее собственное название «За Берлин». Создание отделения движения в столице ФРГ, должно было продемонстрировать его успешное наступление за пределы Северной Рейн-Вестфалии. У объединения имеется программа, охватывающая целый ряд сфер, однако тема борьбы с миграцией, прежде всего, мусульманской, фактически является доминирующей. Странники «За Германию» подчеркивают неформальность своей организации, идентифицируя себя в качестве неотъемлемой части движения гражданского протеста. Собрания объединения проходят в непринуждённой обстановке товарищеского ужина, кото-

рый наскоро готовится из принесённых с собой продуктов, купленных в ближайшем дешёвом супермаркете. Любой человек с улицы может принять участие в заседании и высказаться. В безуспешных попытках избежать обвинений в праворадикальных настроениях, объединение «За Германию» не сотрудничает с НДПГ, или «Республиканцами», старается не привлекать бывших членов этих организаций. Следует отметить, что группы и организации, формально объединённые в единую структуру «За Германию», остаются, преимущественно регионально раздробленными, а общее количество членов, по оценкам властей не превышает 1000 человек, из которых лишь около 350 являются активистами [14, s. 35].

Среди тем, активно поднимаемых силами, находящимися «правее ХДС/ХСС второй по важности, является проблема единой европейской валюты. Экономический кризис конца 2000-х гг. резко обострил недоверие значительной части немецкого общества к евро. Критические высказывания в адрес единой европейской валюты всё громче раздавались уже не только из лагеря «справа от центра», но и со стороны вполне уважаемых политиков и экономистов, не замеченных ранее в правопопулистских настроениях. Уже в 2010 г. по данным опроса, проводимого журналом «Шпигель», более трети немцев считали необходимым возвращение к немецкой марке. При этом, издание подчёркивало, что среди малообразованных слоёв населения противников евро почти 49 % [13]. Всё возрастающее количество немцев, желающих вернуть марку, значительно превышало общий потенциал традиционных праворадикальных организаций. Между тем, ни одна из партий, реально претендующих на места в Бундестаге, не собиралась отказываться от политики европейской интеграции, важнейшей составляющей которой являлась именно единая европейская валюта. Подобные настроения поставили общество перед вероятностью реального усиления политических позиций правых радикалов, уже давно эксплуатирующих тему возврата к немецкой марке. Возможностью несколько смягчить ситуацию было создание организации без участия традиционных сил и деятелей «справа от центра». 14 апреля 2013 г. состоялось учредительное собрание новой партии «Альтернатива для Германии» (АдГ). Основатель и руководитель АдГ Бернд Люке охарактеризовал «Альтернативу для Германии» как «партию нового типа, которая не является ни правой, ни левой и не нуждается в идеологических ориентирах» [1].

Похожие характеристики партии «зелёных» давали её идеологи в начале 1980-х г. На съезде была принята избирательная программа АдГ, в первом пункте которой содержалось требование «организованного роспуска еврозоны», поскольку «Германия не нуждается в евро. Другим странам евро вредит» [15, s. 1]. Хотя тема «возвращения Немецкой марки», несомненно, была основной, создатели программы постарались обезопасить себя от типичных обвинений в формировании «партии одного требования», часто предъявляемого организациям, вышедшим из движения гражданских инициатив. Поэтому они затронули ещё целый ряд проблем, волновавших, по их мнению, общество: приверженность «Европе суверенных государств», с общим внутренним рынком, требование реформы ЕС и «ликвидации брюссельской бюрократии», укрепление демократических свобод граждан и введение системы всенародных референдумов по образцу Швейцарии. Положения, касающиеся интеграции иммигрантов, завершали программу. В довольно кратком разделе основное внимание уделялось необходимости преобразования иммиграционного законодательства. В качестве примера для подражания предлагалась иммиграционная система Канады: «Необходимо положить конец беспорядочной иммиграции в нашу социальную систему» [15, s. 4]. На выборах в Бундестаг 22.09.2013 г. «Альтернатива для Германии» получила 4,7 % вторых голосов [6]. Для прохождения в парламент молодой организации не хватило всего 0,3 %. Казалось бы, история партии евроскептиков завершилась, едва успев начаться, однако в течение нескольких месяцев после выборов в Бундестаг рейтинг АдГ вырос и колебался на уровне 5–6 % [16]. 22 марта 2014 г. на съезде АдГ была принята программа на выборы в Европейский парламент «Мужество ради Германии. За многообразную Европу». Темы выхода из зоны евро и преобразования Европейского союза в программе оставались основными. В то же время, миграционная тематика существенно расширилась, хотя откровенных антиисламских тенденций не просматривалось. Так, затрагивалась проблема возможного вхождения Турции в ЕС. В разделе «Сначала консолидация, потом расширение» подчёркивалось, что «Европа имеет географические, культурные и исторические границы, которых должен придерживаться ЕС». Исходя из этого АдГ считала невозможным вхождение Турции в Европейский Союз и требовала «прекратить все переговоры с Турцией о приёме»

[10]. Экономический кризис, начавшийся в 2008 г. обострил многие проблемы во взаимоотношениях между немцами, а политические потрясения в Северной Африке и на Ближнем Востоке и иммигрантами усилили приток нелегалов на территорию страны. Однако власти по-прежнему действовали в духе стратегии мультикультурализма – все партии, входящие в Бундестаг от ХДС до «Левых», в той, или иной форме подтвердили свою приверженность политике «гостеприимного общества». Это вызвало ответную реакцию части граждан, посчитавших, что традиционные политические силы не защищают их интересы.

Вечером 10 ноября 2014 г. в Дрездене более 1500 человек вышли на демонстрацию, чтобы «привлечь внимание к опасности исламизма» [9]. Демонстранты потребовали изменить иммиграционную политику Германии по образцу Канады, Австралии, Швейцарии, или Южной Африки и призвали к «политике нулевой толерантности по отношению к радикальным религиозным группировкам» [11]. Участники акции не были связаны между собой какими-либо организованными структурами. О демонстрации люди узнавали, прежде всего, в социальных сетях и от знакомых. На протяжении последующих двух лет акции ПЕГИДА становились всё более массовыми и, охватив всю Германию, начали перебрасываться в другие страны Европы.

Движение гражданского протеста в ФРГ не воспринимает себя в качестве «левых», или «правых» и не имеет ярко выраженной политической окраски. На протяжении нескольких последних десятилетий оно чётко реагирует на глобальные вызовы, и прежде всего те, которые ставят под сомнение само существование гражданского общества. Однако, зачастую проблемы, волнующие значительную часть населения берут на вооружение определённые политические силы, выдвигая соответствующие лозунги. Если «альтернативные», «экологические» и «пёстрые» группировки в конце 1970-х гг. объединились на основе общего понимания решения проблем экологии, то немецкое движение гражданского протеста в XXI имеет гораздо больше точек соприкосновения, наиболее перспективными из которых являются темы «опасности исламизации Германии» и возврата к немецкой марке. Уже в декабре 2014 г. лидер АдГ Бернд Луке заявил о своей поддержке протестных демонстраций ПЕГИДА: «Они показали, что эти люди не чувствуют понимания своих тревог со стороны эстаблированных партий» [3]. В начале января 2015 г. руководство саксонского отделения АдГ при-

гласило представителей ПЕГИДА на встречу с фракцией партии в саксонский ландтаг [2]. В дальнейшем, несмотря на негативную реакцию немецких СМИ и властей, контакты продолжались. Большое значение для консолидации сил «правее ХДС/ХСС» могут иметь выборы в Бундестаг 2017 г. В случае поддержки АдГ движением гражданского протеста ПЕГИДА, успех правых популистов на выборах более чем вероятен. Таким образом, тенденция соз-

дания блока правопопулистских сил в составе АдГ и антиисламского движения гражданского протеста ПЕГИДА ставит под угрозу нынешнее существование традиционной политической системы ФРГ. Даже в случае наиболее вероятной победы «красно-чёрно-зелёной» коалиции в парламенте страны может появиться мощная политическая сила, выступающая с позиций евроскептицизма и коренного пересмотра миграционной политики.

References

1. AfD gegen «Verletzung demokratischer Grundsätze». URL: <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2013-04/parteitag-alternative-deutschland> (Accessed: 1.07.2016).
2. Annäherung Sachsen: AfD trifft Pegida-Organisatoren. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/pegida-afd-trifft-organisatoren-am-mittwoch-im-saechsischen-landtag-a-1010987.html> (Accessed: 30.06.2016).
3. Bernd Lucke findet PEGIDA gut. URL: <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2014-12/afd-pegida-bernd-lucke> (Accessed: 30.06.2016).
4. Diebstahl, Raub und sexuelle Übergriffe//Pro Köln. Informationen der Fraktion Pro Köln in Rat der Stadt Köln. 2005. No. 12. S.1.
5. Die Strategie der Bürgerbewegung pro Köln. URL: www.koelnganzrechts.de/prokoeln/strategie.html (Accessed: 20.05.2013).
6. Endgültiges Ergebnis der Bundestagswahl 2013. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/de/bundestagswahlen/BTW_BUND_13/ergebnisse/bundesergebnisse/index.html (Accessed: 15.07.2016).
7. Entstehung und Entwicklung von Pro Köln. URL: www.koelnganzrechts.de/prokoeln/strategie.html (Accessed: 24.05.2013).
8. Kommunalwahl 2004 in Köln – Wahl des Rates. URL: <http://www.stadt-koeln.de/wahlen/kommunalwahl/2004/wahlpraesentation/index.html?ansicht=1&w=5&art=8&g=1&typ=2&id=1> (Accessed: 24.05.2013).
9. Mehr als 1500 demonstrieren gegen Islamisierung. URL: <https://jungfreiheit.de/politik/deutschland/2014/mehr-als-1-500-demonstrieren-gegen-islamisierung/> (Accessed: 23.09.2016).
10. Mut zu Deutschland. Für ein Europa der Vielfalt. URL: <http://afd-basche.de/images/PDF-Dateien/Europaprogramm-der-AfD.pdf> (Accessed: 15.07.2016).
11. Positionspapier der PEGIDA. URL: <http://i-finger.de/pegida-positionspapier.pdf> (Accessed: 19.03.2017).
12. Pro Köln wählt neuen Vorstand // Pro Köln. Informationen der Fraktion Pro Köln in Rat der Stadt Köln. 2005. No.10.
13. Umfrage: Deutsche wollen Euro behalten URL: <http://www.spiegel.de/wirtschaft/umfrage-deutsche-wollen-euro-behalten-a-733874.html> (Accessed: 1.07.2016).
14. Verfassungsschutzbericht des Landes Nordrhein-Westfalen über das Jahr 2011 // Ministerium für Inneres und Kommunales des Landes Nordrhein-Westfalen S. 35. URL: www.mik.nrw.de (Accessed: 2.03.2013).
15. Wahlprogramm. Parteitagebeschluss vom 14.04.2013. URL: https://www.abgeordnetenwatch.de/sites/abgeordnetenwatch.de/files/afd_1.pdf (Accessed: 15.07.2016).
16. Wahlumfragen für die Bundestagswahl in Deutschland. URL: http://www.wahlumfragen.org/bundestagswahl/wahlumfragen_bundestagswahl.php (Accessed: 15.07.2016).

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.4:340.1

Л. Э. Боташева, Т. В. Воротилина, А. С. Гондаренко

ОСНОВНЫЕ ИНДИКАТОРЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

В представленной статье на основе Программы развития Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, самостоятельно установленных образовательных стандартов Северо-Кавказского федерального университета, учебных планов раскрывается опыт реализации образовательных программ. Приобретенный опыт, отраженный в содержании статьи, способствует развитию конкурентных преимуществ университета федерального уровня. В настоящее время значительная часть специалистов-юристов органов государственной власти и местного самоуправления, судебных и правоохранительных органов, а также организаций реального сектора экономики Северо-Кавказского федерального округа состоит из выпускников юридического института Северо-Кавказского федерального университета. Конкурентоспособность выпускников института на рынке труда региона, их профессиональный и карьерный рост способствует повышению конкурентоспособности университета на рынке образо-

вательных услуг и, в конечном счете, его экономическому благополучию. В статье указывается, что при подготовке новых образовательных программ институтом учитываются изменяющиеся запросы работодателей и изменения, происходящие на рынке труда региона.

В статье сформулированы выводы и предложения по совершенствованию образовательных технологий и инструментов подготовки юристов, основанные на опыте реализации современных образовательных программ и технологий, реализуемых в Северо-Кавказском федеральном университете. Статья носит научно-прикладной характер и направлен на решение важных задач развития современного юридического образования.

Ключевые слова: образование, высшее образование, направление подготовки, юриспруденция, бакалавриат, магистратура, аспирантура, Северо-Кавказский федеральный университет, учебный план, программа развития, учебно-методическое обеспечение.

L. E. Botasheva, T. V. Vorotilina, A. S. Gondarenko

THE MAIN INDICATORS OF EDUCATIONAL ACTIVITY DEVELOPMENT IN LAW INSTITUTE OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL UNIVERSITY

The article shares the experience of implementing educational programs based the Development Program of the Law Institute of the North Caucasus Federal University, independently established educational standards of the North Caucasus Federal University and the curricula. The experience contributes to the development of competitive advantages of the university at the federal level. At present, a significant number of legal experts in the government and local government, judicial and law enforcement agencies, as well as organizations in the real sector of the economy of the North Caucasus Federal District, are the graduates of the law institute of the North Caucasus federal university. Competitiveness of graduates of the Institute on the labor market of the region, their profes-

sional and career growth contributes to the competitiveness of the university in the market of educational services and, ultimately, its economic well-being. The article points out that in the preparation of new educational programs the institute takes into account the changing demands of employers and the changes taking place in the labor market of the region.

The article summarizes the conclusions and proposals on improving educational technologies and legal training tools based on the experience of implementing modern educational programs and technologies implemented in the North Caucasus federal university. The article is of scientific and applied nature and is aimed at solving important problems of the development of modern legal education.

Key words: education, the higher education, direction of preparation, jurisprudence, Bachelor studies, Master studies, postgraduate study, North Cau-

casus federal university, curriculum, development program, educational methodological support.

Сегодня, несмотря на активную политику профильного министерства по сокращению вузов, осуществляющих подготовку юристов, юриспруденция является одним из наиболее востребованных направлений подготовки обучающихся в системе высшего образования. В настоящее время быть юристом престижно. В России ежегодно свыше 150 тысяч человек получают диплом о высшем юридическом образовании, на территории Северо-Кавказского федерального округа подготовку юристов осуществляют более трех десятков вузов. Краткая пятилетняя история создания и развития ведущего федерального высшего учебного заведения в Северо-Кавказском федеральном округе, несмотря на свою «молодость» позволила создать крупнейший образовательный и научный центр, сформированный с учетом особенностей полиэтничности, поликультурности и поликонфессиональности жителей округа.

В образовательном процессе высших учебных заведений региона юридический институт Северо-Кавказского федерального университета позиционируется как базовая площадка для подготовки квалифицированных юридических кадров для всего Северо-Кавказского федерального округа.

Главной миссией института в сфере образования как структурного подразделения ведущего вуза рассматриваемого округа является обеспечение устойчивого воспроизводства юридических кадров в Северо-Кавказском федеральном округе, разработка и внедрение механизмов модернизации профильного высшего юридического образования, а также сохранение и упрочение лидирующего положения в деле подготовки высококвалифицированных юристов и качественных образовательных продуктов.

Образовательные технологии формируются с учетом экономики и социальной сферы Северо-Кавказского федерального округа. Реализация юридическим институтом современных моделей образовательного процесса нацелены на достижение высокого качества юридического образования, обеспечения конкурентоспособности образовательных программ на рынке образовательных услуг, развитие системы дополнительного профессионального образования. Образовательный процесс находится в постоянном развитии, динамично

совершенствуясь. Инструментами повышения качества образования являются разработка и внедрение актуальных форм, новых стандартов и технологий обучения; открытие востребованных образовательных программ; разработка и использование электронного обучения и дистанционных образовательных технологий; развитие программ дополнительного образования; широкое привлечение работодателей к разработке образовательных программ и учебных курсов.

Юридический институт основной технологией формирования современного юриста представляет подготовку не только специалиста, но и личности обладающей профессиональными знаниями, умениями и навыками и высоким уровнем общесоциальной и правовой культуры.

Северо-Кавказский федеральный университет является единственным в Северо-Кавказском федеральном округе образовательным учреждением, имеющим в структуре юридического института кафедру правовой культуры и защиты прав человека, силами которой обеспечивается формирование правосознания, правового мышления и правовой культуры у студентов университета в рамках дисциплины «Правовая культура».

В структуре Юридического института функционирует семь кафедр, которые успешно реализуют образовательные программы по направлению подготовки «Юриспруденция» на всех ступенях высшего образования.

При этом на уровне бакалавриата реализуется 9 профилей: «Государственно-правовой», «Гражданско-правовой», «Международно-правовой», «Уголовно-правовой», «Правозащитная деятельность», «Финансово-правовой», «Правовая жизнь и юридическая деятельность», «Экологическое и природоресурсное право», «Информационно-правовой»; на уровне магистратуры – 10 магистерских программ: «Государственно-правовая политика, правотворчество, правореализация», «Гражданское право, семейное право, международное частное право», «Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право», «Правовое регулирование туристской деятельности», «Административное право, финансовое право», «Уголовное право и противодействие современной преступности», «Земельное право, природоресурсное право, энергетическое пра-

во», «Юрист в сфере корпоративного права», «Избирательное право и процесс в Российской Федерации», «Правоохранительная и право-защитная деятельность, прокурорский надзор, судебная власть». Магистерская программа «Уголовное право и противодействие современной преступности» осуществляется в сетевой форме совместно с Южным федеральным университетом, что позволяет студентам реально проявить академическую мобильность, обучаться у лучших педагогических и научных кадров обоих вузов.

Дальнейшее внедрение сетевой формы реализации образовательных программ с федеральными университетами, включая разработку новых образовательных программ и формирования электронного образовательного пространства путем реализации всех функций образовательного портала «Электронный Кампус Северо-Кавказского федерального университета» продолжает оставаться одной из приоритетных задач института. Сетевая форма реализации образовательных программ как новейшая инновационная разработка в образовательном процессе представляется перспективным, поскольку объединяет ресурсы участников, расширяя возможности вуза и обучающихся.

При подготовке новых образовательных программ институтом учитываются изменяющиеся запросы работодателей и изменения, происходящие на рынке труда региона. В 2013–2015 гг. были открыты новые образовательные программы высшего образования (5 новых профилей бакалавриата, 8 новых магистерских программ), что повышает конкурентоспособность университета на рынке образовательных услуг.

В юридическом институте имеется возможность получить ученую степень кандидата юридических наук, обучаясь в аспирантуре по семи профилям: «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве», «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право», «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право», «Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право», «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право», «Административное право; административный процесс», «Финансовое право; налоговое право; бюджетное право».

Кафедрой правовой культуры и защиты прав человека реализуется также магистерская программа «Правовое образование» по

направлению подготовки 44.04.01 «Педагогическое образование», которая позволяет повысить образовательный и научный уровень педагогическим работникам.

Все названные образовательные программы нацелены на формирование у студентов необходимого набора компетенций, соответствующих требованиям самостоятельно установленных образовательных стандартов Северо-Кавказского федерального университета, потребностям отраслевого рынка труда посредством усиления целевой подготовки студентов в соответствии с профилем подготовки или соответствующей магистерской программой.

В процессе обучения значительное внимание уделяется как дисциплинам общенаучного, так и дисциплинам профессионального цикла. Особенностью каждой образовательной программы является наличие обязательных профильных дисциплин и дисциплин по выбору, которые и составляют неповторимую специфику данных программ. При этом бакалавры осваивают пять обязательных профильных дисциплин, магистры – шесть, аспиранты – три. Учебные планы бакалавров и магистров содержат по пять блоков дисциплин по выбору, а план аспирантуры – два блока.

Следует отметить, что содержание образовательных программ характеризуется определенной динамичностью, ежегодно кафедры юридического института актуализируют их содержание и совершенствуют перечень профильных дисциплин и дисциплин по выбору, что в целом соответствует современным реалиям и положительно отражается на качестве подготовки обучающихся.

Юридический институт располагает учебным корпусом, который имеет современное техническое оснащение, мультимедийное оборудование, в ходе аудиторных занятий и во внеаудиторных мероприятиях преподаватели института достаточно широко используют наглядный презентационный материал. Реализуемые образовательные программы обеспечены также программными продуктами, справочными информационными системами и информационными и библиотечными ресурсами.

В образовательном процессе применяются электронные учебники и электронные курсы, разработанные профессорско-педагогическим составом института. Так, студентам юридического института доступны электронные учебники по дисциплинам «Информационное право», «Трудовое право», «Право социального обеспечения». Электронный курс «Правовая культура» размещен на сайте Северо-Кавказского

федерального университета, он адресован студентам иных направлений подготовки, осуществляемых в вузе. Студенты университета, изучающие дисциплину «Правоведение», также имеют возможность использовать в работе электронный учебник по данной дисциплине.

По всем дисциплинам и практикам разработаны учебно-методические материалы, способствующие высокому качеству подготовки обучающихся: рабочие программы, учебники, учебные пособия, методические указания для проведения практических занятий, методические указания к самостоятельной работе студентов, фонды оценочных средств для проведения текущей, промежуточной и итоговой аттестации. Ряд учебников опубликован в ведущих российских издательствах: в 2012 г. было издано пять учебников, в 2013 – пять, в 2014 – два, в 2015 – семь, в 2016 – четыре.

В аудиторной и внеаудиторной деятельности преподавателями института широко применяются такие активные и интерактивные методы и технологии, способствующие повышению качества образования в целом, как: проектное обучение, тренажеры-симуляторы (Криминалистический тренажер по следственному осмотру, Репродукционный тренажер, Криминалистический тренажер «Идентификация личности по сопутствующим (косвенным) признакам внешности»), дискуссии, деловые и ролевые игры, кейс-технологии, методы обучения в группах и другие.

Учебно-методические материалы, разработанные преподавателями юридического института, ежегодно получают высокую оценку в рамках общеуниверситетского конкурса учебно-методического обеспечения образовательных программ Северо-Кавказского федерального университета.

Какой видится перспектива развития одного из ведущих вузов Северо-Кавказского федерального округа, осуществляющих подготовку юристов? Главенствующая задача состоит

в формировании качественного контингента обучающихся, обладающих системными знаниями, высоким уровнем профессиональной юридической подготовки и правовым мышлением, востребованных на рынке труда, способных генерировать новые правовые знания и квалифицированно решать задачи правоприменительной практики, находящиеся в рамках их компетенции; выпускников - юристов, идентифицирующих себя как граждан Российской Федерации, патриотов, с высоким уровнем общекультурной компетентности и правового сознания.

Основными перспективными направлениями организации и развития образовательной деятельности являются:

1. Расширение сотрудничества с образовательными организациями России и ближнего зарубежья, в том числе путем реализации сетевых образовательных программ.

2. Актуализация содержания образовательных программ с учетом потребностей рынка труда региона, востребованности практических навыков, необходимых в профессиональной юридической деятельности, в том числе по запросам работодателей.

3. Совершенствование учебно-методических материалов преподаваемых дисциплин путем разработок электронных учебников и электронных курсов, увеличение количества изданных учебников и учебных пособий с грифами, активное привлечение практических работников, представителей профильных организаций в данную работу, публикация учебников с грифами за рубежом на иностранных языках.

4. Повышение качества оказываемых образовательных услуг путем прохождения профессорско-преподавательским составом института курсов повышения квалификации, дополнительного образования, стажировок в ведущих отечественных и зарубежных вузах и научных центрах.

УДК 347.4

Х. В. Идрисов

О ПРОБЛЕМНЫХ МОМЕНТАХ ФОРМУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИСТИКЕ

Вопросы виновности индивида, причин, обуславливающих виновное его поведение, а также негативные последствия этих процессов, являются предметом рассмотрения не только психологической и философской науки, но и, в не последнюю очередь, юриспруденции. Еще в период развитого римского права наличие вины в действиях человека придавалось особое значение и утвердилась в качестве аксиомы позиция, согласно которой «без вины нет ответственности», представляющая актуальность и по сей день. Не секрет, что исследование вопросов генезиса вины выявляет закономерность, состоящую в том, что она (вина) неразрывно связана с другой правовой категорией – ответственностью. Вопрос о понятии как гражданско-правовой ответственности, так и одного из ее элементов – вины, является предметом научных дискуссий в юридической литературе и на сегодняшний день. Исходя из данного

контекста, а также невозможности в рамках одной научной статьи отразить весь процесс генезиса, указанных выше проблемных категорий, статья посвящена исследованию юридических аспектов ответственности и ее элементов, сформировавшихся в гражданском праве советского периода. В рамках данной работы приводятся мнения ученых относительно подходов в формулировании ответственности, предлагаются новые дефиниции в результате правового анализа ответственности как юридической категории. Работа представляет собой дальнейшее развитие отдельных аспектов диссертационного исследования автора на тему «Вина как условие ответственности в российском гражданском праве».

Ключевые слова: вина, умысел и неосторожность, принцип причинения, принцип вины, ответственность, Гражданский кодекс.

H. V. Idrisov

ON CHALLENGING POINTS OF THE FORMULATION OF RESPONSIBILITY IN THE SOVIET CIVIL LAW

Questions of guilt of the individual, the reasons causing his guilty behavior and also negative consequences of these processes are a subject of consideration not only within the framework of psychological and philosophical science, but in law as well. In the period of the developed Roman Law particular importance was attached to existence of guilt in actions of a person and the position according to which «without guilt there is no responsibility», the representing relevance to this day was approved as an axiom. It is no secret that the research of questions of genesis of guilt reveals the regularity consisting that it (guilt) is inseparably linked with other legal category – responsibility. The question of a concept both civil responsibility, and one of its elements – guilt, is a subject of scientific discussions in present-day le-

gal sources. Proceeding from this context and also impossibility within one scientific article to reflect all process of genesis, the problem categories stated above, the article studies legal aspects of responsibility and its elements created in civil law of the Soviet period. Within this work opinions of scientists concerning approaches in formulation of responsibility are given, new definitions as a result of the legal analysis of responsibility as legal category are offered. The work represents further development of single aspects of a dissertation research of the author on the subject «Guilt as a responsibility condition in the Russian civil law».

Key words: guilt, intention and imprudence, principle of causing, principle of guilt, responsibility, Civil code.

Проблемы юридической ответственности в целом, и гражданско-правовой ответственности в частности, оставались в фокусе научных исследований на всем протяжении прошлого века. Существующие положения в сфере применения гражданской ответственности, условий ее наступ-

ления, возможности наступления ответственности без вины, а также ее проблемные, противоречивые аспекты предполагали необходимость своего качественного решения с учетом того значения, которое это оказывает как на доктрину, так и на правоприменительную практику.

Вопросам гражданско-правовой ответственности и поискам путей их решения придавалось особое значение со стороны отечественных цивилистов еще в период первых кодификаций. В центре внимания этих проблемных исследований всегда находились следующие вопросы: что понимается под гражданско-правовой ответственностью, что является ее основанием, какие элементы можно отнести к условиям гражданско-правовой ответственности, являются ли основание и условие ответственности тождественными категориями в указанном контексте исследования? Данные вопросы представляли свою известную актуальность не только в прошлом, но и не утратили своего интереса, и на сегодняшний день в плане поиска новых подходов к формулировкам ответственности и ее элементов. Учитывая это, представляется немаловажным изучение сложившихся в прошлом мнений, подходов, дефиниций гражданско-правовой ответственности и ее элементов в целях понимания природы этого правового явления и предложения формулировки данного понятия.

Историческое развитие России после революции 1917 г. изменило сложившиеся общественные отношения. Это отразилось как на законодательстве, так и на доктрине в области гражданского права. В связи с тем, что советская идеология основывалась на утверждении, что товарно-денежные отношения – это элемент капиталистической системы, очень большое значение в научных исследованиях того времени придавалось доказыванию этой идеологической установки и непринятию достижений так называемого «буржуазного» гражданского права. И в противовес «буржуазному» гражданскому праву цивилисты того периода «ввели» в науку понятие «социалистическое» гражданское право (социалистическая собственность, социалистические отношения и т.д.). Несмотря на эти идеологические моменты, сопровождавшие в целом науку того периода, гражданское право все же продолжало развиваться.

Кодификация норм гражданского права началась в период начала становления советского государства. Как еще замечал О. С. Иоффе: «в процессе разработки ГК РСФСР 1922 г. и еще с большей настойчивостью вслед за его принятием ставится вопрос о том, что лежит в основе ответственности по советскому гражданскому праву – принцип вины или принцип причинения. Отдельные голоса в защиту принципа вины раздавались и в литературе 20-х годов с ориентацией главным образом на обяза-

тельства из причинения вреда, а иногда также на договорные обязательства» [4]. В последующем при подходах к вопросам ответственности принципу вины уделялось все больше и больше значения. Максимального же внимания принцип вины, которое сродни трактовке вины в уголовном праве, достиг в научных изысканиях советских цивилистов в середине прошлого века, получив свое законодательное закрепление. Между тем, в уголовном праве такое внимание к вине преступника продиктовано самой личностью правонарушителя, как общественно-опасного индивида, а в гражданском праве, точнее – гражданско-правовой ответственности, думается, что первостепенное значение все-таки имеет не личность, а негативный результат действий самого лица.

Легального определения ответственности в Гражданском кодексе РСФСР, принятом в 1922 г. (далее – ГК РСФСР от 1922 г.), не приводилось, хотя в качестве условного исключения можно обратиться к статье 118 Общей части раздела «Обязательственное право», указанного кодекса, которая приводила случаи освобождения от наступления гражданско-правовой ответственности. Так, согласно указанной статье «должник, поскольку иное не установлено законом или договором, освобождается от ответственности за неисполнение, если докажет, что невозможность исполнения обусловлена обстоятельством, которого он не мог предотвратить, либо создалась вследствие умысла или неосторожности кредитора» [9].

Вопросы регулирования последствий причинения вреда одним лицом другому были выделены в ГК РСФСР от 1922 г. в отдельный раздел XIII части «Обязательственное право» (ст. 403–415) и формулировались не как ответственность, а как обстоятельства, возникающие вследствие причинения вреда другому лицу. И в случае наличия таких обстоятельств, гражданский закон обязывал причинителя возместить причиненный вред личности или имуществу другого. Лицо освобождалось от обязанности возместить указанный вред, если могло доказать, что не в его силах было предотвращение вреда, либо что оно было управомочено на причинение вреда, либо что вред возник вследствие умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего (ст. 403). При этом гражданский закон приводил легальную дефиницию понятия убытков. Согласно статье 117 под убытком понимался как положительный ущерб в имуществе, так и упущенная выгода, возможная при обычных условиях оборота. Нормы о вине, как об условии наступления

ответственности ГК РСФСР от 1922 г. вообще не содержал.

Конечно же, отсутствие легального определения ответственности, как в ГК РСФСР от 1922 г., так и в последующих кодексах, дало почву для множества доктринальных походов в исследуемом вопросе.

Небезынтесной считалась точка зрения, согласно которой юридическая ответственность понималась как мера государственного принуждения, которая выражалась в отрицательных последствиях для правонарушителя [5, с. 318].

Во введенном в действие с 1 октября 1964 г. Гражданском кодексе РСФСР (далее – ГК РСФСР от 1964 г.) применение термина «ответственность» в законодательных нормах расширилось, однако его легальная дефиниция все так же отсутствовала. Если быть точным, то «дословно» об ответственности речь шла в следующих нормах ГК РСФСР от 1964 г.: ст. 32–36, в которых определялась ответственность юридического лица, и приводилось разграничение ответственности государства, государственных организаций; в статье 68, устанавливавшей ответственность в случае передоверия; в статье 128 речь шла об ответственности колхозного двора по обязательствам его членов; в статье 187 говорилось об ответственности в виде неустойки и возможности освобождения от нее в рамках применения статьи 222; статьи 204 и 212 устанавливали ответственность поручителя и кредитора, уступившего требование.

В отдельную главу 19 была выделена глава кодекса, регулировавшая ответственность за нарушение обязательств. Так, статья 219 ГК РСФСР от 1964 года устанавливала, что должник обязан был возместить кредитору причиненные убытки в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения им обязательства. При этом в данной статье приводилось определение убытков, отличное от такового в ГК РСФСР от 1922 г., а именно: «под убытками понимаются расходы, произведенные кредитором, утрата или повреждение его имущества, а также не полученные кредитором доходы, которые он получил бы, если бы обязательство было исполнено должником». Именно данная формулировка понятия убытков впоследствии «перекочевала» в действующий Гражданский кодекс. К тому же очень важным с точки зрения исследования гражданско-правовой ответственности и легального закрепления некоторых ее условий являлось то, что впервые легальное закрепление получил принцип

«вины» в статье 222 ГК РСФСР от 1964 г.: «Лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет имущественную ответственность лишь при наличии вины (умысла или неосторожности)...» [2].

Дальнейший анализ статей ГК РСФСР от 1964 г. в рамках исследования применения понятия ответственности в законодательных нормах показывает, что об ответственности в основном речь шла за неисполнение или ненадлежащее исполнение отдельных видов гражданско-правовых договоров, которые на тот момент еще не были выделены в отдельную часть кодекса, в отличие от действующего ныне Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ, ГК).

Само собой принятие в 60-х гг. прошлого века второго и последнего Гражданского кодекса советского государства дало новый импульс в исследовании вопросов ответственности и ее элементов в науке гражданского права.

В 1970 г. выходит книга Г. К. Матвеева, посвященная исследованию оснований гражданско-правовой ответственности [8]. Работа вызвала неоднозначную реакцию цивилистов того времени и это, не только по нашему мнению, было закономерно. Как считал Г. К. Матвеев «наличие состава гражданского правонарушения общее и, как правило, единственное основание гражданско-правовой ответственности. Иначе говоря, состав правонарушения является тем фактом, который порождает правоотношение между правонарушителем и потерпевшим и создает определенные притязания потерпевшего и обязанности нарушителя по заглаживанию ущерба, причиненного противоправным действием» [8, с. 5]. Применительно к основаниям ответственности Г. К. Матвеев имел точку зрения, что существуют субъективные и объективные основания ответственности в гражданском праве [8, с. 10–13]. Ситуации же, когда возможна ответственность при отсутствии субъективного основания – вины, Г. К. Матвеевым как ответственность не рассматривались, то есть в таких случаях ученый говорил об обязанности возместить причиненный вред, не имея ввиду под этим, гражданско-правовую ответственность в полном смысле этого слова. Однако результаты классических исследований вопросов сущности гражданско-правовой ответственности идут вразрез с мнением Г. К. Матвеева и обязанность возместить причиненный вред считается ничем иным, кроме как необходимым элементом гражданско-правовой ответственности.

О. С. Иоффе в рамках уточнения выдвинутого им ранее определения относительно уже

гражданско-правовой ответственности замечал, что «гражданско-правовая ответственность есть санкция за правонарушение, вызывающая для правонарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей» [3, с. 97].

Весьма неоднозначное определение ответственности, в контексте ее перспективной составляющей, выдвинул в 70-х гг. прошлого века В. А. Тархов утверждая, что «ответственность – регулируемая правом обязанность дать отчет в своих действиях» [11, с. 11]. Не слишком вдаваясь в подробности данного подхода формулирования ответственности подчеркнем, что такая характеристика ответственности подверглась немалой критике в научной среде.

Весомый вклад внес изучению в целом вопросов юридической ответственности и С. Н. Братусь. Ответственность, по его мнению, выражалась в следующей формулировке: «юридическая ответственность есть исполнение обязанности на основе государственного или приравненного к нему общественного принуждения. Принуждение составляет основу ответственности. Где нет принуждения – там нет и ответственности» [1, с. 85]. Трудно не согласиться с таким подходом, так как природа самого человека предполагает реализацию ответственности только через определенное принуждение, понуждение его к действиям, которые он, как правило, по большей части добровольно не совершает. Альтернативы в качестве другого инструментария, кроме как принуждение, и на сегодняшний день все еще не видится. Однако, что не бесспорно, ученый не отождествляет юридическую ответственность с принуждением. Как далее продолжает С. Н. Братусь: «юридическая ответственность – это не сам по себе акт принуждения, а опосредованное им исполнение обязанности. Это ее исполнение в состоянии принуждения. Принуждение, вытекающее из юрисдикционного акта, обеспечивает самое главное – исполнение обязанности» [1, с. 94–95].

Об ответственности как юридической категории высказывался и О. Э. Лейст. Он характеризовал ответственность как реализацию санкции правовой нормы [6, с. 97]. Не входя в подробное обсуждение данной характеристики, заметим, что определение, приводимое автором, по мнению некоторых цивилистов, страдает научной узостью.

Середина 80-х гг. прошлого века ознаменовалась не только началом конца периода советской цивилистики, но и советской эпохи в

целом. В это время выходит ряд научных работ, посвященных исследованию юридической ответственности. Среди них следует отметить исследование вопросов гражданско-правовой ответственности О. А. Красавчиковым, который определял ее сущность «как установленную законом неотвратимую негативную реакцию государства на гражданское правонарушение, выражающуюся в лишении определенных гражданских прав или возложении внеэквивалентных обязанностей имущественного характера» [10]. Об юридической ответственности высказывался и Н. С. Малеин: «Юридическую ответственность можно охарактеризовать, по крайней мере, тремя присущими ей признаками: возложением на правонарушителя неблагоприятных отрицательных для него последствий, осуждением противоправного виновного поведения правонарушителя и государственно-правовым принуждением. В основу понимания сущности ответственности может быть положен тезис о том, что наказание – есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушения условий его существования, каковы бы ни были эти условия. Наказание – это и есть ответственность. Сущность ответственности, ее неотъемлемый признак состоит в наказании, каре правонарушителя» [7, с. 19]. Как далее отмечает Н. С. Малеин относительно имущественной ответственности: «Имущественная ответственность – это правоотношение, возникающее из нарушения обязанности, установленной законом или договором, выражающееся в форме невыгодных для правонарушителя, из-за осуждения его виновного поведения, имущественных последствий, наступление которых обеспечивается возможностью государственного принуждения» [7, с. 19].

Касательно элементов ответственности, то проведенный анализ действовавших в этот период кодексов, позволяет заключить, что такие условия ответственности, как противоправность и причинно-следственная связь между противоправным деянием и наступившим негативным результатом кодексы от 1922 и 1964 гг. не формулировали. Наряду с этим, понятие об убытках (в разных редакциях) содержалось в обоих кодексах и, что немаловажно, впервые легальное закрепление получил принцип «вины» (в ГК РСФСР от 1964 г.). Само же определение вины как необходимого элемента ответственности в гражданском законодательстве советского периода не приводилось.

Как показывает исследование проблем ответственности в гражданско-правовой доктрине и законодательстве советского периода в

вопросе определения гражданско-правовой ответственности не было единого мнения, и это закономерно в свете отсутствия легального закрепления данной юридической категории. Вместе с тем у ученых, исследовавших вопросы ответственности (в том числе и гражданской), прослеживаются общие позиции, которые присутствуют в большинстве приводимых формулировок данного понятия. И такие позиции сосредоточены в таких юридических понятиях, как «государственное принуждение», «санкции для правонарушителя».

Учитывая вышеуказанные позиции, и выявленные закономерные моменты в подходах к определению ответственности, сформировавшихся в период советской цивилистики, гражданско-правовую ответственность можно определить как разновидность юридической ответственности, которая выражается в государственном принуждении в виде применения либо угрозы применения санкций к правонарушителю вследствие нарушения им гражданско-правовых норм.

Литература

1. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1976. 216 с.
2. Гражданский кодекс РСФСР от 1964г. (статья 222) // Справочно-правовая система «Консультант ПЛЮС» // URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 01.03.2017).
3. Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. 880 с.
4. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». URL: <http://lawdiss.org.ua/books/a1543.doc.html> (Дата обращения: 01.03.2017).
5. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
6. Лейст О. Санкции и ответственность по советскому праву. М.: МГУ, 1981. 240 с.
7. Малеин Н. С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М.: Наука, 1968. 207 с.
8. Матвеев Г. К. Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юридическая литература, 1970. 312 с.
9. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским кодексом РСФСР») // Справочно-правовая система «Консультант ПЛЮС». URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 01.03.2017).
10. Советское гражданское право: Учебник. В 2-х томах. Т. 1 / Илларионова Т. И., Кириллова М. Я., Красавчиков О. А. и др.: под ред. О. А. Красавчикова. М.: Высшая школа, 1985. 544 с.
11. Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов: СГУ, 1973. 456 с.

References

1. Bratus' S. N. Yuridicheskaya otvetstvennost' i zakonnost' (*Legal responsibility and legality*). Moscow: Yuridicheskaya literatura. 1976. 216 p. (In Russian).
2. Grazhdanskiy kodeks RSFSR ot 1964g. (stat'ya 222) // (*The Civil Code of the RSFSR of 1964 (article 222)*) // Legal-reference system «Consultant PLUS». URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 01.03.2017). (In Russian).
3. Ioffe O. S. Obyazatel'stvennoe pravo (*Liability law*). Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1975. 880 p. (In Russian).
4. Ioffe O. S. Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu: Iz istorii tsivilisticheskoi mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «khozyaistvennogo prava» (*The chosen works on civil law: From history of a civil thought. Civil legal relationship. Critic of the theory of «the economic right»*). URL: <http://lawdiss.org.ua/books/a1543.doc.html> (Accessed: 01.03.2017) (In Russian).
5. Ioffe O. S., Shargorodskii M. D. Voprosy teorii prava (*Questions of the theory of the right*). Moscow: Gosjurizdat, 1961. 381 p. (In Russian).
6. Leist O. Sanktsii i otvetstvennost' po sovetскому pravu (*Sanctions and responsibility by the Soviet right*). Moscow: MSU publ., 1981. 240 p. (In Russian).
7. Malein N. S. Imushchestvennaya otvetstvennost' v khozyaistvennykh otnosheniyakh (*Property responsibility in the economic relations*). Moscow: Nauka, 1968. 207 p. (In Russian).
8. Matveev G. K. Osnovaniya grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti (*Bases of civil responsibility*). Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1970. 312 p. (In Russian).
9. Postanovlenie VTsIK ot 11.11.1922 «O vvedenii v deistvie Grazhdanskogo kodeksa RSFSR» (vmeste s «Grazhdanskim kodeksom R.S.F.S.R.») (*The resolution of VTsIK of 11.11.1922 «On enforcement of the Civil Code of the RSFSR» (together with «The civil code of R.S.F.S.R.»)*) // Legal-reference system «Consultant PLUS». URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed: 01.03.2017). (In Russian).
10. Sovetskoye grazhdanskoye pravo: Uchebnik (*Soviet civil law: Textbook*). In 2 volumes. T. 1 / Illarionov T. I., Kirillova M. Y., Krasavchikov O. A., etc.: ed by O. A. Krasavchikov). Moscow: Visshaya shkola, 1985. 544 p. (In Russian).
11. Tarkhov V. A. Otvetstvennost' po sovetскому grazhdanskomu pravu (*Responsibility on the Soviet civil law*). Saratov: SSU publ., 1973. 456 p. (In Russian).

УДК 343

П. А. Истомина

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ К ЛИЦАМ, СОДЕРЖАЩИМСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ДОКЛАДОВ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ)

Лишение свободы во всём мире считается самым строгим наказанием за совершение преступлений. Причём, если и говорится в целом о гуманизации российского уголовного законодательства, исключении из него назначения судами такого вида наказания, как смертная казнь, то практика исполнения наказания в виде лишения свободы на определённый срок зачастую свидетельствует о том, что заключённые в большинстве своём отбывают его «от звонка до звонка». В статье рассматриваются проблемы исполнения на практике как в России в целом, так и в Ставропольском крае, одного из институтов уголовного права – освобождения от наказания и, в частности, условно-досрочное освобождение (УДО) от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы. Судебная практика по предоставлению условно-досрочного освобождения свидетельствует о том, что суды, несмотря на оправдан-

ность такой меры, как проявление гуманизма по отношению к оступившимся гражданам со стороны государства, предоставленное им законом право по разным обстоятельствам (даже прямо указанным в законе), не освобождают заключённых из мест лишения свободы. К УДО призывает и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №8 от 21 апреля 2009 г. «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (с внесёнными последующими изменениями). Приводится статистика по данному виду освобождения от наказания, проводится критический её анализ.

Ключевые слова: цели наказания, освобождение от наказания, условно-досрочное освобождение от наказания, лишение свободы, ходатайство администрации ИУ, решение суда об УДО.

P. A. Istomin

PROBLEMS OF PRACTICAL APPLICATION OF EARLY PAROLE FOR PERSONS HELD IN PLACES OF CONFINEMENT (ON MATERIALS OF REPORTS OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN STAVROPOL REGION)

In the world, the confinement to imprisonment is considered the most severe punishment for crimes. In general the humanization of Russian criminal legislation is proclaimed, namely the exclusion of the courts of the purpose of such punishment as the death penalty, still the practice of punishment in form of imprisonment for a fixed term often suggests that the majority of prisoners leave it «from start to finish». The article discusses the issues of enforcement practice in Russia in general and in the Stavropol region in particular, one of the institutions of criminal law, release from punishment and, in particular, early parole (UDO) from further punishment in form of imprisonment. Judicial practice on granting parole suggests that the courts, despite the rationale of this measure as a manifes-

tation of humanity in relation to the stumbled citizens with the moans of the state, granted by the law for various reasons (even directly specified in the law), do not release the prisoners from the prison. Parole is encouraged by the resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 8 of April 21, 2009 «On judicial practice of early parole from punishment serving, replacement of the unserved part of punishment by softer kind of punishment» (with subsequent amendments made). Statistics on this type of release from punishment is provided, critical analysis is made.

Key words: the purpose of punishment, exemption from punishment on parole, imprisonment, the petition of the administration of the correctional institution, the court's decision on parole.

Институт освобождения от наказания в науке уголовного права в нескольких его формах

известен с давних пор и широко применяется в развитых странах Запада. Он доказал свою

жизнеспособность и право на существование, несмотря на критику отдельных положений и ошибки в практике применения. Статьей 79 об условно-досрочном освобождении (УДО) от отбывания наказания начинается Глава 12 «Освобождение от наказания» действующего Уголовного кодекса РФ. Здесь, кроме условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), отмечены также замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ) и др.. На практике наиболее часто проблемы возникают именно при решении вопроса об освобождении от наказания по УДО, на что надеются многие осуждённые к лишению свободы.

С. И. Никулин, отмечая необходимость УДО в уголовном праве, отмечает развитие человеческой жизни и необходимость проявления гуманности по отношению к соотечественникам со стороны работников правоохранительных органов. Он считает, что необходимо доверять осуждённым и, поддерживая всяческими мерами ростки наметившихся положительных изменений в личности осуждённого во избежание озлобления к окружающим, потери веры в себя и других, ослабления иммунитета от влияния злостных преступников. В итоге цели наказания, как он считает, не будут достигнуты, а лицо после отбытия наказания может представлять даже большую потенциальную опасность для общества, чем это имело место до его осуждения» [5, с. 363].

Здесь, рассуждая с точки зрения государственной и уголовно-исполнительной политики, можно сказать не только о достижении целей уголовного наказания, но и об экономии применения уголовной репрессии, первой из которых является восстановление социальной справедливости. Если осуждённый (как правило, это касается мужчин) имеет семью, поддерживает необходимые связи с ней и к ней стремится, то почему бы руководству ИК и суду не пойти ему навстречу, проявить доверие к его устоявшимся положительным качествам, и освободить его условно-досрочно. Особо учитывая при этом отсутствие у него нарушений дисциплины, стремление к повышению им своего образовательного уровня и рабочей квалификации, первую судимость за совершение преступления, даже отнесённого к категории тяжких. В современных экономических условиях не последнюю роль играет и реальное возмещение причинённого ущерба, как потерпевшим, так и государству, вплоть до уплаты необходимых сумм его родственниками, которые как бы соглашаются с этим бременем и бе-

рут на себя ответственность за положительное его поведение впредь. И, конечно, при соблюдении необходимых требований, указанных в нормах Уголовного закона. Хотя практика применения УДО свидетельствует и о том, что зачастую причинённый осуждённым ущерб не возмещается, а, если и возмещается, то не в полном объёме. Не следует забывать и о том, что физический закон И. Ньютона о действии и о противодействии работает и в обществе: чем сильнее и жёстче общество наказывает провинившегося, тем сильнее и более жестоко он будет мстить любому представителю этого общества, изолировавшего его в пенитенциарное учреждение, со всеми его законами, независимо от того, мужчина это или женщина, подросток или престарелый.

В действующем уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, в Постановлениях Пленумов Верховного Суда России неоднократно отмечается необходимость при назначении наказания учитывать не только характер и степень общественной опасности содеянного, рецидив преступлений, личность самого виновного, но интересы семьи. Это, на наш взгляд, верно по многим причинам. Человек, привлекаемый к уголовной ответственности и наказанию в виде лишения свободы, не только изолируется из привычной среды, теряет с детства нажитые связи с коллективом, товарищами, соседями, трудовые навыки и квалификацию по специальности, но и основы элементарной ответственности перед своими самыми близкими родственниками: отцом, матерью, женой, детьми. Особенно это касается последних, так как он с годами, проведёнными вне семьи, постепенно утрачивает перед ней и свою власть и свой авторитет, как родитель и как воспитатель, и становится «отрезанным ломтем». Правила поведения в тюрьме и отношения между заключёнными не слишком изменились с того времени, как их описал в «Записках из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевский. В древности, ещё до возникновения писаных законов, самым строгим наказанием было изгнание из рода, из общества. Сейчас применение лишения свободы, извлечение осуждённого из привычной среды является почти тем же самым изгнанием со всеми вытекающими последствиями.

В настоящее время волю народа представляет уголовное законодательство со всеми его специфическими отраслями: уголовным, процессуальным, уголовно-исполнительным. Орудие это наиболее строгое, жёсткое и, надо прямо сказать, малоуманное. Не случайно в

исправительных учреждениях ещё в советское время родилась поговорка: «Будь проклят тот от века и до века, кто тюрьмой решил исправить человека». Люди, призванные применять нормы уголовного и уголовно-исполнительного закона, в силу самых разных причин (загруженность по работе, профессиональная деформация, выполнение дополнительных обязанностей, постоянный цейтнот, заложенное в сознании недоверие к преступникам и пр.) далеко не всегда могут по достоинству оценить личные, душевные качества индивидуально каждого осуждённого.

Практика тяжело идущего и недостаточно часто применяемого условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы характерна как для России в целом, так и для Ставропольского края, в частности. Хотя на соблюдение Закона нацеливает правоприменителей и Постановление Пленума Верховного Суда России №8 от 21 апреля 2009 г. «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» с изменениями от 17 ноября 2015 г., где прямо указано: «Характер и степень общественной опасности совершённого осуждённым преступления, в том числе его тяжесть и последствия, не могут являться основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства или представления, поскольку они служат критериями для установления сроков, указанных в статьях 79, 80 и 93 УК РФ, а также учтены судом в приговоре при назначении наказания осуждённому. При оценке в соответствии с частью 4 статьи 79 и частью 4 статьи 80 УК РФ поведения осуждённого, его отношения к учёбе и труду, если он проходил профессиональное обучение и (или) привлекался к труду в период отбывания наказания, судам необходимо принимать во внимание всю совокупность имеющихся об этом сведений» [4].

Проблемы условно-досрочного освобождения от наказания в виде лишения свободы и связанные с этим вопросы в настоящее время неоднократно раскрывались как в отдельных статьях, так и в научных исследованиях. Разным их аспектам посвятили свои диссертации Воронин О. В., Долгополов Д. В., Долотов Р. О., Плюснин А. М., Усманов И. М., Чуприна Л. В., Щерба Д. А. и др.

Так, по мнению А. А. Рыбакова, рассматривавшем в своём исследовании разные аспекты контроля за лицами, условно-досрочно освобождёнными от отбывания наказания, «данный вид досрочного освобождения является

наиболее распространённым, насчитывающим более, чем столетнюю историю применения в деятельности правоохранительных органов». Ссылаясь на статистику ФСИН РФ, он отмечает, что только в 2009 г. судами РФ было рассмотрено 205 тысяч представлений об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, удовлетворено 121,6 тыс. ходатайств; 2010 г. – уже 207 тыс., удовлетворено 118,6 тыс.; 2011 г. – 190,8 тыс. и 107,5 тыс., 2012 г. – 174,8 тыс. и 90 тыс., 2013 г. – 142,1 тыс. и 65 тыс. соответственно. [6, с. 3] То есть, удовлетворяется по стране около 50 % ходатайств об условно-досрочном освобождении.

Говоря о многочисленных проблемах, стоящих перед администрациями исправительных учреждений, входящими с представлениями об УДО и судами, рассматривающими ходатайства, он отмечает и относительно высокие цифры о судимости у заключённых. По сведениям Федеральной службы исполнения наказания в России в 2010 г. – 34,68 % от общего числа осуждённых были осуждены впервые, 26,92 % – повторно, 26, 56 % – три и более раз» [6, с.4].

А. М. Плюснин, отмечая проблемы реализации на основании закона условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, предлагает осуществлять эту работу с учётом опыта, получившего распространение ещё в 20-е гг. XX века. В некоторых странах Запада, США и Японии достаточно эффективно стимулируют законопослушание заключённых не только при отбывании ими наказания в пенитенциарных учреждениях, но и после освобождения» [3, с. 7].

Ряд современных пенитенциаристов выступает за закрепление в законодательстве такого положения, согласно которому осуждённый может претендовать на условно-досрочное освобождение только после отбытия им минимум шестимесячного срока именно в исправительной колонии. Обосновывают своё мнение они тем, что работникам ИУ необходимо не просто изучить личность осуждённого, но и создать своё мнение о его исправлении или неисправлении, положительных или отрицательных его качествах. Сделать же это за короткое время практически невозможно [1, с. 136]

Ранее об этой проблеме говорил и А. Кропачев, который считал, что нельзя вести речь об отбывании назначенного судом наказания до вступления приговора в законную силу. Более того, фактическое отбытие осуждённым назначенного судом срока наказания – это период срока наказания после вступления приговора в законную силу, отбытый осуждённым в порядке, установленном Уголовным кодексом» [2, с. 23].

Согласно исследованиям А. А. Рыбакова, а также последним статистическим данным ФСИН РФ, практически половина поданных осуждёнными ходатайств об условно-досрочном освобождении остаются без рассмотрения и без удовлетворения. Очень многие осуждённые, имеющие право на ходатайство об УДО, его не подают, не надеясь на его положительное разрешение. Основаниями для отказа являются самые разные основания, порой даже в законе и не указанные. И практика эта отмечается по всей России.

Несправедливый с точки зрения осуждённого отказ суда в УДО, влечёт за собой его обжалование, как в вышестоящий суд, так и обращение к Уполномоченному по правам человека в регионе. Такие факты нередки в практике Уполномоченного по правам человека в Ставропольском крае, который отмечает их в своих ежегодных докладах. Так, в Докладе за 2013 г. было отмечено, что, несмотря на положения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. №8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», суды встали на путь резкого сокращения применения условно-досрочного освобождения к осуждённым, которые не только положительно себя зарекомендовали в коллективе, но и твёрдо стали на путь исправления. В 2008 г. судами условно-досрочно было освобождено 3431 человек, или 85,5 % от числа подавших ходатайства, в 2009 г. суды освободили 1748 чел. (54,5 %), в 2010 г. освободили 1025 чел. (33 %), в 2011 г. по УДО было освобождено 588 человек (25 %), а в 2012 г. – всего 489 чел. (33 %) [7, с. 79]. То есть в своей практике суды стали применять условно-досрочное освобождение от отбывания наказания прямо вопреки положениям указанного Пленума Верховного Суда России, снижая тем самым количество освобождаемых, подавших ходатайство осуждённых, безмотивно оставляя их в местах заключения, где они в силу созданных для них обстоятельств, продолжают «совершенствовать» своё преступное мастерство.

Не изменилась в лучшую сторону практика по предоставлению условно-досрочного освобождения и в последующие годы. Всё это ведёт к увеличению обоснованных жалоб осуждённых, которые имели все основания для освобождения и возвращения в семьи, в трудовые коллективы, отвращения их от преступных наклонностей. Так, по данным УФСИН Ставропольского края, в 2015 г. в соответствии

с действующим законодательством право на УДО приобрели 3605 осуждённых. Однако только 1573 человека, или примерно каждый второй из них, попробовали воспользоваться этим правом и обратились с ходатайством в суд по месту отбывания наказания. Удовлетворено было только 564 таких ходатайства, или 35,5 % от числа поданных в суд заявлений, или 15,6 % от общего числа заключённых, которые своим поведением и отношением к труду, в соответствии с законом приобрели право на УДО. Суды при отказе в удовлетворении ходатайства об УДО стандартно продолжают ссылаться в основном на тяжесть совершённого преступления, несмотря на то, что 382 осуждённых, положительно характеризовались администрацией исправительного учреждения [8, с. 73].

Практически не изменилась картина и в 2016 г. На УДО в крае претендовали 4179 осуждённых. 1925 осуждённых своевременно подали соответствующие ходатайства в суд. 996 (то есть, практически половине) осуждённым судами было отказано в применении условно-досрочного освобождения, из них с положительной характеристикой 498 (почти 50% от тех, кому отказал суд) [9, с. 61].

Уполномоченный по правам человека в Ставропольском крае констатирует, что районные суды не выполняют требования Пленума Верховного Суда России об УДО, отказывают осуждённым в освобождении, несмотря на то, что у большинства из них отсутствуют нарушения отбывания режима, они активно работают и возмещают причинённый ущерб, поддерживают связь с семьёй, имеют не одно поощрение за безупречное поведение, добросовестный труд, общественную работу и т.д. Таким образом, суды намеренно игнорируют все те обстоятельства, которые объективно свидетельствуют о том, сделал ли осуждённый вывод из содеянного правонарушения и не повторит ли он его вновь» [7, с. 79].

Подводя итог вышесказанному, с учётом социально-экономической обстановки в стране, можно предложить судам всё-таки более тщательно рассматривать поддержанные администрацией исправительного учреждения ходатайства заключённых о применении к ним условно-досрочного освобождения. Необходимо также без оглядки на последствия, выполнять практически указания Верховного Суда Российской Федерации и лишний раз не перестраховываться, вызывая не только у осуждённых, но и у окружающих чувство несправедливости по отношению к ним со стороны

работников правоохранительных органов, безысходности положения, тупиковости ситуации и бесполезности ходатайств. Люди, преступившие закон, как правило, более требовательны к его соблюдению теми, кто этот закон соблюдает и применяет. Особенно, если это касается их жизненных интересов и прав. Отказ в проявлении гуманизма на государственном уровне в отношении оступившихся граждан при вынесении судебного решения об УДО (даже на

законном основании), имеет много отрицательных последствий для всего общества. Во-первых, он ожесточает самого осуждённого и его временное окружение, а, во-вторых, подрывает авторитет судебной власти в обществе, где обычно в её решениях ищут реализации справедливости и законности. Не на последнем месте здесь идёт и реализация на практике принципа гуманизма.

Литература

1. Василенко-Захарова О. В. Формальные основания применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Пробелы в российском законодательстве. 2012. №5. С.136.
2. Кропачев А. Когда возникает право осуждённых на условно-досрочное освобождение // Законность. 2003. № 9. С.23.
3. Плюснин А.М. Организационно-правовые вопросы условно-досрочного освобождения осуждённых к лишению свободы: автореф. ... дисс. канд. юр. наук. М.: Академия Управления МВД РФ, 2005. 25 с.
4. Российская газета. 2015. 30 ноября.
5. Российское уголовное право. Общая часть. Учебник / под ред. проф. А.В. Наумова. М.: МВШМ МВД России, 1994. 457 с.
6. Рыбаков А. А. Контроль за лицами, условно-досрочно освобождёнными от отбывания наказания: автореф. ... дисс. канд. юр. наук. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 26 с.
7. Селюков А. И. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Ставропольском крае в 2013 году. Ставрополь: [б.и.], 2014. 123 с.
8. Селюков А. И. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Ставропольском крае в 2015 году. Ставрополь: [б.и.], 2016. 156 с.
9. Селюков А. И. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Ставропольском крае в 2016 году. Ставрополь: [б.и.], 2017. 145 с.

References

1. Vasilenko-Zakharova O. V. Formal'nye osnovaniya primeneniya uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya (*Formal basis of application early parole*) // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve (Gaps in Russian legislation). 2012. No. 5. P. 136. (In Russian).
2. Kropachev A. Formal'nye osnovaniya primeneniya uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya (*When there is a right of prisoners on parole*) // Zakonnost'. 2003. No. 9. P. 23. (In Russian).
3. Plyusnin A. M. Organizatsionno-pravovye voprosy uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody (*Organizational and legal issues of conditional early release of persons convicted to deprivation of liberty*): abstract of thesis. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2005. P.25. (In Russian).
4. Rossiyskaya Gazeta. 2015. 30 November. (In Russian).
5. Russian criminal law. The common part. Tutorial / ed by A. V. Naumov, Moscow: Ministry of Internal Affairs of Russia, 1994. 457 p. (In Russian).
6. Rybakov A. A. Monitoring of persons released on parole from serving a sentence (*Kontrol' za litsami, uslovno-dosrochno osvobozhdennymi ot otbyvaniya nakazaniya*). M.: The Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2015. 26 p. (In Russian).
7. Selyukov A. I. Doklad o deyatelnosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Stavropol'skom krae v 2013 godu (*Report on the activities of the Commissioner for human rights in Stavropol region in 2013*). Stavropol, 2014. 123 p. (In Russian).
8. Selyukov A. I. Doklad o deyatelnosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Stavropol'skom krae v 2015 godu (*Report on the activities of the Commissioner for human rights in Stavropol region in 2015*). Stavropol, 2016. 156 p. (In Russian).
9. Selyukov A. I. Doklad o deyatelnosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Stavropol'skom krae v 2016 godu (*Report on the activities of the Commissioner for human rights in Stavropol region in 2016*). Stavropol, 2017. 145 p. (In Russian).

УДК 340.11

И. Н. Ключковская, О. В. Борисова

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОТВОРЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В настоящее время сформирована значительная законодательная база Российской Федерации и субъектов Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции. Вместе с тем реализация законодательства в данной сфере выявляет определенные проблемы правоприменения и содержания норм Федерального закона «О противодействии коррупции», указов Президента Российской Федерации и других нормативных правовых актов. Проблемы и недостатки правового регулирования отдельных направлений противодействия коррупции способствуют снижению эффективности проводимой государством антикоррупционной политики в целом.

Наличие указанных проблем приводит к различной практике формирования антикоррупционной политики в различных субъектах Российской Федерации. В данном аспекте в настоящей статье рассмотрены и некоторые вопросы практики правового регулирования института предупреждения коррупционных правонарушений на государственной гражданской службе и муниципальной службе в различных субъектах Российской Федерации,

управомоченных самостоятельно принимать законодательные акты в сфере противодействия коррупции. Так, например, в Ставропольском крае принято шесть законов Ставропольского края, предусматривающих отдельные меры по предупреждению коррупции. Кроме того, сформирована значительная нормативная база подзаконных правовых актов Ставропольского края. В январе 2017 г. Правительством Ставропольского края утверждена Программа противодействия коррупции в Ставропольском крае на 2017–2020 гг.

В настоящей статье предлагается ряд поправок в действующее законодательство Российской Федерации, направленных на совершенствование правового регулирования в сфере противодействия коррупции в системе государственного и муниципального управления.

Ключевые слова: государственная политика, антикоррупционная политика, правотворчество, законодательство, противодействие коррупции, органы государственной власти, органы местного самоуправления.

I. N. Klyukovskaya, O. V. Borisova

EFFICIENCY OF THE LAW-MAKING DIRECTION OF ANTI-CORRUPTION POLICY: EVALUATION CRITERIA, PROBLEMS OF REALIZATION AND DIRECTION OF IMPROVEMENT

Now a considerable legislative base of the Russian Federation and subjects of the Russian Federation concerning anti-corruption is created. At the same time the implementation of the legislation in this sphere reveals certain problems of law enforcement and content of standards of the Federal law «On anti-corruption», decrees of the President of the Russian Federation and other regulations. Problems and shortcomings of legal regulation of the separate directions of anti-corruption promote decrease in efficiency of the anti-corruption policy pursued by the state in general.

The presence of these problems leads to various the practices in forming anti-corruption policy in the constituent entities of the Russian Federation. The article considers this aspect and some practice questions related to the legal regulation of the prevention of corruption offenses in the civil service and

municipal service in various regions of the Russian Federation empowered to make their own legislative acts in the sphere of counteraction of corruption. For example, in the Stavropol region six laws of the Stavropol territory, providing separate measures for the prevention of corruption, were adopted. In addition, a significant regulatory framework regulations of the Stavropol Krai. In January 2017 the Government of Stavropol Krai approved the Program of counteraction to corruption in Stavropol Krai in 2017–2020.

In the present article a number of the amendments to the current legislation of the Russian Federation directed to improvement of legal regulation in the sphere of anti-corruption in system of the public and municipal administration is proposed.

Key words: state policy, anti-corruption policy, law-making, legislation, anti-corruption, public authorities, local governments.

Ключевым положением правотворческого направления антикоррупционной политики является конституционное требование о взаимодействии государства в лице его государственных органов и граждан в целях обеспечения интересов личности и общества (статья 2, часть 1 статьи 7, статья 18 Конституции Российской Федерации). Эффективность правотворческого процесса в антикоррупционной сфере видится в следующих критериях:

- повышение качества нормативного правового регулирования посредством разработки и принятия нормативных правовых актов, а также сохранения законной силы ранее принятых нормативных правовых актов;

- своевременность внесения изменений и дополнений в нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения, имеющие значение для реализации антикоррупционной политики;

- согласованность концепций подзаконных правовых актов государственных органов исполнительной власти, в том числе локальных нормативных правовых актов, принимаемых министерствами, ведомствами, и федерально-законодательного регулирования.

В юридической литературе учеными и практиками отмечается важность следующего обстоятельства, существенного для понимания отношений граждан с должностными лицами, прежде всего представляющими исполнительную власть. Так, в частности, отмечается сложность и противоречивость действующего сегодня законодательства Российской Федерации. В связи с этим часто на практике основным толкователем закона выступает чиновное лицо, которое во многих случаях не только трактует закон в свою пользу, но и делает коррупционную сделку единственно возможной для обычного гражданина или представителя бизнеса. Отельные вопросы вызывают также так называемые законы-пожелания, которые издает наше законодательство вместо должных законов-процедур. Итогом всего этого является прописывание методов правоприменения в подзаконных актах, принимаемых и издаваемых в условиях закрытости, что стимулирует произвол и реализацию корыстных целей [3, р. 51].

Учитывая вышеизложенное, резонно обратиться к антикоррупционному законодательству и отметить его достоинства и недостатки.

Так, международные антикоррупционные конвенции основываются на императивных международных правовых предписаниях, обязывающих государства, являющиеся участниками данных международных правоотно-

шений, имплементировать в национальное законодательство соответствующие международные договоры после их вступления в законную силу. В плане противодействия коррупции на данный момент времени Россия участвует в ряде конвенций, среди которых – универсальная Конвенция ООН против коррупции 2003 г., вышеозначенная Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц и Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г., являющаяся одной из нескольких региональных конвенций, участницей которых Российская Федерация также является. Кроме того, в последнее время активному обсуждению подвергается вопрос о возможном статусе участия Российской Федерации в Конвенции Совета Европы, цель которого – утверждение гражданско-правовой ответственности за коррупцию.

При этом Российская Федерация как субъект международного права, следуя соответствующим международным договорам, обязана имплементировать международные антикоррупционные стандарты. После того, как все внутригосударственные процедуры будут выполнены, положения мировых антикоррупционных конвенций вступят в силу и станут международными обязательствами государства и, что особенно важно для России, исходя из части 4 статьи 15 Конституции РФ, – важнейшей частью правовой системы [1].

Имплементация международных антикоррупционных конвенций – одна из главнейших на сегодняшний день задач международного противодействия коррупции силами мирового сообщества и всех стран, являющихся его членами и взявших на себя международные антикоррупционные обязательства [6, р. 73]. При этом имплементация именно антикоррупционных конвенций на различных уровнях свидетельствует о наличии определенных проблем на пути эффективного правоприменения заложенных в международных правовых актах антикоррупционных принципов и норм.

Наряду с формированием международных институтов в сфере антикоррупционного взаимодействия государств наблюдается тенденция углубления их правового наполнения не только на международном, но и на национальном уровне [6, р. 74].

К числу достоинств российского законодательства относят становление принятия системы антикоррупционного законодательства, а именно: концепции, законы, правовые акты Президента Российской Федерации, а также локальные нормативные правовые акты,

принятые отраслевыми министерствами и ведомствами. Так, только за последние годы на уровне федерального законодательства [15] были внесены изменения в статьи 290 и 291 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также введена статья 291.1, установившая ответственность за посредничество во взяточничестве. В санкциях названных составов преступлений предусмотрена материальная ответственность виновных лиц в совершении соответствующих преступлений. Превентивную роль в недопущении получения взяток имеют также законодательные изменения главы 15.1 Уголовного кодекса РФ, предоставившие возможность применять ответственность в виде конфискации имущества в случае совершения преступлений, предусмотренных данной главой Уголовного кодекса РФ. Вместе с тем определенные положения новейшего законодательства требуют критического осмысления.

Одними из основных нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, призванных противодействовать коррупции, являются Указы Президента Российской Федерации № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» от 2 апреля 2013 г. [12] и № 310 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 2 апреля 2013 года [13], а также № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 гг.» от 1 апреля 2016 г. [15] и № 120 «О некоторых вопросах противодействия коррупции» от 8 марта 2015 г. [14].

В субъектах Российской Федерации отмечается активное правотворчество по обеспечению реализации антикоррупционных мер: принимаются региональные законы, подзаконные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, локальные нормативные правовые акты государственных органов, муниципальных нормативные правовые акты. При этом по многим антикоррупционным вопросам, делегированным федеральным законодателем на уровень субъектов Российской Федерации, и нормы права, и практика их реализации складывается совершенно по-разному, с учетом региональной специфики. Определенная роль в данном правотворческом процессе отводится эффективности взаимодействия правоохранительных органов и государственных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, что является одной из обязательных мер по профилактике

коррупционных и иных правонарушений, предусмотренных Указом Президента РФ от 21 сентября 2009 г. № 1065 [11].

Например, в Ставропольском крае в соответствии с Законом Ставропольского края от 04 мая 2009 г. № 25-кз «О противодействии коррупции в Ставропольском крае» [4] предусмотрены следующие основные меры по предупреждению коррупционных правонарушений: планирование мероприятий по противодействию коррупции; проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов Ставропольского края и их проектов; антикоррупционное образование и пропаганда; рассмотрение в органах государственной власти Ставропольского края вопросов правоприменительной практики; обеспечение соблюдения запретов, ограничений и обязанностей лицами, замещающими государственные должности Ставропольского края, муниципальные должности, а также должности государственной гражданской службы Ставропольского края, должности муниципальной службы; внедрение административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг; взаимодействие органов государственной власти Ставропольского края, государственных органов Ставропольского края с общественными объединениями и гражданами по вопросам противодействия коррупции в установленном порядке. В рамках данного Закона в Ставропольском крае правовое регулирование вопросов противодействия коррупции осуществляется и с использованием программных методов [10].

Что же касается недостатков, то многими специалистами в области уголовного права антикоррупционное законодательство Российской Федерации оценивается как недостаточно эффективное, не позволяет надлежащим образом организовать учет преступных коррупционных рисков и проявлений. Кроме того, действующая редакция Уголовного кодекса РФ не предусматривает целый спектр критериев социально опасной и реальной коррупции, подрывающей стабильность и авторитет современного государства и общества. Так, например, не предусмотрено уголовной ответственности за такие противоправные деяния, как, например, коррупционный лоббизм и фаворитизм; коррупционный протекционизм и nepотизм, выражающийся в родственных или «приятельски выгодных» протекциях на замещение финансово или стратегически выгодных должностей [7, p. 404]; тайное финансовое

спонсирование политических личностей, движений (партий) или выборов с последующим «бартером» на государственные должности или лобби интересов спонсора, проведение приватизации, акционирования, залоговых аукционов закрыто, в узком кругу заинтересованных лиц; неоправданное и незаконное предоставление налоговых и таможенных льгот; отставка государственных должностных лиц с целью сразу же занять управляющие и руководящие должности в так называемых «прикормленных» банках или корпорациях; коррупционные действия, предпринимаемые при заключении внешнеэкономических контрактов за рубежом; ведение коммерческой деятельности лицами, находящимися на государственной службе [8, р. 521]. Кроме того, в Уголовном кодексе РФ отсутствует четкая формулировка самостоятельного состава преступления, связанного с нарушениями закона при проведении закупок для государственных и муниципальных нужд [2, р. 60] несмотря на то, что сфера госзакупок – самая уязвимая в плане коррупции [5].

Основным недостатком действующего антикоррупционного законодательства является отсутствие исчерпывающего списка общественно опасных деяний, квалифицируемых как коррупционные. Данный список необходим для систематического и жесткого мониторинга коррупционной преступности с целью ее предупреждения и выработки наиболее эффективных методов борьбы с ней. Что касается предупреждения коррупционных преступлений, то оно имеет важное значение в качестве структурного элемента механизма формирования статистики, отражающей масштаб и объем коррупционных проявлений [9, р. 57].

Следует также отметить, что реализация законодательства Российской Федерации в сфере противодействия коррупции выявляет следующие проблемы в процессе правоприменения.

Учредители (государственные органы, органы местного самоуправления) государственных и муниципальных подведомственных учреждений не уполномочены создавать комиссии по рассмотрению вопросов о предотвращении или урегулировании конфликта интересов, которые должны рассматривать вопросы о невозможности руководителей подведомственных учреждений по объективным причинам представить сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супругов и несовершеннолетних детей.

На данный момент в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г.

№ 273-ФЗ «О противодействии коррупции» критерии «имущественных, корпоративных и иных близких отношений», направленные на установление возможности возникновения конфликта интересов и личной заинтересованности, отсутствуют, что обуславливает возникающие проблемы и противоречия при правоприменении данных правовых норм. Существует возможность как расширительного толкования (корпоративных – до работы в одной организации, иных личных – до дальних родственников, приятельских отношений, факта знакомства, особенностей общения людей и других), так и необоснованного сужения данного круга лиц.

Кроме того, в правовом поле Российской Федерации отсутствуют законодательно закрепленные понятия «заведомости», «недостоверности» и «неполноты» сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, их признаки для оценки характера и тяжести совершенного коррупционного правонарушения, и следовательно, объективности и обоснованности применения мер ответственности к виновным должностным лицам.

В настоящее время Федеральным законом «О противодействии коррупции» предусмотрена возможность увольнения лица, замещающего муниципальную должность, если данное лицо утратило доверие вследствие того, что не приняло мер по урегулированию или предотвращению конфликта интересов, одной из непосредственных сторон которого являлось. Однако законодательством Российской Федерации не предусмотрено образования комиссий либо иных коллегиальных органов, рассматривающих вопросы урегулирования конфликтов интересов, связанных с данной категорией должностных лиц. Не имеют подобных полномочий по данному вопросу и субъекты Российской Федерации.

В контексте вышеуказанных проблем право творческого процесса полагаем не менее важными также следующие аспекты:

– разрешение противоречий и неопределенностей, формирующих базу для свободного усмотрения управленческого персонала органов государственной власти и извлечения из этого выгоды;

– максимальное сокращение числа отсылочных норм Уголовного кодекса РФ, создающих трудности в правоприменении и уяснении гражданами и иными субъектами правоотно-

шений обоснованности тех решений, которые принимают органы государственной власти и которые влекут за собой правовые последствия;

– дифференцирование в Уголовном кодексе РФ коррупционных деяний;

– ужесточение ведомственного контроля и прокурорского надзора за ведомственным нормотворчеством, повышение значимости и активности территориальных органов Министерства юстиции РФ в выявлении нарушений прав и законных интересов граждан, а также коллективных образований. Министерство юстиции РФ и его территориальные органы располагают эффективным инструментом противодействия коррупции, а именно: осуществляют регистрацию и проводят правовые экспертизы нормативных правовых актов (их проектов), разрабатываемых органами исполнительной власти.

Отсутствие соответствующего правового регулирования, наличие иных обозначенных в данном исследовании проблем видятся как

первооснова для принятия ряда законодательных актов, должных сформировать и усовершенствовать действующее антикоррупционное законодательство, которое включает в себя определенный комплекс нормативных правовых актов. В этом и заключается основное направление совершенствования противодействия коррупции как национальной стратегии Российского государства на современном этапе его исторического развития. Правотворческая деятельность уполномоченных государственных органов, инициативность государственных служащих по развитию антикоррупционной тематики в процессе правоприменения должны быть практико-ориентированными.

Вопросы и проблемы, обозначенные в настоящем исследовании, должны быть под особым контролем государства, исполнительных и законодательных (представительных) органов государственной власти Российской Федерации, а также субъектов Российской Федерации.

Литература

1. Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации: монография / С. В. Борисов, А. А. Каширкина, А. Н. Морозов и др.; под ред. Т. Я. Хабриевой, А. В. Федорова. М.: ИЗиСП, 2015.
2. Гончаренко Г. С. Понятие, сущность и виды коррупции современной России // Административное и муниципальное право. 2010. № 6. С. 58–61.
3. Гончаренко Г. С. Предпосылки коррупции и коррупционной преступности // Российская юстиция. 2013. № 9. С. 50–54.
4. Закон Ставропольского края от 04 мая 2009 г. № 25-кз «О противодействии коррупции в Ставропольском крае» // Ставропольская правда. 2009. 07 мая. № 98.
5. Интервью руководителя Администрации Президента Российской Федерации С. Е. Нарышкина, данное «Российской газете» в канун Международного дня борьбы с коррупцией. Ковалев А. Вне закона, вне морали // Российская газета. 2010. 9 октября.
6. Каширкина А. А., Тиунов О. И. Международное право в орбите противодействия коррупции // Коррупция: природа, проявления, противодействие: Монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: ИД «Юриспруденция», 2012. 688 с.
7. Криминология / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999. 608 с.
8. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.
9. Лунеев В.В. Критический анализ Федерального закона «О противодействии коррупции» // Актуальные проблемы реализации национальной антикоррупционной политики. Вторые Кудрявцевские чтения (10 апреля 2009 г.). Сборник научных трудов / отв. ред. С. В. Максимов. М.: Институт государства и права РАН, 2010. 272 с.
10. Постановление Правительства Ставропольского края от 09 января 2017 г. № 2-п «Об утверждении программы противодействия коррупции в Ставропольском крае на 2017–2020 гг.»; Постановление Правительства Ставропольского края от 21 апреля 2010 г. № 121-п «О краевой целевой программе «Противодействие коррупции в сфере деятельности органов исполнительной власти Ставропольского края на 2010–2014 гг.».
11. Указ Президента РФ от 21 сентября 2009 г. № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению» // Российская газета. 2009. 22 сентября.
12. Указ Президента РФ от 2 апреля 2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2013. 4 апреля.
13. Указ Президента РФ от 2 апреля 2013 г. № 310 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2013. 4 апреля.
14. Указ Президента Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 120 «О некоторых вопросах противодействия коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2015 № 10. Ст. 1506.
15. Указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы» // Российская газета. 2016. 13 апреля.

References

1. Antikorupcionnye standarty Organizacii jekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitija i ih realizacija v Rossijskoj Federacii: monografija (*Anti-corruption standards of the Organization for Economic Cooperation and Development and their realization in the Russian Federation: monograph*) / S. V. Borisov, A. A. Kashirina, A. N. Morozov ect.; ed by T. Ja. Habrievoj, A. V. Fedorova. Moscow: IZiSP, 2015. (In Russian).
2. Goncharenko G. S. Ponjatije, sushhnost' i vidy korrupcii sovremennoj Rossii (*Concept, entity and types of corruption in the modern Russia*) // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2010. No. 6. P. 58–61. (In Russian).
3. Goncharenko G. S. Predposylki korrupcii i korrupcionnoj prestupnosti (*Prerequisites of corruption and corruption crime*) // Rossijskaja justicija. 2013. No. 9. P. 50–54. (In Russian).
4. Zakon Stavropol'skogo kraja ot 04 maja 2009 g. № 25-kz «O protivodejstvii korrupcii v Stavropol'skom krae» (*The law of Stavropol Krai of May 04, 2009 No. 25-kz «On anti-corruption in Stavropol Krai»*) // Stavropol'skaja pravda. 2009. May 7. (In Russian).
5. Interv'ju rukovoditelja Administracii Prezidenta Rossijskoj Federacii S. E. Naryshkina, dannoe «Rossijskoj gazete» v kanun Mezhdunarodnogo dnja bor'by s korrupciej. Kovalev A. Vne zakona, vne morali (*The interview of the principal of Administration of the President of the Russian Federation S.E. Naryshkin to «Rossijskaya Gazeta» on the eve of the International day of fight against corruption. Kovalyov A. Beyond the law, out of morals*) // Rossijskaja gazeta. 2010. December 9. (In Russian).
6. Kashirina A. A., Tiunov O. I. Mezhdunarodnoe pravo v orbite protivodejstvija korrupcii (*International law in an anti-corruption orbit*) // Korrupcija: priroda, projavlenija, protivodejstvie / ed by T. Ja. Habrieva. Moscow: ID «Jurisprudencija», 2012. 688 p. (In Russian).
7. Kriminologija (*Criminology*) / ed by V. N. Burlakova, V. P. Sal'nikova, S. V. Stepashina. St. Petersburg: St. Petersburg university MIA RF, 1999. 608 p. (In Russian).
8. Luneev V. V. Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii (*Crime of the 20th century: world, regional and Russian tendencies*). Moscow: Volters Kluver, 2005. 912 p. (In Russian).
9. Luneev V. V. Kriticheskij analiz Federal'nogo zakona «O protivodejstvii korrupcii» (*Critical analysis of the Federal law «On Anti-corruption»*) // Aktual'nye problemy realizacii nacional'noj antikorrupcionnoj politiki. Vtorye Kudrjavcevskie chtenija (10 aprelja 2009 g.). Moscow: Institute of state and law RAS, 2010. 272 p. (In Russian).
10. Postanovlenie Pravitel'stva Stavropol'skogo kraja ot 09 janvarja 2017 g. № 2-p «Ob utverzhdenii programmy protivodejstvija korrupcii v Stavropol'skom krae na 2017–2020 gody» (*The resolution of the government of Stavropol Krai of January 09, 2017 No. 2-p «On the approval of the program of anti-corruption in Stavropol Krai for 2017–2020»*); postanovlenie Pravitel'stva Stavropol'skogo kraja ot 21 aprelja 2010 g. № 121-p «O kraevoj celevoj programme «Protivodejstvie korrupcii v sfere dejatel'nosti organov ispolnitel'noj vlasti Stavropol'skogo kraja na 2010–2014 gody» (*the resolution of the government of Stavropol Krai of April 21, 2010 No. 121-p «On the regional target program «Anti-corruption in a Field of Activity of Executive Authorities of Stavropol Krai for 2010–2014»*). (In Russian).
11. Ukaz Prezidenta RF ot 21 sentjabrja 2009 g. № 1065 «O proverke dostovernosti i polnoty svedenij, predstavljajemyh grazhdanami, pretendujushimi na zameshhenie dolzhnostej federal'noj gosudarstvennoj sluzhby, i federal'nymi gosudarstvennymi sluzhashhimi, i sobljudenija federal'nymi gosudarstvennymi sluzhashhimi trebovanij k sluzhebnomu povedeniju» (*The decree of the Russian President of September 21, 2009 No. 1065 «On the check of reliability and completeness of the data submitted by the citizens applying for replacement of positions of federal public service and federal public servants and observance by federal public servants of requirements to office behavior»*) // Rossijskaja gazeta. 2009. September 22. (In Russian).
12. Ukaz Prezidenta RF ot 2 aprelja 2013 g. № 309 «O merah po realizacii otdel'nyh polozenij Federal'nogo zakona «O protivodejstvii korrupcii» (*The decree of the Russian President of April 2, 2013 No. 309 «On measures for implementation of separate provisions of the Federal law «About Anti-corruption»*) // Rossijskaja gazeta. 2013. April 4. (In Russian).
13. Ukaz Prezidenta RF ot 2 aprelja 2013 g. № 310 «O merah po realizacii otdel'nyh polozenij Federal'nogo zakona «O protivodejstvii korrupcii» (*The decree of the Russian President of April 2, 2013 No. 310 «On measures for implementation of separate provisions of the Federal law «On Anti-corruption»*) // Rossijskaja gazeta. 2013. April 4. (In Russian).
14. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 8 marta 2015 g. № 120 «O nekotoryh voprosah protivodejstvija korrupcii» (*The decree of the President of the Russian Federation of March 8, 2015 No. 120 «On some questions of anti-corruption»*) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015 No. 10. Art. 1506. (In Russian).
15. Ukaz Prezidenta RF ot 1 aprelja 2016 g. № 147 «O Nacional'nom plane protivodejstvija korrupcii na 2016–2017 gody» (*The decree of the Russian President of April 1, 2016 No. 147 «On the National plan of anti-corruption for 2016–2017»*) // Rossijskaja gazeta. 2016. April 13. (In Russian).

УДК 349.6

К. В. Колесникова

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Статья посвящена рассмотрению различных видов договоров в сфере использования участков природной среды и соотнесения их с гражданско-правовыми и административно-правовыми договорами. На основе анализа нормативно-правовых актов отраслевого законодательства, а также точек зрения различных авторов, в статье аргументируется вывод, о том, что данные договоры нельзя однозначно отнести ни к тем, ни к другим, так как они имеют ряд особенностей, характерных лишь для «природоресурсных» договоров.

Имущественные договорные отношения, которые возникают по поводу компонентов окружающей среды или отдельных объектов природы не являются гражданско-правовыми отношениями, в чистом виде, и в то же время не могут быть предметом регулирования административного

права. Рассматриваемые договоры имеют уникальную природу, их заключение, изменение и расторжение регулируется нормами экологического (природоресурсного) права, нормами института имущественных экологических отношений. Особенность, прежде всего, заключается в предмете договора – участках природной среды, которые являются весьма своеобразным видом недвижимого имущества, что, безусловно, ведет к невозможности применения большинства положений гражданского законодательства. Особенности имеет и порядок заключения всех «природоресурсных» договоров.

Ключевые слова: имущественные отношения, природные ресурсы, «природоресурсные договоры», гражданско-правовой договор, административно-правовой договор.

K. V. Kolesnikova

ON LEGAL NATURE OF CONTRACTS IN THE SPHERE OF USE OF NATURAL RESOURCES

The article is devoted to the consideration of various types of contracts in the field of use of natural environment sites and their correlation with civil-law and administrative-legal contracts.

Property contractual relations that arise depending on the environment or individual objects, rather than civil relations, in its pure form, can not be subject to regulation by administrative law. The treaties in question are of a unique nature, their conclusion, modification and dissolution are governed by the norms of environmental (natural resource) law, the norms of the institution of property ecological relations. This peculiarity lies in the subject of the contract – areas of the natural environment, which are a very peculiar kind of

immovable property that leads to the impossibility of applying most of the provisions of civil law.

Based on the analysis of regulatory and legal acts of the sectoral legislation, as well as the point of view of various authors, the following conclusion is argued in the article that these contracts can not be unequivocally attributed to either one or the other, since they have a number of features that are characteristic only for «natural resource» contracts. Their conclusion, change and termination must be regulated by the norms of environmental (natural resource) law.

Key words: property relations, natural resources, «natural resource contracts», civil-law contract, administrative-legal contract.

Рассматривая различные договоры, в которых предметом выступают природные ресурсы, встает вопрос о правовой природе таких соглашений и о возможности (или невозможности) включения их в известную гражданскому праву схему договоров.

Его разрешение носит не только теоретический, но и практический характер, ведь от отнесения того или иного «природоресурсного» договора к определенному виду или типу

договора зависит выбор правовых норм, которыми будет регулироваться его заключение, изменение и расторжение в случае отсутствия правовой регламентации в природоресурсном законодательстве.

Как известно, статья 3 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК) определяет, что гражданское законодательство находится в ведении Российской Федерации, тогда как в соответствии со статьей 72 Конституции РФ вопросы вла-

дения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами находятся в совместном ведении Федерации и ее субъектов. К примеру, законом Ставропольского края от 09.04.2015 N36-кз «О некоторых вопросах регулирования земельных отношений» [5] определен порядок заключения договоров аренды земельных участков на территории края (аналогичные акты приняты во многих субъектах РФ). Сам этот факт свидетельствует о том, что отношения по использованию природных объектов, как объектов недвижимого имущества не являются гражданско-правовыми в собственном смысле этого слова, а имеют уникальную, смешанную природу. Прямым подтверждением этому выступает норма статьи 129 ГК РФ, устанавливающая, что земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах.

Однако, налицо существование правовой коллизии, ведь данная статья регулирует обороноспособность объектов гражданских прав и, следовательно, ГК относит природные ресурсы к таковым. Соответственно их оборот, как было уже отмечено, должны регулировать ГК, федеральные законы, постановления Правительства, указы Президента России, нормативные правовые акты министерств и иных федеральных органов исполнительной власти, но никак не нормы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

Многие авторы отмечают, что форма гражданско-правового договора не применима в случае использования участков природной среды [6].

В. Яковлев, Д. Василевская полагают, что применение гражданско-правовых отношений в природоресурсном законодательстве возможно только в случае, когда природные объекты находятся в частной собственности [4].

Некоторые представители российской цивилистики в своих работах указывают, что нормы, закрепленные в отраслевом законодательстве, пользуются несомненным приоритетом, который объясняется не их иноотраслевым характером, а тем, что указанные нормы являются хотя и гражданско-правовыми, но специальными [2, с. 26]. Полагаем, что прямое указание на принадлежность данных норм к гражданско-правовым, все же противоречит положениям Конституции, согласно которым гражданское законодательство, находится в ведении Российской Федерации.

Интересна позиция Т. А. Яковлевой. Договор аренды лесного участка она относит к административно-правовым договорам [9]. К сожалению, автор не разъясняет, что именно понимается под административно-правовым договором. В юридической науке не сложилось единого подхода к данному понятию.

Е. М. Андреева, к примеру, указывает, что «в административном праве наметилось разделение понятий «административный договор» и «договор, заключенный государственными органами», так как государство заключает не только административные договоры. Важны поэтому конкретные рекомендации в части сфер, возможности, особенностей применения в государственном управлении гражданско-правовых договоров. В административном договоре инициатором заключения выступает государственный орган, реализующий установленные в положении об органе властные полномочия» [1].

В случае заключения договора аренды лесного участка волю к заключению договора проявляет будущий арендатор, так как именно он решает: участвовать ли ему в аукционе.

Тот факт, что одной из сторон договора является публичный орган, не делает его административным. Даже являясь субъектом гражданского права, органы исполнительной власти не могут прекратить использовать предоставленные им властные полномочия в процессе заключения и реализации договоров.

Еще один довод, приведенный автором в пользу высказанной теории, относительно того, что форма и структура договора определяются не самими сторонами, а подзаконным актом, тоже весьма спорен.

Административный договор опосредует горизонтальные управленческие отношения, заключается субъектом исполнительной власти на основе норм административного права с целью урегулирования управленческие отношения.

Как указывает К. В. Ходаковский [8] сами нормы статьи 114 Конституции РФ, регулирующие возможность Правительства РФ распоряжаться федеральной собственностью, дают право публичному субъекту на заключение административного договора.

В любом случае, на сегодняшний день отсутствует нормативный акт, нормы которого регламентировали бы виды административных договоров, порядок их подготовки и заключения. В случае отнесения «природоресурсных» договоров к административным следовало бы исключить из законодательства о природных ресурсах всю правовую регламентацию таковых.

Экологическое (природоресурсное) законодательство напрямую установило, что к договорным отношениям по поводу участков природной среды применяются положения гражданского права. В статье 71 Лесного кодекса РФ (далее – ЛК РФ) говорится, что к договору аренды лесного участка применяются положения об аренде, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации, то же правило закреплено в статье 12 Водного кодекса РФ (далее – ВК РФ) относительно договора водопользования.

Интересно, что статья 607 ГК, к объектам аренды относит земельные участки и другие обособленные природные объекты, предприятия и другие имущественные комплексы, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства и другие вещи, которые не теряют своих натуральных свойств в процессе их использования (непотребляемые вещи), в части 2 статьи конкретизируется, что законом могут быть установлены особенности сдачи в аренду земельных участков и других обособленных природных объектов. Речь и в 1 и во 2 части идет об обособленных объектах.

Природоресурсное законодательство не оперирует термином «обособленные» с момента внесения изменений в ВК РФ, когда из закона был исключен термин «обособленные водные объекты». При сдаче в аренду лесного участка, об обособленности такового (хотя весьма условно, так как не ясно, что понимать под обособленностью) еще может идти речь, поскольку, по сути, законодатель приравнял лесные участки к земельным и в договоре аренды лесного участка указываются его границы. По договору же водопользования, в большинстве случаев, водопользователю предоставляется часть водного объекта. К тому же одной из целей заключения договора может являться забор (изъятие) водных ресурсов из поверхностных водных объектов, что лишает смысла указание на обособленность водного объекта.

Этот же факт говорит и о том, что при заборе (изъятии) воды происходит ее потребление, что противоречит гражданскому законодательству, указывающему на то, что предметом аренды может быть только непотребляемая вещь. Целью получения в аренду лесного участка также является, во многих случаях, потребление лесных ресурсов (статья 72 ЛК).

Таким образом, сами объекты договора аренды, предусмотренного гражданским законодательством и законодательством о природных ресурсах различны. Если законодатель все же идет по пути регулирования «природо-

ресурсных» договоров нормами ГК, следовало бы исключить из 607 статьи слова «обособленные» и «непотребляемые».

Положения гражданского права, по сути, должны применяться и к порядку заключения договоров. Однако, правоприменитель идет по иному пути. Как видно из анализа судебной практики по спорам о признании факта заключения договоров водопользования, суды напрямую указывают, что если договор водопользования должен быть заключен по результатам аукциона, применяется порядок, установленный специальными нормами, в частности, Правилами подготовки и заключения договора водопользования, право на заключение которого приобретает на аукционе и Правилами проведения аукциона по приобретению права на заключение договора водопользования, утвержденными Постановлением Правительства, а не статьей 448 Гражданского кодекса Российской Федерации.

ГК ничего не говорит и о цели использования арендуемой вещи, арендатор может использовать ее по своему усмотрению, если такое использование не ведет к уничтожению или потери свойств вещи. Целевое же назначение использования природного объекта – один из главных принципов экологического права.

Если вопросы заключения договоров водопользования водных объектов, находящихся в публичной собственности, урегулирован водным правом, то регулирование отчуждения прудов и обводненных карьеров полностью отдано на откуп гражданского законодательства. Интересно, что упоминается и земельное законодательство, ведь по существу, эти объекты являются принадлежностью земельного участка, однако во-вторую очередь.

Земельный кодекс не предусматривает какого-то особого порядка заключения сделок с земельными участками, на которых находятся пруды или обводненные карьеры. На наш взгляд, такая позиция законодателя неверна, ведь установление в «природоресурсных» договорах специальных обязанностей природопользователя, особых требований к охране природного (в том числе водного) объекта служит главным целям экологического права.

Как справедливо полагает О. Сиваков, расширенное применение гражданского законодательства в природоресурсном праве чревато игнорированием глобальных задач охраны природы [7].

Многие цивилисты указывают на то, что сделки с участками природной среды являются абсолютно гражданско-правовыми сделками,

однако анализ самого Гражданского кодекса говорит о том, что гражданское право уходит от регулирования отношений, где объектом выступают природные ресурсы. Из статьи 130 ГК, как известно, были исключены леса, как объекты недвижимого имущества. Ничего не говорится и о водных объектах, напротив, в принятом в первом чтении варианте законопроекта об изменениях ГК статья должна была дополниться положением о том, что единым объектом недвижимости признается земельный участок и находящееся на нем здание, сооружение, объект незавершенного строительства. Это говорит о том, что гражданское законодательство претендует только на регулирование земельных отношений и то, лишь в том случае, если они не урегулированы земельным законодательством.

Участки недр также названы объектом недвижимого имущества в статье 130 ГК, иные статьи имущественные отношения по использованию недр не регулируют. В горном праве до сегодняшнего дня преобладает лицензионный (разрешительный порядок) предоставления недр в пользования. Единственное исключение – это возможность заключения соглашения о разделе продукции. Интересно, что статьей 1 ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» установлено, что права и обязанности сторон соглашения о разделе продукции, имеющие гражданско-правовой характер, определяются в соответствии с данным ФЗ и гражданским законодательством Российской Федерации. Встает вопрос о том, какие нормы гражданского законодательства должны использоваться при регулировании данных отношений.

Как представляется речь не идет о применении каких-то конкретных норм, определяющих порядок заключения расторжения или изменения определенного вида гражданско-правового договора (как в случае применения норм об аренде к имущественным лесным и водным отношениям). При анализе ФЗ «О соглашениях о разделе продукции», видно, что нормами ГК должны регулироваться отношения по использованию инвестором принадлежащего ему имущества и имущественных прав в качестве залога для обеспечения собственных обязательств по договорам (залоговые отношения, статья 16 ФЗ), применяются также общие положения ГК об изменении условий соглашения и об ответственности сторон.

Само соглашение о разделе продукции имеет уникальную природу, оно не раз становилось предметом исследования многих ученых. Так, Л. М. Буслаева рассматривает возможность

отнесения соглашения о разделе продукции к договорам смешенного типа, в соответствии со статьей 421 ГК [3]. Автор приходит к выводу, что оправданно применение определения соглашения о разделе продукции как гражданско-правового договора с административно-правовыми элементами.

Вступление в действия соглашения предполагает принятие Правительством РФ правового акта, что само по себе является уникальным отличительным признаком данного вида договора.

Все так называемые «природоресурсные» договоры, в конечном счете, имеют своей целью не только удовлетворение интересов сторон соглашения. Отличительной особенностью, в первую очередь, является обязательное наличие природоохранного компонента, что проявляется в обязанности природопользователя выполнения целого ряда природоохранных, в том числе природовосстановительных мероприятий. Данные положения договоров не указаны в нормативно-правовых актах, их регламентирующих, ни природоресурсного ни гражданского законодательства, как обязательные, однако их неисполнение влечет не только наступление административной ответственности, но и расторжение договора.

В большинстве случаев собственником природных ресурсов выступает субъект власти, как правило, государство, что уже вносит элемент публичности. Публичность в данном случае предполагает, наличия общественного интереса, обязанность государства эффективно распоряжаться природными богатствами страны.

Полагаем, что все договорные имущественные отношения, возникающие по поводу участков природной среды или отдельных компонентов окружающей среды не могут относиться к гражданско-правовым отношениям, в принятом значении этого термина, или быть предметом регулирования нормами административного права. Это уникальные «природоресурсные» договоры, заключение, изменение и расторжение которых регулируется нормами экологического права (в широком понимании), нормами института имущественных экологических отношений. Такая позиция, безусловно, не умаляет значение норм традиционных отраслей права в регулировании таких отношений, ведь само экологическое право является комплексной и интегрированной отраслью, что уже означает имплементацию в него норм иных отраслей и институтов. Но, лишь использование всего инструментария экологического, природоресурсного права может позволить

эффективно распоряжаться природными ресурсами. Последние являются весьма своеобразным видом недвижимого имущества, что безусловно, ведет к невозможности применения большинства положений гражданского законодательства. Отраслевым законодательством, в отличие от общего гражданско-правового режима, запрещается субаренда участков природной среды, передача прав третьим лицам, без разрешения собственника, или субъекта которому преданы полномочия по распоряжению ими. У природопользователя отсутствует право выкупа такой недвижимости. Один природный объект предоставляется сразу нескольким природопользователям и сразу для нескольких целей использования, при этом недопустимо использовать природный объект для целей, не указанных в договоре.

По сути, осуществляется публично-правовое регулирование таких сделок, но с помощью

специфических норм природоресурсного (экологического) права, которые в свою очередь во многом до конца не доработаны.

При этом следует отметить, что законодатель идет по пути замены административных начал в получении права природопользования на договорную основу. Это подтверждается и тем фактом, что в последнее десятилетие планомерно отменялось обязательное получение специальных административно-разрешительных документов: в лесном праве – лесорубочного билета, лесного билета или ордера; в водном праве – лицензии.

Таким образом, говоря о природе рассматриваемых договоров, мы можем сделать вывод, что они являются уникальными видами договоров, не относящимися ни к гражданско-правовым ни к административным договорам – «природоресурсными» договорами.

Литература

1. Андреева Е. М. Административный договор в теории и практике государственного управления // Новый юридический журнал. 2013. №1. С. 23–27.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М.: Статут, 2007. 848 с.
3. Буслаева Л. М. Правовая природа соглашения о разделе продукции как инвестиционного договора // Юридический мир. 2013. №8. С. 32–35.
4. Василевская Д. В. Об административно-правовой природе отношений в сфере недропользования // Закон и право. 2009. №6. С. 41–43.
5. Закон Ставропольского края «О некоторых вопросах регулирования земельных отношений» // Ставропольская правда. 14.04.2015.
6. Навасардова Э. С. Теоретические проблемы регулирования экологического управления на региональном уровне: дисс. ... докт. юр. наук. М.: МГЮА, 2002. 509 с.
7. Сиваков Д. О. Особенности договорных отношений в области рыбного хозяйства // Журнал российского права. 2011. №2. С. 55–62.
8. Ходаковский К. В. Подготовка и заключение административного договора // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. №5. С. 2–6.
9. Яковлева Т. А. Договор аренды лесного участка // Законность. 2012. №4. С. 57–60.

References

1. Andreeva E. M. Administrativnyi dogovor v teorii i praktike gosudarstvennogo upravleniya (*Administrative contract in the theory and practice of public administration*) // Novyi yuridicheskii zhurnal. 2013. No. 1. P. 23–27. (In Russian).
2. Braginskii M. I., Vitryanskii V. V. Dogovornoe pravo (*Contract law*). Book. 1. Moscow: Statut, 2007. 848 p. (In Russian).
3. Buslaeva L. M. Pravovaya priroda soglasheniya o razdele produktsii kak investitsionnogo dogovora (*The legal nature of the agreement on the division of production as an investment treaty*) // Yuridicheskii mir. 2013. No. 8. P. 32–35. (In Russian).
4. Vasilevskaya D. V. Ob administrativno-pravovoi prirode otnoshenii v sfere nedropol'zovaniya (*On the administrative and legal nature of relations in the field of subsoil use*) // Zakon i pravo. 2009. No. 6. P. 41–43. (In Russian).
5. Zakon Stavropol'skogo kraia «O nekotorykh voprosakh regulirovaniya zemel'nykh otnoshenii» (*Law of the Stavropol Krai «On some issues of regulation of land relations»*) // Stavropol'skaya pravda. 14.04.2015. (In Russian).
6. Navasardova E. S. Teoreticheskie problemy regulirovaniya ekologicheskogo upravleniya na regional'nom urovne (*Theoretical problems of regulation of the environmental management at the regional level*): thesis. Moscow: MSLA publ., 2002. 509 p. (In Russian).
7. Sivakov D. O. Osobennosti dogovornykh otnoshenii v oblasti rybnogo khozyaistva (*Features of contractual relations in the field of fisheries*) // Zhurnal rossiiskogo prava. 2011. No.2. P. 55–62. (In Russian).
8. Khodakovskii K. V. Podgotovka i zaklyuchenie administrativnogo dogovora (*Preparation and conclusion of an administrative agreement*) // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. 2010. No.5. P. 2–6. (In Russian).
9. Yakovleva T. A. Dogovor arendy lesnogo uchastka (*Forest lease agreement*) // Zakonnost'. 2012. No.4. P. 57–60. (In Russian).

УДК 342.9

И. В. Максимов

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ (КОНСТИТУЦИОННАЯ КОНСТРУКЦИЯ)

В статье рассматриваются основные элементы конституционной конструкции административной ответственности: соразмерность ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым интересам и целям; наличие вины как элемента субъективной стороны состава правонарушения; презумпция невиновности; определенность правовой нормы, устанавливающей ответственность; недопустимость повторного привлечения лица к ответственности за одно и то же правонарушение и придания обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность. Автором исследуются конституционные нормы, находящиеся в непосредственной взаимосвязи с видами юридической ответственности. По итогам исследования заключается, что конституционные основы юридической ответственности и

административной находятся в состоянии постоянного развития, что подтверждается практикой Конституционного Суда РФ. Отмечено, что конституционные нормы оказывают регулирующее воздействие на институт административной ответственности. Происходит наложение конституционных норм на нормы иных отраслей права в механизме правового регулирования. Данную особенность Конституции РФ можно оценивать как одно из проявлений его непосредственного действия, которое направлено на гармонизацию общественных отношений и приданием им правового характера.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, административное наказание, конституция, вид юридической ответственности, принцип.

I. V. Maximov

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY (THE CONSTITUTIONAL DESIGN)

The article studies basic elements of the constitutional design of the administrative responsibility: proportionality of the restriction of citizens' rights and freedoms to the constitutionally significant interests and goals; presence of guilt as an element of the subjective side of the offense; presumption of innocence; the certainty of the legal norm establishing liability; the inadmissibility of re-bringing a person to justice for the same offense and invalidating the law establishing or aggravating the responsibility. The author investigates the constitutional norms, which are in direct correlation with types of legal responsibility. Based on the results of the research, he concludes that the constitutional bases of legal responsibility

and the administrative one are in a state of constant development, which is confirmed by the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. It is noted that constitutional norms have a regulatory impact on the institution of administrative responsibility. There is an imposition of constitutional norms on the norms of other branches of law in the mechanism of legal regulation. This feature of Russian Constitution can be assessed as one of the manifestations of its direct action, which is aimed at harmonizing public relations and giving them a legal character.

Key words: administrative responsibility, administrative offence, administrative punishment, constitution, type of legal responsibility, principle.

Административная ответственность – один из ключевых институтов в административном праве. Обладая собственной инфраструктурой, она является самодостаточным правовым регулятором, имеющим материальную и процессуальную обеспеченность в праве и законодательстве. Вместе с тем обладая регулирующим воздействием на права и свободы человека и гражданина институт административной ответственности обретает конституционное значение (признание). Основной закон

России способен посылать сильные импульсы в сферу законодательного регулирования административной ответственности, формируя ее конституционную основу – последовательно конституционализируя ее.

Конституционную основу административной ответственности составляют юридически концентрированные, обладающие высшей степенью нормативной обобщенности и носящие универсальный характер положения Конституции РФ, определяющие правовой статус лич-

ности и допустимые условия его ограничения, обусловленные реакцией государства на административное правонарушение. Учитывая, что любая отрасль права черпает свою легитимную сущность из Конституции РФ (не исключением здесь является и административное право и административная ответственность, в частности), фундаментальную роль основного закона государства в правовой системе предопределяет существование в нем основных правовых идей – отправных начал последующего законодательного регулирования. Вытекающие, таким образом, из Конституции РФ общие принципы юридической ответственности, определяя как пределы усмотрения законодателя в процессе административно-правового регулирования, так и конституционно-правовой статус гражданина, привлекаемого к административной ответственности, по своему существу составляют основу взаимоотношений государства и личности в сфере государственного преследования.

Применительно к данному положению такие основы базируются на важнейших общеправовых принципах юридической ответственности, а именно: уважение человеческого достоинства; справедливость мер юридической ответственности; соразмерность – дифференциация и индивидуализация мер юридической ответственности; равенство всех перед законом и судом. Собственно же Конституция РФ закрепляет такие юридически значимые для законодательного регулирования административной ответственности конструкции, как: 1) соразмерность ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым интересам и целям; 2) наличие вины как элемента субъективной стороны состава правонарушения; 3) презумпция невиновности; 4) определенность правовой нормы, устанавливающей ответственность; 5) недопустимость повторного привлечения лица к ответственности за одно и то же правонарушение; 6) недопустимость придания обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность; 7) придание обратной силы закону, устраняющему либо смягчающему ответственность; 8) всеобщность и гарантированность судебной защиты и 9) недопустимость использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

Административная ответственность как вид государственно-властной санкции берет свое начало из общих положений Конституции РФ о признании человека, его прав и свобод высшей

ценностью (ст. 2) и об уважении человеческого достоинства и недопустимости его умаления (ст. 21). Указанные ценностные ориентиры, выступая нравственными категориями, формализованными в конституционном тексте, имеют всеобъемлющее значение. Отправными являются также конституционные положения, определяющие федеративную природу российского государства.

Решая вопрос о компетентности государства и его субъектов в сфере регулирования административной ответственности, Конституция РФ отнесла к совместному ведению Федерации и ее субъектов защиту прав и свобод человека и гражданина; административное, административно-процессуальное законодательство (п.п. «б», «к» ч. 1 ст. 72). Относя вопросы правового регулирования административных отношений к совместному ведению Федерации и ее субъектов, Конституция РФ вовсе не ставит их в конкурентное положение, как может показаться на первый взгляд, поскольку вопрос о том, кто и в какой мере определяет возможность ограничения прав и свобод личности уже имеет конституционное решение (ст.ст. 71, п. «в», и 55, ч. 3, Конституции РФ). Административная ответственность, выступая публично-правовым «мерилом» принуждения, связана с правоограничениями, характер (степень) которых предопределяется (измеряется) конкретным видом административного наказания (как меры административной ответственности) и связан с правилами его применения. Отсюда установление видов административных наказаний, их исчерпывающего перечня и правил применения не могло быть осуществлено вне поля федерального законодательного регулирования. Примечателен тот факт, что в КоАП РФ эти конституционные требования были учтены (ст.ст. 1.3, п. 2 ч. 1, и 3.2, ч. 1 и 3).

Конституционную основу административной ответственности как вида юридической ответственности составляют положения Конституции РФ о равенстве всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19). Применительно к законодательному регулированию административной ответственности такое равенство выражается в том, что лица, совершившие административные правонарушения, равны перед законом; физические лица подлежат административной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям; юридические лица подлежат администра-

тивной ответственности независимо от места нахождения, организационно-правовых форм, подчиненности, а также других обстоятельств (ч. 1 ст. 1.4 КоАП РФ).

Так, Конституция РФ допускает также особые условия привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции. Ею закрепляется неприкосновенность (иммунитет) членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы (ст. 98), а также неприкосновенность Президента РФ (ст. 91) и судей (ст. 122). В соответствии со ст.ст. 1 (ч. 1), 3 (ч. 1, 2 и 3), 5 (ч. 3), 10, 11, 66, 72, 73, 77 (ч. 1), 134 и 136 Конституции РФ в России как демократическом федеративном правовом государстве указанные лица являются выразителями интересов и воли народа (судьи – отправителями правосудия), осуществляющими государственно-властные функции; особым положением и их функциями, как должностных лиц государства, обусловлены их самостоятельность в системе разделения властей и независимость от чьих бы то ни было указаний. Из этого вытекает необходимость специальных гарантий беспрепятственного осуществления своих полномочий, к числу которых, обусловленных природой государственно-властного мандата, характером выполняемых задач, относится публично-правовой институт неприкосновенности, призванный оградить депутатов, судей и иных вышеуказанных лиц от неправомерного вмешательства в их деятельность по осуществлению полномочий, от попыток оказать на них давление путем привлечения или угрозы привлечения к административной ответственности [3, с. 424–439]. Однако следует обратить внимание на то, что особые условия привлечения к административной ответственности вышеуказанных категорий граждан имеют ярко выраженную процессуальную направленность – на характер самого административного наказания они никак не влияют. То есть в случае преодоления «процессуального вопроса» административной ответственности такие граждане наравне с другими несут все предусмотренные определенным видом административного наказания обременения.

Конституционную основу административной ответственности как вида юридической ответственности составляют также вытекающие из Конституции РФ общепризнанные принципы юридической ответственности, которые по своему существу относятся к основам правопорядка и оказывают непосредственное влияние на конституционно-правовой статус физических и юридических лиц в РФ (ст. 49, 50, 54 и 64).

В частности, как следует из ст. 54 (ч. 2) Конституции РФ, юридическая ответственность может наступать только за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями. Наличие состава правонарушения является, таким образом, необходимым основанием для всех видов юридической ответственности; при этом признаки состава правонарушения прежде всего в публично-правовой сфере, как и содержание конкретных составов правонарушений должны согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование справедливости, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами юридической ответственности, что относится и к ответственности за нарушение правил административно-правового характера. К основаниям ответственности, исходя из общего понятия состава правонарушения, относится и вина, если в самом законе прямо не установлено иное.

Отсутствие вины при административном правонарушении является, таким образом, одним из обстоятельств, исключающих производство по делу о данном правонарушении, поскольку свидетельствует об отсутствии самого состава административного правонарушения. Иная трактовка состава административного правонарушения как основания ответственности противоречила бы и природе административной юрисдикции: правоприменитель, обеспечивающий в связи с привлечением к ответственности за административное правонарушение защиту прав и свобод физических и юридических лиц посредством производства по делу об указанном правонарушении, не может ограничиваться формальной констатацией лишь факта административного правонарушения, не выявляя иные связанные с ним обстоятельства, в том числе наличие или отсутствие вины соответствующих субъектов, в какой бы форме она ни проявлялась и как бы ни было распределено бремя ее доказывания.

Абсолютно новым для законодательства об административных правонарушениях является наличие в нем принципа презумпции невиновности. Учитывая известную новизну данного вопроса для административно-деликтного законодательства и принимая во внимание его посредственное воздействие на существо административных наказаний, полагаем невозможным оставить эту тему без определенного внимания.

Конституционные начала презумпции невиновности в законодательном регулировании

административной ответственности слабо прослеживаются, но между тем системный анализ положений ст.ст. 49, 50, 54, 64 Конституции РФ и респондирующих им общеправовых принципов справедливости, индивидуализации и соразмерности мер юридической ответственности позволяет сделать некий общий и положительный вывод. Конституция РФ закрепляет в ст. 49 презумпцию невиновности применительно к сфере уголовной ответственности, т.е. возлагает обязанность по доказыванию вины в совершении противоправного деяния на соответствующие государственные органы. В процессе правового регулирования других видов юридической ответственности законодатель вправе, – на что неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, – решать вопрос о распределении бремени доказывания вины самостоятельно, учитывая при этом особенности соответствующих отношений и их субъектов (в частности, предприятий, учреждений, организаций и лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица), а также требования неотвратимости ответственности и интересы защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и свобод других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст.ст. 15, ч. 2, и 55, ч. 3, Конституции РФ) [6]. Поэтому, как глубоко верно замечают Н. И. Матузов и А. В. Малько, презумпция невиновности должна согласовываться с принципом неотвратимости наказания таким образом, чтобы не «впасть в другую крайность – плодить безнаказанность, которая является питательной средой всякой преступности» [4, с. 454–455].

Положения ст. 49 Конституции РФ о принципе виновной ответственности, презумпции невиновности и бремени доказывания, которое возлагается на органы государства, выражают общие принципы права при применении государственного принуждения карательного (штрафного) характера в сфере публичной ответственности как в уголовном, так и в административном праве, что общепризнанно в отечественной правовой доктрине. Ответственность за административное правонарушение носит публичный – административно-правовой характер. Здесь, в отличие от гражданско-правовой ответственности, существует неравноправие сторон, действуют отношения власти и подчинения между государственным органом, налагающим наказание, и субъектом ответственности, и поэтому презумпция невиновности носит характер особой конституционной

гарантии от произвола обвиняющей власти, гарантии соблюдения прав и свобод. Последняя позволяет представить презумпцию как своеобразный внешний механизм сдерживания власти, которая «всегда стремится к усилению своего присутствия во всех сферах человеческой жизни» [1, с. 81], тем более в условиях по сути публично-правового спора.

Между тем в отличие от уголовного судопроизводства, где решения по существу любого уголовного дела выносятся судом (судьей), не осуществляющим уголовное обвинение, административное преследование и применение административных наказаний – функция преимущественно одних и тех же административно-юрисдикционных органов, должностных лиц, что может показаться, на первый взгляд, противоречащим презумпции невиновности, поскольку административно-деликтное производство бесспорно сопряжено с доказыванием виновности лица в совершении административного правонарушения и свидетельствует о сложившейся у правоприменителя тенденциозной позиции и тем самым – о его необъективности и небеспристрастности. Более того, одним из очевидных проявлений презумпции невиновности является требование того, что судьба итогового решения по вопросу о виновности либо невиновности преследуемого должна разрешаться лицами, которые незаинтересованы в итогах доказывания и выводах по делу.

Однако, учитывая специфику дел об административных правонарушениях (невысокая степень общественной опасности административных правонарушений) и необходимость оперативного воздействия на правонарушителей, следует допустить особое – отличное от классического содержания и действия презумпции невиновности – проявление таковой в производстве по указанным делам. Во-первых, следует признать одним из достижений нового КоАП РФ существенное расширение сферы судебного применения административных наказаний: из десяти лишь два административных наказания применяются во внесудебном порядке. Во-вторых, даже при применении последних установлен альтернативный порядок обжалования (вышестоящий орган или суд). В-третьих, вступление постановления о применении административного наказания и, следовательно, его реальное исполнение может иметь место только по истечении срока, установленного для обжалования. Таким образом, следует констатировать, что во всех случаях, когда лицо, привлекаемое к административной ответственности, не согласно с постановле-

нием о применении к нему административного наказания, а равно считает себя невиновным в совершении административного правонарушения, сохраняет право судебного (т.е. независимого, беспристрастного – свободного от административного «обвинения») рассмотрения или иного пересмотра вопроса о реальном применении к нему наказания.

Весьма важным логически выводимым из Конституции РФ критерием справедливости и соразмерности мер административной ответственности является требование определенности правовой нормы, устанавливающей юридическую ответственность. Любая неопределенность нормы, особенно нормы, регулирующей материально-правовые и процессуальные предпосылки существования административных наказаний, абсолютно недопустима как с точки зрения ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ, сообразно которой всякое ограничение прав и свобод может быть осуществлено только федеральным законом, так и с учетом того, что она влечет вероятность произвольного применения [2, с. 155–161]. Общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19, ч. 1, Конституции РФ), поскольку, – как правильно указывает Конституционный Суд РФ, – такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями [7]. Неясность правовой нормы, определяющей меру юридической ответственности, может привести к не согласующемуся с конституционным принципом правового государства произвольному и дискриминационному ее применению государственными органами и должностными лицами в их отношениях с субъектами ответственности и тем самым – к нарушению конституционного принципа юридического равенства и вытекающего из него требования равенства всех лиц, совершивших административное правонарушение, перед законом, закрепленного также ч. 1 ст. 1.4 КоАП РФ.

Конституционно-предопределенным для законодательного регулирования административной ответственности является установленный Конституцией РФ запрет повторного привлечения лица к ответственности за одно и то же правонарушение. Согласно этому конституционному принципу лицо за одни и те же действия не может подвергаться санкциям многократно, поскольку это противоречит общеправовому принципу справедливости, со-

гласно которому лицо не может быть дважды подвергнуто наказанию за одно и то же. Отступление от данного принципа означает чрезмерные ограничения прав и свобод человека и гражданина, не соответствующие целям защиты конституционно значимых ценностей и интересов, и, по сути, умаление конституционных прав и свобод (ст.ст. 19 (ч. 1), 34 (ч. 1), 45 (ч. 1), 46 (ч. 1), 55 (ч. 2 и 3) и 57 Конституции РФ) [5].

Другим конституционно-значимым требованием к законодательной регламентации административной ответственности является закрепленный в ст. 54 (ч. 1) Конституции РФ общий запрет придания обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность. Нормотворческая практика введения в действие закона свидетельствует о том, что основным принципом существования его во времени является немедленное действие. Поэтому действие нормативно-правовых актов во времени является, как правило, футуроспективным, т.е. рассчитанным на отношения, возникшие после вступления их в силу. Придание же обратной силы закону, – как указывает Конституционный Суд РФ, – исключительный тип его действия во времени, использование которого относится лишь к прерогативе законодателя [8]. Причем либо в тексте закона содержится особое указание о таком действии во времени, либо в правовом акте о порядке вступления закона в силу имеется подобная норма. Законодатель, реализуя свое исключительное право на придание закону обратной силы, учитывает специфику регулируемых правом общественных отношений. Обратная сила закона применяется преимущественно в отношениях, которые возникают между индивидом и государством в целом, и делается это в интересах индивида (уголовное, административное, административно-процессуальное право). Аналогичным образом (в пользу индивида) решается в Конституции РФ и вопрос об обратной силе закона, устраняющего или смягчающего ответственность (ч. 2 ст. 54).

Действующий КоАП РФ в соответствии с нормами Конституции РФ, определяющими правовое содержание конкретных прав и свобод личности, устанавливает пределы, условия их соразмерного ограничения. Так, конституционно-значимыми для законодательного регулирования административной ответственности являются положения Конституции РФ, не допускающие ограничение свободы и личной неприкосновенности иначе как по судебному решению (ч. 1 ст. 22), нарушение неприкосновенности жилища иначе как в случаях, уста-

новленных федеральным законом, или на основании судебного решения (ст. 25), лишения любого собственника своего имущества иначе как по решению суда (ч. 3 ст. 35) и другие гарантии судебной защиты.

В целом Конституция РФ закрепляет и ряд других параметров законодательного регулирования административной ответственности (справедливость, дифференциация и соразмерность административных наказаний; судебная защита от произвола государственно-властного преследования и необоснованного привлечения к административной ответственности), исчерпать которые на данном этапе практически невозможно. Конститу-

ционные основы юридической ответственности и административной, в частности, находятся в состоянии постоянного развития, чему свидетельство – практика Конституционного Суда РФ. Конституционные нормы оказывают регулирующее воздействие на институт административной ответственности. Происходит то, что можно назвать наложением конституционных норм на нормы иных отраслей права в механизме правового регулирования. Это свойство Конституции РФ можно охарактеризовать как одно из проявлений его непосредственного действия, которое направлено на гармонизацию общественных отношений, придавая им правовой характер.

Литература

1. Административное право Российской Федерации / отв. ред. Н. Ю. Хаманева. М.: Юрист, 2004. 556 с.
2. Бондарь Н. С. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. М.: ИД «Городец», 2004. 352 с.
3. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991–2001): Очерки теории и практики. М.: ИД «Городец», 2001. 508 с.
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2003. 512 с.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. №130-О // Сборник законов РФ (далее – СЗ РФ). 2001. №34. Ст. 3512.
6. Постановления Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П // Сборник законов РФ. 2001. №7. Ст. 700
7. Постановления Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П // СЗ РФ. 1999. №30. Ст. 3988.
8. Решение Конституционного Суда РФ от 1 октября 1993 г. № 81-Р // Вестник Конституционного Суда РФ. 1994. № 6.

References

1. *Administrativnoe pravo Rossijskoj Federacii (Administrative law of the Russian Federation)* / ed by N. Ju. Hamanев. Moscow: Jurist, 2004. 556 p. (In Russian).
2. Bondar' N. S. *Grazhdanin i publichnaja vlast': Konstitucionnoe obespechenie prav i svobod v mestnom samoupravlenii (The citizen and the public sector: The constitutional rights and freedoms in local government)*. Moscow: ID «Gorodec», 2004. 352 p. (In Russian).
3. Vitruk N. V. *Konstitucionnoe pravosudie v Rossii (1991–2001): Oчерки teorii i praktiki (Constitutional justice in Russia (1991–2001): Essays on the theory and practice)*. Moscow: ID «Gorodec», 2001. 508 p. (In Russian).
4. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. *Teorija gosudarstva i prava: Uchebnik (Theory of state and law: Textbook)*. Moscow: Jurist#, 2003. 512 p. (In Russian).
5. *Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 5 ijulja 2001 g. № 130-O (The constitutional Court of the Russian Federation from July 5, 2001 No. 130-O) // Sbornik zakonov RF (SZ RF). 2001. No. 34. Art. 3512. (In Russian).*
6. *Postanovlenija Konstitucionnogo Suda RF ot 25 janvarja 2001 g. № 1-P (Decisions of the constitutional Court of the Russian Federation from 25 January 2001. No. 1-P) // SZ RF. 2001. No. 7. Art. 700. (In Russian).*
7. *Postanovlenija Konstitucionnogo Suda RF ot 15 ijulja 1999 g. № 11-P (Decisions of the constitutional Court of the Russian Federation from July 15, 1999 № 11-P) // SZ RF. 1999. No. 30. Art. 3988. (In Russian).*
8. *Reshenie Konstitucionnogo Suda RF ot 1 oktjabrja 1993 g. № 81-R (The decision of the constitutional Court of the Russian Federation dated 1 October 1993 No. 81-P) // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. 1994. No. 6. (In Russian).*

УДК 341.234

А. О. Усманов

**К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ
МЕСХЕТИНСКИХ ТУРОК: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Проблема реабилитации репрессированных в советское время народов не утратила своего значения по сей день. До сих пор остаётся не решённым вопрос с восстановлением в правах некоторых народов, депортированных в 40-х гг. с территории Закавказья.

В статье исследуется проблема реабилитации месхетинских турок в контексте российского и грузинского законодательства, проводится анализ некоторых нормативно-правовых актов, их значение и результаты практической реализации. Нормативно-правовое регулирование вопроса

неосуществлённой репатриации турок-месхетинцев на историческую родину рассматривается в своём развитии в условиях СССР и в современное время. Затрагиваются политико-правовые особенности исследуемой проблемы в России, а также нежелание Грузии в деятельном участии в возвращении депортированного с её территории населения.

Ключевые слова: реабилитация, депортированное население, Россия, Грузия, постановление, репатриация, турки-месхетинцы.

A. O. Usmanov

**ON CONSTITUTIONAL AND LEGAL REHABILITATION
OF THE MESKHETIAN TURKS: A POLITICO-LEGAL ASPECT**

The problem of rehabilitation of people repressed in the Soviet times has not lost its importance up to this day. Until now, the issue of legal rehabilitation of some peoples deported in the 40s from the territory of Transcaucasia remains unresolved. The article examines the problem of rehabilitation of Meskhetian Turks in the context of Russian and Georgian legislation, analyzes some normative legal acts, their significance and the results of practical implementation.

The regulatory legal regulation of the issue of the unreached repatriation of Meskhetian Turks to their

historical homeland is considered in its development in the conditions of the USSR and in modern times. The politico-legal features of the problem under investigation in Russia are touched upon, as well as Georgia's unwillingness to actively participate in the return of the deported population from its territory.

Key words: rehabilitation, deported population, Russia, Georgia, resolution, repatriation, Meskhetian Turks.

Депортация народов СССР – трагическая веха в истории XX века, признанная чудовищным преступлением против человечества, политикой произвола и беззакония, практиковавшуюся на государственном уровне. В период с начала 1920-х по 1950-е гг. более шести миллионов людей из разных частей СССР были высланы в Среднюю Азию, Сибирь и на Дальний Восток. Из них тотальной депортации подверглись десять этнических групп [7].

Историю не изменишь, однако многое можно сделать, чтобы облегчить людские страдания и исправить ошибки прошлого. Хотя это и не может служить адекватной компенсацией пережитых страданий, большинство

народов, депортированных советским режимом, были реабилитированы, по крайней мере, частично, и получили разрешение вер-

нуться на родные земли. Однако эти реабилитационные процессы, начатые ещё во второй половине прошлого века, в практическом отношении коснулись не всех народов, подвергшихся насильственному переселениям. До сих пор остаётся не решённым вопрос с правовой реабилитацией турок-месхетинцев, депортированных в 1944 г. с территории южной Грузии.

Проблема месхетинских турок десятилетиями оставалась на периферии политических и научных интересов. С конца 1980-х гг. начали возвращаться в Крым крымские татары, большинство депортированных поволжских немцев и их потомков за последние 30 лет уехали в Германию, а турки-месхетинцы, курды и хемшилы остались последними из депортированных народов, для которых вопрос о возвращении на историческую родину не был решен.

Особую сложность эта проблема приняла с развалом СССР, все более превращаясь в гуманитарную проблему современности, решение которой приходится искать уже и в международно-правовой сфере. Однако ответственные страны, традиционно дистанцируясь от решения этого вопроса, оставляют его в практически «подвешенном» состоянии, ограничиваясь исключительно декларативными мерами.

Тематика остаётся недостаточно освещённой и изученной, чем представляет научный и тем более практический интерес. Объектом исследования в данной работе является анализ законодательства России и Грузии, относящийся к решению «проблемы месхетинских турок».

Среди знаковых нормативных актов высших органов власти Советского Союза, регулировавших правовое положение месхетинских турок после депортации и положивших начало реабилитационным процессам наряду с другими репрессированными народностями, первым являлся Указ Президиума ВС СССР № 135/142 «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, высланных в период Великой Отечественной войны» от 28 апреля 1956 г., который снимая с учета спецпоселений и освобождая из-под административного надзора органов МВД СССР, все же не давал права возвращаться в места, откуда они были высланы [3].

Вторым, по существу заморозившим этот процесс, документом, стало Постановление № 2709-VII Президиума ВС СССР от 30 мая 1968 г., в котором разъяснялось, что граждане СССР – турки, курды, хемшилы и азербайджанцы, ранее проживавшие в южных районах Грузии и в Аджарии, «пользуются правом, как и все граждане Советского Союза, проживать на всей территории СССР в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме», однако в ст. 2 Постановления отмечалось, что упомянутые категории граждан «укоренились» на территории Узбекской, Казахской ССР и других союзных республик, и руководства последних рекомендовалось создавать им всяческие условия для проживания с учетом национальных интересов и особенностей, что, при наличии формального права, не давало возможности депортированным на возвращение [8, л. 521–522].

Но даже после признания утратившими силу законодательных актов СССР Указом Президиума ВС СССР от 9 января 1974 г., в число которых входила и ст. 2 Указа Президиума ВС СССР от 28 апреля 1956 г., тем самым снимая

ограничения в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан, процесс реабилитации месхетинских турок не сдвинулся с мертвой точки, теперь уже благодаря сопротивлению властей Грузинской ССР [2, л.100]. В частности, одним из неформальных, но обязательных условий являлась смена фамилий и, соответственно, национальной идентичности.

Принятые в последние годы существования СССР государственные акты – Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» от 14 ноября 1989 г., Постановление Верховного Совета СССР «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией от 14 ноября 1989 г.» от 7 марта 1991 г., а так же Постановление Совета Министров СССР от 6 июня 1991 г. «Об отмене постановлений бывшего Комитета Оборона СССР и решений Правительства СССР в отношении советских народов, подвергавшихся репрессиям и насильственному переселению» и др. не успели оказать какого-либо практического влияния на процесс реабилитации месхетинских турок [9]. Однако стоит отметить, мало кому известный, проект Закона СССР «О реабилитации месхетинских турок», признававший право «на их возвращение в места традиционного проживания» до антиконституционной политики насильственного переселения и на «возмещение ущерба, причинённого им государством», который Верховным Советом СССР так и не был принят [2, л. 141–143].

Поворотным моментом на пути полного восстановления исторической справедливости в отношении репрессированных в годы советской власти народов явилось принятие 26 апреля 1991 г. Верховным Советом РСФСР Закона «О реабилитации репрессированных народов» [9]. Данный Закон касается «народов» в значении этнических групп как коллективных общностей, но не индивидов, подвергшихся депортации в сталинский период. В нем достаточно полно определены понятия «репрессированные народы», виды реабилитации и признаны незаконными и преступными все репрессивные акты против этих народов, за исключением актов, восстанавливающих их права. Закон так же предусматривает возмещение ущерба и компенсацию вреда, нанесённого группам, депортированным в период с 1920-х по 1950-е гг. На протяжении 1990-х гг. в соответствии с этим законом было издано несколько президентских указов и правительственных по-

становлений, направленных на поддержку отдельных этнических групп (таких как корейцы, калмыки, немцы, балкарцы и финны). Помимо чисто символической поддержки, подзаконные акты способствовали реализации ряда конкретных проектов и программ, направленных на отдельные этнические группы и территории их проживания (такие программы реализовывались в отношении балкарцев, немцев и калмыков). Однако, приходится констатировать, что указанный Закон и другие подзаконные акты касались только групп, которые были перемещены с территории Российской Федерации или внутри неё, и, таким образом не распространялись на турок-месхетинцев.

Хотя и Закон «О реабилитации репрессированных народов» даёт вполне удачное общее определение таких народов (ст. 2), он все же в полной мере не уточняет о каких именно народностях идёт речь. В связи с этим на практике часто возникают споры о том, относит ли Закон ту или иную конкретную этническую группу (в том числе и месхетинских турок) к числу репрессированных народов. С учетом этого, по мнению док. юр. наук Лазарева, «следовало бы дать в Законе точный перечень этих народов, исходя из содержания соответствующих указов Президиума Верховного Совета СССР, постановлений ГКО и СНК СССР тех лет. Без упоминания этих актов нет полной ясности относительно содержания ряда других нормативных предписаний» [6, л. 22].

В 1991 г. также был принят Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий», который касается в числе прочего случаев депортации и других форм репрессий на этнической почве в отношении индивидов. Таким образом, он в определённом смысле накладывается на закон о репрессированных народах: последний относится к коллективной реабилитации и прямо отсылает к закону о жертвах политических репрессий как инструменту индивидуальной реабилитации. Закон о реабилитации жертв политических репрессий, в соответствии со ст. 2, распространяется в том числе и «на лиц, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, репрессированных советскими судебными и административными органами, действовавшими за пределами СССР, либо военными трибуналами, центральными судами Союза ССР и внесудебными органами» [9]. В соответствии с этой статьей многие турки-месхетинцы до 1956 г. рождения были признаны жертвами политических репрессий и имеют соответствующие свидетельства, хотя закон о реабилитации репрессированных на-

родов, отсылая к закону о реабилитации жертв политических репрессий, распространяет его действие на граждан, «подвергшихся репрессиям на территории Российской Федерации» (ст. 3.1). Впрочем, впоследствии с 2005–2006 г. выдача подобных свидетельств представителям месхетинских турок была прекращена.

Так же следует отметить, что бывшие граждане СССР, которые получили документы о реабилитации в бывших союзных республиках (в основном в Украине, Белоруссии или Казахстане), были признаны жертвами политических репрессий в России и получали соответствующие льготы. Это происходило согласно статьям 11 и 12 закона о реабилитации жертв политических репрессий, а также в соответствии с Постановлением ВС РФ «О порядке предоставления льгот реабилитированным лицам, проживающим на территории Российской Федерации» от 26 июня 1992 г. № 3131-1.

Таким образом, согласно действующему российскому законодательству, месхетинские турки, подвергшиеся тотальной депортации в период сталинских репрессий с территории Грузинской ССР в республики Средней Азии, в индивидуальном порядке признавались жертвами политических репрессий и получали реабилитирующие документы, однако в коллективном отношении как этническая группа, законодательством о реабилитации репрессированных народов не признаются подлежащими реабилитации.

Одним из механизмов, обеспечивших туркам-месхетинцам место в публичном пространстве в качестве отдельной категории и официальное признание явилось создание федеральной правительственной комиссии по проблемам турок-месхетинцев, существовавшей в 1994–2002 гг. Следует отметить, что существовало только две правительственные комиссии по отдельным этническим группам, подвергшимся репрессиям, а именно по российским немцам и туркам. Однако комиссия по немцам была двусторонней и включала представителей правительства Германии, а защита немецкого меньшинства в России остаётся значимым фактором российско-немецких отношений на межгосударственном уровне. Комиссия же по месхетинским туркам на практике не приняла ни одного решения, и поэтому приходится говорить только о её символическом значении.

Межведомственная комиссия по решению проблем турок-месхетинцев, проживающих на территории Российской Федерации, была создана Распоряжением Правительства РФ

№ 1129-р от 18 июля 1994г. Она состояла из 14 человек, представляющих различные министерства и ведомства, а также исполнительные органы отдельных субъектов федерации. Согласно правительственному распоряжению, основными целями комиссии были подготовка предложений, касающихся правовых, социальных, культурных проблем турок-месхетинцев, координация соответствующей деятельности федеральных исполнительных властей, оказание региональным властям необходимой помощи в расселении и жизнеобеспечении турок-месхетинцев и в разработке предложений по репатриации турок в Грузию. Решения комиссии были обязательны для соответствующих официальных властей. Около года комиссия была занята преимущественно подготовкой проекта межправительственного соглашения с Грузией, касающегося переселения туда месхетинцев. Соглашение не было подписано, и вскоре деятельность комиссии прекратилась.

Деятельность Комиссии была возобновлена в соответствии с Распоряжением Правительства РФ № 627 от 28 мая 1998 г. Комиссия приняла рабочий документ, озаглавленный «Решение межведомственной комиссии по проблемам турок-месхетинцев, проживающих на территории Российской Федерации».

Само существование такой комиссии выглядело в своём роде беспрецедентным случаем. Несмотря на то, что существовало несколько правовых актов, посвящённых отдельным этническим группам (почти все они касались депортированных народов), не создавалось соответствующих правительственных структур, обладающих таким объемом полномочий [10]. Однако комиссия была распущена Распоряжением Правительства РФ № 1221 от 30 августа 2002 г. Вопросы месхетинских турок были переданы в ведение правительственной комиссии по миграционной политике, которая вскоре также перестала существовать. Деятельность и заявления комиссии, её состав и её рабочий документ от сентября 1998 г. демонстрируют, что правительство рассматривало проблему турок-месхетинцев исключительно как проблему безопасности и международных отношений, но не как проблему социальной интеграции, прав человека и защиты меньшинства внутри страны.

При рассмотрении законодательства Грузии, касающейся насильственно перемещённых лиц, с территории которой и были в 1944 г. депортированы турки-месхетинцы, следует отметить Распоряжение Главы Государства Ре-

спублики Грузия № 106 от 18 мая 1993 г. «Об урегулировании некоторых социальных проблем депортированных месхов», являющейся одним из немногих нормативных актов, имеющих объектом регулирования вопросы обеспечения защиты прав репрессированного народа не в индивидуальном порядке, а в масштабе этнической группы, хотя и позиция грузинского руководства в вопросе определения этнической принадлежности депортированного населения отличается своеобразием: в грузинской историографии депортированное население считается омусульманенным, отуреченным грузинским племенем «месхов», поэтому в официальных документах термин «месхетинские турки» не используется [2, л. 145–146].

В соответствии с Распоряжением Президента Грузии была создана Комиссия по проблемам населения, депортированного в 1944 г. из Южной Грузии. Члены этой комиссии провели переговоры с администрацией Краснодарского края и разработали «Концептуальный план по репатриации населения, депортированного в 1944 г. из Месхетии и Джавахетии Грузинской ССР». Однако документ так и остался простой декларацией о намерениях. В декабре 1996 г. был подписан Указ «Об утверждении государственной программы решения правовых и социальных проблем депортированных и репатриированных в Грузию месхов». Для ее реализации была снова создана правительственная комиссия. Но и её деятельность оказалась безрезультатна, поскольку принятый грузинским парламентом 17 декабря 1997 г. Закон «О признании граждан Грузии жертвами политических репрессий и социальной защите репрессированных», хоть и давал дефиницию жертв политических репрессий, которая логически должна была бы включать и месхетинских турок и регулирование вопросов социальной защиты соответствующих лиц и их семей, в статье 3 исключала их из рассмотрения: «Этот закон не распространяется на лиц, по определению принадлежащих к этническим группам, депортированным в период с 25 февраля 1921г. и до 28 октября 1992 г., правила реабилитации которых будут рассмотрены особо» [4]. Впрочем, таковое особое рассмотрение до сих пор не имело места.

В то же время следует отметить тот любопытный факт, что хотя Закон «О жертвах репрессий» исключает депортированных месхетинцев и их потомков из схемы социальной реабилитации, однако, по имеющимся сведениям, он был применён по крайней мере к некоторым представителем этой категории

репрессированных, которые получают определённую законом пенсию как жертвы репрессий [10, л. 354].

И наконец, основными нормативно-правовыми актами грузинского законодательства, призванными решить турецко-месхетинскую проблему в части репатриации на историческую родину стали Закон Грузии «О репатриации лиц, насильственно переселённых из Грузинской ССР в 40-е гг. XX в. властями бывшего СССР» от 11 июля 2007 г. и Постановление Правительства Грузии «О присвоении гражданства Грузии в упрощённом порядке лицам, имеющим статус репатрианта» от 11 июля 2007 г. [5]. Закон был принят под давлением Совета Европы, одним из предварительных условий вступления в который было обязательство Грузии репатриировать месхетинцев-мусульман в течение двенадцатилетнего срока: «II. Относительно внутреннего законодательства: е) Адаптировать в течение двух лет после вступления правовые рамки, допускающие репатриацию и интеграцию, включая право на получение грузинского гражданства, для депортированного советским режимом месхетинского населения, с консультациями с Советом Европы по этим правовым рамкам до их принятия, и начать процесс репатриации месхетинского населения в течение двенадцати лет после вступления» [11].

Однако указанный закон, принятие которого затянулось почти на десять лет, не только не реабилитировал подвергшийся репрессиям народ, хотя изначально в рассматриваемых проектах речь шла о социальной реабилитации, но он так и не решил проблему возвращения депортированного населения в традиционные места проживания. Согласно данным, приведённым в докладе Комиссара Совета Европы по правам человека Нилса Муйжниекса от 12 мая 2014 г., лишь семь человек из числа месхетинских турок получили гражданство Грузии [12, р. 27]. На сегодняшний день стали совершенно очевидными фиктивность намерений грузинских властей и исключительная декларативность принятого закона. В самой же Грузии в среде правозащитников он был назван «законом о невозвращении». Среди недостатков стоит выделить содержание в законе жестких ограничений и заведомо трудноисполнимых условий подачи заявлений: срок подачи заявлений ограничивался одним годом, который в последствии, под давлением Совета Европы, был продлён в общей сложности ещё на один год, что существенно не повлияло на общий процесс; а полный пакет документов, не-

обходимых для приема заявлений насчитывал более 14 различных справок, среди которых документ (документы), удостоверяющий факт насильственного переселения (ст. 4, п. 2, а.)

Так же закон предусматривает разрешительный порядок присвоения статуса репатрианта и неограниченную свободу усмотрения властей в вопросе о статусе: согласно п. 3 ст. 8 «В отношении административно-правового акта о присвоении статуса репатрианта или об отказе в нем не распространяется действие статьи 177 и части 3 статьи 178 Общего административного кодекса Грузии», т.е. лицо, получившее отказ в присвоении статуса репатрианта не вправе обжаловать изданный административным органом этот административно-правовой акт, а так же обратиться в суд в порядке установленным Административно-процессуальным кодексом Грузии. Кроме того, «Правительство Грузии правомочно устанавливать дополнительные требования в связи с рассмотрением вопроса о предоставлении статуса репатрианта» (п. 1 ст. 7).

В законе не определено содержание статуса репатрианта, отсутствуют какие-либо обязательства грузинского государства перед репатриантами: не предполагается никакой финансовой или материальной помощи репатриантам, ничего не говорится о льготах или отмене налоговых пошлин при ввозе в страну имущества репатриантов.

Таким образом, рассматриваемый закон, провозглашающий восстановление исторической справедливости на принципах достойного и добровольного возвращения, не достиг заявленных целей и в результате репатриация турок-месхетинцев, желающих вернуться на историческую родину стала, по сути, невозможной как юридически, так и фактически.

В своём отношении к проблеме возвращения месхетинских турок на историческую родину Государственная Дума РФ приняла Постановление «О ситуации с репатриацией в Грузию турок-месхетинцев» от 17 октября 2008 г., в котором констатировала, что «Грузия не выполняет свои международные обязательства по репатриации турок-месхетинцев», взятые на себя при вступлении в Совет Европы, а также отметила сугубо «декларативный характер» закона, принятого грузинским парламентом лишь с целью «снятия формальных претензий Совета Европы к властям Грузии, открыто саботирующим свои обязательства в гуманитарной сфере» [13].

С другой стороны Грузия, будучи членом СНГ, так и не присоединилась к многосторон-

нему Соглашению по вопросам, связанным с восстановлением прав депортированных лиц, национальных меньшинств и народов, подписанным членами СНГ в Бишкеке, 9 октября 1992 г., а также не подписала Решение «О проекте соглашения по вопросам, связанным с восстановлением прав депортированных лиц, национальных меньшинств и народов» от 2 апреля 1996 г., которые, кстати говоря, послужили правовой основой для репатриации другого депортированного народа – крымских татар, вернувшихся на традиционные места проживания из республик Средней Азии.

Так же неподписанным осталось «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Грузия о сотрудничестве в вопросах, связанных с восстановлением прав депортированных лиц, включая их потомков», статьи которого были согласованы в рабочем порядке. Проект этого Соглашения был парафирован сторонами, но не был подписан из-за политической нестабильности в Грузии.

Возвращаясь к правовому положению турок-месхетинцев в России, стоит упомянуть обращение Международной организации месхетинских турок «Ватан», представляющей интересы более ста тысяч турок-месхетинцев – граждан РФ, к президенту РФ В. В. Путину с просьбой о реабилитации, распространённое российскими СМИ в конце 2015 г. В обращении, в частности, говорилось: «в целях восстановления исторической справедливости, устранения последствий незаконной депортации с территории ГССР мусульманского населения (подавляющее большинство – месхетинские турки) обращаемся к Вам, как к Президенту Российской Федерации, которая является правопреемником СССР, с просьбой об издании специального указа о реабилитации мусульманского населения депортированного с территории ГССР в 1944 г. в республики Средней Азии».

Однако в своём ответе от 25 февраля 2016 г. № А61-313 на вышеуказанное обращение Заместитель начальника Управления Президента РФ по внутренней политике М. Белоусов отметил, что «поскольку репрессии против турок-месхетинцев были применены по персональным решениям соответствующих органов власти Грузинской ССР, на территории Грузинской ССР, органы внутренних дел Российской Федерации не имеют законных оснований для выдачи реабилитирующих документов», и с просьбой об издании специального акта о реабилитации граждан, незаконно депортированных с территории Грузинской ССР в 1944 г.

посчитал «необходимым обращаться к политическому руководству Грузии» [1].

Подобная позиция государственных органов РФ в части возложения ответственности за репрессии месхетинских турок на органы власти Грузинской ССР, вызывает недоумение, поскольку совершенно очевидна невозможность тотальной депортации этнических групп населения в территориальном пространстве СССР персональными решениями органов власти лишь союзной республики, тем более, что достоверно известно согласно историческим документам, в том числе Постановлению ГОКО № 6279 «О переселении из пограничной полосы Грузинской ССР турок, курдов и хемшинов» от 31 июля 1944 г., что решение о выселении принималось высшим политическим руководством СССР, а ст. 1 указанного Постановления возлагает организацию переселения на органы НКВД СССР; а также Приказу №001176 народного комиссара внутренних дел СССР от 20 сентября 1944 г. «О переселении из пограничных районов Грузинской ССР турок, курдов и хемшинов», изданным во исполнение вышеуказанного Постановления.

В этой связи приходится констатировать, что политика государственных органов России 1990-х гг. относительно проблемы месхетинских турок, рассматривающих последних как временное транзитное население, но не как национальное меньшинство, репрессированную этническую группу, подлежащую реабилитации, не претерпела существенных изменений за последние десятилетия, хотя за это время практически все месхетинское население России приобрело гражданство РФ. В этом контексте перспективы турок-месхетинцев выглядят неоднозначно. С одной стороны, существует ряд инструментов, которые теоретически могут быть использованы для регулирования положения турок-месхетинцев как лиц, принадлежащих к репрессированному народу. С другой стороны, в их случае эти инструменты не действуют: само законодательство не предлагает адекватных механизмов их реализации и содержит конкретные пробелы.

Таким образом, проблема реабилитации месхетинских турок в политико-правовой, а также территориальной составляющей этого понятия как комплекса юридических и организационных мероприятий, требуемых для восстановления прав репрессированного народа, после развала Советского Союза приняла сложноразрешимый характер. Во-первых, распад Советского Союза вызвал целый ряд этнополитических изменений, которые имели

тяжелые последствия для месхетинских турок, приведя к дальнейшему их перемещению внутри и за пределы республик бывшего Союза. Более того, создание независимых государств на территории бывшего СССР запустило процесс, который направил современную историю турок-месхетинцев в совершенно разных направлениях, они теперь живут в странах с очень непохожими политическими режимами – от авторитарного Узбекистана до вестернизирующейся Украины. При этом, более ста тысяч человек, относящих себя к этой этнической общности, на сегодняшний день являются гражданами РФ, проживая в восемнадцати регионах страны. Правовое положение месхетинцев в РФ характеризуется продолжающимся процессом стабилизации в условиях России, а также институционализации турецко-месхетинского представительства в гражданском обществе. Однако РФ, будучи правопреемником СССР, не вправе в полном объеме реабилитировать депортированное из Грузинской ССР население, поскольку это означало бы вторжение в юрисдикцию независимых государств – бывших республик Советского Союза. С другой стороны, грузинское государство, политическое руководство которого не признает ответственности за совершенное в советское время союзными государственными органами преступление, так же не видит оснований для законодательной реабилитации репрессированного народа, а созданные им правовые механизмы для репатриации месхетинских турок,

что ныне стало совершенно очевидным, имели целью лишь формальное удовлетворение требований европейских организаций, под давлением которых они и были приняты. Отсюда «подвешенный» характер исследуемой проблемы, её тупиковое состояние, тем более осложняющееся непростыми российско-грузинскими отношениями.

В сложившихся условиях, в качестве конструктивных шагов относительно реабилитации месхетинских турок – граждан РФ, переживших преступную политику сталинского режима, имеющих законное право на справедливое отношение к своему прошлому со стороны российского государства как индивидуально, так и в составе этнической общности, но более всего – в качестве символического акта, восстанавливающего историческую справедливость и доброе имя, представляется необходимым принятие соответствующими государственными органами РФ специального реабилитирующего законодательного акта, признающего турок-месхетинцев репрессированным народом, декларирующего его частичную реабилитацию в правовом, культурном и социальном отношениях, а так же реализация конкретных проектов и программ, направленных на поддержку культурного и национального развития месхетинских турок как репрессированного народа. Принятие в Российской Федерации подобных документов послужило бы весомым аргументом в многолетней борьбе народа за возвращение на историческую родину.

Литература

1. Архив Международного общественного объединения месхетинских турок «Ватан».
2. Бугай Н. Ф. Турки-месхетинцы: долгий путь к реабилитации. М.: ТОО «Издательский дом «РОСС». 1994. 161 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 72. Д. 619.
4. Законодательный вестник Грузии. Парламентские ведомости, 47–48, 31.12.1997 URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/31408?publication=10> (Дата обращения: 20.03.2017)
5. Законодательный вестник Грузии – ЗВГ, 29, 27.07.2007. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/22558> (Дата обращения: 21.03.2017).
6. Лазарев Б. М. Правовые вопросы реабилитации репрессированных народов // Государство и право. 1994. № 12. С. 21–26
7. Полян П. Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 326 с.
8. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 2. Февраль 1956 – начало 80-х годов / сост. Артизов А. Н., Сигачев Ю. В., Хлопов В. Г., Шевчук И. Н. М.: МФД, 2003. 960 с.
9. Реабилитация: как это было. Документы Политбюро ЦК КПСС, стенограммы заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период с 30–40-х и начала 50-х гг., и другие материалы. Том III. Середина 80-х годов – 1991 / сост. А. Н. Артизов, А. А. Косаковский, В. П. Наумов, И. Н. Шевчук. М.: МФД, 2004. 720 с.
10. Турки-месхетинцы: Интеграция. Репатриация. Эмиграция / под ред. Т. Триера и А. Ханжина. СПб: Алетейя, 2007. 456 с.
11. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания РФ «О ситуации с репатриацией в Грузию турок-месхетинцев», 17 октября 2008 г. №1114-5 ГД // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 43. (Раздел 2). Ст. 4897.
12. Parliamentary Assembly Opinion 209(1999) «Georgia's application for membership of the Council of Europe» 10.2. with regard to domestic legislation, e. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=16669&lang=en> (Дата обращения: 23.03.2017)

13. Report by Nils Muiznieks, Commissioner for human rights of the Council of Europe, following his visit to Georgia from 20 to 25 January 2014., Strasbourg, 12 May 2014, CommDH(2014)9 URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806db6db> (Дата обращения: 23.03.2017).

References

1. The Archive of the International society of the Meskhetian Turks «Vatan». (In Russian).
2. Bugai N. F. Turki-meskhetintsy: dolgii put' k reabilitatsii (*Meskhetian Turks: the long road to rehabilitation*). Moscow: TOO «Izdatel'skii dom «ROSS». 1994. 161 p. (In Russian).
3. State archive of the Russian Federation (GARF). F. 7523. Inv. 72. D. 619. (In Russian).
4. Zakonodatel'nyi vestnik Gruzii. Parlamentskie vedomosti (*Legislative Herald of Georgia, Parliamentary Gazette*), 47–48, 31.12.1997 URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/31408> (Accessed: 20.03.2017). (In Russian).
5. Zakonodatel'nyi vestnik Gruzii – ZVG (*Legislative Herald of Georgia – LVG*), 29, 27.07.2007. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/22558> (Accessed: 21.03.2017). (In Russian).
6. Lazarev B. M. Pravovye voprosy reabilitatsii repressirovannykh narodov (*Legal issues of rehabilitation of repressed peoples*) // Gosudarstvo i pravo. 1994. No.12. P. 21–26. (In Russian).
7. Polyan P. Ne po svoei vole: istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsii v SSSR (*Against their will: the history and geography of forced migrations in the USSR*). M.: OGI «Memorial», 2001. 326 p. (In Russian).
8. Postanovlenie Gosudarstvennoi Dумы Federal'nogo Sobraniya RF O zayavlenii Gosudarstvennoi Dумы Federal'nogo Sobraniya RF «O situatsii s repatriatsiei v Gruziiyu turok-meskhetintsev» (*Statement of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation «On the situation with the repatriation to Georgia of Meskhetian Turks»*) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2008. No. 43. (Part 2). Art. 4897. (In Russian).
9. Reabilitatsiya: kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma TsK KPSS i drugie materialy (*Rehabilitation: how it was. Documents of the Presidium of the Central Committee of the Communist party and other materials*). Vol. 2. Fevral' 1956 – nachalo 80-kh godov / ed by Artizov A. N., Sigachev Yu. V., Khlopov V. G., Shevchuk I. N. Moscow: MFD, 2003. 960 p. (In Russian).
10. Reabilitatsiya: kak eto bylo. Dokumenty Politbyuro TsK KPSS, stenogrammy zasedaniya Komissii Politbyuro TsK KPSS po dopolnitel'nomu izucheniyu materialov, svyazannykh s repressiyami, imevshimi mesto v period s 30-40-kh i nachala 50-kh gg., i drugie materialy (*Rehabilitation: how it was. Documents of the Politburo of the Central Committee of the Communist party on additional study materials related to repressions that took place in the period from the 30-40s and early 50s, and other materials*). Vol III. / ed by A. N. Artizov, A. A. Kosakovskii, V. P. Naumov, I. N. Shevchuk. Moscow: MFD, 2004. 720 p. (In Russian).
11. Turki-meskhetintsy: Integratsiya. Repatriatsiya. Emigratsiya (*Meskhetian Turks: Integration. Repatriation. Emigration*) / ed by T. Trier and A. Khanzhin. St.Petersburg: Aleteiya, 2007. 456 p. (In Russian).
12. Parliamentary Assembly Opinion 209(1999) «Georgia's application for membership of the Council of Europe» 10.2. with regard to domestic legislation, e. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=16669&lang=en> (Accessed: 23.03.2017)
13. Report by Nils Muiznieks, Commissioner for human rights of the Council of Europe, Following his visit to Georgia from 20 to 25 January 2014., Strasbourg, 12 May 2014, CommDH(2014)9 URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806db6db> (Accessed: 23.03.2017).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81

Н. Н. Дюмон

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению фразеологических единиц французского языка, которые представляют собой достаточно обширный класс единиц, имеющий свои отличительные особенности и достаточно часто функционирующие в речи. Особое внимание уделяется проблемам содержательной структуры ФЕ характерологической семантики и их компонентного состава. Единицей описания структуры значения фразеологических единиц избирается семантический компонент – сема. Архисема является также основой формирования дифференциальной части значения фразеологических единиц, поскольку каждый фразеологизм имеет индивидуальные смысловые признаки. Последние находят выражение в дифференцирующих семмах. Дифференцирующие семы исследуемых фразеологических единиц – это индивидуальные семантические компоненты, которые указывают на отличие одного фразеологизма от другого и, тем самым, показывают основные различия между синонимами. В данной статье также рассматриваются синонимические ряды фразеологизмов, указывающих на всевозможные оттенки

и тонкости характеристики человеческих качеств, и которые позволяют воспользоваться синонимической заменой отдельных компонентов словосочетания. В работе уделяется внимание одной из специфических черт фразеологии французского языка – широко развитой вариантности фразеологизмов – сравнительная легкость синонимической замены отдельных компонентов словосочетания. Различия в значениях фразеологических синонимов выражены эксплицитно. В качестве категориального признака, имплицитно присутствующего в семантике анализируемых фразеологических единиц, рассматривается признак «качественно-оценочной характеристики личностных свойств человека», который обладает наибольшей степенью абстракции в пределах изучаемого объекта, расхождения в значениях последних проявляются в конкретных условиях.

Ключевые слова: фразеологические единицы, сема, архисема, семантический компонент, синонимический ряд, полипризнаковая семантическая структура, вариантность фразеологизмов.

N. N. Dyumon

THE CONTENT STRUCTURE OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH CHARACTEROLOGICAL SEMANTICS IN MODERN FRENCH

The article is devoted to the study of French phraseological units, which represent an extensive class of units with its own distinctive features and functions in speech. Particular attention is paid to the problems of the content structure of phraseological units with characterological semantics and their component composition. The semantic component – seme – is used to describe the content structure of phraseological units. Arhiseme is also used to form the differential part of the meaning of phraseological units, as every phraseological unit has its own semantic features, which are expressed by differentiative

semes. Differentiative semes of phraseological units are unique semantic components that point out the differences between phraseological units and their synonyms. In this article, we also consider synonymous series of phraseological units that point to all sorts of shades and subtleties of the characteristics of human qualities, and which allow us to use the synonymous substitution of individual components of the word combination. In this research, particular attention is paid to some specific features of French phraseological units: highly developed variation of phraseological units allows us to substitute individual

components of the word combination. Differences in meaning of phraseological synonyms are shown explicitly. The categorical feature implicitly expressed in the meaning of phraseological units is «qualitative and evaluative characteristics of individual qualities of the person»; this feature is highly abstract, dif-

Выявление различных семантических признаков, формирующих неэлементарную, многокомпонентную структуру фразеологизмов, связано с собственно лингвистическим анализом их содержания. Единицей описания структуры значения фразеологических единиц избирается семантический компонент – сема. Под семой понимается общепринятое в лингвистике определение элементарной единицы смысла. За основу мы принимаем классификацию сем, данную В. Г. Гаком.

Для выделения архисем и дифференцирующих сем в семантической структуре фразеологических единиц необходимо обратиться непосредственно к их дефинициям.

Рассмотрим группу фразеологических единиц, объединенных общим семантическим признаком «être courageux».

Avoir du coeur – avoir de la dignité, de la fierté, de l'honneur, du courage; быть благородным, гордым, быть мужественным, храбрым.

Avoir de l'estomac – se dit de celui qui fait preuve de hardiesse, en mauvaise part d'audace; avoir de l'audace, du sang – froid; avoir une audace effronté а) быть смелым, решительным, дерзким; б) обладать выдержкой.

N'avoir pas froid aux yeux – être audacieux, décidé; avoir de la hardiesse, du courage ou être effronté, n'avoir pas peur, être hardi, courageux, être effronté.

Avoir du sang dans les veines – être courageux, résolu; avoir du courage, avoir un tempérament énergique; а) быть смелым, энергичным; б) уметь постоять за себя, не дать себя в обиду.

Avoir du poil – un homme d'une bravoure éprouvée; быть храбрым.

Etre brave (courageux) comme un lion – быть смелым как лев.

Etre brave (courageux) comme un César – быть храбрым как Цезарь.

Etre brave (vaillant) comme son/une épée – быть храбрым, доблестным как своя шпага, как боец на шпагах.

Анализ словарных дефиниций приведенных выше фразеологизмов позволяет установить их общую смысловую часть «être courageux», которая рассматривается нами как архисема данной группы фразеологических единиц.

ferences in meaning are demonstrated in specific conditions.

Key words: phraseological units, seme, archiseme, semantic component, synonymous series, poly-indicative semantic structure, variation of phraseological units.

Архисема является также основой формирования дифференциальной части значения фразеологических единиц, поскольку каждый фразеологизм имеет индивидуальные смысловые признаки. Последние находят выражение в дифференцирующих семмах. Дифференцирующие семмы исследуемых фразеологических единиц выделяются на основе данных словарных дефиниций, которые являются детализирующими, уточняющими по отношению к архисеме.

Фразеологизмы, объединенные архисемой «être courageux», имеют следующие дифференцирующие семмы: avoir du coeur, être brave comme un lion, être brave (courageux) comme un César, être brave (vaillant) comme son/une épée – «avoir de la dignité, de la fierté, de l'honneur»; avoir de l'estomac – «avoir en mauvaise part de l'audace»; n'avoir pas froid aux yeux – «être décidé, effronté»; avoir du sang dans les veines – «avoir un tempérament énergique, être résolu»; avoir du poil – être d'une bravoure éprouvée».

Таким образом, дифференцирующие семмы исследуемых фразеологических единиц – это индивидуальные семантические компоненты, которые указывают на отличие одного фразеологизма от другого и, тем самым, показывают основные различия между синонимами.

Объединение фразеологизмов в синонимический ряд происходит на основе архисемы, общей для некоторой совокупности фразеологических единиц, и дифференцирующих сем, которые отражают их индивидуальные семантические признаки. Рассматриваемые фразеологизмы n'avoir pas froid aux yeux, avoir du sang dans les veines, avoir du poil, être brave comme un lion, составляют синонимический ряд. Фразеологические обороты avoir du coeur, avoir de l'estomac, être brave comme un César, être brave comme son épée, être brave comme un lion являются лексическими вариантами; être brave comme une épée, être brave comme son épée – морфологические варианты, вариативность выражается в роли дифференцирующих сем в содержательной структуре фразеологических единиц обратимся к анализу другой группы фразеологизмов: замене артикля детерминативом, а именно притяжательным прилагательным.

Потенциальные семмы, отражающие различные второстепенные, возможные характе-

ристики языковых единиц, актуализируются в определенных условиях речевого употребления. В связи с этим, как правило, не представляется возможным выделять данный семантический компонент на уровне дефиниций, поскольку последние представляют собой отражение наиболее существенных признаков объекта реального мира.

Стремление определить семантические компоненты, которые конкретизируют объект отражения и, таким образом, создают полипризнаковую семантическую структуру фразеологизмов, приводит к обнаружению соответствующей функции у дифференцирующих сем данных языковых единиц. *Avoir les mains (les pattes) croches; être rapace, avare* – быть сккупым, не выпускать из рук.

Avoir les mains (les doigts) crochues; être d'urtinature rapace, avoir du penchant pour le vol; être avare, rapace et, à l'occasion, voleur – быть алчным, хищным, иметь руки загребущие, быть нечистым на руку.

Etre dur à la detente (à la desserre) – personne avare qui laisse difficilement partir de l'argent; ne donner l' argent qu'à force de sollicitation – быть тугим на расплату, прижимистым, сккупым, с трудом раскошелиться.

На основе дефиниций данной группы фразеологических единиц выделяется архисема «être avare», которая отражает их обобщенное значение и служит основой объединения этих единиц в синонимический ряд.

Кроме того, каждая из приведенных фразеологических единиц имеет в своей семантической структуре индивидуальные признаки. Как известно, последние обычно называют дифференцирующими семами, имея в виду их решающее значение в плане семантических различий между языковыми единицами. Однако представляется возможным указать и на другие функции дифференцирующих семантических компонентов, если рассматривать последние с учетом их роли в динамике значения отдельного фразеологизма. Такая постановка вопроса отлична от общепринятой, при которой статус дифференцирующих сем определяется преимущественно в отношении соответствующей языковой единицы к другим единицам.

Для фразеологизмов как единиц синтетического типа номинации, характеризующих объект в комплексе его признаков, свойственно более конкретное изображение действительности по сравнению с лексическими единицами. Конкретизация отображения достигается более полным представлением объекта в элементарной, многопризнаковой семантической структуре фразеологизмов [4].

Представляется, что именно дифференцирующие семы, отражающие различные стороны, детали соответствующего объекта, являются одновременно средством конкретизации представления объекта в сознании коммуникантов. Поэтому можно употребить термин «конкретизирующая сема», что позволяет непосредственно указывать на свойство индивидуальных семантических признаков детализировать описание объекта отражения, представить последний в совокупности его особенностей.

Так, в дефинициях приведенных выше фразеологизмов можно выделить следующие конкретизирующие семы:

Avoir les mains (les pattes) croches – «être rapace». *Avoir les mains (les doigts) crochues* – «être d'un naturel rapace, à l'occasion voleur».

Etre dur à la detente, (à la desserre) – «ne donner son argent qu'après s'être fait longuement prier».

Данные конкретизирующие семы вносят в общее значение «сккупость» такие индивидуальные характеристики, как «сккупость хищная, алчная» (*avoir les mains croches*), «сккупость и склонность к воровству» (*avoir les mains crochues*). Представляется, что именно конкретизирующие семы, их разнообразие и многочисленность обуславливают наличие развитых синонимических рядов фразеологизмов, указывающих на всевозможные оттенки и тонкости характеристики человеческих качеств.

Следует отметить, что одной из специфических черт фразеологии французского языка является широко развитая вариантность фразеологизмов – сравнительная легкость синонимической замены отдельных компонентов словосочетания [6].

Семантический критерий разграничения фразеологических вариантов от фразеологических синонимов заключается в следующем: содержательная структура фразеологических вариантов характеризуется одинаковым набором конкретизирующих сем. Так, фразеологизмы *avoir les mains crochues, avoir les doigts crochus* помимо архисемы «être avare» имеют одну и ту же конкретизирующую сему «être d'un naturel rapace, à l'occasion voleur». Иными словами, фразеологические варианты обладают семантической равноценностью (тождественностью) на парадигматическом уровне, в то время как фразеологические синонимы имеют различные конкретизирующие семы, которые обуславливают семантические различия в их значениях. Таким образом, различия в значениях фразеологических синонимов выражены

эксплицитно из основных отличий синонимов от фразеологических вариантов: как указывалось расхождения в значениях последних проявляются в конкретных условиях речевого употребления [5].

В качестве категориального признака, имплицитно присутствующего в семантике анали-

зируемых фразеологических единиц, рассматривается признак «качественно-оценочной характеристики личностных свойств человека». Данный признак обладает наибольшей степенью абстракции в пределах изучаемого объекта, расхождения в значениях последних проявляются в конкретных условиях.

Литература

1. Арсентьева Е. Ф. Коннотативный макрокомпонент фразеологического значения // Ученые записки Казанского университета. Т. 135. Казань: КГУ, 1998. С. 24–29.
2. Гак В. Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М.: Ленанд, 2014. 336 с.
3. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1972. С. 367–395.
4. Иванникова Е. А. Синонимические отношения между фразеологическими единицами и словами // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.–Л.: Наука, 1966. С. 69–96.
5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1996. 381 с.
6. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. М.: Высшая школа, 1987. 287 с.
7. Смирнова Н. С. Занимательный французско-русский фразеологический словарь. М.: Муравей, 2000. 384 с.

References

1. Arsent'ev E. F. Konnotativnyi makrokomponent frazeologicheskogo znachenii (*Connotative component of the phraseological meaning*) // Uchebnye zapiski Kazanskogo universiteta. Kazan: KSU publ. 1998. Vol. 135. P. 24–29. (In Russian).
2. Gak V. G. Besedy o frantsuzskom yazike. Iz sravnitel'noi leksikologii frantsuzskogo y russkogo yazikov (*Discussions about French. From comparative lexicology of French and Russian*). Moscow: Lenand, 2014. 336 p. (In Russian).
3. Gak V. G. K probleme semanticheskoy sintagmatiki (*To the issue of semantic syntagmatics*) // Problemy strukturnoy lingvistiki (Problems of structural linguistics). Moscow: Nauka, 1972. P. 367–395. (In Russian).
4. Ivannikova E. A. Sinonimicheskie otnosheniia mezhdru frazeologicheskimi yedinitami i slovami (*Synonymous relations between phraseological units and words*) // Ocherki po sinonimike sovremennogo russkogo yazika (*Articles about synonyms of modern Russian*). Moscow – Leningrad: Nauka, 1966. P. 69–96. (In Russian).
5. Kunin A. F. Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazika (*Modern English phraseology*). Moscow: Visshaya shkola, 1996. 381 p. (In Russian).
6. Nazaryan A. G. Frazeologiya sovremennogo frantsuzskogo yazika (*Modern French phraseology*). Moscow: Visshaya shkola, 1987. 287 p. (In Russian).
7. Smirnova N. S. Zanimatel'nii frantsuzsko-russkii frazeologicheskii slovar' (*Entertaining French-Russian phraseology dictionary*). Moscow: Muravey, 2000. 384 p. (In Russian).

УДК 82-311.6/.091 (470.6)

Л. П. Егорова

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ РОМАН НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В «БОЛЬШОМ ВРЕМЕНИ»)

Рассмотрен вопрос о правомерности литературоведческого термина «историко-революционный роман», обоснована необходимость изучения произведений данного жанра в аспекте их функционирования в «большом времени» (М. Бахтин). Выявлены критерии современного прочтения романов историко-революционной проблематики в литературах народов Северного Кавказа 1950 – начала 1980-х г., обеспечивающие возможность новой интерпретации произведений А. Кешокова, А. Бокова и др. Подробно интерпретируется мало изученный роман А. Охтова «Млечный путь» как особая разновидность историко-революционного романа. Выявляются документальные истоки исторического повествования Охтова, подчерки-

вается своеобразие выбора главного героя – Тугана Шауготова, человека из народа, пришедшего к революции своим особым путем; анализируются основные сюжетные линии романа, раскрывается лирическая романтизация изображаемого (обширная легендарная экспозиция, роль унаследованного Туганом серебряного пояса его прапрадеда и символики Млечного пути).

Ключевые слова: Октябрьская революция, историко-революционный роман, историко-функциональный подход в литературоведении, современное прочтение произведений прошлого в «большом времени», литературы Северного Кавказа, прототипы.

L. P. Egorova

HISTORICAL-REVOLUTIONARY NOVEL IN THE NORTH CAUCASUS (ASPECT OF FUNCTIONING IN THE «BIG TIME»)

The article studies the question of the legality of a literary term «historical-revolutionary novel», the necessity of studying the works of the genre in terms of their functioning in the «big time» (Bakhtin). The criteria of the modern reading of novels of historical and revolutionary perspective in the literatures of the peoples of the North Caucasus 1950–1980, providing the possibility of a new interpretation of the works of A. Keshokov, A. Bokova, etc. Details interpreted poorly understood novel A. Ohtov «Milky Way» as a special kind of historical-revolutionary novel. The documentary sources of Okhtov's historical narrative are revealed, the originality of the choice of the pro-

tagonist – Tugan Shauhoutov, a man from the people who came to the revolution in their own special way, is emphasized. The main story lines of the novel are analyzed, the lyrical romanticization of the depicted is revealed (the extensive legendary exposition, the role of the silver belt of his great-great-grandfather and the Milky Way symbols inherited by Tugan).

Key words: October Revolution, historical-revolutionary novel, historical and functional approach in literary criticism, modern interpretation of the works of the past to the «big time», literature of the North Caucasus prototypes.

Приближающееся 100-летие Октябрьской революции в России актуализирует и воплощение историко-революционной темы в художественной литературе. Объектом данного исследования является историко-революционный роман в литературах Северного Кавказа 1950 – начала 1980-х гг., а предметом – выявление на соответствующем материале оптимальных возможностей его современного прочтения. Задачи исследования – интерпретировать некоторые наиболее значительные, пережившие свое время историко-револю-

ционные романы этого периода, отвечающие современному пониманию и оценкам событий Октябрьской революции и Гражданской войны.

В сегодняшней ситуации наиболее приемлемым может быть историко-функциональный подход к литературным произведениям прошлого, о чем мы писали не раз [см.: 3, 4]. Методологической основой наших поисков в этом направлении были труды М. Бахтина [1] Д. Лихачева [8]. В целях популяризации нового направления в науке о литературе в начале 1970-х гг. многое сделал М. Храпченко,

руководитель Отделения языка и литературы Академии наук СССР, хотя этот факт сейчас несправедливо забыт, да и в появившихся в те годы трудах литературоведы порой шли путем обычной регистрации различий в восприятии одного и того же произведения в разные эпохи. Не учитывались глубинные прозрения М. Бахтина и Д. Лихачева, их тезисы об обогащении произведений «новыми смыслами», которые «могут существовать в скрытом виде, потенциально и раскрываться только в благоприятных для этого раскрытия смысловых, культурных контекстах последующих эпох» [1, с. 332]; или: «...Воспринимающий может даже лучше понимать произведение, чем сам автор или не так как автор <...> Обязательны свои художественные ассоциации, которыми встречает каждая новая эпоха» [8, с. 59, 68], дошедшие до нее произведения прошлого. Современное прочтение художественного текста, объяснение причин зарождения новых ассоциаций должны быть свободны от поверхностного их осовременивания. Необходимо видеть возможный спектр интерпретаций произведений, их источник, пределы, их аксиоматическую функцию. Тем не менее, значимость современного прочтения художественных произведений XIX–XX вв. в наши дни остается проблемой до конца не осознаваемой и не решенной. Обвальная смена интерпретаций произведений об Октябрьской революции и Гражданской войне и репутаций их авторов произошла в 1990-е гг., но в рамках данной статьи нельзя не отметить, что тогдашняя, подчас бездумная смена знаков (плюс на минус и наоборот) не выражала подлинной сущности функционирования литературного произведения в «большом времени», а лишь свидетельствовала о необходимости ее подлинного выявления.

Не приходится говорить о том, что историко-функциональный подход важен и для интерпретации северокавказских литератур. Наиболее плодотворно он реализован в «Истории адыгейской литературы» в 3-х томах под редакцией К. Г. Шаззо на примере прозы Т. Керашева, А. Евтыха и др. [6, с. 77]. Историко-революционный роман, занявший большое место в литературах Северного Кавказа 1950 – начала 1980-х гг., в наши дни также нуждается в переакцентуации. Многие книги, в свое время созданные по идеологическим клише, плакатно-схематичные, получили широкую известность, прежде всего. Благодаря беспримысленной в те годы теме, но лишь некоторые из них поднимались на уровень художественного открытия, художественного познания та-

ких сторон революционной действительности, которые несли в себе не только дальнейшую возможность переакцентуации изображаемого в связи с дальнейшей сменой эпох, но и возможность его переосмысления, возникновения новых смыслов и новых ассоциаций.

«Историко-революционный роман» категория, так сказать, «практического» советского литературоведения. Ее нет в энциклопедии «Западное литературоведение» XX в. (М., 2004), хотя число дефиниций к термину «роман» в ее предметно-именном указателе превышает четыре десятка. Более тридцати дефиниций к определению роман содержатся в «Российской литературной энциклопедии литературных терминов и понятий» (М., 2001), но также при отсутствии понятия «историко-революционный роман». Нет его и в российском «Литературно-энциклопедическом словаре» (М., 1987) «перестроечного» периода. Но в практическом плане в 1950 начала 1980-х гг. это был один из самых популярных терминов, сложился даже определенный проблемно-стилевой «стандарт» этой жанровой разновидности. В литературах Северного Кавказа в его основе обязательно лежала коллизия превращения стихийного героя-одиночки в сознательного революционера-большевика под руководством русского коммуниста [6, с. 9]. Как справедливо замечено, в таких произведениях наблюдается «внешняя расстановка людей с четко выраженной классовой поляризацией и беззаботная вера в справедливое равноправное будущее [6, с. 172].

Первый прорыв сквозь давление на писателей стандарта историко-революционного романа сделал кабардинец Алим Кешоков. Его роман «Чудесное мгновение» (1958) вскоре был дополнен «Зеленым полумесяцем» (1965) уже, как тогда говорили, о социалистическом строительстве в Кабардино-Балкарии 1930-х г. В последнем романе реально воплощены чаяния героев эпохи Октябрьской революции и Гражданской войны. Объединенные в один роман-дилогию «Вершины не спят» [7], они стали крупнейшим явлением во всей советской многонациональной литературе; о них много писали в разное время и в центральной печати, и на Северном Кавказе (Л. Бекизова, Х. Хапсириков, В. Дементьев, И. Гринберг, Ю. Суворцев, Р. Бикмухаметов, А. Мусукаева и др.), что позволяет нам не вдаваться в подробную характеристику произведения. Подчеркнем лишь эпический размах многогеройного повествования, жизненность, противоречивость характеров главных героев, друзей детства Инала

Маремканова и Казгирея Матханова, художественный этнографизм в лучшем смысле этого понятия. В образе Инала Маремканова воплощены многие черты крупного партийного руководителя Кабардино-Балкарии – Бетала Калмыкова, чья яркая и противоречивая личность привлекала внимание М. Горького, А. Фадеева, М. Пришвина, Ю. Либединского.

Обаятелен образ русского большевика Степана Коломийцева, ставшего другом и наставником Инала Маремканова, в котором угадываются черты С. М. Кирова, проводившего революционную работу и на Северном Кавказе. Сейчас, с исторической дистанции видны заблуждения таких героев, но художественное произведение – это не учебник политологии. Открытие характера человека, его внутреннего мира, своеобразие его речи делает образ Степана Коломийцева запоминающимся и ярким. Особенно новаторской стала и трактовка образа Казгирея Матханова (прототип героя принадлежал к роду Катхановых), верховного кадия Кабарды. Впервые в советской литературе служитель религиозного культа был обрисован как герой положительный, думающий о благе народа как его просветитель, но просвещение он мыслит осуществлять иными средствами, чем Инал. Казгирей допускает параллельное существование светских школ и медресе, предоставляя населению свободный выбор. Это отвечает его мировоззрению: свобода и равенство во всем означает и свободу в выборе школ – светской или духовной.

Казгирей Матханов не враг Советской власти, он предан ей и готов подчинить шариатские учреждения внедрению в сознание масс идей советской власти. Но Инал отвергает всякое сотрудничество с ними. Образ Казгирея давал богатую пищу для размышления, хотя критика тех лет не могла акцентировать на этом внимание. Содержание романа отвечало не только историческим фактам участия в революции шариатских полков, но и критериям возможности функционирования произведения в «большом времени». Это позволяет и в наши дни открывать в нем новые смыслы. Врядли, называя один из романов дилогии символом мусульманской религии «Зеленый полумесяц», Кешоков мог предполагать, что полвека спустя идеи Казгирея Матханова в жизни народов России станут весьма актуальными (и не только для мусульманского, но и для христианского миров России); найдут свое место в борьбе с радикальным исламом.

Приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми интересами так в годы «пере-

стройки» была определена новая идеология в литературе и литературоведении обеспечил долгую жизнь и историко-революционному роману ингуша Ахмета Бокова «Сыновья Беки» (1968). Завязка действия смерть бедняка Беки от руки богатого аульчанина Саада, ненавидевшего героя когда-то опередившего его в сватовстве к красавице Кайпе. Арендуя у Саада участок помещичьей земли, Беки не успел убрать кукурузу, единственное средство существования его многодетной семьи (заболела лошадь), и Саад хочет потравить урожай, запустившая в кукурузу овец.

Возникшая между героями ссора оказалась для Беки роковой: он так и умер на поле, шепча тринадцатилетнему сыну последние слова: «Хасан, отомсти» [2, с. 29]. Это трагическое событие перерастает в идейно-классовую борьбу времен Гражданской войны. Старшие сыновья Беки, Хасан и Хусен, их друзья олицетворяют собой лагерь победившей революции. Но опыт Бокова свидетельствовал о расширении художественных возможностей ингушской прозы: история, проступая через восприятие Хасана и Хусена, отражается в их душах. Прекрасна любовь Хусена и Эсет, но пуля, предназначенная Хусену, унесла жизнь Эсет. Позже в неравном бою с деникинцами гибнут Хасан и его друг Эльберд [2, с. 538–540], деникинцами был зверски зарублен надвое родившийся в день смерти отца четвертый сын Беки, подросток Султан [2, с. 529]. Но на смену им приходит новое поколение: растет сын Хусена Суланбек.

Ужасы Гражданской войны, в изображении Ахмета Бокова стали вечным предостережением современному обществу. Читатель наших дней, к какому бы этносу он не принадлежал, сердцем отзывается на муки героев из долины Алхангурт, разделяет их тяжелые переживания и простые радости человеческой жизни, в который раз подтверждая слова Горького, что художественная литература лучше всего знакомит народ с народом.

Особую разновидность историко-революционного романа представляет «Млечный путь» (1968) черкеса Абдулаха Охтова. В отличие от больших эпических полотен А. Кешокова и А. Бокова, с их сложной композиционно-сюжетной структурой, «Млечный путь» фактически ограничен одной сюжетной линией Тугана Шауготова. В таких случаях на роль главного героя обычно претендовало историческое лицо, занимавшее ключевые позиции в революционной борьбе, но Туган лишь дружен и постоянно поддерживает связь с Бесланом Гукелоковым, прототипом которого был Даут

Гутекулов, выдающийся черкесский революционер-большевик [см.: 5, с. 96]. В конце 1917 и начале 1918 гг. Гутекулов вел разностороннюю работу по установлению советской власти на территории Баталпашинского отдела. Он вложил много усилий в формирование красногвардейских черкесских и интернациональных отрядов. Вместе с отрядом Якова Балахонова он участвовал в освобождении Баталпашинска (Черкесска) от белоказаков, устанавливал советскую власть; в июле 1918 г. он участвовал в V Всероссийском Съезде Советов, видел Ленина. С сентября по март 1920 г., находясь в глубоком подполье, вел активную пропагандистскую работу. Погиб Даут уже в 1926 г. от рук тех, кто революционным преобразованиям не сочувствовал. На его памятнике были высечены слова: «Даут! Ты пал на славном посту защиты трудящихся, интересы кого ты ставил выше своих» [5, с. 96].

Биография Гутекулова была хорошо известна черкесам и как бы домысливалась к содержанию романа, помогая постичь реальную обстановку в Черкесе и Карачае, но создание художественной биографии Гутекулова, возможно в силу ее широкой известности, Абдулаха Охтова не привлекало, и он делает главным героя менее известного, представляющего народные массы. Охтовский герой – Туган Шауготов – реального прототипа тоже имел: Туган Охтов. Есть свидетельства о тесной связи Тугана Охтова и Даута Гутекулова в предреволюционные годы. С ними регулярно общался и большевик Мос Шовгенов. Работая агентом компании Зингер, он развозил швейные машины по Карачаю и Черкесии, используя свои поездки для революционной работы, часто бывал в ауле Тазартуковский (ныне Бесленей), имел продолжительные встречи с Даутом и Туганом. В указанной книге исследователями записан рассказ младшего брата Даута: «Втроем часто собирались у нас в доме, оба внимательно слушали Шовгенова [5, с. 85]. Подобные эпизоды (при измененных фамилиях действующих лиц) есть и в романе «Млечный путь», где действует Ахмед Езаов, прототипом которого стал Мос Шовгенов; Ахмед неоднократно встречался с Бесланом Гукелоковым и Туганом Шауготовым.

Однако писатель не следует буквально всем биографическим перипетиям хорошо известного ему прототипа Тугана Шауготова, кстати, принадлежащего к роду Охтовых. Он творит свой художественный мир, в котором Туган погибает только в огне Гражданской войны, тогда как одноименный прототип ещё до

революции, отстаивая перед осторожным и рассудительным Гутекуловым свои права на скоропалительные решения, поехал в станицу Передовую, отвезти листовки, но разбросал их сам при большом стечении народа и был ранен казачьим офицером. Преследуемый полицией Туган Охтов уехал в Турцию, где вскоре умер [5, с. 85], а Туган Шауготов под пером Охтова вырос в подлинного героя Октября, связанного кровным родством с народной массой. Характерная для творчества Охтова лирическая романтизация изображаемого в «Млечном пути» проявилась в полной мере. Революция понималась писателем как свершение вековых мечтаний его народа о справедливости и свободе, воплощенных в древних преданиях, что подчеркнуто обширной легендарной экспозицией, заслуживающей специального исследования.

Проследим развитие сюжета, раскрывающее становление характера Тугана, его путь героя, вплоть до гибели в огне Гражданской войны. Первая глава романа рассказывает о позднем вечере в Армавире, когда вернувшийся из огня Первой мировой войны Туган Шауготов спешился у дома старинного друга своего отца. В отдельных репликах героев чувствуется атмосфера эпохи: «Время беспокойное и злое. Власть непрерывно меняется». И даже Шамсинур, дочь хозяина, объясняет свое затаившееся девичество шуткой: «Не знаю, за кого выходить замуж. Женихи нынче все разные: то белые, то красные, то зеленые... Вот ты каким вернулся? Или, может быть, ты серо-буро-малиновый?» [9, с. 105]. Тугану и самому неведомо, какой он: «Сам Аллах не знает, что творится на белом свете» [9, с. 106]. Он рад встрече в Армавире с одноаульчанином Бесланом Гукелоковым. Туган и раньше слышал о Беслане, что тот «связался с ненужными людьми и занимается сомнительными делами, что он ругает царя» [9, с. 106]. И слухи о Беслане пугали Тугана [9, с. 106–107]. Но теперь в минуту откровенного разговора с Бесланом выясняется, что Туган не так прост, каким показался с первого взгляда, он понимает, что «валится власть князей и княжат в России. Думаю, что скоро и до наших Каноковых (князей – Л. Е.), очередь дойдет, а потом...» [9, с. 109]. Уже во второй главе повествователь скажет о военном прошлом героя: «Как волны несут щепку, так и жизнь бросала Тугана. Не сразу он понял, что такое революция и кто такие большевики и их вождь Ленин. А когда понял, где правда и где ложь, то стал членом полкового комитета. Но и тогда он долго находился на распутье семи дорог, не зная, на какую из них ступить» [9, с. 135].

Теперь, узнав, от Беслана и его друзей, что в горах до сих пор люди не знают, на чьей стороне правда, Туган «почувствовал, что в его жизни наступил поворотный момент, что он, возвратившись с фронта домой, нашел настоящих друзей и что он с ними будет до конца» [9, с. 118]. Правда, в дальнейшем читатель видит, что порой Тугану нелегко подчиняться Беслану: «Туган нахмурился, ему не очень понравилось, что Гукелоков так решительно дает ему советы», но он понимает, что Беслан «опытнее и старше, он больше знает, у него за плечами не один год революционной работы в условиях подполья, так что лучше помолчать» [9, с. 247].

В родном ауле, Туган напоминает людям слова деда Шумахо, что «стремление людей к свободе так же неистребимо, вечно, как Млечный Путь» [9, с. 126]. Знакомый читателям по экспозиции романа мотив сословной вражды Каноковых и Шауготовых звучит на протяжении всего повествования, определяя остроту сюжета. Но есть разногласия и в стане самих горцев-большевиков: идти ли на помощь русским в станицу Заречную [9, с. 155–157], где хозяйничают белоказаки, связаться с той частью белого полка, которая сама готова поднять восстание? Или занять выжидательную позицию? (Горцев белые пока не трогают.) Но Туган непреклонен. «...К соседу надо бежать, когда у него дом горит. А когда и наш загорится, будет поздно» [9, с. 155]. «Очень он горячий, может кинуться в огонь, закрыв глаза» [9, с. 158], – говорит о нем Ахмед. Однако порой Туган и сам испытывает сомнения в силах аульчан. Он знает, что Едыдж Каноков вооружает своих людей и скоро, придя в Канокой, начнет в ауле резню.

Жизнь сама разрешила затянувшийся спор. Известие об аресте в станице русских кунаков подняла аульскую молодежь. Не обошлось и без потасовки в семьях. Сафарбий, друг Тугана, «вывел коня и седлает, а отец не дает, седло отнимает, ругается» [9, с. 159]. Аульских большевиков люди всерьез не принимают. «Большевики – те, которые в Армавире. У нас они в горах не водятся» [9, с. 225], – говорит отец Тугана – старый Алхас Шауготов, недовольный революционными настроениями сына и его друзей. Алхас хочет идти со стариками к белому полковнику и умолять отпустить арестованных станичных кунаков. Тогда Тугану удалось упросить старейшего в роде Шауготовых произнести всего одно слово – «Нельзя!» [9, с. 165]. В Тугане заговорила отвага его далекого свободолюбивого предка Зарамука, которому была посвящена экспозиция романа. Станица была освобождена от белых объеди-

ненными усилиями восставших русских солдат и канокочцев, и над ней развивалось красное знамя победы. Это – кульминационные сцены романа, которыми заканчивается пятая глава [9, с. 174–179], но накал страстей не ослабевает, а обретает новую силу. Обратим внимание, что шестая глава начинается рассказом о сохта – учениках мусульманской религиозной школы, проходивших курс обучения у канокочского эфенди Индриса, широко известного в горах своими богословскими знаниями. Один из сохта – красивый и сладкозвучный – Абдул-Гасан, появившийся в ауле как раз в год описанных событий, тотчас сбросил с себя маску и призвал всех сохта вести более активную, чем раньше, борьбу с большевиками. Вступает в действие и Едыдж Каноков. После установления советской власти в станицах, аулах и хуторах Инжиджа (Зеленчука) его огромный дом, славящийся богатыми застольями, словно вымер, кругом тишина, но иногда глубокой ночью его навещали неизвестные. На одной из таких тайных ночных встреч раскрываются все планы заговорщиков и истинное лицо турецкого эмиссара Абдул-Гасана. Между ним, торопившим кровавые события, и Едыджем происходит знаменательный диалог, в котором Охтов не накладывает на портрет белого офицера только черную краску: «Мы с тобой офицеры, – отвечает эмиссару Едыдж, – только ты – турецкий, а я, хоть у нас одна вера, русский. И Кавказ – Это часть России, а не Турции. И как все сложится в России, так сложится и у нас на Кавказе. Запомни это» [9, с. 185].

Дальнейшее развитие действия подкрепляется обилием массовых сцен (главы VIII–IX). Вся долина переполнена внезапно появившимися белыми войсками [9, с. 222]. Все, кто до этого активно поддерживал советскую власть в ауле Канокой, ушли в лес. В лесу оказался и Туган, не утративший связи с большевистским подпольем, и он вновь становится во главе красного отряда. «Судьба моей Родины – моя судьба», – говорит он тем, кто остался в живых после разгрома красного отряда под командованием предателя Теркана, – «...» Революция – это война бедных с богатыми. И победят рано или поздно бедняки» [9, с. 229–230]. Не скрывая, что «дела красных неважные», он записывает всех желающих в Красную армию. Так формировался интернациональный отряд черкесов, русских, абазин – всех, кому была дорога советская власть.

Для канокочцев (главы XI–XII) потянулись страшные дни Гражданской войны. Где-то близко шли бои, но никто не знал, кто с кем

сражается. Каждый день привозили убитых; родители, не знавшие ничего о судьбе своих сыновей, жили в огромной тревоге и каждый день в страхе встречали подводы горя и скорби. Страшную суть братоубийственной войны воплотила в себе семья Шауготовых: брат Тугана Исхакбыл вынужден пойти служить в войска Едыджа. «Иногда Алхас, сидя на завалинке около дома, глядел на горы и думал о судьбе своих сыновей. Кто из них ошибся, Туган или Исхак? Кто победит – белые или красные? <...> Надо, чтобы победили красные, и, значит, Туган. Это будет справедливо, но тогда плохо придется бедному Исхаку» [9, с. 253]. Старику хотелось, чтобы оба брата сражались за правое дело: «О, Аллах, молился Алхас, почему наступили такие времена, когда брат воюет против брата? Скажи, как им помочь?» [9, с. 254]. (В заключительной XIII главе читатель узнает, что Исхак «сбежал от белых и прячется в горах. Он должен скоро вернуться в аул» [9, с. 288]).

Туган все время стремится избегать лишних потерь, беспокоится о мирных жителях. В ответ на слова собеседника, что, в случае чего, на подмогу придут из Кисловодска еще два эскадрона регулярной Красной армии («Уж тогда мы пройдем по долинам Черкесии с огнем и мечом») он резко возражает: «Вот этого я не хотел бы» [9, с. 270]. Его беспокоит, что люди в аулах перепуганы, запутались в слухах и уже не знают, кому верить, а в войсках Едыджа полно обманутых бедняков. Туган не хочет, чтобы брат воевал против брата, отец против сына. В этом его поддерживает и его заместитель Мурат: «Я за Советскую власть голосую двумя руками, готов за нее умереть, но установить ее в наших горах надо так, чтобы крови пролилось как можно меньше» [9, с. 271]. С острой болью узнает Туган о бегстве мирных жителей из аула Боракай, хотя он сам стал невольным виновником их бегства, приказал дать пушечный залп прямо в центр аула, где засели белые [9, с. 278]. Остальное довершила умелая пропаганда Едыджа – отказываясь от борьбы, люди побежали в горы.

Заехав в родной аул и получив гневную отповедь отца, Туган объясняет ему необходимость жесткой борьбы с белыми. «...Запомни мои слова, – говорит сыну старый Алхаз, – между жестокостью и справедливостью нет ничего общего!» [9, с. 279]. Он отдает сыну старинный серебряный пояс, который, по преданию, снял с убитого завоевателя легендарный Зарамук, прапрадед Тугана. Органическая связь развития сюжета с обширнейшей легендарной экспозицией позволяет выделить «Млечный путь»

в особый подвид историко-революционного романа.

Тугану удалось догнать бежавших из аулов людей, но в борьбу за них вступают Абдул-Гасан и кадыХажисмел. Туган метался между людьми, кричал, просил до хрипоты в голосе, но на него никто не обращал внимания. Этот словесный поединок выиграл только внезапно появившийся на тачанке Беслан Гукелоков. Толпа, подстрекаемая сохта, уже готова убить «настоящего большевика», но Хажисмел внял призыву Беслана: «Кады, останови людей!». Их диалог выразил авторскую оценку происходящего. Отвечая на вопрос: «Почему на мусульман напали гяуры и проливают их кровь?», Беслан «взобрался на ящик из-под патронов, так, чтобы его видели все, и громко спросил:

Какие гяуры напали на вас, кто обижает мусульман? – Он показал рукой на Тугана и его джигитов. – Разве они похожи на гяуров? Перед вами один из самых достойных в роде Шауготовых. Посмотрите, на нем пояс легендарного Зарамука, который отстоял свободу нашего народа на берегу Черного моря. Люди стали с удивлением смотреть на Тугана и на пояс, который ему перед этим дал отец.

А ведь на нем действительно пояс Зарамука! – воскликнул один из стариков. – Я был мальчишкой, когда видел этот пояс. Им был опоясан Шумахо (дед Тугана – Л. Е.).

Туган тронул рукой старинный пояс, и словно неведомые силы впились в него» [9, с. 283].

Самый главный бой – за умы и сердца людей – был красными выигран. Победа Тугана, командира красного полка, понятного, наконец, народом, и огромное счастье от вспыхнувшей в его сердце любви к Куаз освещают его дальнейший путь славного война. В романе часто звучит подчеркнутый названием произведения основной лейтмотив: «Через все небо, от одного его края до другого, мерцал Млечный Путь» или, как определяется он в адыгских языках – «Путь всадника», дорога свободы, справедливости и бессмертия. <...> Глядел Туган на небо и успокаивался, словно в него вливались силы легендарных нартов» [9, с. 274].

Финальные строки романа вновь связаны с его основным лейтмотивом: «Кремнистая дорога, по которой с песнью уходили красноармейцы, искрилась под ударами сотен подков. Алхас глянул на темное небо и поразился. Земная дорога как бы отражалась в небе: параллельно ей на немыслимой высоте протянулся величественный Млечный Путь. По нему всегда ориентировались люди в своих дальних странствиях.

Это было осенью 1918 г.» [9, с. 301].

Эпилог романа в нескольких скупых строчках сообщает, что ранней весной 1920 г. джигиты Тугана Шауготова (так мы узнаем о гибели героя) прошли победным маршем через Минводы, Пятигорск, Баталпашинск (Черкесск), Кисловодск. «Белые были полностью изгнаны с территории Ставрополя и Терека» [9, с. 301].

В наши дни роман «Млечный Путь» Охтова живет благодаря глубоко художественному воплощению образа человека из народа, попавшего в водоворот истории; это близкий читателю живой человек, то сомневающийся, то уверенный в себе, умеющий и пошутить, и, как и положено настоящему мужчине, скрывать свое волнение; верный в дружбе и любви, почтительный сын. Туганверен свободолюбивым традициям своих предков, их представлениям о справедливости.

На основе сказанного выше можно сделать следующие выводы. Такие романы как

«Вершины не спят» кабардинца А. Кешокова, «Сыновья Беки» ингуша А. Бокова, «Млечный путь» черкеса А. Охтова, позволяют сформулировать критерии возможности современного прочтения произведений полувекковой давности. Художественное открытие героя, воплощающего нетленные общечеловеческие ценности и в разгар классовых битв; полная мера авторского таланта в творческом пересоздании жизни, в раскрытии художественного этнографизма; увлекательность развития действия – это то, что приближает произведения прошлого к современному читателю, позволяет увидеть в них ассоциативные смыслы, подсказанные последующим историческим развитием. Опираясь на такого рода критерии, можно определить перспективы для новых открытий в области функционирования историко-революционного романа в многочисленных литературах Северного Кавказа.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 427 с.
2. Боков А. Сыновья Беки. Роман /пер. с ингушского. Назрань: Ингушетия, 2003. 544 с.
3. Егорова Л. П. Историко-функциональное изучение литературы как проблема литературоведения // Историко-функциональное изучение литературы и публицистики. Ставрополь: СГУ, 2012. С. 8–17.
4. Егорова Л. П. Критический этюд И. А. Гончарова «Миллион терзаний» в контексте современного историко-функционального изучения литературы // А. С. Грибоедов: русская и национальные литературы. Материалы международной научно-практической конференции. Ереван: Лусабац, 2015. 759 с.
5. Борцы за власть Советов в Карачаево-Черкесии. Черкесск: КЧНИИЭИЯИЛ, 1976. 183 с.
6. История адыгейской литературы. В 3-х томах. Т. 2. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2002. 550 с.
7. Кешоков А. Вершины не спят. Роман в 2 кн. / пер. с кабардинского М.: Советский писатель, 1973. 736 с.
8. Лихачев Д. С. О филологии. М.: Высшая школа, 1989. 206 с.
9. Охтов А. Млечный путь /пер. с черкесского. М.: Современник, 1985. 303 с.

References

1. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva (*Aesthetics of verbal creativity*). Moscow: Iskusstvo, 1979. 427 p. (In Russian).
2. Bokov A. Synov'ya Beki (*The sons of Becky*). Novel. Nazran', Ingushetiya, 2003. 544 p. (In Russian).
3. Egorova L. P. Istoriko-funktsional'noe izuchenie literatury kak problema literaturovedeniya (*Historical and functional study of literature as a literary problem*) // Problemy literaturovedeniya i publitsistiki. Stavropol': SSU, 2012. P. 8–17. (In Russian).
4. Egorova L. P. Kriticheskii etyud I.A. Goncharova «Mil'onterzanii» v kontekste sovremennogo istoriko-funktsional'nogo izucheniya literatury (*Critical study I.A. Goncharov "Zillion of torment" in the context of contemporary historical and functional study of literature*) // A. S. Griboedov: russkaya i natsional'nyeliteratury. Materialy nauchno-practicheskoi konferencii. Erevan: Lusabac, 2015. 759 p. (In Russian).
5. Borcy za vlast' Sovetovv Karachaev-Cherkessii (*For the power of the Soviets*). Cherkessk: KChNIIEIYaiL, 1976. 183 p. (In Russian).
6. Istoriya adygeiskoi literatury (*History of Adygei literature*). In 3 Vols. Vol. 2. Maikop: Adygeiskoerespub. kn. izd-vo, 2002. 550 p. (In Russian).
7. Keshokov A. Vershiny ne spyat (*The tops do not sleep*). Moscow: Sov. pisatel, 1973. 736 p. (In Russian).
8. Likhachev D. S. O filologii (*On Philology*). Moscow: Vysshayashkola, 1989. 206 p. (In Russian).
9. Okhtov A. Mlechnyput' (*Milky Way*). Moscow, Sovremennik, 1985. 303 p. (In Russian).

УДК 070.4:94(47).084,,1905/1906”Сур

А. Б. Заморкин, О. И. Лепилкина

ПУБЛИЦИСТИКА И. Д. СУРГУЧЕВА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905–1906 гг.)

В статье на примере публикаций в ставропольской общественно-политической газете «Северный Кавказ» определяется жанрово-тематическая специфика публицистики известного русского писателя и драматурга И. Д. Сургучева в период революционных событий в России 1905–1906 гг.

На основе анализа опубликованных в газете циклов «Дела» (из 20 текстов) и «Письма из Петербурга» делается вывод о том, что автор выступал за реформирование государственного устройства России, приветствовал зарождение гражданского самосознания, в том числе в провинции, высоко оценивал роль культуры в сохранении нации, подчеркивал подвиг честной периодической печати в деле служения обществу. Использование формы цикла позволяло Сургучеву включать единичные негативные случаи социальной практики в широкий контекст, дающий многогранное представление и выявляющий определенные тенденции общественно-политической жизни России.

Установлено, что основными чертами публицистического стиля Сургучева были конструирование медиареальности с помощью семантических оппозиций и приема контраста, сочетание фактологической точности и предельных обобщений, использование разнообразных художественно-выразительных средств, интертекстуальность.

Исследование сургучевских текстов, опубликованных в газете «Северный Кавказ» за подписью Феникс в 1905–1906 гг., выявило доминирование в этом блоке материалов жанров памфлета и фельетона, что было закономерным, поскольку основной задачей публицист видел обличение старого строя и его защитников, а основным объектом критики выступало правительство.

Ключевые слова: история ставропольской журналистики, публицистика, И. Д. Сургучев.

A. B. Zamorkin, O. I. Lepilkina

I. D. SURGUCHEV PUBLICISM DURING THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1905 (1905–1906)

By the examples of publications in Stavropol Social-Political newspaper «Severnii Kavkaz», the article specifies genre-theme specifics of publications of a famous Russian writer and playwright I. D. Surguchev in the period of pre-revolutionary events in Russia of 1905–1906.

Based on analysis of published cycles «Dela» (from 20 texts) and «Pisma iz Peterburga» an assumption is made that author was for reformation of government establishment of Russia, welcomed the inception of civic self-consciousness, including provinces, highly graded the role of culture in saving the nation, outlined the achievement of honest periodicals in serving the society. The reference to the form of a cycle allowed Surguchev to include singular negative instance of social practices in broader context, giving a multi-facet view and showing specific tendencies of societal-political life of Russia.

It is defined that the main parts of Surguchev's publicistic style were the construction of mediareality with the help of semantic oppositions and using contrasts, combination of factological accuracy and generalizations, the use of different expressive means and intertextuality.

Research of Surguchev's texts, published in «Severnii Kavkaz» newspaper, published by Feniks in 1905–1906, showed the domination in this block of material of genres of pamphlet and feuilleton, which was logical, since the publicist saw exposing the old regime and its defenders as his main objective, and the main target of his critique was the government.

Key words: history of Stavropol Journalism, journalism, I. D. Surguchev.

И. Д. Сургучев, известный русский писатель, драматург, публицист, заявил о себе в журналистике в период первой русской революции, когда по причине временного закрытия

Санкт-Петербургского университета, где он учился, он приехал на родину в Ставрополь и начал печататься в общественно-политической газете «Северный Кавказ». Она была

единственной на тот момент частной газетой в городе. Современные историки журналистики называют ее «наиболее заметным явлением в частной периодике не только Ставрополя, но и всего региона» [9, с. 132]. Газета представлена как яркое и показательное явление в новейшем учебнике «История русской журналистики XVIII–XIX вв.», вышедшем под редакцией профессора Л. П. Громовой [6], в монографии О. И. Лепилкиной, посвященной становлению периодической печати на Ставрополье в XIX – начале XX в. [8]. Автор диссертационного исследования о «Северном Кавказе» Н. А. Гребенькова отмечает, что в условиях первой русской революции трансформировалась информационная политика издания и в итоге «модифицировалась система жанров, заметную роль стала играть сатира и авторские публицистические циклы» [4, с. 10], появилось «созвездие новых ярких публицистов» [4, с. 22], среди которых назван и начинающий журналист Илья Дмитриевич Сургучев.

Значительная часть его наследия в газете «Северный Кавказ» того периода – это публицистика, в том значении, которое она имела на рубеже XIX–XX веков: «обсуждение в печати насущных вопросов общественно-политической жизни» [1, с. 746].

Первым публицистическим опытом И. Д. Сургучева в газете стал цикл «Дела». Он печатался с перерывами со 2 апреля и по 16 августа 1905 г., с конца июня практически в каждом номере. Всего вышло 20 текстов. Использование циклической формы не было новаторским для периодической печати дореволюционного времени. Наиболее яркими примерами можно считать публицистические циклы М. Е. Салтыкова-Щедрина («За рубежом», «Дневник провинциала в Петербурге», «Письма к тетеньке» и др.), а из более поздних – «Несвоевременные мысли» (1917–1918 гг.) А. М. Горького. Аналогичная практика сложилась и в провинциальной прессе.

Цикл как жанровая форма позволял Сургучеву включать единичные негативные случаи общественной практики в широкий контекст, дающий многогранное представление и выявляющий определенные тенденции общественно-политической жизни России. Первый эпизод был посвящен тому, что «русская консерватория, которая недостойна в полном своем составе развязать ремня у ног Римско-Корсакова, изгнала его из своих стен» [11, с. 3], затем молодой автор приветствовал указ от 17 апреля, который был призван положить конец почти трехсотлетней борьбе между пра-

вославными и старообрядцами («Дела. II»), иронически отозвался о назначении (а не избрании по конкурсу) профессора в Московский университет («Дела. IV»), о баснословных жалованиях высших чиновников («Дела. V»), высмеял слух о непобедимости русской армии («Дела. VII»), вскрыл антигуманную сущность деяний российской армии в Китае («Дела. X»), представил взгляд ретроградов на возникновение народных университетов и расширение возможностей для получения образования русским мужиком («Дела. XII»), вспомнил мученика русской политической мысли и борца за свободу и лучшее будущее России Н. Г. Чернышевского («Дела. XVII») и т.д.

Автора цикла «Дела», в первую очередь, волновало государственное устройство и управление, роль населения в нем. Так, автор назвал причиной поражения русской армии в войне с Японией протекцию, которая, как утверждал публицист, «как ржа – железо, разъедает государственный организм» [10, с. 3]. В период первой русской революции Сургучев выступал за то, «чего жаждет в настоящее время вся Россия, – скорейшей ликвидации старого порядка, скорейшего водворения основ правового государства» [12, с. 3], давал негативную характеристику прошлому России («Кончается, быть может, «невозвратное время». Время народного бесправия, темноты, время широких казенных субсидий, вспомоществований, время протекций, протезе казенного пирога, время силу имеющих бездарностей» [13, с. 3]), приветствовал перемены и зарождение гражданского самосознания в обществе, в том числе в провинции. Молодой публицист высоко оценивал роль культуры в сохранении нации, подчеркивал подвиг честной периодической печати в деле служения лучшим и благородным идеям общества.

Таким образом, в период первой русской революции Сургучев разделял взгляды той части общества, которая выступала за изменения в государственном устройстве России, поддерживал демократизацию управления страной и критически или сатирически изображал противников реформ.

Анализ текстов из цикла «Дела» позволил сделать некоторые выводы о публицистической манере И. Д. Сургучева на раннем этапе его журналистской деятельности. Излюбленным композиционным приемом у Сургучева был прием контраста, противопоставления, что приводило к резкому обличению одних и восторженному описанию других, использованию антонимичной лексики, а также выбору

определенных языковых средств. Так, в девятнадцатом тексте, посвященном протекции как социальному злу, он использовал трехчастную композицию, которая позволила ему противопоставить государственное управление в Российской империи и аналогичному по форме правления восточному государству (Японии) и стране – парламентской республике (Соединенным Штатам Америки).

Показательно, что Сургучев разводил такие понятия, как государство и страна. По его мнению, «в государстве, исключительно полицейском, где слабо развиты понятия и требования всякого рода отчетности, ответственности, – протекция имеет под ногами твердую почву», однако последствия подобной государственной деятельности скажутся на стране: «И последние события русской жизни показали, как жестоко может полатиться страна, управляющаяся «по протекции»» [10, с. 2].

Для Сургучева было очевидно, что главной бедой России является то, что к управлению государством не допущены люди образованные, талантливые, но «никакой протекции у сильных мира сего не имеющие» [10, с. 2]. Размышляя об этом, он создавал семантическую оппозицию: подлинные патриоты и всякого рода «привилегированцы», ничего не знающие и заботящиеся только о собственных удовольствиях.

Завершал Сургучев свой публицистический этюд выводом: «И нашей стране, собирающейся в самом непродолжительном времени отречься от бюрократического режима, тоже надлежало бы озаботиться устранением всех паразитов, когда-то присосавшихся к казенному пирогу, и дать дорогу новым, свежим силам, выступающим не с протекциями, не с бабушками и тетушками, а с действительными способностями, с образованием, с любовью к делу и родине» [10, с. 3].

На примере этого материала можно увидеть основные черты индивидуального стиля Сургучева-публициста – конструирование медиареальности с помощью семантических оппозиций и приема контраста, сочетание фактологической точности и предельных обобщений, использование широкой палитры художественно-выразительных средств. Еще одной характеристикой творческой манеры молодого публициста была интертекстуальность, явно выраженная и в какой-то мере даже демонстративная. Постоянными для сургучевского цикла были сатирические характеристики и обобщения, использование короткой строки, введение реплик предполагаемых собеседников.

Второй цикл молодого автора появился в газете «Северный Кавказ» в результате его

поездки в Петербург в начале осени 1905 г. Представляя читателям столичные новости, Сургучев делал акцент на общественной жизни (изменившиеся умонастроения в обществе и в прессе, предстоящие выборы ректора университета и симпатии студентов к профессору, который присутствовал на студенческой сходке, решавшей вопрос о забастовке, избрание ректором человека, который приветствовал реформы, студенческая сходка о возобновлении занятий и т.д.). Из культурной жизни Сургучев отметил только гастроль Ф. Шаляпина, который представлен как «небывалый на Руси оперный артист», «гигант в искусстве» [14, с. 3].

В дальнейшем Сургучев неоднократно обращался к этой синтетической жанровой форме [см. подробнее: 5].

Еще один жанр, в котором молодой журналист дебютировал в 1905 г., – это путевые заметки. К ним относятся два текста – «К морю» и «С моря». В них он соединял описание красот и специфики проезжаемых мест с размышлениями об общественно значимых событиях. Так, в столице кубанского казачьего войска Екатеринодаре автор наблюдал, как отразилось в нем заключение мира с Японией, в Феодосии вспоминал, что «этот тихий, маленький городок, похожий на ребенка, подвергался не так давно смертельной опасности от «Потемкина» [15, с. 3], в Севастополе «воображал себе шумный город, который забыл и биржу, и пакгаузы, и роскошные дома и панически бежал, бежал, сам не зная куда» [15, с. 3] в дни потемкинского бунта, в Одессе отмечал приметы введенного в городе военного положения. Одним словом, в путевых заметках Сургучева явно выделялся социальный аспект повествования.

Помимо циклов «Дела» и «Письма из Петербурга», названных выше путевых заметок, которые шли за его подписью, Сургучеву принадлежат тексты за подписью Феникс. Первая публикация за этой подписью прошла в газете «Северный Кавказ» в августе 1905 г., в номере 111, под названием «Как иногда увлекаются». В ней автор поднимал проблему дискриминации в военном флоте по сословному признаку, где существовала монополия на звание русского морского офицера, закрепившаяся за дворянством, и критиковал директора морского корпуса, отстаивавшего необходимость принятия на обучение в данное учебное заведение только представителей этого сословия.

Использование псевдонима могло быть вызвано тем обстоятельством, что в указанном номере была еще одна публикация Сургучева, подписанная его именем, а по правилам того

времени размещение более одного материала одного и того же автора было нежелательно. Известно, например, что редактору «Северного Кавказа» Д. И. Евсееву «нередко, в особенности в первые годы издания, приходилось единолично составлять целые номера» [3, с. 49], однако по подписям к публикациям этого нельзя увидеть.

Под псевдонимом Феникс в «Северном Кавказе» в 1906 г. опубликовано почти сорок публицистических текстов Сургучева, т.е. они выходили достаточно интенсивно, в среднем в каждом четвертом номере в газете (последний номер газеты вышел 9 июля 1906 г., всего до закрытия газеты вышло 148 номеров).

Первый из таких материалов за этот год вышел в третьем номере «Северного Кавказа» под названием «Русская свобода» и обозначил ведущий для Сургучева на тот период объект критики – правительство. Поводом послужило приостановление «всех порядочных» петербургских газет, что дало возможность автору сделать вывод: «...когда русское правительство произносит слово «Свобода», то русский человек должен разуметь, что это слово не русское, что в русский язык оно попало случайно, что в русской жизни нет ничего соответствующего этому великому иностранному слову и что на истинно русский язык оно, это заграничное, милое слово, должно быть переводимо так: «Кандалы» [23, с. 2].

Правительство, по мнению молодого публициста, «группа людей, которая имеет в своем распоряжении русские пушки, русские пулеметы, русских солдат <...> и которая режиссирует великую драму, разыгрывающуюся теперь в нашем отечестве, под названием – Русская революция» [22, с. 2].

Анализ публицистики И. Д. Сургучева показал, что важное место в ней занимал такой жанр, как памфлет, в соответствии с жанровой природой «сориентированный на бескомпромиссное обличение чуждых автору взглядов, действий и других факторов, характеризующих атмосферу общественного бытия» [7, с. 166], на обличение «концепции, системы взглядов идейного оппонента» [7, с. 166]. В «Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона» памфлет получил следующие характеристики: «Предмет П. – нападение на политический или общественный строй, в его характерных явлениях или в лице его выдающихся, всем известных представителей. <...> П. редко касается общего состояния нравов и не пользуется художественными обобщениями; объект его критики – определенные, реальные факты и люди...» [8, с. 674].

Такими людьми для Сургучева-памфлетиста были высшие российские чиновники П. Н. Дурново, И. Л. Горемыкин, В. К. Плеве и др., а реальные факты он находил в большом количестве в повседневной общественно-политической жизни страны. Так, памфлет «Блестящий бал» начинался с описания провального театрального сезона в Петербурге в связи с общественными настроениями: «Можно ли веселиться, когда вся Россия – в огне, когда каждый день стреляют сотни ваших братьев, когда веревки не успевают делать для того, чтобы вешать...» [16, с. 2]. Этот факт был важен для публициста в качестве отправной точки для создания антитезы – развлечения «угнетателей», «усмирителей России». Он представлял вниманию читателей бал у министра внутренних дел П. Н. Дурново, где был «цвет победителей» революции – московский генерал-губернатор, адмирал Дубасов («Сверх-победитель! Р-раздавивший революцию»), шеф жандармов генерал Дедюлин («усмиритель целого ряда петербургских демонстраций») и др.

Другой факт, который стал предметом сатирического рассмотрения в памфлете «Двести тысяч», – это премирование министра внутренних дел П. Н. Дурново указанной суммой. Автор представил подсчеты, сколько денег должно быть взыскано с каждой губернии, в том числе из числа голодающих, «чтобы насытить Дурново», среди деяний которого, как сказано в тексте, «приказ прибалтийским усмирителям: «Не стесняться тем, что на одного виновного будет расстреляно пятеро невинных» [18, с. 2] и назначение начальником Варшавского сысского отделения человека, ранее осужденного за вымогательство и применяющего пытки.

В другом памфлете Сургучев сказал о названном выше министре внутренних дел, что он «сделал революционными те слои населения, на которые они (революционеры. – А. З., О. Л.) могли рассчитывать только в самом отдаленном будущем» [20, с. 2].

Неоднократно в памфлетах молодой журналист обращался к теме смертной казни как правительственной мере подавления бунтовщиков: «В стране идет какая-то вакханалия, на которой вместо шампанского льется кровь, вместо музыки – предсмертные стоны. За время между 1890 и 1900 г., т.е. за десять лет, в России было казнено 126 человек! В течение же января и февраля 1906 г., по подсчету журнала «Былое», казнено 397 человек» [21, с. 2]. Публицист осуждал казнь руководителя восставших севастопольских матросов лейтенанта П. П. Шмидта: «Когда приговорили к

казни Шмидта, все, что в России еще честно, благородно, все живое, способное чувствовать и мыслить, опустилось мысленно на колени и все мольбы, все взоры слились в одном слове, в одном лозунге, в одном луче: помилованье осужденному Шмидту! Но Россию оттолкнули» [21, с. 2].

В памфлете «Еще о вчерашнем» Сургучев заступался за террористку Марию Спиридонову, смертельно ранившую вице-губернатора Луженовского, карьера которого, построенная на антиреволюционной деятельности, саркастически обрисована в тексте [19, с. 2].

Ведущим мотивом в памфлетах становится мотив средневековья: «Как зловещие тучи, проносятся над страной средние века... Средние века, со всеми своими ужасами... Где же, когда же конец?» [21, с. 2].

Обращение Сургучева к памфлету было совершенно закономерно, поскольку основной задачей он видел обличение старого строя и его защитников. Эту же задачу он выполнял силами фельетонов, чье назначение состоит в «комическом заострении – преувеличении или преуменьшении черт, свойств и признаков изображаемого явления» [7, с. 164].

Так он изображал обывателей, наполненных страхом перед переменами («9 января, не русские и русские», «Татьяна и Фрина»), черносотенцев («Бюро погромных процессий»),

бюрократию («С того света», «Плеве – отец и благодетель»), официозную печать («Мир праху твоему») и т.д. В материале «Государственная Дума или бедные овечки» фельетонист в ответ на желание «высших сфер» Петербурга поместить всех депутатов Государственной Думы в одно общежитие и тем самым изолировать от нежелательного влияния предложил проект учреждения Пансиона Государственной Думы – поселения депутатов под жестким контролем и по утвержденному регламенту. За отсутствием подходящего помещения автор предложил использовать Петропавловскую крепость, т.е. тюрьму для политических преступников [17].

Таким образом, публикации И. Д. Сургучева в ставропольской газете «Северный Кавказ» в период революционных событий в России 1905–1906 гг. свидетельствуют об их оппозиционности и антиправительственной направленности его и поддержке автором идеи демократизации управления страной. Нацеленность на критическое изображение старого строя и противников реформ, каковыми начинающий журналист видит ряд государственных сановников, привело к доминированию в его публицистике циклов, памфлетов и фельетонов, широкому использованию приема контраста и разнообразных художественно-выразительных средств.

Литература

1. Ар. Г. Публицистика // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXV-A. СПб.: Типолиитография И.А. Ефрона, 1898. С. 746–747.
2. Ар. Г.-д. Памфлет // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXII-A. СПб.: Типолиитография И.А. Ефрона, 1897. С. 674–675.
3. Городецкий Б. М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе. Екатеринодар: типография Кубанского областного правления, 1914. 94 с.
4. Гребенькова Н. А. «Газета «Северный Кавказ» (1884–1906 гг.): трансформация информационной политики, жанровой структуры и авторского состава издания»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2012. 25 с.
5. Заморкин А. Б., Лепилкина О. И. Ставропольская публицистика И. Д. Сургучева начала XX века: жанрово-тематическая характеристика // В мире научных открытий. 2013. №11.6 (47). С. 177–181.
6. История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / Д. А. Бадалян, Л. П. Громова, Г. В. Жирков, М. М. Ковалева и др.; под ред. Л. П. Грозовой. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. 528 с.
7. Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб.: Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000. С.115–167.
8. Лепилкина О. И. Становление системы периодической печати на Ставрополье в XIX – начале XX вв. Ставрополь: СГУ, 2010. 180 с.
9. Станько А. И. История журналистики Дона и Северного Кавказа (XIX в.). Ростов н/Д.: НМЦ «Логос», 2006. 174 с.
10. Сургучев И. Дела // Северный Кавказ. 1905. № 92. С. 2–3.
11. Сургучев И. Дела. I // Северный Кавказ. 1905. № 40. С. 3.
12. Сургучев И. Дела. XI // Северный Кавказ. 1905. № 80. С. 3.
13. Сургучев И. Дела. XII // Северный Кавказ. 1905. № 82. С. 2–3.
14. Сургучев И. Письма из Петербурга. I // Северный Кавказ. 1905. № 106. С. 3.
15. Сургучев И. С моря // Северный Кавказ. 1905. №1 02. С. 2–3.
16. Феникс. Блестящий бал // Северный Кавказ. 1906. № 56. С. 2.
17. Феникс. Государственная Дума или бедные овечки // Северный Кавказ. 1906. № 68. С. 2.
18. Феникс. Двести тысяч // Северный Кавказ. 1906. № 97. С. 2.
19. Феникс. Еще о вчерашнем // Северный Кавказ. 1906. № 60. С. 2.
20. Феникс. Пальцем в небо // Северный Кавказ. 1906. № 65. С. 2.

21. Феникс. Пляска смерти // Северный Кавказ. 1906. № 57. С. 2.
22. Феникс. Рецензия // Северный Кавказ. 1906. № 5. С. 2.
23. Феникс. Русская свобода // Северный Кавказ. 1906. № 3. С. 2.

References

1. Ar. G. Publitsistika (*Publicism*) // Entsiklopedicheskii slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. Vol. XXV-A. St. Petersburg: I. A. Efron's printing office, 1898. P. 746–747. (In Russian).
2. Ar. G-d. Pamflet (*Pamphlet*) // Entsiklopedicheskii slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. Vol. XXII-A. St. Petersburg: I. A. Efron's printing office, 1898. P. 674–675. (In Russian).
3. Gorodetskii B. M. Ocherk razvitiya russkoi periodicheskoi pechati na Severnom Kavkaze (*Outline of the development of Russian periodicals in the North Caucasus*). Ekaterinodar: Printing house of the Kuban regional government, 1914. 94 p. (In Russian).
4. Greben'kova N. A. «Gazeta «Severnyi Kavkaz» (1884–1906 gg.): transformatsiya informatsionnoi politiki, zhanrovoy struktury i avtorskogo sostava izdaniya» (*The newspaper «Severnyi Kavkaz» (1884–1906): information policy transformation, genre structure and writing staff of the publication*): abstract of thesis. Rostov-on-Don: SFU publ., 2012. 25 p. (In Russian).
5. Zamorkin A. B., Lepilina O. I. Stavropol'skaya publitsistika I. D. Surgucheva nachala XX veka: zhanrovo-tematicheskaya kharakteristika (*I. D. Surguchev Stavropol journalism in the beginning of XX century: genre-theme characteristics*) // V mire nauchnykh otkrytii. 2013. No. 11.6(47). P. 177–181. (In Russian).
6. Istoriya russkoi zhurnalistiki XVIII–XIX vekov (*History of Russian journalism in XVIII–XIX centuries*): textbook / D. A. Badalyan, L. P. Gromova, G. V. Zhirkov, M.M. Kovaleva ect; ed by L. P. Gromovoi. St.Petersburg: SBSU publ., 2013. 528 p. (In Russian).
7. Kroichik L. E. Sistema zhurnalisticheskikh zhanrov (*The system of journalistic genres*) // Osnovy tvorcheskoi deyatel'nosti zhurnalista / ed by S. G. Korkonosenko. St.Petersburg: Znanie, 2000. P. 115–167. (In Russian).
8. Lepilina O. I. Stanovlenie sistemy periodicheskoi pechati na Stavropol'e v XIX – nachale XX vv. (*Establishment of the periodical press system in the Stavropol region in XIX – beginning of XX centuries*). Stavropol': SSU, 2010. 180 p. (In Russian).
9. Stan'ko A. I. Istoriya zhurnalistiki Dona i Severnogo Kavkaza (XIX v.) (*History of journalism on Don and the North Caucasus (XIX c.)*). Rostov-on-Don: Logos, 2006. 174 p. (In Russian).
10. Surguchev I. Dela (*Cases*) // Severnyi Kavkaz. 1905. No. 92. P. 2–3. (In Russian).
11. Surguchev I. Dela. I (*Cases. I*) // Severnyi Kavkaz. 1905. No. 40. P. 3. (In Russian).
12. Surguchev I. Dela. XI (*Cases. XI*) // Severnyi Kavkaz. 1905. No. 80. P. 3. (In Russian).
13. Surguchev I. Dela. XII (*Cases. XII*) // Severnyi Kavkaz. 1905. No. 82. P. 2–3. (In Russian).
14. Surguchev I. Pis'ma iz Peterburga. I (*Letters from St. Petersburg. I*) // Severnyi Kavkaz. 1905. No. 106. P. 3. (In Russian).
15. Surguchev I. S morya (*From the Sea*) // Severnyi Kavkaz. 1905. P. 102. P. 2–3. (In Russian).
16. Feniks. Blestyashchii bal (*Shiny Ball*) // Severnyi Kavkaz. 1906. P. 56. P. 2. (In Russian).
17. Feniks. Gosudarstvennaya Duma ili bednye ovechki (*The State Duma, or the poor lambs*) // Severnyi Kavkaz. 1906. No. 68. P. 2. (In Russian).
18. Feniks. Dvesti tysyach (*Two hundred thousand*) // Severnyi Kavkaz. 1906. No. 97. P. 2. (In Russian).
19. Feniks. Eshche o vcherashnem (*More on yesterday*) // Severnyi Kavkaz. 1906. No. 60. P. 2. (In Russian).
20. Feniks. Pal'tsem v nebo (*Find a mare's nest*) // Severnyi Kavkaz. 1906. No. 65. P. 2. (In Russian).
21. Feniks. Plyaska smerti (*Dance of Death*) // Severnyi Kavkaz. 1906. P. 57. P. 2. (In Russian).
22. Feniks. Retsenziya (*Review*) // Severnyi Kavkaz. 1906. No. 5. P. 2. (In Russian).
23. Feniks. Russkaya svoboda (*Russian freedom*) // Severnyi Kavkaz. 1906. No. 3. P. 2. (In Russian).

УДК 82.091

И. Н. Иванова, А. С. Сазонова

ГЕОПОЭТИКА РОМАНА АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА «СЕРДЦЕ ПАРМЫ»

Статья посвящена актуальному в настоящее время направлению в литературоведении – геопоэтике. Геопоэтика как научный метод позволяет анализировать художественное произведение как систему геопоэтических образов и символов. В данной статье изучается феномен уральского текста в романе А. Иванова «Сердце Пармы, или Чердынь – княгиня гор». При таком подходе, в романе, в первую очередь, рассматривается культурно-географическое пространство Урала и его взаимодействие с героями произведения. Произведение А. Иванова изучается не изолировано, а в контексте предшествующей прозы об Урале. В качестве основных источников рассматриваются сказы П. П. Бажова и «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, епископа Пермского»

Епифания Премудрого. Благодаря этому становится возможным выделить структурные элементы уральского текста. В статье выделяются основные типологические черты уральского текста: обожествление природы, мотив испытания героя таинственной мистической силой, мотивы судьбы, рубежности, завоевания и освоения Урала, образы земли, образы животных (лебедь, сокол и т.д.), каменных гор и рек, изображение системы оппозиций (центр/рубеж, земное/небесное, добро/зло, свое/чужое), противопоставление русской и уральской культур, культ хтонических божеств, которые олицетворяют дикую природу Урала.

Ключевые слова: миф, локальный текст, уральский текст, геопоэтика, образ, пространство, ландшафт, мотив.

I. N. Ivanova, A. S. Sazonova

GEOPOETICS IN «THE HEART OF PARMA» BY ALEXSEY IVANOV

The article is devoted to the current direction in literary criticism – geopoetics. Geopoetics as a scientific method allows us to analyze a work of art as a system of geopoetic images and symbols. This article examines the phenomenon of the Ural text in the novel by A. Ivanov «The Heart of Parma, or Cherdyn is the Princess of the mountains». Within this approach, first of all, we consider the cultural and geographical space of the Urals and its interaction with the characters of the work. The work by A. Ivanov is not studied in isolation, but in the context of the previous prose about the Urals. The main sources are the tales of P.P. Bazhova and «The Word of the Life and Teaching of the Holy Father of Our Stephen, Bishop of Perm» Epiphanius the Wise. Thanks to this, it be-

comes possible to isolate the structural elements of the Urals text. In the article, the main typological features of the Uralic text are singled out: the deification of nature, the motive for testing the character with a mysterious mystical force, the motives for destiny, milestones, conquest and development of the Urals, images of land, animal images (swan, falcon, etc.), stone mountains and rivers, the image of the system of oppositions (center/boundary, terrestrial/heavenly, good /evil, one's own/alien), the opposition of Russian and Ural cultures, the cult of chthonic deities that personify the wild nature of the Urals.

Key words: myth, local text, Ural text, geopoetics, image, space, landscape, motive.

Геопоэтика как современное научное направление представляет собой междисциплинарный подход, образованный «содружеством» таких дисциплин, как философия, география, история и литературоведение. Благодаря этому геопоэтика позволяет комплексно рассмотреть анализируемый текст и раскрыть все его многообразие. При таком подходе важно изучение произведения не только с точки зрения его внутреннего содержания, но и в историческом контексте, привлекая дополнительные источники, характеризующие рассма-

триваемый культурно-исторический ландшафт. Это позволяет не только увидеть глубину и многогранность изучаемого текста, но и проанализировать такое явление, как локальный текст. Локальный текст, по определению В. Абашева, представляет собой результат символизации человеком географического пространства. «В стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают,

по существу, программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций. Таким образом, формируется локальный текст культуры, определяющий наше восприятие и видение места, отношение к нему» [1, с. 12]. В отечественной культуре можно выделить такие локальные тексты, как алтайский, московский, петербургский, кавказский, уральский и т.д. Все они обладают устойчивым семантическим содержанием, которое постоянно воспроизводится в художественных текстах. Естественно, при рассмотрении такого явления как локальный текст, необходимо привлечение источников, содержание которых позволит говорить о структуре уральского текста. В качестве таких источников, свидетельствующих о феномене «уральского текста», могут быть привлечены произведения Д. Мамина-Сибиряка («Золото», «Горное гнездо»), П. П. Бажова («Ключ Земли», «Медной горы Хозяйка», «Малахитовая шкатулка», «Про Великого Полоза»), О. Славникова («2017», «Русское поле»), А. Матвеевой («Екатеринбург», «Перевал Дятлова»), А. Иванова («Географ глобус пропил», «Золото бунта», «Блуда и МУДО», «Ёбург», «Хребет России»). В рамках данной статьи будут рассмотрены некоторые сказы П. П. Бажова, «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, епископа Пермского» Епифания Премудрого, а также роман А. Иванова «Сердце Пармы...» как одно из ярчайших произведений современного уральского текста.

Уральский текст начинает свое формирование примерно с XIV века под влиянием важнейшего исторического события – освоения уральских земель. Этот процесс проходил в тяжелых условиях, в противостоянии двух культур – пермской и русской. Основной конфликт выражался в борьбе языческой и христианской религии. Одним из первых текстов, отражающих данный конфликт и относящихся по своему содержанию к «уральскому», можно назвать «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, епископа Пермского», написанное Епифанием Премудрым. Уже в нем можно увидеть традиционные черты, присущие «классическому» уральскому тексту и продолжающие функционировать в современной литературе. Основной мотив «Слова...» – борьба христианской и языческой веры. Текст «Слова...» содержит описания традиций языческой религии, а также небольшие характеристики коренных жителей. Помимо этого, произведение отражает один из базовых структурных элементов уральского текста – представление о рубежности и отдаленности Урала от центра Рос-

сии. Можно заметить еще один важный мотив, выходящий за пределы данного произведения и отражающийся в других текстах. Это предостережение о Москве как об основном противнике Перми. Так, например, один из пермских волхов говорит: «А от Москвы может ли добро придти? Не оттуда ли к нам тягости приходят, дани тяжкие и насилие, тиуны, и доводчики, и приставы? Поэтому не слушайте его, но меня слушайте, – добра хочу вам» [4]. Примерно такое же мнение о Москве можно найти в романе А. Иванова «Сердце Пармы»: «Вогульское зло – заклятое, колдовское, высокое и яркое, как горящая ель, – все же было более человечным, чем зло московитов, которое незримо, неотвратно и мерно ползет на Чердынь из-за окоема, как торфяной пожар, что душит дымом и обрушивает землю под ногами» [3, с. 318]. В дальнейшем мотивы и образы, зародившиеся в «Слове...», не раз воспроизводились в текстах об уральском пространстве. Именно поэтому они и стали основными структурными элементами современного уральского текста.

В романе «Сердце Пармы, или Чердынь – княгиня гор», описывающем события покорения Москвой Великой Перми в XV веке, названные черты также находят своё отражение. В сюжете романа «Сердце Пармы» мотив завоевания и освоения пермских земель занимает центральное место. А. Иванов в произведении дает развернутую картину освоения уральского пространства, показывает неоднозначность исторических и политических процессов. Завоевание русскими уральских земель требует не только подчинения коренных жителей, но и освоения природы и культуры горного края. Каждый герой в романе жертвует чем-то ценным, проходит ряд испытаний, лишь немногим удается выжить в этом суровом пространстве. Весьма показателен диалог об уральской земле героев романа Калины с Полюдом:

– «Когда же эта земля и нашей станет? Храмы и города на ней строим, крестим ее, живем здесь уже сколько лет – когда же она и нашей станет?»

– Когда на три сажени вглубь кровью своей ее напоим» [3, с. 121].

Все герои произведения вступают в поединок с сакральными, мистическими силами природы. Природа играет главную роль в жизни местных жителей. Особое значение имеет образ земли. Исследователями творчества А. Иванова не раз подчеркивалась тенденция изображения хтонического характера пермской религии. Именно с землей связаны все боже-ства Урала. В романе подчёркивается ее «не-

изъяснимая сила» [3, с. 67]. Особое отношение пермяков к земле представляет собой доминирующую категорию уральского текста. Это можно увидеть на примере уральских сказов П. П. Бажова. В сказках «Медной горы Хозяйка», «Две ящерки», «Про Великого Полоза», «Ключ земли» образ земли является центральным. Земля может выступать в качестве помощника при условии добрых намерений и праведной жизни: «Есть, дескать, камень – ключ земли. До времени его никому не добыть: ни простому, ни терпеливому, ни удалому, ни счастливому. А вот когда народ по правильному пути за своей долей пойдет, тогда тому, который передом идет и народу путь кажет, этот ключ земли сам в руки дастся. Тогда все богатства земли откроются и полная перемена жизни будет. На то надейтесь!» [2, с. 222]. Отношение русских и пермяков к земле значительно отличается. Вся религия пермского народа строится на почитании и уважении пространства. Природа в представлении пермяков воспринимается как одушевленная. В произведении описаны Поясовые горы, воплощающие образ великана Кама, Пянтег – Кедровый дух пармы, Пелино поле, в котором погребен богатырь Пеля и т.д.

Изображение хтонической природы олицетворяет дикую природу, веру в ее безграничную и всепоглощающую мощь. В романе можно выделить два уровня – земное и подземное. Причем два этих мира тесно связаны друг с другом. Связующим звеном выступает природа Урала – деревья (береза, ель, муромский лес), животные (лебедь, сокол, ворон, филин), мифические существа (Комполен – лесной мужик, Пелино поле), таинственная мистическая сила, воплощающая силу природы. Также связующим звеном между этими мирами служат пермские идолы.

Несомненно, главным образом романа А. Иванова «Сердце Пармы» является образ Золотой Бабы, Сорни-Най. Он выступает главным идолом пермских жителей. В конце романа образ Сорни-Най сливается с главной героиней Тичерть, пермской княгиней. Тиче также воплощает связь земного и подземного мира. В романе подчеркивается ее хтоническая сущность: «Не человек она. Чертовка. Ламия. Нет счастья выше любви ламии, но любовь эта сжигает, не грея. Погубишь душу христианскую. А ее душа не богом вдохнута. Из земли она пришла, от дьявола, колдовством пермским выволочена. Ламии – не бабы, князь, хоть и слаще любой бабы. Оборотни. Это сама Сорни-Най в человеческом обличье» [3, с. 99]. От таинственной силы Сорни-Най гибнет поселе-

ние Усть-Вым; князь Асыка, наоборот, за клятву получает долгую жизнь, которая не может оборваться до тех пор, пока данное им обещание не будет исполнено.

Основное внимание автора уделяется культуре коренных жителей и трагедии утраты пермским народом своих земель и традиций. Освоение уральских земель сопровождалось разрушением богатой уральской культуры, переходом от языческой религии к христианской. Все это способствовало к формированию ненависти к московскому государству и к русской культуре в целом. Именно поэтому традиционный уральский текст содержит в себе противопоставление пермской и русской культур. Уже в начале произведения автор демонстрирует непростое отношение пермского народа к русским и к христианской религии. Князь Асыка в разговоре с шаманом объясняет причину вражды с русским народом: «Русы-новгородцы – давние наши враги, – сказал Асыка. – А давние враги – это почти друзья. Как и всем прочим, им нужны были наши богатства. За эти богатства они честно платили кровью и уходили. Но москвитам кроме наших сокровищ нужна еще и вся наша земля. Они шлют сюда своих пахарей с женами и детьми, чтобы те своим трудом и кровью пустили в нашу землю свои корни» [2, с. 17].

В содержании романа постоянно подчеркивается неуважение многими русскими традиций пермского народа. Ярким примером служит описанное в романе крещение пермяков епископом Ионой, который бросил в костер берестяную книгу – результат долгой ручной работы старца. Книга представляла собой сборник традиций и представлений пермяков о мироустройстве. Её подарили пермяки со словами: «Народы наши сошлись на одной земле и вот теперь меняются богами. Поменяемся же и мудростью, ибо жить нам вместе вечно» [2, с. 111].

Главной типологической чертой уральского текста у Иванова является построение сюжетной линии на основе системы оппозиций. В качестве основной можно назвать противопоставление языческой и христианской религий. Также выделяются такие оппозиции, как центр/рубеж, земное/небесное, добро/зло, свое/чужое. Русские, попавшие на Урал, сталкиваются с совершенно иным мировоззрением и культурой. Представление о рубежности в этих оппозициях является основным. Один из героев романа называет Урал «краем божьего мира» [2, с. 36].

Надо сказать, что пермская картина мира радикально отличается от русской. Здесь трудно найти привычное представление о добре и зле. Это ярко видно в отрывке, где князь Ми-

хаил вынужден отрубить голову мятежнику в рамках закона о «Справедливости». Когда Михаил впервые столкнулся с идолом Сорни-Най, он почувствовал его устрашающую силу, однако в дальнейшем князь рассуждал: «Сила земли, ставшая волей идола, казалось злом только потому, что была слишком велика для одного человека» [2, с. 69]. Помимо этого, наблюдается ориентация уральских представлений не на небесное начало, а на земное, что является основным отличием от христианской религии. Один из героев романа говорит: «Они, Миша, свою жизнь по богам делают, свою душу по их душе меряют, а боги их – из земли. Коли ты в Христа веруешь воистину и людей любить хочешь, то люби их землю. Корнями и кровью своей в неё врати. А через землю уж и людей сможешь полюбить» [2, с. 179]. Другим подтверждением является диалог князя Асыки с шаманом: «Наши боги – это боги судьбы и трех миров. А бог русов – это бог человека, и одного только человека» [Иванов, с. 20]. Можно также отметить особую атмосферу уральского пространства. Герои романа в данном пространстве сталкиваются с чем-то неизведанным, необъяснимым, их устрашает так называемая «нерусская жуть» [Иванов, с. 67]. «За стенами острогов русские прятались от чего-то другого, незримого – от чего стены, наверное, не могли защитить» [2, с. 67].

Важным мотивом в романе является мотив судьбы. Каждый герой проходит ряд испытаний, свой определенный жизненный путь. Для сознания пермяков характерен фатализм – вера в неизбежность свершения предназначенного судьбой: «Человек идет по судьбе, как по дороге. С одной стороны – стена, с другой обрыв; свернуть нельзя. Можно идти быстрее или медленнее, но нельзя не идти» [2, с. 58]. Завоевание русскими Урала в содержании романа также является предрешенным событием. В диалогах героев произведения видно, какое значение имеет понятие «судьба»:

– «А пермяки не богами и не чудищами тебя прокляли, – серьезно сказал Калина. – Что идол? Идол без духа – деревяшка. Пермяки твой дух убили и сожгли, прокляли твою судьбу.

– Выходит, я теперь без судьбы? – усмехнулся Нифонт. – Чудно говоришь. Как же я это без судьбы, коли жив? Это как без тени на солнце – невозможно.

– Возможно, – возразил Калина. – И ты не хмыкай: это ведь страшное, жестокое проклятие – на судьбу-то» [2, с. 419].

Представление о судьбе связано с образом лебедя. Каждый человек имеет пять душ – ду-

ша-лебедь или душа-судьба, «душа-сокол, что родниться с богами; душа-филин, что родниться с духами; душа-ворон, что родниться с предками; или та душа, что живет среди людей, которая у каждого человека выглядит своей птицей» [2, с. 321]. Это представление показывает еще одну важную черту уральского текста – ориентация на «звериное» начало (вспомним знаменитый «звериный стиль»).

В уральском тексте довольно часто воспроизводится мотив испытания героя сакральной мистической силой. В романе А. Иванова «Сердце Пармы» не все герои выдерживают данное испытание. В произведении описываются события похода князя Василия за Сорни-Най. Этот поход для князя окончился смертью, так как на своем пути он встретил лесного мужика Комполена, хранителя Сорни-Най. Часто герои проходят испытания воли. Например, испытание Вольги, который преодолел мистическое наваждение-вождеделение к ламии и сообщил о надвигающемся нападении. Показателен пример преодоления сил природы героем Калиной, который во время бури всю ночь держал на крыше часовни крест, до тех пор, пока буря не успокоилась и крест перестало сносить. В романе подобных примеров очень много. Все они показывают с каким трудом шло освоение пермских земель. Если обратиться к сказам П. П. Бажова, события которых переносят нас в XIX век, видно, что мотив испытания героев также присутствует. Герои сказов проходят испытания, в первую очередь, трудом или соблазном «легких» денег. Только трудолюбивому и нравственному человеку уральская земля будет оказывать помощь.

Для уральского текста характерны образы каменных гор, рек. Горы связаны с изображением уральского божества. Каждая воплощает разных духов. В горах находятся могилы богов и великанов: «И все скалы здесь священные. На каждой или под каждой – капище, в любой пещере – идол» [2, с. 428]. В произведении изображается река Чусовая, которая характеризуется как богатая, великая, сильная. «Она одна Каменные горы победила – даже Вишере то оказалось не под силу» [2, с. 428].

Таким образом, типологическими чертами уральского текста являются обожествление природы, мотив испытания героя таинственной мистической силой, мотивы судьбы, рубежности и освоения Урала, образы земли, каменных гор и рек, изображение системы оппозиций (центр/рубеж, земное/небесное, добро/зло, свое/чужое). В центре уральского текста стоит образ «каменной» земли, что связано

с природными особенностями Урала. Религия связана с культом хтонических божеств, которые олицетворяют дикую природу Урала. Герои произведения проходят через множество испытаний, жертвуют чем-то ценным, знакомятся с уральской религией и культурой, все это сопряжено с мотивом освоения уральских земель. В завоевании Урала важно не подчинение местных жителей, а освоение (при-своение) земель. Весь их быт строится на основе подчинения и культа природе. Природа в сознании местных жителей играет главную роль. Также природа

воплощает таинственную, необъяснимую силу, которая подчиняет себе русских «завоевателей». Большое внимание автор уделяет культуре местных жителей, которая значительно отличается от русской. Автор подробно описывает традиции, быт, верования и обычаи пермского народа. Все эти характеристики в целом создают особое геокультурное пространство Урала, которое начинает свое формирование XIV века и продолжает функционировать в современной отечественной литературе.

Литература

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Издательство Пермского университета, 2000. 404 с.
2. Бажов П. П. Уральские сказы / сост., вступ. ст. и примеч. А. Л. Налепина. М.: Советская Россия, 1987. 352 с.
3. Иванов А. Сердце Пармы, или Чердынь – княгиня гор. СПб.: Азбука-классика, 2008. 576 с.
4. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего Епископом в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10091> (Дата обращения: 19.11.2016).

References

1. Abashev V. V. Perm' kak tekst. Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka (*Perm as a text. Perm in the Russian culture and literature of XX century*). Perm': Perm university publ., 2000. 404 p. (In Russian).
2. Bazhov P. P. Ural'skie skazy (*Ural tales*) / ed by A. L. Nalepina. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1987. 352 p. (In Russian).
3. Ivanov A. Serdtse Parmy, ili Cherdyn' – knyaginya gor (*The Heart of Parma, or Cherdyn – Princess mountains*). St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2008. 576 p. (In Russian).
4. Slovo o zhitii i uchenii svyatogo ottsa nashego Stefana, byvshego Episkopom v Permi, sostavlennoe prepodobnym vo svyashchenoinokakh ottsom nashim Epifaniem (*Word of Life and teachings of our Holy Father Stephen, the former Bishop of Perm, composed of the Rev. Hieromonk our father Epiphanius*). URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10091> (Accessed: 19.11.2016). (In Russian).

УДК 81'42

Л. М. Каппушева

ЭЗОПОВ ЯЗЫК КАК СПОСОБ РИТУАЛЬНОГО РАЗРУШЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ДРАМАТУРГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Статья посвящена исследованию сущности эзопова языка как особой модели речевого поведения советской интеллигенции послевоенной эпохи, основанной на завуалированном выражении идеологически недопустимого комплекса значений и смыслов. В ней рассматриваются наиболее эффективные приёмы кодирования необходимой информации в драматургическом тексте, выявляются особенности их языкового воплощения и реконструируются стратегии развенчания навязываемого мировидения.

Главной целью исследования является осмысление основных закономерностей превращения эзопова языка из важнейшего коммуникативного регистра означенного времени в стиль мышления целого поколения, а также той роли, которую в этом процессе сыграло драматическое искусство.

Материалом для проведённого анализа послужили тексты наиболее значимых пьес рассматриваемой эпохи, созданных в 1950–1980-е гг. М. М. Роциным, Л. Г. Зориным, А. В. Вампиловым и т.д.

В качестве наиболее достоверного источника теоретического осмысления советской послевоенной драматургии к исследованию были привлечены данные сплошной выборки из заметок, очерков, дневников перечисленных выше авторов явно носящие автометадескриптивный характер. Статья адресована студентам, аспирантам и преподавателям филологических факультетов, интересующимся вопросами отражения советской идеологии в искусстве второй половины XX века.

Ключевые слова: Эзопов язык, мистификация, кодирование, развенчание, идеология.

I. M. Kappusheva

ESOPIAN LANGUAGE AS A WAY OF RITUAL DESTRUCTION OF SOVIET IDEOLOGY IN DRAMA IN THE SECOND HALF OF XX CENTURY

The article studies Aesopian language as a special model of the speech behavior typical of Soviet intelligentsia of postwar period and founded on the complex ideologically forbidden meanings and senses. It studies essential ways of coding necessary information in dramatic text, reveals the most important features of text actualization, reconstructs the most effective strategies of suggestive worldview. The main purpose of the study is the comprehension of basic rules of transforming Aesopian language from the most important communication register of the above-mentioned time in mean-style of whole generations, and the role, which was played by the dramatic art in this process.

The most significant plays of the considered period, created in 1950–1980-s by M. M. Roschin,

Осуществляемая советской властью тотальная идеологизация всех сфер общественной жизни не могла не сказаться и на положении искусства, что было обусловлено изначально присущей ему способностью к созиданию новой реальности. Не случайно одним из первых её завоеваний становится право на полную регламентацию художественного творчества,

L. G. Zorin, A. V. Vampilov and etc served the material for the analysis.

As the most relevant source of the theoretical comprehension of Soviet postwar drama to this investigation were attracted data of detailed choice, namely notes, essays and diary books of the above-mentioned authors, which were characterized by autometadescriptive features.

The article is addressed to students, post-graduate students and teachers of philological faculties interested in the reflection of Soviet ideology in the art of the second half of XX century.

Key words: Aesopian language, mystification, coding, dethronement, ideology.

о чём свидетельствуют многочисленные постановления ЦК ВКП(б), а затем и КПСС о художественной литературе, современном состоянии театров, запрете на распространение произведений тех или иных писателей и т.д. Формируется т.н. соцреалистический канон, предписывающий литературе служить источником радости и вдохновения для миллионов

людей, выполняя роль «средства их идейного обогащения и нравственного воспитания» [7, р. 65]. Главным эстетическим критерием провозглашается соответствие содержания произведения основным задачам социалистической действительности, что приводит к полному вытеснению художественности идеологичностью.

В этих условиях и вырабатывается совершенно особая модель речевого поведения, основанная на развенчании советской идеологии путём превращения её в отправную точку вторичной семиологической системы и по старой, доброй традиции получившая название эзопова языка. По сути она представляла собой результат негласного договора писателя и читателя, подразумевавший осуществляемое посредством мистификации сознательное кодирование подлинных значений и смыслов.

Как отмечает Н. В. Иванова, диапазон литературных направлений, прибегавших к использованию эзопова языка, был необычайно широк: «Свой эзопов язык имела реалистическая проза Ю. Трифонова и гротескно-фантастическая Ф. Искандера, историческая фантазия Б. Окуджавы и литературоведческая проза А. Белинкова, эссеистическая А. Битова и теобразная притч В. Маканина, лирика Д. Самойлова и О. Чухонцева, А. Кушнера и Д. Сухарева...» [5].

К нему обращаются в своём творчестве Ю. Трифонов, Ю. Алёша, А. В. Вампилов, М. М. Рощин, А. В. Володин, А. А. Вознесенский, А. А. Ахматова и многие другие поэты, писатели и драматурги. Он звучит со сцены Современника, МХАТ и Таганки, делая взрывоопасным каждый новый спектакль. На нём говорят на кухне, когда круг собравшихся еще не настолько узок, чтобы использовать слова в прямом их значении. Таким образом, в 60-е гг. XX века эзопов язык постепенно переступает границы словесного искусства и превращается в особый стиль мышления и поведения, определяющий облик всей советской послевоенной эпохи.

Главными его приёмами в это время становятся аллегория, умолчание, перифраз, аллюзия, ирония и т.д., позволяющие с разной степенью интенсивности кодировать адресованную избранному кругу читателей информацию. Особенно отчётливо это прослеживается в драме, по своей природе способной стать ритуальным разрушителем навязываемого мировидения.

Наиболее эффективным средством подобного развенчания оказывается аллегория, из обыкновенной фигуры речи нередко превращающаяся в основополагающий принцип ком-

позиции всего произведения. В Литературной энциклопедии терминов и понятий под ред. А. Н. Николюкина она определяется как «одна из форм иносказания, в которой конкретный образ используется для выражения отвлеченного понятия или суждения» [6]. Здесь особо подчёркивается многофункциональность данного средства художественной выразительности, обусловленная его семантической поливалентностью, открывающей горизонты для бесконечного смыслового наращивания.

Как приём аллегория используется в советской литературе для завуалирования той или иной идеологически нерелевантной идеи. Так, галоши счастья из одноимённой пьесы М. М. Рощина, способные переносить своего обладателя в любое пространство и время, оказываются символом иллюзорности желаний человека, постоянно ищущего ничтожные внешние блага вместо обретения источника подлинного блаженства внутри самого себя.

Однако, когда художественно значимым является выражение целого комплекса определённых идейных установок, аллегория перерастает масштабы образа и превращается в основополагающий сюжетно-композиционный принцип всего произведения. Полностью построенной на ней оказывается, например, первая пьеса того же драматурга «Седьмой подвиг Геракла», разрешённая к постановке только спустя двадцать лет после её написания. В ней через обращение к мифологическому сюжету об очищении Авгиевых конюшен воссоздаётся модель государства, главное в которой не сама реальность, а определённое представление о ней. Простые жители и самые влиятельные люди Элиды, задыхающиеся от зловония, каждый день вслед за глашатаем самозабвенно славят свою страну, переставая замечать, что происходит вокруг: «Голос глашатая. Слава Элиде! Проснитесь, граждане Элиды! Новый счастливый день настал! Восславим Элиду, нашу Элиду! Привет тебе, Авгий, сын Гелиоса, наш повелитель! Привет тебе, Гелиос, отец Авгия, бог наш! Привет тебе, Элида! Что бы мы делали без Элиды, кем бы мы были без Элиды? Мы богаче всех в мире, мы счастливее всех под небом!» [12, р. 451].

Аллегория доходит здесь до гротеска, недвусмысленно отсылая читателя/зрителя к хорошо известной ему советской действительности, слепком с которой по сути и является принадлежащая Авгию земля. Подобная многомерность открывает широкий спектр возможностей для обыгрывания запретных тем, позволяя автору в определённой степени обрести столь желанную творческую свободу.

С аналогичным явлением мы сталкиваемся и в «Римской комедии» Л.Г. Зорина, запрещённой Ленинградским обкомом КПСС после первого же показа на сцене БДТ в 1965 г. Даже перенесения действия в эпоху Домициана (конец I века н.э.) не смогло скрыть ассоциаций со временем правления Н. С. Хрущёва. Образы главных героев пьесы слишком явно восходили к образам выдающихся современников: прототипом императора Домициана, к примеру, был сам генсек, а поэта Диона – сразу вся прославленная интеллигенция шестидесятых во главе с Э. Неизвестным и А. Вознесенским. То же самое прослеживалось и в событийном плане произведения: временное отстранение от власти Домициана и его чёрная неблагодарность своему верному соратнику и спасителю корникуларию Бибулу очень напоминало попытку государственного переворота Молотова, Маленкова и Кагановича, предотвращённого во многом благодаря маршалу Г. К. Жукову, впоследствии также предательски освобождённому Хрущёвым от всех занимаемых должностей. Сам конфликт между художником и властью точно воспроизводил взаимоотношения партийного руководства и деятелей искусства в пресловутую оттепель, которые из усиленно имитируемого диалога постепенно превращались в затверженный монолог зомбированных глашатаев: «Глашатай. В добрый час! Слушайте свежие римские новости. Никогда еще наш Рим не был так горд, могуч и прекрасен. Достойные римские граждане с удовлетворением следят за возвышением столицы. Что же произошло за истекшие сутки? Послушайте внимательно и соблюдая порядок. С большим восторгом встретили архитекторы Рима повеление императора возвести в каждом квартале ворота и арки. Предусмотрено, что они должны быть украшены колесницами и триумфальными отличиями, с тем, чтобы ежечасно напоминать гражданам, в особенности молодым и совсем юным, о славе и величии римских побед... Вчера вечером цезарь подписал повеление о сооружении на Палатине золотых и серебряных статуй в его честь. Вес статуй должен составить не менее ста фунтов. Проекты будет рассматривать сам император совместно с советом из лучших художников Империи. Присланные проекты обратно не возвращаются... Вчера вечером цезарь опубликовал новый список запрещенных книг. Список вывешивается во всех кварталах. Согласно повелению цезаря, книги подлежат сожжению, а авторы – изгнанию из пределов империи... И наконец – внимание, внимание!

Сенат на своем заседании утвердил новое обращение к цезарю. Отныне императора Домициана надлежит именовать «Государь и бог». Цезарь сообщил, что он принимает решение сената. На этом я заканчиваю, сограждане. В добрый час!» [4, р. 301].

Широкое распространение в советской литературе получает и такой приём эзопова языка, как умолчание, представляющий собой «фигуру мысли, при которой говорящий объявляет, что не будет говорить о таких-то (обычно нехороших) чертах и поступках оппонента, но именно этим и говорит о них» [6]. Опорными в данном истолковании становятся такие компоненты значения, как «недосказанность», «недоговорённость», во многом обуславливающие уникальность рассматриваемого стилистического приёма. Сущность умолчания, говоря языком постструктурализма, определяется тем, что нулевой градус вербальности оказывается семантически значимым, превращаясь в определённом контексте в самое выразительное средство передачи смысла. Действенным способом доведения рефлексии лирического героя до кульминации оно служит, например, в стихотворении А. А. Вознесенского «Ностальгия по настоящему»: «Все из пластика, даже рубища. Надоело жить очерково. Нас с тобой не будет в будущем, а церковка...» [3]. Эта строфа является седьмой из десяти, совпадая тем самым с точкой золотого сечения произведения ($4 / 6 = 6 / 10$).

Она приобретает статус структурно-смыслового центра стихотворения, строящегося на противопоставлении подлинного настоящего и поддельного существующего. Происходит своеобразная языковая игра, в результате которой одновременно актуализируются 2 значения лексемы «настоящее»: «совершающееся сейчас» и «действительное, должное». Тем самым она начинает обозначать не только промежуток времени между прошлым и будущим, но и его смысловое наполнение, определяемого духовностью. Аллюзия к этому вторичному истолкованию в кульминационной строфе осуществляется с помощью слова «церковка», выполняющего функцию особого символа. Следующее за ним умолчание и вытесняет все дополнительные семантические напластования в область подтекста, хорошо понятного подготовленному читателю.

Ещё более часто данный приём построения эзопова языка встречается в драматургии, где в отличие от поэзии и прозы помимо обрывания смысла высказывания, на письме передаваемого многоточием, его показателем

является и сценическая пауза. Она приводит к повисанию в воздухе особенно значимой для раскрытия авторского замысла реплики персонажа, во многом благодаря этому останавливающей на себе внимание зрителя.

Так происходит, например, в пьесе М. М. Рощина «Галоши счастья», где акцент, делаемый на рассуждении Ганса о неправильном распределении жизненных приоритетов, недвусмысленно отсылающем ко всем прелестям советской действительности, усиливается паузой, которая вытесняет дополнительные семантические оттенки в область ассоциативного поля текста: «Ганс. Работаешь, работаешь, стараешься! В очередь на квартиру – стоим, в очередь на автомобиль стоим, на мебель – откладываем... А чем плоха эта квартира? Им автомобиля хочется больше, чем ребенка!.. А почему бы вообще купить не машину, а лошадь?.. Пауза» [9, р. 564].

Функциональные возможности умолчания значительно расширяются в творчестве А. В. Вампилова, где оно из простого стилистического приёма превращается в один из основных принципов художественного метода. Хотя все созданные им пьесы посвящены изображению жизни советских людей, они отличаются нулевой степенью идеологизации, что свидетельствует о намеренном избегании драматургом определённых сторон действительности. Подтверждением этому служит и высказывания автометадескриптивного характера, широко представленные в записных книжках художника и по сути являющиеся его творческим кредо:

«Я не говорил умных вещей, но я и не говорил глупостей. Я молчал» [1, р. 343].

Наиболее неприметным способом зашифровывания информации является перифраз, обычно определяемый как «троп, описательно выражающий одно понятие с помощью нескольких...» [6]. Ключевыми в рассматриваемом истолковании являются такие компоненты значения, как «описательность», «замена», «называние предмета через его признаки», что закрепляет за перифразом функцию своеобразного посредника, отсылающего к содержанию того языкового знака, вербализация которого в определённой ситуации по тем или иным причинам невозможна. Перифрастическое выражение фактически подвергается вторичному семиозису, в результате которого его значение перестаёт сводиться к сумме значений составных компонентов и полностью совпадает с семантикой заменяемой единицы.

В советской драматургии второй половины XX века объектом перифразирования чаще

всего выступает идеология, которая в несколько искажённом виде вплетается в ткань художественного текста, что, с одной стороны, производит впечатление соблюдения всех предписываемых канонов, а с другой – создаёт эффект комического, раскрывающий подлинное отношение автора к изображаемой действительности. Так, например, в комедиях М. М. Рощина перифразы используются для создания стилизации, в конечном счёте приводящей к появлению иронии или сарказма. Неоднократно повторяемая реплика изобретателя из пьесы «Ремонт», всякий раз произносимая им по отношению к тому, кто делает, по его мнению, что-то неправильное, способствует возникновению пародийного эффекта, точно воспроизводя речевой портрет «классического» советского стукача: «Изобретатель. Письма на него, письма!» [11, р. 463]; «Изобретатель. Письма на него!..» [11, р. 467]. Слово «письма», используемое вместо пейоративно окрашенной лексемы «донос» изобличает всю ничтожность природы говорящего, совершенно не способного к конструктивному диалогу, вместе с тем наделяя его образ неявно выраженным ироническим оттенком.

Ещё большему усилению комического способствует перифразирование официальных лозунгов, известных изречений, пословиц и поговорок, особенно часто встречаемое в пьесе «Старый новый год»: «Адамыч. Человек – вещество общественное» [13, р. 483]; «Голос Адамыча. Сгори, сгори, моя звезда» [13, р. 477].

Замена компонентов в выражениях, в той или иной степени уже подвергшихся фразеологизации, не только придаёт всему высказыванию юмористическую окраску, но и актуализирует дополнительные семантические оттенки. Употребление слова «вещество» (вместо существа) в перифразированном определении человека вербализует значение неодушевлённости, вполне коррелирующее с бездуховностью конструируемого идеологией субъекта. Использование глагола «сгори» в неоднократно повторяемой реплике вместо образующего с ним видовую пару бесприставочного глагола «гори» меняет характер самого действия, превращающегося из длительного в целостное и завершённое. Контекст высказывания, в котором речь всегда идёт о появлении или исчезновении света, обуславливает возникновение целого синонимического ряда «звезда – свет – жизнь», актуализирующего значение избавления от заблуждений, ставших смыслом существования главных героев.

Ещё одним действенным средством создания эзопова языка оказывается аллюзия,

позволяющая с помощью небольшого художественного штриха обозначить для проницательной публики целый блок запрещённой по тем или иным причинам информации.

Общепризнанным, по данным различных справочников литературоведческого характера, является следующее её определение: «Аллюзия (от лат. *allusio* – намек, шутка) – в литературе, ораторской и разговорной речи отсылка к известному высказыванию, факту литературной, исторической, а чаще политической жизни либо к художественному произведению» [6].

Опорными в приведённом истолковании являются такие семантические компоненты, как «намёк», «отсылка», общеизвестность, что свидетельствует о выполнении аллюзией главным образом дейктической функции.

В своих произведениях к этому риторическому приёму часто прибегали Л. Г. Зорин, М. Ф. Шатров, Е. Л. Шварц и многие другие советские писатели и драматурги.

Большое количество аллюзий на современность присутствует, например, в знаменитой пьесе «Декабристы», открывавшей трилогию молодого Ефремовского театра, посвящённую пятидесятилетию Октября. Рассуждения главных героев о революции, которая видится им исторической необходимостью, а в советской мифологии становится моментом сотворения нового мира, бросают тень на всю выстраиваемую партией модель реальности, не только не оправдавшую надежд, но по своей сути даже и не способную на это. Театр, на сцене которого произносились подобные реплики пусть даже и устами персонажей, чья биография была связана с предшествующей эпохой, начинал открытую дискуссию о том, к чему привела попытка воплощения в жизнь идеи созидания коммунистического общества, тем самым замахиваясь на самое святое. Насилие, судебный произвол, отсутствие личной безопасности и многое другое, о чём говорили на следствии декабристы, очень напоминало хорошо известные читателю/зрителю события 1937 г., когда власть, объявившая своими главными ориентирами свободу, равенство и справедливость, жёсткими методами избавлялась от всех по каким-либо причинам ей негодных. Ленинская программа, в которую до последнего верили шестидесятники, была извращена, и главную свою задачу они стали видеть в возвращении к истокам: «Мы оставались преданы идеалам коммунизма, своей Великой революции, – а как иначе?.. Вся либеральная интеллигенция только и занималась, что улучшением, очищением Советской власти от родимых пя-

тен (еще в старой, сталинской редакции этих пятен). Оттепель уже замерзала, затухала, но и ее очистительные идеалы оставались нашим кредо, нашим делом» [10, р. 438].

Аллюзивность стала одним из важнейших качеств творчества М. Рождина, в произведениях которого встречаются отсылки к тем или иным явлениям общественной жизни, а также другим литературным памятникам. Комедия «Старый новый год», к примеру, изобилует реминисценциями из Библии, делающими её, вопреки жёсткому идеологическому диктату, основой духовных исканий героев: «Адамыч. Не хлебом единым жил человек...» [13, р. 448]; «Адамыч. Время обнимать, сказал Уклезиаст, и время отклоняться от объятий... В смысле – всему, значит, свое время...» [13, р. 483].

Пьеса «Валентин и Валентина» полностью была построена на аллюзии к бродячему сюжету о запретной любви, широко представленному в фольклоре, а впоследствии и в литературе различных народов мира (от мифа о Дафнисе и Хлое до трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта»): «Карандашов (продолжая). И вот льют над ними слезы, жалеют, плачут, стенают! Ах, Ромео и Джульетта!.. Ах, кто там еще? Тахир и Зухра, что ли?.. Б у х о в. Карандашу апломб вечно заменял образование! (Перечисляет.) Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, Дафнис и Хлоя, Зигфрид и Кримгильда, Франческа и Паоло!..» [8, р. 405].

Глубокий внутренний конфликт, который переживают главные герои, полностью вытесняет всё общественно-историческое, чему по требованиям партийных идеологов должны были быть посвящены литературные произведения, за пределы художественного пространства. Таким образом, использование аллюзий способствует здесь, с одной стороны, вписыванию драмы в общекультурный контекст, а с другой – её значительной деидеологизации, носящей, однако, скрытый характер.

Наиболее частотным способом кодирования информации в советской литературе второй половины XX века становится ирония, мгновенно дающая оценку того или иного явления, прямо не раскрывая его сущности. Являясь по сути одной из форм риторического отрицания, она представляет собой не что иное, как «осмеяние, содержащее оценку того, что осмеивается» [5]. Важнейшим отличительным признаком иронии оказывается некий «двойной смысл, где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему подразумеваемый» [6]. Ключевыми в цитируемом истолковании, таким образом, становятся такие семантиче-

ские компоненты, как «осмеяние», «скрытая насмешка», «отрицательная оценка», «противоположное значение».

Ирония является доминантой многих сцен из «Утиной охоты» А. В. Вампилова, раскрывая особенности характеров героев, а также их отношение к происходящему. Так, уже в эпизоде с Верой, когда Зилов объясняет своё длительное исчезновение резким возрастанием трудового энтузиазма, что явно не соответствует действительности, помимо особенностей образа жизни героев, проступает наружу и их скептическое отношение к навязываемым идеологией ценностям: «Вера. Очень за тебя рада. А где ты пропал? Зилов. Дома, Верочка. Дома и на работе. Вера. А если я соскучилась. Нельзя же пропадать целыми неделями. Зилов. У меня срочные дела. Дела, дела. Днями и ночами. Саяпин. У нас вся контора в отпуске. Вдвоем пластаемся. Зилов. Да. Горим трудовой красотой» [2, р. 179].

Ироническое отношение автора к изображаемому обнаруживается и в речевом портрете тестя из комедии «Старый новый год» М. Рощина, основополагающей особенностью которого оказывается шаблонизация: «Тесть. Ладно, ладно агитировать-то! Мы линию тоже чувствуем. По обстоятельствам» [13, р. 447]; «Тесть. Да уж чего! Все вкупе. Мы такую перспективность не имели. Вам само все в руки плывет...» [13, р. 446].

Обилие в его репликах различного рода не к месту употребляемых идеологических клише способствует созданию комического эффекта, основанного на несоответствии используемого

языкового материала ситуации общения. Явным становится противоречие между внешним подражанием персонажа официальному дискурсу, обусловленным стремлением произвести впечатление солидности, и его внутренними потребностями.

Происходит тонкое обыгрывание смысла, в результате которого явлениям возвращаются подлинные их свойства при кажущемся на первый взгляд полном соблюдении предписываемого канона.

В целом эзопов язык, широко представленный в советской литературе второй половины XX века, являет собой сложную многомерную систему лексических, семантических и стилистических средств, выполняющих преимущественно дейктическую функцию и используемых для кодификации смысла. Автор сознательно идёт на договор с читателем, результатом которого становится осуществление повторного семиозиса, приводящего к тому, что означаемое любого задействованного в ней знака начинает использоваться не для соотношения с каким-либо явлением действительности, а для отсылки к совершенно иному, подчас даже противоположному содержанию, вполне понятному кругу «посвящённых». Узуальность уступает место окказиональности, что приводит к перераспределению уже существующих связей и отношений. Подлинный смысл высказывания вытесняется за его пределы, в результате чего особенно ёмким становится не текст, а подтекст. Язык высвобождается из-под влияния идеологии, что является началом постепенного обретения им самого себя.

Литература

1. Вампилов А. В. из записных книжек // Я с вами, люди. М.: Советская Россия, 1988. С. 287–346.
2. Вампилов А. В. Утиная охота // Избранное. М.: Сogласие, 1999. С. 169–258.
3. Вознесенский А. А. Ностальгия по настоящему. URL: <http://rupoem.ru/voznensenskij/ya-ne-znayu.aspx> (Дата обращения: 06.02.2017).
4. Зорин Л. Г. Римская комедия // Драма второй половины XX века. М.: Слово, 2000. С. 301.
5. Иванова Н. Настоящее. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/dom/ivanova/ivano.html> (Дата обращения: 11.11.2016).
6. Николукина А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.
7. Программа КПСС 1961 года // Стенографический отчёт XXII съезда Коммунистической Партии Советского Союза в 3 т. Т.3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. 220 с.
8. Рощин М.М. Валентин и Валентина // Полное собрание сочинений (ПСС) в 5 т. Т.1. М.: ООО Издательская группа жизнь», 2007. С. 375–439.
9. Рощин М. М. Галоши счастья // ПСС в 5 т., Т.2. М.: ООО Издательская группа Жизнь, 2007. С. 563–619.
10. Рощин М. М. Очерки, статьи // ПСС в 5 т. Т.5. М. С. ООО Издательская группа жизнь», 2007. С. 411–451.
11. Рощин М. М. Ремонт // ПСС в 5 т., Т. 4. М.: ООО Издательская группа Жизнь, 2007. С. 447–501.
12. Рощин М. М. Седьмой подвиг Геракла // ПСС в 5 т. Т.1. М.: ООО Издательская группа жизнь», 2007. С. 439–497.
13. Рощин Старый новый год // ПСС в 5 т. Т.2. М.: ООО Издательская группа жизнь», 2007. С. 433–511.

References

1. Vampilov A. V. Iz zapisnyh knizhek (*From notebooks*) // Ja s вами, ljudi. Moscow: Sovetskay Rossia, 1988. P. 287–346. (In Russian).
2. Vampilov A. V. Utinaja ohot (Ducks' hunt) // Izbrannoe. Moscow: Soglasie, 1999. P. 169–258. (In Russian).

3. Voznesenskij A. A. Nostal'gija po nastojashemu (*Nostalgia to present*). URL: <http://rupoem.ru/voznescenskij/ya-ne-znayu.aspx> (Accessed: 06.02.2017). (In Russian).
4. Zorin L. G. Rimskaja komedija (*Roman comedy*) // Drama vtoroj poloviny XX veka. Moscow: Slovo, 2000. P. 301. (In Russian).
5. Ivanova N. Nastojashhee (*Present*). URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/dom/ivanova/ivano.html> (Accessed: 11.11.2016). (In Russian).
6. Nikoljukina A. N. Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij (*Literary Encyclopedia of terms and notions*). Moscow: Intelvak, 2001. 1600 p. (In Russian).
7. Programma KPSS 1961 goda (*Programm Communist Party of the Soviet Union 1961*) // Stenograficheskiy otchjot XXII s#ezda Kommunisticheskoy Partii Sovetskogo Sojuza. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1962. 220 p. (In Russian).
8. Roshhin M. M. Valentin i Valentina (*Valentin and Valentina*) // Polnoe sobranie sochinenii. Vol. 1. Moscow: Izdatel'skaja gruppa zhizn', 2007. P. 375–439. (In Russian).
9. Roshhin M. M. Galoshi schast'ja (*Boots of happiness*) // Polnoe sobranie sochinenii. Vol. 2. Moscow: Izdatel'skaja gruppa Zhizn', 2007. P. 563–619. (In Russian).
10. Roshhin M. M. Oчерki, stat'i (*Essays and articles*) // Polnoe sobranie sochinenii. Vol. 5. Moscow: OOO Izdatel'skaja gruppa zhizn', 2007. P. 411–451. (In Russian).
11. Roshhin M. M. Remont (*Repair*) // Polnoe sobranie sochinenii. Vol. 4. Moscow: OOO Izdatel'skaja gruppa Zhizn', 2007. P. 447–501. (In Russian).
12. Roshhin M. M. Sed'moj podvig Gerakla (*Seventh feat of Heracles*) // Polnoe sobranie sochinenii. Vol. 1. Moscow: OOO Izdatel'skaja gruppa zhizn', 2007. P. 439–497 (In Russian).
13. Roshhin Staryj novyj god (*Old new year*) // Polnoe sobranie sochinenii. Vol. 4. Moscow: OOO Izdatel'skaja gruppa zhizn', 2007. P. 433–511. (In Russian).

УДК 82.09

З. А. Кучукова

ТВОРЧЕСТВО РАСУЛА ГАМЗАТОВА КАК ПРОТОТЕКСТ СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКОВ М. ОГУЗОВА «МОЙ ПУТЬ» И «К ВЕРШИНАМ СВОИМ Я ИДУ БЕЗ ОГЛЯДКИ»)

Процессы, связанные с глобализацией, проецируясь на пространство мировой культуры, актуализировали проблему изучения многочисленных диахронических и синхронических межтекстовых связей. Резонным ответом на подобный феномен «глобализации культуры» стало формирование целой научно-терминологической системы, включающей в себя инновационные понятия «прототекст», «гипертекст», «архитекст», «интертекст», «интекст», «интертекстема» и др. В данной статье на примере творчества двух северокавказских поэтов – Расула Гамзатова и Мухамеда Огузова – рассматриваются сущностные особенности «прототекста» – текста-предшественника, способного генерировать новые культурные смыслы в произведениях последующих литературных поколений. Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ позволил обнаружить широкий спектр интертекстуальных переключек, основанных на стилизации, реминисценции, аллюзии, прямом и

косвенном цитировании, образных параллелях, творческой переработке тем и сюжетов, одических посвящениях ученика своему учителю и т.д. Из всех рассмотренных интертекстов наибольшим смыслопорождающим эффектом обладает гамзатовский орнитогенный образ «журавли», многократно переосмысленный молодым абазинским поэтом в разных дискурсивно-семиотических полях. Немаловажное место в творчестве М. Огузова занимает также практика литературной «деконструкции» гамзатовской «конституции горца», обусловленная потребностями нового исторического времени. Проведенный анализ свидетельствует о законе литературной диалектики, предусматривающем непрерывность циклического процесса с обновляющимися повторами.

Ключевые слова: северокавказская поэзия, Расул Гамзатов, Мухамед Огузов, прототекст, интертекстуальное пространство, орнитогенный образ, архетип, деконструкция.

Z. A. Kuchukova

RASUL GAMZATOV'S CREATIVITY AS PROTOTEXT OF CONTEMPORARY NORTH CAUCASUS POETRY (BASED ON M. OGUZOV'S COLLECTIONS «MY WAY» AND «I'M GOING TO MY HEIGHTS NOT LOOKING BACK»)

The processes connected with globalization, projecting onto the space of world culture, actualized the problem of studying numerous diachronic and synchronic intertextual links. A resonant response to this phenomenon of «globalization of culture» was the formation of a whole scientific and terminological system that includes the innovative concepts of «prototext», «hypertext», «architext», «intertext», «intext», «intertexteme» etc. By the example of the work of two North Caucasus poets – Rasul Gamzatov and Mukhamed Oguzov – the essential features of the «prototext» – a text-predecessor, capable of generating new cultural meanings in the works of subsequent literary generations are examined. The comparative analysis allowed to discover a wide range of intertextual references based on stylization,

reminiscence, allusion, direct and indirect citation, figurative parallels, creative processing of themes and subjects, the student's dedication to his teacher, etc. Of all the intertexts considered, the most meaningful effect has Gamzatov's ornithogenic image of the «cranes», repeatedly reinterpreted by the young Abazin poet in various discursive-semiotic fields. An important place in the work of M. Oguzov is also the practice of literary «deconstruction» of Gamzatov's «mountaineer's constitution», conditioned by the needs of a new historical time. The analysis shows the law of literary dialectics, which provides for continuity of the cyclic process with updating repeats.

Key words: North Caucasus poetry, Rasul Gamzatov, Mukhamed Oguzov, proto-text, intertextual space, ornithogenic image, archetype, deconstruction.

Линейное развитие мировой культуры в определенном смысле можно уподобить часовому механизму, где одна шестеренка «заво-

дит» другую, та – третью и т.д. Литературоведческой наукой придуман даже специальный термин для обозначения такого силового «пер-

вомоторчика», который приводит в движение множество новых, резонансных художественных произведений. Речь идет о термине «прототекст» с его богатым синонимическим рядом – «прецедентный текст», «текст-основа», «текст-предшественник».

Бесспорно, на Северном Кавказе функциональную роль такого мощного прототекста выполняет наследие уникального дагестанского художника с мировым именем – Расула Гамзатова (1923–2003). Поддерживая и развивая мысль К.К. Султанова о том, что «творчество Гамзатова, перерастая собственно поэтические границы, стало чем-то большим, чем выдающийся литературный успех» [6, с. 35], отметим, что по своей творческой и обучающей результативности оно сложилось в целую поэтическую школу, в литературно-художественное направление со своими особенными эстетическими принципами. Образно выражаясь, «Мой Дагестан» Гамзатова стал «Нашим Дагестаном» для многих последователей и единомышленников выдающегося кавказца.

Одним из талантливых «выпускников» гамзатовской поэтической школы является Мухамед Огузов (р. 1953) поэт-самородок, лицо «кавказской интернациональности», который «литинститут» не заканчивал, на «филфаке» не учился, но усвоил многие уроки своего любимого Учителя. В качестве «заметки на полях» отметим, что автор является действительным государственным советником юстиции 2 класса, начальником Управления Судебного департамента БР, кандидатом юридических наук.

По собственному признанию М. Огузова, по-настоящему сильнейшее культурологическое потрясение он испытал, будучи учеником 9 класса, когда впервые по радио услышал песню Р. Гамзатова «Журавли» в исполнении М. Бернеса в 1969 г. «Мне казалось, ничего более совершенного еще не было создано человеческим творческим интеллектом, это был случай, когда слова, музыка и глубочайший философский подтекст песни доходили до самой сердцевины души» – признается автор. Влияние «Журавлей» оказалось настолько сильным, что в дальнейшем орнитогенная образность занимает одно из ведущих мест в поэзии М. Огузова. Вот итоги сплошной «пернатой» выборки из его сборников: беркут, орел, лебедь, гадкий утенок, олепка, ласточка, синица, ворона, грач, стервятник, кукушка, тетерев, сова, сорока, соловей, гусь, перепел. В одном из текстов также встречается сниженный орнитологический образ «Кулик» в виде фамилии современного антигероя [4, с. 167].

Впечатленный глубиной психологической параллели «журавль – душа солдата», старательный ученик «гамзатовской школы» М. Огузов создает целую типологическую «поэтическую таблицу» с примечательным названием «Люди и птицы», где каждому психологическому облику человека подбирается соответствующая порода птицы. Бесспорно, высшим смыслом такой двойной метафорической оптики автора является не только углубление знаний о сущности человеческой природы, но и обнаружение некоего общего знаменателя между био-подструктурой человека и птицы.

Журавли

«Журавли» Р. Гамзатова имели феноменальный резонанс в пространстве мировой культуры. Свыше двадцати памятников установлено в разных уголках планеты, где «навечно застыли в полете журавли» [1, с. 617]. Известно, что по завещанию Марка Бернеса при его кремации исполнялась песня «Журавли» [1, с. 622]. В 70-е гг. группа американских детей послала Р. Гамзатову тысячи бумажных журавлей в посылке с «надеждой на выздоровление нашего больного века, больного времени» [1, с. 624]. Гамзатовские «Журавли» навсегда стали символическим знаком отрицания войны и наилучшим опредмеченным образом мифологемы «никто не забыт, ничто не забыто». Появилось множество песенно-поэтических текстов в зарубежной и отечественной литературе, где на структуру «аварских журавлей» накладывается собственная художественная интерпретация разноплеменных авторов.

В лирике М. Огузова также рельефно выделяется особый «журавлиный цикл», интертекстуально связанный с первоисточником. Так, тематическим центром элегического стихотворения «Памяти отца» является эпизод с журавлями, исполненный в стилистике «магического реализма».

В твой смертный час над домом закружили,
 Курлыча свою песню, журавли.
 И я подумал, Боже, неужели
 Тебя они с собою унесли.

И, будто моей мысли подтвержденье,
 Догнал журавль запоздавший этот клин.
 И люди были в полном изумленье,
 Увидев дивную из дивнейших картин [4, с. 51].

По художественной логике поэта, душа отца лирического героя, ветерана Великой Отечественной войны, с философской закономерностью встроилась в «клин белых журавлей», где оставался предназначенный для него «проме-

жуток малый» [4, с. 52]. В указанном стихотворении обращает на себя внимание подсознательная авторская аллитерация, основанная на 16-кратном повторении «журавлиного» звука «ж» в словах «жизнь», «дружить», «ждать», «закружили», «Боже», «неужели», «подтверждение», «журавль» (2 раза), жизни (2 раза), «рождение», «между», «промежуток», «нужно», «прожить». Естественно, в этом случае возникает особый художественный эффект, вызванный как вербальным повторением инициального звука «журавля», так и визуальным сходством графического очертания буквы Ж с конфигурацией то ли отдельно взятой птицы, то ли причудливого журавлиного клина.

На уход из жизни своего любимого поэта в 2003 г. Мухамед Огузов отозвался весьма оригинальной по концепции и стилистике стихотворением «Памяти Расула Гамзатова». Оригинальность заключается в обращении к «Журавлям» с использованием комбинаторного приема автоаллюзии и палимпсеста, то есть создания новой рукописи поверх известного канонического текста [3, с. 713]. Вступая в интертекстуальный диалог с гамзатовским текстом, лирический герой вносит в него скорбно-медитативные поправки, связанные с уходом Учителя в мир иной.

Расул Гамзатов: Мухамед Огузов:

Летит, летит по небу клин усталый
Осенний небосвод в закате алом,

Мои друзья былые и родня
Жнивье не убрано еще со всех полей.

И в их строю есть промежуток малый – Ты занял место в промежутке малом

Быть может, это место для меня! В строю летящих в небе журавлей.

Настанет день, и с журавлиной стаей
Настал тот день, и с журавлиной стаей

Я полечу в такой же сизой мгле.
Уплыл Расул в туманной синеве.

Из-под небес по птичьей окликающей
Свой добрый след здесь, на земле, оставил

Всех вас, кого оставил на земле [1, с. 630].
И улетел к любимой Патиме [4, с. 197].

Заметим, оригинальный текст стихотворения «Журавли» Р. Гамзатова состоит из четырех строф и в нем начисто отсутствует религиозная тематика. «Деконструктивисту» М. Огузову понадобились две дополнительные строфы для включения в элегический текст теологической линии, связанной с концептами «Аллах», «небесные ворота», «рай». Нововведенный исламский мотив, органично соединя-

ясь с темой «белых журавлей», придает стиху особую духовно-философскую глубину.

Еще один интересный литературный факт: в стихотворении «Последний полет», посвященном памяти жертв авиакатастрофы, М. Огузов ни разу не упоминает образ «журавлей», но использует знаменитый гамзатовский «пятистопный ямб», так называемый «небесный стихотворный размер». Пример: «Подбитые в заоблачном полете, // Их души там остались, в небесах [5, с. 56]. Это тот случай, когда ритмическое родство эмоционально сближает эти два «полета».

«Хочу писать как Расул»

М. Огузов посвятил своему Учителю еще три стихотворения одического типа: «Расулу Гамзатову», «Поэт двух веков» и «Слово к Расулу». Пытаясь найти ответ на вопрос «чем велик великий Расул?», молодой автор в художественно опосредованной форме выделяет знаменательные личностные и профессиональные качества своего любимого поэта. По его мнению, особенной чертой Гамзатова является широчайший диапазон его души, вмещающий в себя весь мир. Тотальность, всеохватность мышления Расула автор выражает посредством бинарных оппозиций – «стынет – вскипает», «радость – боль, далеко – рядом, сакля горца – Колонный зал» [4, с. 190], которые наглядно демонстрируют размах мысли Мастера, широту его кругозора и богатство знаний. Рисуетя пластичный, подвижный, даже метафизичный образ всенародно любимого поэта, принципиально открытого миру, способного подобрать коммуникативный ключ к любой земной или небесной сущности.

В стихотворении «Поэт двух веков» раскрывается другая черта «горского аксакала» – мудрость, напитанная мощными родовыми и этническими корнями (род Цадаса, отец, горянка-мать). Социальные корни «маленького Расула» подкреплены энергетикой кавказского пространства, природных объектов (вертикаль гор, Каспий, реки Дагестана, глубина ущелья, прозрачный ручеек). В такой зримой форме М. Огузов подчеркивает архетипические художественные и этические традиции Кавказа, которые благодаря Поэту, благополучно из прошлого «шагнули в двадцать первый век» [4, с. 193].

По-нашему наблюдению, каждый художник, выстраивая в своем творческом пространстве интертекстуальные линии, фактически ищет единомышленников, заступников, своеобразных литературных и духовных «гуру». В этом плане весьма примечательно стихотворение «Слово к Расулу», написанное М. Огузовым в

годы перестройки. В стилистике «протестного реализма» сначала изображается государственная катастрофа («Мы потеряли СССР, / Теперь теряем Русь»), падение нравов («Не узнаю родной аул, где был намус, адат»), разгул терроризма («среди бела дня взорвали дом»), угроза гражданской войны («заполыхал родной Кавказ»). В этих условиях полной дезориентированности общества лирический герой М. Огузова обращается к народному поэту Расулу Гамзатову как к высшей нравственной инстанции, к носителю здравого смысла. Потрясенное сознание лирического героя выражается каскадом риторических вопросов («Как удержать сей беспредел?», «Быть может, закричать?», «Пора будить правителей, что спят?» и т.д.).

Огузовское «SOS!» (Save our souls. Спасите наши души) обращено именно к Расулу Гамзатову, в котором видится высшая авторитетная личность Кавказа. В кульминационный момент опаснейшей «точки невозврата», лирический герой, прибегая к самому беспроницаемому спасительному, на его взгляд, средству, производит слова, звучащие как заклинание:

Прошу тебя, родной Расул,
Возьми свое перо
И напиши [4, с.196].

В этих строках М. Огузов совершенно точно выразил столь характерный для кавказской ментальности культ писателя-златоуста, а также веру в художественную силу вовремя сказанного мудрого слова, способного упорядочить хаос в сердцах и головах людей.

По-гамзатовски

Каждого настоящего художника волнует вопрос продолжения его литературных традиций, наличия молодой генерации талантов, подбрасывающей «хворост к костру поэзии». К своему стихотворению «Ответ на завет» М. Огузов предпослал четверостишие аварского поэта:

Мой юный друг, мой продолжатель милый,
Когда умру я – твой земляк Расул,
Сложи стихи, чтоб встал я из могилы
И, успокоенный, опять уснул [5, с.102].

Принимая правила предложенной Расулом литературной игры, в данном разделе мы коротко рассмотрим художественный опыт М. Огузова в творческом, плодотворном преломлении нескольких гамзатовских приемов. Выстраивая образные параллели, абазинский поэт, как и его Учитель, легко и непринужденно стягивает «далековатые образы», ассоциативно мало связанные друг с другом. Для Мастера с его орлиным взором, привыкшим с альпийской высоты исследовать мир, это не проблема.

Самый простой пример – в одной из своих притч «Моего Дагестана», рассуждая о разнице этнической ментальности «горца» и «морца» (от слова «море»), Гамзатов прибегает к неожиданному сравнению «черной икры» и «кучи муравьев» [1, с. 106]. Такого рода географические и исторические стяжения, производящие особый художественный эффект, весьма характерны и для художественного языка М. Огузова:

Если просто чихает Баксан,
То серьезно болеет республика [5:18].

В стихотворении «Башни» древние ингушские башни сравниваются с римским Колизеем [5, с. 25]. В другом случае – «сакля» с «Колонным залом» [4, с. 190]. Автор легко связывает между собой архетипическое с ультрасовременным: «беркут и лыжник на Чегете» [4, с. 26], «горы и высокий этаж» [4, с. 30], «нить дружбы и стальной трос» [5, с. 15]. Не редкость и сопоставление сакрального с профанным: «Доминго, Паваротти» – «храп горцев» [4, с. 55], «аталычество – kidnapping» (похищение ребенка) [4, с. 28].

Нередко функцию «стяжения» выполняет удачно подобранная рифмовка: «баллада – Калининграда», «Коста – до ста», «скалы – аксакалы» и т.д. Из этого же ряда двустишие: «Театр не театр – без сцены, Восток не Восток – без Авиценны» [4, с. 217]. У Гамзатова есть замечательное свойство: по-горски балагуря, перевести высокое философское понятие бытовой, даже утилитарный план с использованием простонародных, крестьянских образов. Такой же прием сознательного «утрирования» высокопарного образа наблюдается в поэтике М. Огузова. Пример: в юбилейном стихотворении, адресованном Учителю, свою ключевую мысль о том, что «80 лет – это не возраст для кавказца и большой жизненный отрезок еще впереди», М. Огузов передает остроумной «гастрономической» перифразой:

Ты лишь позавтракал и приступил к обеду,
До ужина еще ведь время есть [4, с.193].

М. Огузову близок гамзатовский стиль афористических высказываний, парадоксальных умозаключений с легким ироническим подтекстом.

«Кто не в состоянии любимой подарить букет цветов,
Обычно дарит с неба звезду [5, с.162].

«Порядок за столом всегда,
Когда им правит тамада» [5, с. 47].

«Посадят надолго, если стеснялся
Побольше украсть из народной казны» [5, с. 85].

«Иль наконец покончим мы с войной,
Или война покончит с человечностью» [5, с. 143].

«Как давно я тебя не видел –
Прошел уже целый день!» [4, с. 116].

«Как умудрился ты тогда еще родиться,
А жить сегодня? – вот ведь парадокс [4, с. 205].

Поправки к «Конституции горца»

Лирический герой М. Огузова – архетипичный кавказец с его принципами «сакральной географии»: гостеприимством, культом старших. Он свято оберегает свою этнонациональную идентичность, о чем особенно отчетливо можно судить по стихотворению «Тавро». С абсолютной положительной коннотацией в тексте используются концепты «фамильное тавро», «порода», «серебряная печатка деда» и даже «клеймо». Но первичное впечатление этноцентрического фундаментализма героя «гасится» и уравнивается «геометрией» тавра, исполненного в форме сердечка (рисунок помещен рядом с заголовком стиха).

Если «тавро» является знаком абсолютизации этногенетических корней, то «сердечко», – наоборот, символизирует любовь к миру, тепло души. В этом заключается сущность диалектического мышления огузовского героя, умеющего органически сопрягать «родное» и «вселенское», «самобытное» и «всеобщее».

Тот же диалектический подход, чуждый догматизма, определяет отношение М. Огузова к «Конституции горца», составленной Р. Гамзатовым. Как поэту, и как профессиональному юристу-правоведу, Мухамеду очень близки законы, предписанные народной философией. Но, все же, понимая, что «жизнь – колесо», «жизнь – вечное движение», автор в отдельных случаях допускает незначительные поправки к «Конституции горца» в соответствии с новыми историческими веяниями и собственными идейно-философскими откровениями. Такого рода духом «ревизионизма» пронизано стихотворение М. Огузова «Встать на колени», написанное в форме полемики с народным постулатом, разрешающим мужчине становиться на колени лишь в двух случаях: «воды напиться» и «цветок сорвать». Мягко полемизируя с «безымянным древним мудрецом», герой Огузова вносит поправку в «горскую Конституцию», дополняя данный перечень «преклонением перед матерью и перед Всевышним». Благодаря приему оксюморона, свежо, афористично и парадоксально звучат финальные строки стихотворения:

Возвись себя, упавши на колени,
Пред матерью и пред своим Творцом» [5, с. 66].

С тех же высокодуховных позиций автор ломает издревле сложившийся на Кавказе архетипический мотив «турий рог, наполненный вином». Протестуя против употребления алкоголя, как не богоугодного деяния, лирический герой специально дарит своему другу вместо «рога с вином» – «рог изобилия» [4, с. 198]. Еще более одухотворенная модель «трезвого, безалкогольного застолья» описывается в стихотворении «За друзей»:

Я наполняю свой бокал водой
Святою, привезенною из Мекки.
Пью от души напиток нехмельной
За дружбу трезвую, надежную навеки [4, с. 92].

При этом важно отметить поликультурное сознание огузовского лирического героя, который с одинаковым уважением относится и к носителям другой веры.

Все в этом мире нам от Бога:
И церковь, и мечеть, и синагога.
Всем на Земле завет единый дан –
Его содержат Тора, Евангелие, Коран [5, с. 145].

В свое время мы опубликовали статью «Глагол юриста» [6], посвященную отражению ментальности Огузова-правоведа, его профессиональных навыков и привычек в технике стихосложения (в широком смысле). Нами отмечалось пристрастие автора к «вещдокам», «порядку», «законности» в рамках не только социального, но и природного бытия. Здесь также отметим два интересных примера. В первом случае автор берет широко известную русскую поговорку «пуля – дура» и профессиональным взглядом правоведа обращает внимание на «презумпцию невиновности» пули. Защитник «буквы» закона не в переносном, а в прямом смысле выступает против некорректного словоупотребления и восстанавливает справедливость и объявляет истинного виновного:

Говорят, что пуля – дура.
Это ведь совсем не так.
Пуля – мертвая фигура.
Изобрел ее дурак [4, с. 211].

Другая подмеченная нами профессиональная особенность М. Огузова-стихотворца – стремление «подписать» свое произведение в конце, наподобие официального документа: «Я – Огузов, сын Назира» [4, с. 89], «С презреньем к тебе – Мухамед» [4, с. 178], «С большой любовью к вам, навеки ваш Огузов» [4, с. 101] и т.д.

Третий том

Высшей формой интертекста является встреча художников в реальном режиме. Такая исто-

рическая встреча между Расулом Гамзатовым и Мухамедом Огузовым состоялась 14 сентября 2001 г. Этот день со всеми интереснейшими подробностями запечатлен в стихотворении «Учитель». По своим жанровым характеристикам это «mix», сотканный из путевых заметок, этнографических этюдов, юморесок, парадоксов, одических и элегических мотивов. «Учитель» – ценный источник культурологических знаний, где тонко передаются атмосфера гамзатовского дома, специфика аварской национальной кухни, детали гостеприимства, спонтанный юмор и остроумие хозяина, его покровительственное отношение к молодым литераторам. Обыгрывая профессию и поэтическое дарование гостя, великий импровизатор Р. Гамзатов, тут же сочиняет экспромт:

«Ты – лучший из поэтов прокурор
И лучший прокурор ты из поэтов!» [5, с.106].

Со всеми семантическими оттенками передается «фирменный» гамзатовский юмор в коротеньком диалоге поэта с дочерью, которой было велено принести «книгу в подарок для гостя»:

Дочь сообщила, что иссякли книги в доме,
В шкафу остался только третий том.
«Вах, Патя, третий том не книга что ли, –
Сказал Расул, – спасибо и на том» [5, с.106].

На титульной странице «третьего тома» рядом с фотоснимком Расула Гамзатова, где он удивительным образом напоминает Эрнеста Хемингуэя, значится посвящение: «Моему

дорогому Мухамеду Назыровичу – с чувством радости за встречу и надеждой еще много раз встретиться. Расул». Гамзатов ушел, но его поэтическая биография продолжается. Новые встречи – впереди.

Заключение

1. Одна из особенностей мировой культуры заключается в ее резонансной продуктивности, отзывающейся новыми поворотами традиционных, устоявшихся идейно-тематических комплексов.

2. Творчество Расула Гамзатова, «гипертекст» его многогранного наследия можно назвать самодостаточной «литературной школой», в которой «очно» или «заочно» обучается целая плеяда молодых северокавказских авторов.

3. Абазинский литератор Мухамед Огузов, по собственному признанию, является одним из воспитанников гамзатовской поэтической школы. Многоуровневое влияние «учителя» сказалось на приверженности младшего собрата устоявшимся архетипическим ценностям (горы, сакральная география, культ родителей), поэтике стяжения «далековатых образов», специфическому кавказскому остроловию.

4. Интертекстуальные отсылки М. Огузова представляют собой упоминания многочисленных тем, идей, мотивов, образов, имен персонажей, прямо или опосредованно связанных с творчеством дагестанского классика, и, тем самым, служат способом расширения семиотического поля северокавказской поэзии нового времени.

Литература

1. Гамзатов Р. Г. Мой Дагестан. Конституция горца / сост. Г. Расулов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2002. 752 с.
2. Кучукова З. А. Глагол юриста. О поэтическом языке М. Огузова // Материалы Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения У. Д. Алиева. Карачаевск: КГУ, 2015. С. 122–125.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.
4. Огузов М. Н. Мой путь. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2013. 224 с.
5. Огузов М. Н. К вершинам своим я иду без оглядки (стихи, четверостишия, афоризмы). Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015. 165 с.
6. Султанов К. К. От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007. 302 с.

References

1. Gamzatov R. G. Moj Dagestan. Konstitucija gorca (*My Dagestan. Mountaineer basic law*) / redactor G. Rasulov. Mahachkala: Dagestan book publishing house, 2002. 752 p. (In Russian).
2. Sm. Kuchukova Z. A. Glagol jurista. O poeticheskom jazyke M. Oguzova (*The word of the lawyer. On the poetic language of M. Oguzov*) // Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 120-letiju so dnja rozhdenija U.D. Alieva. Karachaeusk: KSU publ., 2015. P. 122–125. (In Russian).
3. Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij (*Literary encyclopedia of terms and concepts*) / ed by A. N. Nikoljukina. Institut nauchn. informacii po obshhestvennym naukam RAN. Moscow: NPK «Intelvak», 2003. 1600 columns. (In Russian).
4. Oguzov M. N. Moj put' (*My way*). Nal'chik: Poligrafservis i T, 2013. 224 p. (In Russian).
5. Oguzov M. N. K veršinam svoim ja idu bez ogljadki (stihy, chetverostishija, aforizmy) (*I'm going to my heights not looking back (poems, quatrains, aphorisms)*). Nal'chik: Tetragraf, 2015. 165 p. (In Russian).
6. Sultanov K. K. Ot Doma k Miru: jetnonacional'naja identichnost' v literature i mezhkul'turnyj dialog (*From the home to the world: ethno-national identity in literature and cross-cultural dialog*). Moscow: Nauka, 2007. 302 p. (In Russian).

УДК 81

Д. К. Новикова

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В РОМАНЕ В. ОРЛОВА «АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ»

В статье рассматриваются лингвокультурные особенности функционирования демонологической лексики в контексте славянской фольклорной традиции на материале фантастического романа В. Орлова «Альтист Данилов». Под демонологической лексикой понимаются лексические единицы, номинирующие «потусторонних» персонажей, реалии и явления, связанные с ними, которые также имеют отношение к причинению вреда человеку. Отмечаются функционально-прагматический потенциал и текстовая значимость особого класса демонологической лексики – демонологем, выполняющих тексто- и смыслообразующую функции, которые приобретают данный статус в составе сильных позиций произведения. В ходе анализа выявляются лингвопрагматические и лингвокультурные особенности часто встречающихся в романе демонологических единиц, выполняющих на текстовом уровне номинативные, характерологические, аттрактивные, эмотивные, информатив-

ные, оценочные и эстетико-художественные функции. Обращение к классификации данной лексики как в структурном, так и в семантическом плане свидетельствует о ее лингвокультурной специфике, отражающей авторское мировидение – обращение как к традиционным фольклорным персонажным типам, так и к космическим «сверхсуществам». Большинство монолексем, репрезентирующих демонологических персонажей, образованы от разных частей речи за счет мотивированного признака и посредством метафорического и метонимического переноса. Приводятся индивидуально-авторские номинативные единицы, объясняются особенности функционирования в плане создания вымышленного мира.

Ключевые слова: лингвокультурология, универсалии текста, функции лексики, демонологическая лексика, демонологема, славянская традиция, индивидуально-авторские номинации, ассоциативно-семантическое поле.

D. K. Novikova

LINGUOCULTURAL AND FUNCTIONAL FEATURES OF DEMONOLOGICAL LEXIS BASED ON THE NOVEL BY V. ORLOV “VIOLIST DANILOV”

The article deals with linguocultural features of demonological vocabulary functioning in the context of the Slavic folklore tradition on the material of the fantastic novel by V. Orlov «Violist Danilov». Demonological vocabulary refers to lexical units that nominate «otherworldly» characters, realities and phenomena associated with them and which also have to do with harming a person. The functional and pragmatic potential and the textual significance of a special class of demonological vocabulary – demonologem performing text and meaning-forming functions, which acquire this status as part of the strong positions of the work, are noted. In the course of the analysis, linguopragmatic and linguocultural features of demonological units, which are most common in the novel, are identified. It is specified that they perform nominative, characterological, attractive, emotive, in-

formative, evaluative and aesthetic-artistic functions at the textual level. The appeal to the classification of this vocabulary in both structural and semantic terms attests to its linguocultural specifics, reflecting the author's worldview – addressing both traditional folklore personal types and cosmic «super-beings». Most monolexes representing demonological characters are formed from different parts of speech due to a motivated attribute and through metaphorical and metonymic transfer. Individual-author's nominative units are given, features of functioning in terms of creating a fictional world are explained.

Key words: linguoculture studies, text universals, vocabulary functions, demonological vocabulary, demonologeme, Slavic tradition, individual author's nominations, associative-semantic field.

Научный интерес к демонологической лексике как компоненту художественной картины мира проявился в филологической науке очень давно. Это объясняется, на наш взгляд, в пер-

вую очередь, особой референцией данной лексики – отсутствием реально обозначаемого, лица/объекта/действия, необходимостью их домысливать, опираясь на свой когнитив-

ный опыт и фоновые знания, что относится и к научному описанию данного класса слов. В прагматическом плане данный класс лексики отличается полифункциональностью, в культурологическом аспекте семантика «потустороннего мира», связь со сверхъестественным имеют религиозный характер, отражая менталитет и сакрально-духовные верования народа. Демонологическая лексика является своего рода маркером народно-мифологической культуры, репрезентируется зачастую прецедентными феноменами и отображает мировоззрение общества и его представление о неведомом мире.

Н. Н. Бочегова справедливо отмечает, что «главной формой этнокультурной информации является слово» [1, с. 129], поэтому национальные стереотипы и определённые символы культуры передаются, сохраняются и осмысливаются посредством языковой репрезентации в художественном текстовом пространстве. Национально-культурная принадлежность художественного текста считается одной из его важнейших функционально-эстетических категорий, планом содержания которой является «этнос или “национальный дух”, выраженный в тексте, а план выражения – это различные языковые средства его объективации на всех уровнях текста, включая концептуальный» [1, с. 133], выполняющие интенционально заданные функции. Следует также отметить, что число культурных кодов, которое несет в себе текст, репрезентировано автором ненамеренно, а «включено в ткань культуры», представленной в произведении [цит. по 1: Barthes 1970, с. 27]. Аксиоматично, что важной особенностью лингвокультуры является семиотическая составляющая, репрезентируемая символами – «продуктами человеческого сознания» [8, с. 95], которые могут быть также отнесены к «стереотипизированным явлениям, характерным для любой культуры, представляя собой «специфический специфический фактор социокультурного кодирования информации и механизм передачи этой информации» [8, с. 96].

Принятое в лингвокультуре понятие «опорные универсалии» [12, с. 76], реализуемое доминантными или ключевыми словами художественного текста, наделяется особой функциональной спецификой в романах фантастического жанра. Восточнославянская культура богата мифологическими существами, связанными с языческой традицией «восславления» богов природы (Род, Ярило, Сварог, Мокошь, Перун и т.п.) и духов, как земного, так и подземного миров. Поэтому разнообразие

персонажей, репрезентирующих данный мифологический пласт, отличается функционально-прагматической многоплановостью, культурной спецификой и фольклорной составляющей, свойственной русскоязычному социуму [см.: 2; 4; 5]. Особое место отведено в художественном фантастическом мире «низшей мифологии», т.е. комплексу представлений о демонах, духах, о нечистой силе и людях, наделенных сверхъестественными способностями» [2, с. 4].

Задача данной статьи – установить функциональные и лингвокультурные особенности функционирования демонологической лексики на материале романа В. Орлова «Альтист Данилов», относящегося к жанру фантастики. Выбор данного романа обусловлен, в первую очередь, жанром «фантастический реализм», а также индивидуально-авторской картиной мира, которая характеризуется переплетением и взаимодействием двух миров – реального и ирреального. «Альтист Данилов» открывает трилогию «Останкинские истории» (1980), в основу сюжета которой положена жизнь человека-демона Володи Данилова, играющего в оркестре на альте Албани. В цикл входят также романы «Аптекарь» и «Шиврикука, или Любовь к привидению». Действующими лицами всех романов являются, наряду с реальными, потусторонние персонажи: в «Аптекаре» главная героиня – это берегиня Любовь Кашинцева, в «Шиврикуке» – домовая. Все три романа, образующие единое семантическое пространство, отличаются необычным жизнеописанием главных героев, изображением ярких человеческих чувств (любви, сострадания и сопереживания) через образы демонологических существ. Любовь является движущей силой и основным качеством главных героев, что в наибольшей степени характерно для образа демона Данилова, воплощающего привязанность и искренность чувств не только к женщине, но и к профессиональной деятельности, в частности, к своему инструменту – альту и возложенным на него демоническим обязанностям.

Под демонологической лексикой в работе понимаются лексические единицы, или «номинации мифологических персонажей ассоциативно-семантического поля “нечистая сила” (или, демонологемы)», связанные с ними реалии, свойства и деяния, имеющие отношение к причинению вреда человеку, которые имеют негативную коннотацию и наделяются определёнными мифологическими функциями [9, с. 4]. Некоторые лексические единицы, принадлежащие данному полю, имеют более высокий

текстовый ранг и приобретают статус демонологемы – концептуально значимой номинации литературных персонажей, причисляемых к нечистой силе и наделенных сверхъестественными способностями, которые выполняют тексто- и смыслообразующую функцию в семантическом пространстве романа и включаются в состав сильных позиций произведения.

С. В. Серебрякова подчеркивает, что «современная антропоцентрическая парадигма гуманитарного знания актуализирует изучение межличностного общения во всех его проявлениях, обусловленных целями, задачами и условиями коммуникации» [10, с. 260]. Наше исследовательское внимание сфокусировано на функционировании лексических единиц, создающих атмосферу потустороннего мира в текстовом пространстве романа В. Орлова «Альтист Данилов», воплощающих демоническую сущность персонажей и их различных взаимоотношений. Некоторые из них можно причислить к лингвокультурным универсалиям, приобретающим статус «своеобразного символа» [12, с. 78]. Например, аксиоматично, что символом зла, неудач, неприятностей, смерти обычно выступает демон, и наоборот, вестником добра, любви и благоденствия является ангел, что характерно не только для русской лингвокультуры, но и для европейской традиции в целом в соответствии с религиозным подходом к жизнеописанию.

На текстовом уровне концептуальную значимость приобретают, в первую очередь, демонологемы, репрезентирующие демонических персонажей романа и совмещающие в себе в разной комбинации целый ряд функций: номинативную, характерологическую, аттрактивную, эмотивную, информативную, оценочную, эстетико-художественную. К демонологемам текстовой значимости были отнесены номинации персонажей ирреального мира: *демон, домовый, дух, бесовское отродье, леший, водяной, херувим, черт, бес, Химеко, Дзисаем Данилова, демоническая женщина, волопас, глира, вольтерьянец*. Часть номинаций мифологических персонажей содержит отчетливую лингвокультурную информацию: они мотивированы по месту обитания (*домовой* – помещения, жилые комплексы; *леший* – лес, бор; *русалка* – реки, озера; *водяной* – болота, заводи); другие имеют религиозно-сакральный характер (*херувимы* – классификация ангелов по чинам; *черт, бес* – олицетворения дьявольских сил).

Научный интерес представляют индивидуально-авторские демонологические номина-

ции, обладающие высоким прагматическим потенциалом, однако имеющие статус демонологемы только в контексте художественного мира романа «Альтист Данилов», так как они являются авторскими окказионализмами (*волопас, глира, вольтерьянец, Химеко, Дзисаем*). Данные единицы выполняют различные функции: номинируют демонов или их сопровождение, их животных-охранителей:

«Явилась нежная Химеко, вечная жрица и пророчица, тончайшее создание природы, давняя подруга Данилова» [7, с. 38].

В приведенном контексте демон воплощен женским образом – ведьмой (жрицей), которая имеет сверхъестественные способности: колдовать, исчезать-появляться, видеть будущее, создавать талисманы и т.п., словом обладать всеми характерными свойствами демонологического персонажа.

«По древнему обычаю Химеко одного из своих родственников, находившихся у нее в услужении, чтобы оградить любезного ей Данилова от бед и напастей, сделала Дзисаем Данилова. Все печали Данилова, по мысли Химеко, обязаны были теперь стекать в него» [7, с. 40].

Автор посредством введения в жизнь Данилова берега Дзисаема наделяет данное существо функцией ангела-хранителя, что, согласно христианской традиции, обычно свойственно человеку земному.

Важной составляющей описанного в романе фантастического мира являются места обитания представителей нечистой силы – это прецедентная номинация *Девять Слоев* по ассоциации с Данте и его девятью кругами ада, или *Канцелярия*, которые автор использует для обозначения мира, откуда родом демон Данилов и его «народ». Каждый «круг ада» у Орлова имеет свое название – *слой* или *управление*:

«Данилов окончил лицей, и на него пришла заявка из Канцелярии от Улавления Душ, из Управления Женских Грез. Однако его забрали во внутреннюю Канцелярию от Наслаждений и поручили устраивать фейерверки и аттракционы на ведомственных балах в Седьмом Слое Удовольствий» [7, с. 35].

Интересно заметить, что «мир демонов» не находится на нашей плане и не граничит непосредственно с миром людей или с божественным миром. Авторский «ад» располагается за пределами солнечной системы, в другой вселенной, населенной демоническими существами. Однако, как видим, планетам, составляющим эти вселенные, автор не дает при-

вычные названия мифологических реалий или связанных с ними ассоциаций, они составляют класс прагматически значимых индивидуально-авторских наименований (Глира, Волопас), выполняющих аттрактивную и экспрессивную функции. Семантика данных единиц может быть в какой-то мере выведена из контекста:

*«И все об условиях своих трудов в созвездии **Волопаса**... Планета, размером побольше Земли, собственным населением именовавшаяся **Глирой**, была исключительно молибденовая... Землянину его братья во вселенной – **волопасы** (сами себя они называют **глирами**) – показались бы похожими на металлические болванки (а они-то, **глиры**, при виде его и вовсе бы сплюнули) [7, с. 107].*

Прагматически отмеченным можно считать введение в художественный мир романа космических реалий (планет, вселенных, галактик, молибдена) в духе исторической эпохи (конец 70-х гг. XX в.), эпохи покорения космоса, космических технологий. Период до 1981 г., до первой публикации романа в журнале «Новый мир», отличался стремлением к постижению нового, неизведанного, далекого, мира «за облаками», населенного сверхсуществом, о которых никто не знает и лишь может строить свои предположения, основываясь на мифологической традиции и стереотипах, представляя их внешний вид и атрибуты согласно культурной и религиозной традиции. Так, при описании внешнего вида демонологических существ В. Орлов использует атрибуты, в большей мере присущие разным животным, чем человеку (*клыки, пасть, щупальца, присоски, отростки, рога, мох, хвост, копыта*), а также технические приспособления (*антенны, рыльца, прутья, обломки шпала*). Функционально и прагматически значимым можно считать семантический ряд цветовых оттенков, используемых при портретировании персонажей нечистой силы: *синий, оранжевый, черно-розовый, зеленый, молибденовый, красный, белый, желтый*, при этом в одном контексте употребляются оттенки противоположной палитры, образуя контрастные оппозиции: холодные (*синий, зеленый*) и теплые (*розовый, оранжевый*), что говорит о сочетании в одном персонажном типе как положительных, так и отрицательных характеристик.

Важным в функционально-прагматическом плане является частое использование достаточно универсальных анималистических номинаций, репрезентирующих демонологических существ и их метаморфозы: *синий бык*

(12) – в него перевоплощался друг Данилова демон Кармадон; *кот Бастер* (7) – друг Данилова из пещеры в Испании; *корова* (5) – иногда так называют Кармадона; *летух* (4). Согласно схеме описания мифологических персонажей Л. Н. Виноградовой, данные номинации воплощают ипостась «зооморфного существа» [2, с. 78], когда отождествление с фауной происходит в соответствии с восточнославянской традицией, связанной с духами природы, часто принимающими облик домашних животных для того, чтобы предстать перед человеком в привычном виде во избежание ужаса при первом взгляде, как это может быть в случае воплощения нечисти существом, сочетающим в себе несколько животных (обычно это козел, лев, змея), что свойственно в большей степени западной традиции и имеет свое подтверждение в ином культурном коде – кинематографе (например, американский сериал «Сверхъестественное» (*Supernatural* 2005) или мексиканский фильм «Лабиринт Фавна» (*El laberinto del fauno* 2006)).

Коммуникативно-прагматическая специфика художественного мира В. Орлова, рассмотренная на примере романа «Альтист Данилов», заключается в том, что в качестве литературных героев выступают мифологические персонажи, которые, хотя и являются согласно библейской традиции демонами, обладающими всеми качествами нечистой силы (причинение вреда человеку, изменение физического состояния, сверхъестественные способности и т.п.), но воплощены они автором в образах людей или одомашненных животных.

Значительной объяснительной силой в плане определения функциональной активности демонологической лексики обладает полевой подход и, в частности, моделирование ассоциативно-семантического поля «нечистая сила» в текстовом пространстве романа как семантического и концептуального единства. Ядро поля представлено такими лексемами, как *демон* (18), *волопас* (17), *исполин* (8), *домовой* (7), *глира* (3), *вольтерьянец* (3), *леший* (2), *водяной* (2), *отродье* (1) и др. В зоне ближней периферии расположены слова и словосочетания, связанные с атрибутивными признаками демонических существ, а также местами их обитания и действия: *демоническое состояние* (12), *Тот Свет* (12), *собрание домовых* (4), *испелелить* (4), *неземные силы* (3), *заглянуть в душу* (2), *вольный сын эфира* (2), *потусторонний мир* (2), *лететь навстречу туче* (1), *бить кристаллами льда* (1) и др. В зону даль-

ней периферии, были включены номинации разных частей речи, ассоциирующиеся с ядерными элементами в качестве реакций на слова-стимулы и непосредственно зафиксированные в тексте романа: *кровь* (19), *сущность* (9), *гром* (6), *молнии* (6), *буйства* (5), *стихия* (4), *огонь* (4), *исчезнуть* (4), *расписаться договор* (4), *положительный заряд энергии* (2), *разряд* (2), *кровь* (2), *кровавый* (2), *нейтрализоваться* (1) и т.п.

Подчеркнем, что присутствие в тексте романа большого числа моноксем связано с тем, что в силу отсутствия референции апелляция к языковому сознанию и когнитивной памяти носителя языка происходит за счет метафорического и метонимического переноса, поэтому данные единицы в значительной степени эвфемизированы, этноспецифичны и присущи только славянской лингвокультуре за счет богатого языческого прошлого народа и культурной картине мира. Они образованы от разных частей речи и репрезентируют мифологических персонажей за счет мотивированного признака: *ведьма*, *удавленник* (номинации, образованные от глаголов); *леший* (номинации, образованные от прилагательных с помощью суффиксов от словообразовательных значений); *домовой*, *водяной* (номинации, образованные от существительных со значением обитания); *русалка*, *нимфа* (существительные женского рода); *вольтерьянец*, *волопас*, *глира*, *хлопобуд* (индивидуально-авторские номинации, существительные, обозначающие специфических демонических существ, не обитающих на нашей планете и в других мирах и не соответствующих общепринятым представлениям).

Концептуально значимым можно считать большое количество разнообразных сочетаний с атрибутивным эпитетом *демонический*: *состояние* (13), *женщина* (4), *время* (2), *часы* (2), *силы* (2), *науки* (1), *нормы* (1), *стаж* (1), *образ* (1), *усилие* (1), *отношение* (1), выполняющим характерологическую, оценочную и экспрессивно-эстетическую функции, так как привычные реалии превращаются в потусторонние, нереальные, наделенные сверхъестественными качествами. Доминантная сема данного эпитета определяет жанровую специфику фантастического мира и демоническую сущность главного героя:

«Данилов же ни на секунду не мог исчезнуть из Москвы, вот в наблюдениях за Кармадоном он и вынужден был втискиваться в демоническое время» [7, с.140]. *«А ведь он уже давно впал в демоническое состояние,*

и, стало быть, по правилам договора, контакт был дозволен» [7, с. 40].

Характеристику героя дополняют единицы демонологической лексики, которые являются «классическими» элементами мистических текстов (договор, контракт, обычно с дьяволом), которые в сочетании с эпитетом *демонический* приобретают явный фантастический оттенок, помогая раскрыть потустороннее, ирреальное через его связь с земным человеческим миром.

Следует отметить функционально-прагматический характер словосочетаний с двумя и более атрибутами разных типов: *Тот Еще Свет* (11), *демон с того света* (2), *на самом острие молнии* (2), *нести беды ни в чем не повинным существам* (1), *принимать любую звуковую и душевную волну* (1), *демоническая золотая молодежь* (1), *демоны из золотой молодежи* (1) и т.п. Например, прагматика следующего контекста усиливается повтором:

«У них во всех бумагах и разговорах Земля так и называлась – Тот Свет, а иногда и – Тот Еще Свет. Данилов теперь и был в ведении Канцелярии от Того Света» [7, с. 33].

Аксиоматично, что *Тот Свет* в христианской религии – это потусторонний мир, мир чаще всего божественный, ассоциирующийся с избавлением от земных тягот и печалей, мир, где царствуют Бог и ангелы. Однако В. Орлов намеренно меняет вектор модусного значения с «нейтрального» на «сверхположительный» («тот свет»), отождествив общепринятое понятие о «царстве небесном» с планетой Земля. Это позволяет предположить, что в этом может выразиться авторская позиция по отношению к церковным канонам и религиозным устоям: рай на земле, а ад – неизвестно где, возможно, в другой вселенной. Важно отметить также то, что в романе нет упоминаний о высшей божественной силе, олицетворяющей Добро и противопоставленной Злу. Среди единиц демонологической лексики встречается лексема *бог* (4), но только в устойчивых сочетаниях:

«Бог ты мой, – думал Данилов, – как хорошо-то! Так бы всегда было!» [7, с. 55]; *«бог весть еще кто, даже один писатель»* [7, с. 88].

С лингвокультурологической точки зрения, это может быть связано с тем, что в славянской мифологии нет одного единственного бога, олицетворяющего высшую силу; языческих богов и божков было очень много, каждый из них отвечал за свою «область» народного поклонения, имел свои ритуальные традиции и локус обитания [3]. Поэтому, вероятно, автор намеренно избегал упоминаний о едином боге

и не ввел в название романа демонологу *демон*, заменив её профессиональным статусом главного героя.

Прагматически интересным можно считать сочетание *демоническая золотая молодежь* в следующем контексте:

«однако Данилов среди золотой демонической молодежи считался шалопаем куда более удачливым и замечательным, и Кармадон с братом, Новым Маргаритом, глядели на него как кольцо Сатурна на сам Сатурн» [7, с. 102].

Как видим, автор ранжирует представителей нечистой силы «по заслугам перед отечеством», причисляя главного героя к высшему классу, давая ему атрибутивные эпитеты *золотой, удачливый, замечательный* и противопоставляя его одновременно другим персонажам романа, принадлежащим потусторонней силе, ставя их на ступень ниже Данилова. Данные лексемы обладают характерологической, эмотивной и экспрессивно-эстетической функциями.

В связи с этим, можно согласиться с мыслью С. Г. Тер-Минасовой в том, что «в процессе художественного творчества писатель, стремясь произвести определённый стилистический эффект, поразить читателя, создать в его вообра-

жении образную картину мира, сочетает, сталкивает слова самым неожиданным образом» [11, с. 38–39]. Поэтому многие из рассмотренных нами единиц демонологической лексики и их сочетаний в границах ассоциативно-семантического поля являются прагматически и функционально значимыми в соответствии с коммуникативным замыслом автора и религиозно-сакральной традицией русскоязычной лингвокультуры.

Таким образом, функциональные и лингвокультурные особенности демонологической лексики романа В. Орлова «Альтист Данилов» прослеживаются в изображении автором большого числа мифологических персонажей, восходящих к языческой славянской традиции в качестве действующих героев: мужчин (демоны, домовые, лешие, водяные), женщин (демонические женщины, ведьмы, русалки), бесполок существ (монстр, вурдалак, призрак, дух), зооморфных созданий (бык, кот, корова), а также индивидуально-авторских персонажей (глира, волопас, вольтерьянец), выполняющие различные функции (номинативную, характерологическую, экспрессивно-эстетическую).

Литература

1. Бочегова Н. Н. Этнос. Культура. Язык: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. 160 с.
2. Виноградова Л. Н. Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения: дис. в виде научного доклада ... докт. филол. наук. М.: РИГУ, 2001. 95 с.
3. ВК: Интернет-ресурс, посвященный славянам, их традициям и культуре «Велесов круг». URL: <http://www.velesovkrug.ru/obnovleniya-na-sayte/slavjanskije-bogi-bogi-slavjan-russkije-bogi-panteon-drevnyay.html> (Дата обращения: 09.04.2017).
4. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
5. Кирилова И. В. Семантическое поле «нечистая сила»: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: УГПУ, 2011. 170 с.
6. Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. М.: Наука, 1965. 78 с.
7. Орлов В. В. Альтист Данилов. М.: Астрель: АСТ, 2010. 504 с.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 3-е изд., испр. М.: Академия, 2007. 208 с.
9. Новикова Д. К. Структурно-семантические особенности демонологической лексики в текстах романов фантастического жанра // Научный журнал КубГАУ, 2017. № 125 (01). С. 1–15.
10. Серебрякова С. В. Молчание как гармонизирующий элемент межличностной коммуникации // Гуманитарные и юридические исследования: Научно-теоретический журнал. 2016. №3. С. 260–265.
11. Тер-Минасова С. Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 152 с.
12. Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. М.: Общество любителей российской словесности, 1997. 184 с.
13. Энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М. Н. Кожиной. 2-е изд. стереотип. М.: Флинта, Наука, 2011. 696 с.

References

1. Bochegova N. N. Etnos. Kul'tura. Yazyk (*Ethnos. Culture. Language*). Kurgan: KSU publ., 2005. 160 p. (In Russian).
2. Vinogradova L. N. Slavyanskaya narodnaya demonologiya: problemy sravnitel'nogo izucheniya (*Slavik folk demonology: problems of comparative study*). Moscow: RIGU publ., 2001. 95 p. (In Russian).
3. ВК: Internet-resurs, posvyashchenny slavyanam, ikh traditsiyam i kul'ture «Velesov krug» (*VK: Internet resource dedicated to the Slavs, their traditions and culture "Veles's circle"*). URL: <http://www.velesovkrug.ru/obnovleniya-na-sayte/slavjanskije-bogi-bogi-slavjan-russkije-bogi-panteon-drevnyay.html> (Accessed: 09.04.2017). (In Russian).

4. Zelenin D. K. Izbrannyye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoy smert'yu i rusalki (*Selected works. Essays on Russian mythology: Those who died unnaturally and mermaids*). Moscow: Indrik, 1995. 432 p. (In Russian).
5. Kirilova I. V. Semanticheskoe pole «nechistaya sila»: lingvokul'turologicheskiy aspekt (*Semantic field "evil spirit": linguistic and cultural aspect*): thesis. Ekaterinburg: USPU publ., 2011. 170 p. (In Russian).
6. Kubryakova E. S. Chto takoe slovoobrazovanie (*What is word formation?*). Moscow: Nauka, 1965. 78 p. (In Russian).
7. Orlov V. V. Al'tist Danilov (*Violist Danilov*). Moscow: Astrel': AST, 2010. 504 p. (In Russian).
8. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy (*Linguo-cultural studies: Textbook for Students of Higher Educational Institutions*). Moscow: Akademiya, 2007. 208 p. (In Russian).
9. Novikova D. K. Strukturno-semanticheskie osobennosti demonologicheskoy leksiki v tekstakh romanov fantasticheskogo zhanra (*Structural and semantic features of demonological vocabulary in the novels of the fantastic genre*) // Nauchnyy zhurnal KubGAU. 2017. No. 125 (01). P. 1–15. (In Russian).
10. Serebryakova S. V. Molchanie kak garmoniziruyushchiy element mezhlichnostnoy kommunikatsii (*Silence as a harmonizing element of interpersonal communication*) // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya: Nauchno-teoreticheskiy zhurnal. 2016. No. 3. P. 260–265. (In Russian).
11. Ter-Minasova S. G. Slovosochetaniye v nauchno-lingvisticheskom i didakticheskom aspektakh (*Phrase in scientific linguistic and didactic aspects*). Moscow: LKI publ., 2007. 152 p. (In Russian).
12. Shaklein V. M. Lingvokul'turnaya situatsiya i issledovanie teksta (*Linguistic and cultural situation and text research*). Moscow: Obshchestvo lyubiteley rossiyskoy slovesnosti, 1997. 184 p. (In Russian).
13. Entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka (*Russian Collegiate Dictionary*) / ed by M.N. Kozhinoy. Moscow: Flinta, Nauka, 2011. 696 p. (In Russian).

УДК 82-3

О. В. Седова

ЖАНР ЛЕГЕНДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Д. Г. БУЛГАКОВСКОГО¹

В статье исследуются художественные и жанровые особенности «Нижегородских легенд» Д. Г. Булгаковского – священника, писателя, педагога, этнографа и просветителя, чье творчество было очень популярным на рубеже XIX–XX веков. Актуальность исследования обусловлена необходимостью восполнить существующий пробел в науке, в которой не проводился литературоведческий анализ художественных произведений писателя, и даже само его имя долгое время оставалось забытым. «Нижегородские легенды», созданные Д. Г. Булгаковским на основе детально изученных фольклорных источников, написаны в русле традиций русской литературы XIX века. Писатель мастерски сочетает художественный вымысел с историческими событиями, картинами былых времен. «Нижегородские легенды» Д. Г. Булгаковского представ-

ляют большой интерес, как в филологическом, так и в историко-этнографическом плане. «Нижегородские легенды» состоят из семи легендарных историй, посвященных славному прошлому нижегородской земли. В «Нижегородских легендах» Д. Г. Булгаковский использовал фольклорные сюжеты, образы и стилистику, чтобы отмежевать легенду от быта и привычной для читателя развлекательной сказки, акцентировать его внимание на онтологических проблемах, апеллировать к категориям милосердия, покаяния, прощения. «Нижегородские легенды» по праву могут считаться выдающимися произведениями писателя.

Ключевые слова: Д. Г. Булгаковский, нижегородские легенды, литературная легенда, фольклор.

O. V. Sedova

LEGEND GENRE IN THE WORKS OF D. G. BULGAKOVSKIJ

The article deals with the literary and genre peculiarities of «Nizhny Novgorod legends» of D. G. Bulgakovskij. D. G. Bulgakovskij was a priest, writer, ethnographer and educator. His work was very popular at the turn of XIX–XX centuries. The research urgency is caused by necessity to fill the existing gap in science. Literary analysis of literary works of the writer was not carried out, and even his name was long forgotten. Literary work «Nizhny Novgorod legends» was created on the basis of detailed study of folklore sources, they are written in the traditions of Russian literature of the XIX century. The writer skillfully combines artistic fiction with historical events, pictures of the past. «Nizhny Novgorod legends» of D. G. Bulga-

kovskij are of great interest, both in philological and in historical and ethnographic terms. «Nizhny Novgorod legends» consist of seven legendary stories dedicated to the glorious past of Nizhny Novgorod land. D. G. Bulgakovskij used folklore subjects, images and stylistics to dissociate the legend from everyday life and the entertaining fairy tale habitual for the reader, to focus his attention on ontological problems, to appeal to categories of mercy, repentance, forgiveness. «Nizhny Novgorod legends» can rightfully be considered outstanding works of the writer.

Key words: D. G. Bulgakovskij, Nizhny Novgorod legends, literary legend, folklore.

Жанр легенды был одним из ведущих жанров в творчестве священника, писателя, этнографа и просветителя Д. Г. Булгаковского, чье имя было хорошо известно читающей публике в начале XX века. Творческое наследие писателя чрезвычайно многогранно. Оно включает в себя литературно-просветительские, историко-этнографические, религиозно-дидактические, противоалкогольные и военно-патриотические произведения, настолько

востребованные в обществе, что многократно переиздавались.

Интерес к легенде, появившийся у Д. Г. Булгаковского достаточно рано, обусловлен идейно-нравственными и духовными потребностями и исканиями писателя, высоко ценившего народное творчество. В этнографическом сборнике «Пинчуки», опубликованном в 1890 г., Д. Г. Булгаковский обращался к различным жанрам народной поэзии (песням, загадкам, пове-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Липецкой области в рамках научного проекта № 17-14-48001.

рьям, легендам, пословицам). Народные начала пронизывают все произведения Д. Г. Булгаковского и выражают приверженность писателя к нравственным и эстетическим идеалам народной культуры. Памятники народного творчества, по мнению Д. Г. Булгаковского, «представляют нам свидетельство о религиозном состоянии народа со всеми светлыми и мрачными обрядностями, о его умственном и всестороннем образовании, сохраняя даже образы одежды и жилища его» [2, с. 4].

Жанр легенды использовали в своем творчестве многие писатели. «Легенда (от лат. *legenda* – то, что следует прочитать) – это рассказ-воспоминание о чем-либо чудесном или удивительном. В средние века так называли извлечения из житий, которые надлежало читать в определенные дни» [5, с. 90]. Жанр легенды претерпел большие изменения со времен средневековой письменности, в которой легенда представляла собой житие святого и религиозно-поучительный рассказ. Постепенно легенда сближалась, а иногда и отождествлялась с преданием, сказанием и другими фольклорными жанрами. «Если прежде ее основным содержанием было чудо, то теперь чудесное воспринимается все более как поэтическая интерпретация какого-нибудь действительного события или происшествия» [5, с.90].

Легенда занимает срединное положение в системе жанров, поскольку она одновременно содержит факт и вымысел, совмещает в себе книжную и устную традицию, находится на стыке народного и авторского творчества.

Долгое время в литературоведении не существовало четкого определения жанра легенды, и «до начала 1970-х гг. термин легенда отечественными литературоведами избегался» [8, с. 5]. Только в конце XX в. появились емкие формулировки жанра литературной и фольклорной легенд. В фольклоре легенда – «жанр несказочной прозы, фантастически осмысляющий события, связываемые с явлениями живой и неживой природы, миром людей (племена, народы, отдельные личности), со сверхъестественными существами (Бог, святые, ангелы, «нечистые духи»)» [3, с. 433]. В отличие от фольклорной легенды, в основе которой лежит представление о чуде, в литературе легендой считается произведение, характеризующееся поэтическим вымыслом, но претендующее на некую достоверность в прошлом. «Легенда, исконно фольклорный жанр или жанр средневековой религиозной литературы, в литературу светскую проникает двумя путями: через соединение светских жанров с религиозными

и через взаимодействие литературных жанров с фольклорными» [6, с. 40]. Литературная легенда обычно концептуальнее фольклорной, материал в ней строго подчинен авторской мысли. «Легенда имеет морально-дидактическую установку на воспитание человека, что обусловлено художественной задачей жанра: дать представление о добре и зле» [4, с. 24].

Жанр легенды в русской литературе переживает расцвет на рубеже XIX–XX веков. Литературная легенда стилизована под фольклорную традицию, «объединяя в себе черты светского (новеллистического) и религиозных жанров: притчи, апокрифа, жития» [7]. К этому жанру обращаются Н. С. Лесков, П. И. Мельников-Печерский, Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, В. М. Гаршин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, И. А. Бунин и многие другие писатели. Не остается в стороне и Д. Г. Булгаковский, опубликовавший в 1896 г. «Нижегородские легенды».

В предисловии к ним он с восхищением пишет о том, как много в народе создано разнообразных легенд о городах, селениях, реках, озерах, горах, курганах, лесах, болотах. «Народная фантазия старалась ничего не пропустить, она не поспешила разукрасить своими богатыми картинами самую отдаленную древность» [1, с. 3]. По мнению Д.Г. Булгаковского, «легенды того или другого места в истории, что приправа в кушанье» [1, с. 4]. Писатель считал, что «легендами начинается всякая история, и, чем дальше мы уходим от начала ее, тем больше появляется легендарных вариантов» [1, с. 4].

«Нижегородские легенды» Д. Г. Булгаковского, представляющие большой интерес, как в филологическом, так и в историко-этнографическом плане, содержат семь легендарных историй, посвященных славному прошлому нижегородской земли: «Как зачинался Нижний Новгород», «Дятловы горы», «Коромылова башня», «Проклятие Н.-Новгорода», «Кума-чародейка», «Царская невеста», «Убойное дело». Источником этих легенд послужили народные предания и представления о лицах, событиях, судьбах. В своем произведении Д. Г. Булгаковский мастерски сочетает художественный вымысел с историческими событиями, картинами былых времен, содержащими мельчайшие подробности быта, нравов, существовавших в прежние времена. Каждая из легенд заслуживает особого внимания.

В первой легенде «Как зачинался Нижний Новгород», Д. Г. Булгаковский, интересовавшийся историей, верованиями и обычаями финно-угорских народов, воспроизводит фольклорную версию завоевания русскими устья

Оки и покорения мордвы, изложенную в мордовской песне. Согласно легенде, русский князь Мурза, путешествуя по Волге, увидел, что на горе мордва в белых балахонах Богу молится. «Он спросил своих воинов: “Что это за березняк мотается, шатается, к земле-матушке на восток поклоняется?” Посланные отвечали, что это не березняк мотается, шатается, а мордва своему богу молится, в бадьях у них стоит пиво сладкое, на рычагах висит яичница, в котлах янбеды (жрецы) говядину варят» [1, с. 5–6]. Мордовские старейшины, узнав о прибытии русского князя, послали ему говядины и пива с молодыми людьми, которые дорогой все съели и выпили, а русскому князю принесли земли и воды. Князь Мурза обрадовался этому дару, принял его как знак покорности мордовского народа и поплыл далее по Волге-реке. «Где кинет на берег горсть принесенной в дар земли – там быть городу, где бросит щепотку – там быть селению» [1, с. 5–6]. Так мирно и добровольно покорилась мордовская земля русским, и был основан Нижний Новгород. В легенде зафиксирован древний обычай, связанный с землей. Русский князь не рассердился на молодых мордовских послов за принесенную ими землю, а обрадовался, расценив это как знак покорности и верноподданнических чувств. Безусловно, подобная реакция русского князя обусловлена особым отношением славян к земле, которая считалась живой, священной.

Вторая легенда «Дятловы горы» объясняет происхождение названия семи холмов, на которых был основан Нижний Новгород. В этих местах в стародавние времена обитал мордвин Скворец – друг Соловья-разбойника, побежденного Ильей Муромцем. Скворец женился на восемнадцати женах, и родилось у него семьдесят сыновей. Все они жили дружно, занимались скотоводством. Рядом с ними обитал чародей Дятел, бывший некогда тоже в хороших отношениях с Соловьем-разбойником. Однажды пришел Скворец к колдуну Дятлу, узнать о будущем своих детей. Дятел предрек, что, если дети будут жить в мире и согласии, то долго будут владеть насыщенными местами, а если поссорятся, то будут покорены русскими, которые построят в устье реки каменный город. Под конец разговора Дятел попросил Скворца о честном и достойном погребении и получил согласие. Когда Дятел умер, то был достойно похоронен Скворцом при устье Оки. И место то было названо «Дятловы горы». Скворец перед смертью завещал детям взаимное согласие, но их потомки стали враждовать между собой и сбылось предсказание Дятла: «Юрий Всеволо-

дович заложил город на устье реки Оки и нарече имя ему “Нижний Новгород”» [1, с. 8].

В легенде «Коромыслова башня» Д. Г. Булгаковский приводит две версии происхождения названия башни, «которая находится под Зеленинским съездом» [1, с. 9]. Первое предание повествует о жестоком и широко распространенном древнем обычае зарывать в землю или закладывать в стены живого человека при строительстве укреплений, которые от данной человеческой жертвы будут стоять крепче. Вторая версия происхождения названия восходит ко времени татарского нашествия, во время которого одна девушка с коромыслом проявила такую храбрость и силу духа, что нападающие отступили, сказав: «Если женщины так храбры в этом городе, то каковы же должны быть мужчины» [1, с. 10].

В четвертой легенде «Проклятие Нижнего Новгорода» изложено любопытное предание о том, как святой Макарий, плывя по реке, хотел пристать к городу, а стиравшие белье женщины, которым он почему-то не понравился, прогнали его, после чего Макарий проклял Нижний Новгород.

Действие легенды «Кума-чародейка» происходило «в старину, на том месте, где теперь стоит Кунавино» [1, с. 15]. Легенда представляет драматическую историю воеводы, изменившего своей богобоязненной и благонравной жене с красивой ведьмой Кумой. Драматизм истории усиливается вовлечением в порочную связь с Кумой-чародейкой сына воеводы. Княгиня, страдающая от измены мужа и пораженная известием о порочной связи сына с той же ведьмой, в отчаянии решает на страшный для христианина поступок: обратиться к колдуну. Легенда отражает особенности русского народного мировоззрения и культуры, синтезированной языческое и христианское начала. Не случайно, благочестивая и верующая княгиня в трудную минуту жизни прибегает не к помощи молитвы, а к чародею, дающему ей снадобье, приводящее Куму к гибели. В состоянии аффекта воевода убивает княгиню и своего сына, а их тела сбрасывает в Оку. После чего происходят зловещие знамения: над убитыми княгиней и ее сыном засветились огоньки, словно радуга, а над трупом Кумы загорелось кроваво-красное пламя, похожее на адский огонь. Ужаснулись все видевшие эти явления люди. Воевода в ужасе осознал, какое злодеяние он совершил, изменился, разлюбил пиры, охоту, стал молиться, посещать церковь. Воеводский двор стал похож на монастырь, где толпились монахи, попы, странники, юродивые, нищие,

пелись молебны и панихиды, раздавалась милостыня. Однако, правосудие все-таки свершилось над преступным воеводой: однажды в Архангельский собор, где он молился, ворвались посланные царем вооруженные люди для поимки воеводы. Они сорвали с него одежду и знаки власти и повели в сопровождении толпы народа к Оке. Над рекой, куда прибыли всадники с судимым воеводой, вновь как некоторое время назад, загорелись два радужных огонька и один кровавый. И после того, как обезглавленное тело казненного воеводы бросили в воду, над ней появился еще один кровавый огонек и присоединился к первому. Радужные огни слились вместе, тоже самое произошло и с кровавыми, и они начали кружить в небе, словно борясь друг с другом, при этом их свет усиливался все более и более, пока не сделался так силен, что осветил всю окрестность. Все люди увидели необыкновенное явление в воздухе: борьбу четырех восходящих к небу огненных столбов, двух радужных и двух кровавых. Голову воеводы привезли в Москву и в назидание носили по улицам города, показывая, как царь-государь вершит суд над изменниками, преступающими Господни заповеди.

Легенда «Кума-чародейка» содержит много топонимов и названий архитектурных памятников, позволяющих реконструировать ландшафты ушедшей эпохи: Кунавино, Копосово, Большой Козин, Семионовский монастырь, Тверская башня, Ивановский мост, Большая Мостовая улица, Острожные ворота, Никольское подгорье, Михайло-Архангельский собор, Преображенский собор.

Стоит отметить, что сюжет «Кумы-чародейки» был положен в основу драмы И. В. Шпагинского, действие которой происходит в последней четверти XV века, и оперы П. И. Чайковского «Чародейка» с либретто И. В. Шпагинского.

Следующая легенда «Царская невеста» излагает известную историю несостоявшегося брака царя Михаила Романова и боярышни Марии Хлоповой, которой не суждено было стать венценосной супругой. В легенде изображена героиня, в судьбу которой словно вмешивается некий злой рок, не позволяющий ей породниться с царским родом. Мотив предопределенности звучит в легенде, основанной на реальных исторических событиях.

Последняя зафиксированная Д. Г. Булгаковским нижегородская легенда «Убойное дело» восходит к событиям, связанным с приездом императрицы Екатерины II в Нижний Новгород в мае 1767 г. В ней повествуется о девице Осокиной – богатой купеческой дочери, с которой произошла цепь страшных событий, начав-

шихся со случайной смерти ее возлюбленного, которого она спрятала от неожиданно вернувшегося домой отца. Батрак, которого ее няня попросила избавиться от погибшего, начал шантажировать девушку. Не выдержав многомесячного шантажа и унижений от пьяницы-батрака, Осокина поджигает деревянное здание, в котором находились уснувшие пьяные мучители. Нервный срыв, случившийся с девушкой, вынуждает ее покаяться во всем перед сбежавшемся тушить пожар народом. Ее заковывают в кандалы и помещают в острог. Однако, приехавшая в Нижний Новгород Екатерина II, прослышав об истории с девицей Осокиной, захотела увидеть ее и поговорить с ней. Услышав трагическую исповедь девушки, императрица помиловала ее и приказала освободить. Но измученная с надломленной душой девушка была не в состоянии жить в миру, а поступила в нижегородский женский монастырь, где и окончила свою жизнь. Была ли у этой истории реальная основа? Вероятнее всего, легенда была придумана, чтобы показать хорошие душевные качества, доброту, милосердие императрицы Екатерины II, чей приезд в Нижний Новгород произвел большой фурор в городе.

Стоит отметить, что Д. Г. Булгаковский создавал «Нижегородские легенды» в соответствии с законом жанра литературной легенды, для которой «характерен особый тип отношений героя и мира, специфика которого заключается в познании героем законов бытия, оказывающихся извечными и неизблемыми для всех времен» [6, с. 41]. Законы могут представлять собой морально-этические, ритуально-обрядовые, социальные нормы, авторское отношение к которым оказывается как позитивным и оптимистичным, так и мрачно-безысходным. Способ познания законов может быть реалистическим, мистическим, фантастическим, а результатом – счастье, сумасшествие или даже смерть. «Несмотря на это разнообразие трактовок, именно предопределенность человеческой жизни некими раз и навсегда установленными законами является смысловым стержнем литературной легенды» [6, с. 41].

Мотив предопределенности человеческой жизни, невозможности вырваться за рамки онтологических или социальных законов, ярко звучит в легендах «Кума-чародейка», «Убойное дело», «Царская невеста». В каждой из этих легенд герои оказываются вовлеченными в определенные условия, которые предопределяют их дальнейшую судьбу. Для жанра легенды характерно повествование о каком-либо важном для персонажа событии,

часто чудесном, которое перерождает его, изменяет систему его ценностей. Почти в каждой из «Нижегородских легенд» Д. Г. Булгаковского содержится кульминационное событие, являющееся переломным пунктом в жизни персонажей. Легенды Д. Г. Булгаковского, считающего главной задачей писателя воспитать человека, дать представление об истине, о добре и зле, имеют морально-дидактическую установку.

Что касается типа легенд, созданных Д. Г. Булгаковским, то следует подчеркнуть, что писатель работал в русле традиций литературы XIX века, в которой легенда представлена тремя основными вариантами, использующими разные источники образности. «Это легенды религиозные, продолжающие агиографическую традицию; нерелигиозные, имеющие фольклорную основу; и смешанный тип, в котором в равной степени представлены и фольклорный, и религиозный варианты жанра» [6, с. 41]. Все «Нижегородские легенды» Д. Г. Булгаковского можно отнести к нерелигиозным, имеющим фольклорную основу.

Таким образом, Д. Г. Булгаковский, подобно многим крупным писателям своего времени, обратился к жанру легенды, поскольку в ней на первый план выступают философские и морально-нравственные смыслы, доминирующие над бытовыми вопросами и историческими формами отношений между людьми. Легенда рассматривает универсальные законы бытия, ее события могут проецироваться на все человечество и его историю. В «Нижегородских легендах» Д. Г. Булгаковский использовал фольклорные сюжеты и стилистику, образы национального фольклора, чтобы отмежевать легенду от быта и привычной для читателя развлекательной сказки, акцентировать его внимание на онтологических проблемах, апеллировать к категориям милосердия, покаяния, прощения. Детально изучивший фольклорные и историко-этнографические источники, Д. Г. Булгаковский подверг их филигранной литературной обработке. «Нижегородские легенды» по праву могут считаться выдающимися произведениями писателя.

Литература

1. Булгаковский Д. Г. Нижегородские легенды. СПб.: Типография В.С. Балашева и К, 1896. 48 с.
2. Булгаковский Д. Г. Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь. Собрал в Пинском уезде Минской губ. Д. Г. Булгаковский. СПб.: Типография В. Безобразова и К^о, 1890. 201 с.
3. Зуева Т. В. Легенда // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 432–434.
4. Ивашнёва Л. Л. К проблеме специфики и систематизации фольклорной легенды // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №7(61): в 3-х ч. Ч. 1. С. 23–26.
5. Кораблев А. Легенда // Литературный словарь / ред.-сост. А. В. Безрукова. М.: ЛУЧ, 2007. С. 92–95.
6. Тулякова Н. А. Жанр легенды в творчестве Натаниэля Готорна // Вопросы филологии и журналистики. Выпуск 6. Омск: о НОУ ВПО ОмГА, 2012. С. 40–51.
7. Тулякова Н. А., Никитина Н. А. Легенды Стефана Цвейга: новый этап в развитии европейской легенды // Studia Humanitatis. 2015. № 3. URL: <http://st-hum.ru/en/node/318> (Дата обращения: 24.05.2017).
8. Фатеева Ю. Г. Жанр легенды в русской литературе рубежа XIX–XX веков: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 2006. 181 p.

References

1. Bulgakovskij D. G. Nizhegorodskie legendy (*Nizhny Novgorod legends*). St. Petersburg: Tipografija V. S. Balasheva i K, 1896. 48 p. (In Russian).
2. Bulgakovskij D. G. Pinchuki. Jetnograficheskiy sbornik. Pesni, zagadki, poslovicy, obrjady, primety, predrassudki, pover'ja, suever'ja i mestnyj slovar'. Sobral v Pinskom uezde Minskoj gub. D. G. Bulgakovskij (*Pinchuki. The ethnographic collection. Songs, riddles, proverbs, rituals, superstitions, prejudices, beliefs, superstitions and the local dictionary. D. G. Bulgakovskij gathered in Pinsk district, Minsk province*). St.Petersburg: Bezobrazov i K^o printing office, 1890. 201 p. (In Russian).
3. Zueva T. V. Legenda (*Legend*) // Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij /ed by A.N. Nikoljukina. Moscow: NPK «Intelvak», 2001. P. 432–434. (In Russian).
4. Ivashnjova L. L. K probleme specifik i sistematizacii fol'klornoj legendy (*The problem of specificity and systematization of folklore legends*) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. No. 7(61). Part 1. P. 23–26. (In Russian).
5. Korablev A. Legenda (*Legend*) // Literaturnyj slovar' / ed by A. V. Bezrukova. Moscow: LUCh, 2007. P. 92–95. (In Russian).
6. Tuljakova N. A. Zhanr legendy v tvorchestve Natanielja Gotorna (*Legend genre in the works of Nathaniel Hawthorne*) // Voprosy filologii i zhurnalistiki. 2012. Issue 6. P. 40–51. (In Russian).
7. Tuljakova N. A., Nikitina N. A. Legendy Stefana Cvejga: novyj jetap v razvitii evropejskoj legendy (*Legends of Stefan Zweig: a new stage in the development of European legends*) // Studia Humanitatis. 2015. No. 3. URL: <http://st-hum.ru/en/node/318> (Accessed: 24.05.2017). (In Russian).
8. Fateeva Ju. G. Zhanr legendy v russkoj literature rubezha XIX–XX vekov (*A genre of legends in Russian literature of XIX–XX centuries*): thesis. Volgograd: VSPU publ., 2006. 181 p. (In Russian).

УДК 811.161.1

Ван Цянь

ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СИСТЕМНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Статья посвящена глаголам тех способов действия, в которых чрезмерная интенсивность и длительность действия совмещается с отрицательными его последствиями. Это совмещение чрезмерности, длительности действия с отрицательным результатом этого действия характерно для ряда префиксально-постфиксальных, а также префиксальных способов действия.

Описывается функционирование этих глаголов в текстах художественных произведений, рассматриваются контекстуальные и ситуативные условия их реализации.

Установлено, что в одних способах действия семантика отрицательных последствий действия выражена более эксплицитно, явно, в других она более скрыта, имплицитна. В наибольшей степени семантика отрицательных последствий действия выражается конфиксальными глаголами, которые, сосредоточивая действие в сфере субъекта, обозначают повышенную активность субъекта в осуществлении действия, следствием чего являются отрицательные последствия действия.

Глаголы со значением отрицательного результата действия, как правило, очень экспрессивны, стилистически окрашены. Они чаще являются одновидовыми – совершенного вида, хотя имперфективные формы возможны у некоторых из них со значением кратности действия. Тяготение подобных глаголов к совершенному виду объясняется тем, что семантика чрезмерной интенсивности действия, пресыщенности субъекта действием, крайней степени проявления действия в большей степени совместима с совершенным видом, который акцентирует внимание не на процессе протекания, а на факте совершения действия.

Анализ указанных способов действия, являющихся носителями комплекса смыслов, позволяет сделать некоторые выводы об особенностях русского видения мира, русского характера и мировоззрения.

Ключевые слова: способы глагольного действия, количественная аспектуальность, интенсивность, длительность, чрезмерность действия, негативный результат.

Van Cyan

VERBS MEANING NEGATIVE ATTENDING CIRCUMSTANCES IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE: SYSTEMATIC AND FUNCTIONAL ASPECTS

The article is devoted to the verbs of the mode of action in which excessiveness and duration are combined with negative consequences. This combination of excessiveness and duration with negative result of the action is characteristic of a number of prefixed-postfixed and purely prefixed modes of action.

The article studies functioning of these verbs in fictional texts, contextual and situational conditions of their realization are analyzed as well.

It is specified that in some modes of action the semantics of negative consequences is expressed more explicitly, markedly, while in others it is implicit, covert. The semantics of negative action consequences is mostly expressed by confixal verbs which concentrating the action on the sphere of subject mean excessive activity of the subject in performing actions resulting in negative consequences.

Verbs meaning negative result of the action are very expressive and stylistically colored, as a rule. They often have one aspect – perfective, though imperfective forms are also possible if they express multiplicity. Such verbs are drawn to perfective forms because semantics of excessiveness, satiety and extremity of action is mostly associated with perfective aspect which points out the fact of the action, not its process.

The analysis of the above mentioned modes of action bearing a complex of meanings allows us to draw some conclusions about the peculiarities of the Russian vision of the world, Russian character and outlook.

Key words: modes of verbal action, qualitative aspectuality, intensity, duration, excessiveness of action, negative result.

Аспектуальные значения отличаются большим разнообразием. Количественная аспектуальность характеризует действие по степени интенсивности, кратности и длительности. Во многих способах действия (далее – СД) интенсивность сопрягается с длительностью, кратностью, начинательностью, а также осложняется оттенками внезапности, рассредоточенного воздействия на субъект или объект действия. Чрезмерная интенсивность и длительность действия легко приводит к отрицательным его последствиям. Это совмещение чрезмерности, длительности действия с отрицательным результатом этого действия характерно для ряда терминативно-продолжительных и терминативно-интенсивных СД¹ (префиксально-постфиксальных), а также для некоторых количественно-интенсивных СД (префиксальных).

Глаголы *чрезмерно-кратного* СД с конфиксом *из-...-ся* выражают крайнюю степень (меру) кратного проявления действия, следствием чего является отрицательная оценка действия [16, с. 80]. В этом случае значение крайней степени проявления действия сопрягается со значениями кратности и отрицательной оценки. В Русской грамматике словообразовательный тип, соответствующий этому способу действия, определяется следующим образом: «дойти до нежелательного состояния (утомления, негодности, исчерпанности), приобрести или утратить определенные качества, способности или привычки в результате частого, длительного или интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом» [15, с. 385]. Данный тип очень продуктивен, особенно в разговорной речи и просторечии.

Глаголы данного СД представлены в имеющемся языковом материале достаточно широко, контекст может актуализировать отрицательные последствия действия, например:

Я вас уверяю: в две недели они *изопьются* и будут стельки [2].

Врут такую дичь... Ты представить себе не можешь, *до какой степени* может *изовратиться* наконец человек! [8].

...Сукно *до того истёрлось*, что сквозило, и подкладка расползлась [3].

Префиксальный словообразовательный тип с приставкой *из-* выражает значение тотального способа действия (чрезмерная интенсивность действия, которая выражается в распространении действия на весь объект или субъект [16, с. 77]). Семантика тотального

способа действия возможна в двух вариантах: крайняя степень изменения состояния субъекта или крайняя степень воздействия на объект. Чаще в нашем материале представлен второй вариант – крайняя степень воздействия на объект. В контексте часто имеются обстоятельства, подчеркивающие отрицательные последствия действия, например:

Но был и такой расчет, *что изобьют до бесчувствия*, а я в то время и поспею взять, а там потом Федору-то Павловичу отлепартую, что это никто как Дмитрий Федорович, их избивши, деньги похитили [5].

Знаешь ли, что женщина способна замучить человека жестокостями и насмешками, и ни разу угрызения совести не почувствует, потому что про себя каждый раз будет думать, смотря на тебя: «Вот теперь я его *измучаю до смерти*, да зато потом ему любовью мою наверстаю...» [7].

В приведенном ниже примере глагол тотального СД *истрепать* употребляется в одном ряду с глаголом *чрезмерно-продолжительного* СД *затаскать*, что усиливает семантику негативно-го результата действия:

Иван Федорович тотчас заключил по лицу Смердякова, что оправился он от болезни вполне. Лицо его было свежее, полнее, хохлак взбит, височки примазаны. Сидел он в пестром ватном халате, очень, однако, *затасканном и порядочно истрепанном* [5].

Гораздо реже встречается первая разновидность тотального СД – крайняя степень изменения состояния субъекта, например:

– Почему ручки голенькие, почему его не закутают? – А *иззябло* дитё, промерзла одежонка, вот и не греет [5].

Его ввели или, лучше сказать, внёс его на плечах весь *измокший и издрогший*, оборванный ночной Ванька-извозчик [7].

И чрезмерно-кратный, и тотальный СД являются, как правило, *одновидовыми*², редкие имперфективные формы глаголов тотального СД имеют значение кратности, например:

Нередко оказывается, что писатель ... обнаруживает под конец такую жидкость и такую крохотность своей основной идейки, что никто даже и не жалеет о том, что он так скоро *исписаться* [4].

Правда и то, что и сами эти господа таланты средней руки, на склоне почтенных лет своих, обыкновенно самым жалким образом у нас *исписываются*, совсем даже и не замечая того [4].

¹ Мы используем классификацию, обозначения СД, а также толкования их значений, предложенные М. А. Шелякиным [16, с. 63–85].

² Связь видовой соотносительности глаголов со способами глагольного действия прослеживается и в других языках, например, в современном осетинском языке этот вопрос исследует А. А. Левитская [13].

Глаголы чрезмерно-интенсивного СД с конфиксом *у- ... -ся* содержат в своей семантике крайнюю степень продолжительности и интенсивности действия, следствием чего является усталость субъекта, невозможность дальнейшего продолжения действия [16, с. 81]. Этот словообразовательный тип допускает только совершенный вид, он не является регулярным, глаголы данного типа, как правило, имеют разговорную или просторечную окраску (например, *убегаться, упахаться, упрыгаться* и др.). Семантика интенсивности, осложненная отрицательными последствиями действия, содержится и в префиксальном словообразовательном типе с приставкой *у-*: «довести кого-то-н. до нежелательного состояния (крайней усталости, бессилия, истощенности) с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»: *уездить* (прост.), *угонять* (прост.), *укачать* [15, с. 371].

Стилистическую маркированность приставки *у-* Анна А. Зализняк, например, связывает с ее устареванием, в результате чего многие глаголы с этой приставкой приобрели архаическую окраску, а другие, наоборот, – просторечно-разговорную окраску [9]. Предлагая схему семантической деривации приставки *у-*, автор выделяет в ее значении различные «ключевые» идеи [9, с. 69]. Хорошо иллюстрирует одну из выделенных Анной А. Зализняк идей – ‘для себя’ – В. В. Колесов в слове успех: «Неустранимо во времени национальное своеобразие в толковании одних и тех же концептов, выраженных терминами различных языков. «Успех» как результат личных усилий более распространен среди сторонников западных ценностей, тогда как в русской культуре всякий успех – везение и удача – и не более того. И почему бы это? Да потому, что уже в словесном корне явлена эта мысль: *у-спу-хъ* – это значит *у-спел* ухватить, *по-спеш-ил* – и сделал!» [10, с. 493].

В имеющемся языковом материале, представленном произведениями писателей XIX века, преимущественно Ф. М. Достоевского, глаголы с конфиксом *у-...-ся* и приставкой *у-* встречаются очень ограниченно, несмотря на экспрессивность этих глаголов, отчетливо выражающих семантику интенсивности и отрицательного результата действия.

А вот поймите-ка его, подите, теперь! – вскрикнул он, злорадно подзадоривая Заметова... *Упрыгаетесь!* Вот ведь что у вас главное: тратит ли человек деньги или нет? [8].

И глагола ему: всяк человек прежде доброе вино полагает, и егда *упиются*, тогда худшее: ты же соблюл еси доброе вино доселе» [5].

Глаголы с префиксом *у-* со значением отрицательных последствий действия встречаются тоже довольно редко:

Он уже минуты с три продевал нитку в игльное ухо, не попадал и потому очень сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча вполголоса: «Не лезет, варварка; *уела* ты меня, шельма этакая!» [3].

Пьяному многоречию, очевидно, не достало места, и Митя *уписал* не только *все поля*, но даже последние строчки были написаны накрест уже по написанному [5].

Из глаголов чрезмерно-интенсивного СД чаще всего употребляется глагол *упиться*, что позволяет рассматривать данный концепт довольно актуальным в языковой картине мира русского человека [1, с. 222–223; 10]. В. В. Колесов, например, пишет по этому поводу: «Так получается, что пьянство постепенно становится стереотипом поведения, в который оформилась хроническая неудовлетворенность человека, занятого непродуктивным или бессмысленным для него трудом и столь же хронически страстная жажда праздника жизни» [10, с. 483].

Интенсивные значения приставки *до-* – это длительно-усилительное и финально-отрицательное. В длительно-усилительном способе действия с конфиксом *до-...-ся* актуализируется интенсивность и длительность действия: *дозвониться, дозваться, добудиться, доискаться*. Многие глаголы этого способа действия имеют имперфективные формы. Этот СД не содержит в своей семантике семы «отрицательные последствия действия». Эта сема наличествует в финально-отрицательном СД, который указывает на чрезмерность проявления действия, следствием которой являются отрицательные для субъекта последствия: *догуляться до простуды, доиграться до ссоры, докричаться до хрипоты* и под. [16, с. 81] (иначе: «довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом» [15, с. 385]). Относительно последнего способа действия М. А. Шелякин отмечает такую его особенность, как неограниченная возможность образования данных глаголов от любых непереходных глаголов со значением действий лиц [17, с. 69]. Имперфективные формы финально-отрицательных глаголов (типа: *добалтываться, доигрывать, докатываться, долеживаться* и под.) возможны, хотя это скорее чисто теоретическая возможность их образования. Это связано с тем, что имперфективные формы нормальны только для гла-

голов, обозначающих разовые действия (ср. *он часто договаривается до того, что...*), а для глаголов кратных действий, в которых совершенный вид представлен суммарным значением, имперфективные формы невозможны, как и для других чрезмерно-кратных способов действия [17, с. 70].

В нашем материале глаголы финально-отрицательного СД представлены очень ограниченно, например, имеется лишь один пример, в котором контекст указывает как раз на положительный результат действия, который явился уже следствием чрезмерности действия как следующая ступень после отрицательных последствий:

Видите, барыни, – остановился он вдруг, уже поднимаясь на лестницу в номера, – хоть они у меня там все пьяные, но зато все честные, и хоть мы и врем, потому ведь и я тоже вру, да *довремся же наконец и до правды*, потому что на благородной дороге стоим, а Петр Петрович... не на благородной дороге стоит [8].

Приведенный ниже глагол можно рассматривать как глагол длительно-усилительного СД, однако в данном контексте содержится указание на отрицательные последствия действия. Это свидетельствует о том, что резкой границы между этими двумя СД не существует и семантика негативных последствий создается в значительной степени благодаря контексту:

– То-то, брат, вот этакая валаамова ослица думает, думает, да и *черт знает* про себя там *до чего додумается*. – Мыслей накопит, – усмехнулся Иван... [5].

Глаголы с формантами *за-...-ся* и *за-* содержат значение негативных последствий действия в рамках двух СД: 1) *чрезмерно-продолжительного*, выражающего чрезмерную повторяемость или длительность действия, в результате чего объект приобретает отрицательное состояние, например, *зачитать (до дыр)*, *закусать (до смерти)*, *заиграть (пластинку до негодности)*, *забаловать* и т.п. [16, с. 77–78]; 2) *чрезмерно-длительного*, обозначающего чрезмерную длительность или интенсивность разового действия, например, *замечтаться*, *засидеться* и т.д. [16, с. 81].

Глаголы чрезмерно-длительного СД с конфиксом *за-...-ся* представлены в нашем материале очень широко. Характерными контекстами являются конструкции типа: *до такой степени, что...*; *до того, что...*, например:

Гораздо замечательнее был наряд его: никакими средствами и стараниями нельзя бы докопаться, из чего состряпан был его халат: рукава и верхние полы *до того засалились*

и залоснились, что походили на юфть, какая идет на сапоги... [2].

Есть у старых лгунов, всю жизнь свою проактерствовавших, минуты, когда они *до того зарисуются*, что уже воистину дрожат и плачут от волнения... [5].

Глаголы чрезмерно-продолжительного СД с приставкой *за-* тоже встречаются достаточно часто, например:

...Свобода не мила станет, станет задумываться, запутываться, сам себя кругом запутает, как в сетях, *затревожит себя насмерть!*.. [8].

Читали они учено, *забросали* слушателей множеством новых терминов и слов [2].

Имперфективные корреляты возможны, но не характерны:

– Да говорите, говорите: никто не сбивает! – раздались голоса. – Говорите, да не *заговаривайтесь* [7].

Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, ... как можно реже отдавать прачке мыть белье, а чтобы *не занашивалось*, то всякий раз, приходя домой, скидывать его и оставаться в одном только демикотоновом халате, очень давнем и щадимом даже самим временем [3].

Глаголы с приставкой *пере-* рассматриваются М. А. Шелякиным в рамках двух СД. Глаголы чрезмерно-нормативного СД обозначают чрезмерную степень количественно-временного проявления действия. Они встречаются чаще в СВ, но могут иметь и имперфективные корреляты, например: *перекормить*, *переварить*, *пересолить*, *перегнуть*, *переохладить*, *переплатить* и т.д.). Глаголы сверхнормативно-длительного СД обозначают чрезмерную длительность действия относительно обычной нормы проявления, этот СД допускает имперфективные формы в кратном значении, например: *передержать*, *перегулять*, *переволноваться* и т.д.) [16, с. 78, 81]. На наш взгляд, значения этих двух СД очень близки и различаются, может быть, только степенью интенсивности, поэтому выделять два СД, столь близких по значению, нет необходимости. Мы объединяем эти СД под общим названием сверхнормативно-длительного СД. В нашем материале эти глаголы представлены очень ограниченно, например:

По размякшему шоссе без конца тянулись ломовые дроги, *перегруженные* всяческими домашними вещами: тюфяками, диванами, сундуками, стульями, умывальниками, самоварами [12].

...Обед сготовила Марфа Игнатьевна, и суп сравнительно с приготовлением Смердякова

вышел «словно помои», а курица оказалась *до того пересушенной, что и прожевать ее не было никакой возможности* [5].

Сативный СД с формантом *на-...-ся* указывает на предельно-количественную оценку продолжительности или интенсивности действия, причем эти характеристики действия вызваны активностью субъекта в осуществлении этого действия или его пребывания в состоянии [16, с. 80]. В Русской грамматике глаголы этого способа действия характеризуются как имеющие «значение полного удовлетворения или пресыщенности действием: *начитаться, надивиться, насмотреться, послушаться, наестся, насмеяться, наплакаться...*» [15, с. 602]. При глаголах сативного способа действия, как правило, имеются обстоятельства типа «*волю*», «*вдоволь*», «*досыта*», «*слишком много*», «*достаточно*», «*до (утомления)*», «*до (сумасшествия)*». Они функционируют в синтаксических конструкциях типа «*так..., что*», «*до такой степени..., что...*» со значением различных следствий, подтверждающих полную удовлетворенность субъекта продолжительностью действия. Для сативного СД значение отрицательных последствий действия не является актуальным. Вместе с тем значение полной удовлетворенности действием легко может переходить в пресыщенность действием, что может подчеркиваться и контекстом, а это уже можно рассматривать как отрицательные последствия действия, например:

...Аркадий Иванович, когда хотел, был человек с весьма обворожительными манерами, так что первоначальная (хотя, впрочем, весьма остроумная) догадка благоразумных родителей невесты, что Аркадий Иванович, вероятно, *до того уже где-нибудь нахлестался* пьян, что уж и себя не помнит, – тотчас же пала сама собою [8].

Таким образом, в современном русском языке имеется ряд СД, сочетающих в своей семантике интенсивность, чрезмерность, повышенную длительность действия с отрицательным результатом этого действия. В одних СД семантика отрицательных последствий действия выражена более эксплицитно, явно, в других она более скрыта, имплицитна. В наибольшей степени семантика отрицательных последствий действия выражается конфиксальными глаголами, что связано, очевидно, с тем, что именно конфиксальные глаголы, сосредоточивая действие в сфере субъекта, обозначают повышенную активность субъекта в осуществлении действия, следствием чего являются отрицательные последствия действия.

Интересно, что исконно конфиксальный способ словообразования не был присущ русской словообразовательной системе: «Становление префиксально-постфиксальных способов действия напрямую связано с контактным постпозитивным закреплением частицы *-ся*, с формированием категорий возвратности, залога, в какой-то степени категории лица» [1, с. 124].

Глаголы со значением отрицательного результата действия, как правило, очень экспрессивны, стилистически окрашены. Они чаще являются одновидовыми – совершенного вида, хотя имперфективные формы возможны у некоторых из них со значением кратности действия. Тяготение подобных глаголов к совершенному виду объясняется тем, что семантика чрезмерной интенсивности действия, пресыщенности субъекта действием, крайней степени проявления действия в большей степени совместима с совершенным видом. Этому способствует и их стилистическая окраска, которая акцентирует внимание не на процессе протекания, а на факте совершения действия.

Для таких глаголов, по справедливому замечанию Е. А. Петрухиной, характерны «идиоматичность комплекса смыслов, связывающего несколько ситуаций воедино», «полиситуативный характер» семантики и синтетический способ ее выражения [14, с. 6]. Характеризуя словообразовательную модель с конфиксом *до-...-ся*, она полагает, что общая идея негативных последствий выражена в самой этой словообразовательной модели: «Концепт данной словообразовательной модели имеет сложную гештальтную природу: это самые общие представления о связи, как правило, длительной деятельности субъекта с негативным результатом... Такие в высокой степени идиоматичные концепты гештальтной природы в русском языке выражают многие производные глаголы с результативной семантикой, типа *выговориться, выплакаться, заработать, заучиться, наговориться*. Эти глаголы трудно перевести на многие неславянские языки. Это позволяет предположить, что аналогичные концепты не представлены не только в соответствующих языковых картинах мира, но и не характерны для данных общих концептуальных картин мира» [14, с. 6].

Действительно, анализ указанных СД позволяет сделать некоторые выводы об особенностях русского характера и мировоззрения, русского видения мира. Исследователи отмечают, что отсутствие какого-либо слова в языке не обязательно свидетельствует об отсутствии соответствующего концепта, но наличие производного слова указывает на значимость данно-

го концепта для данной культуры, для данного народа, так как производное слово создается лишь тогда, когда существует коммуникативная потребность в регулярном выражении определенного комплекса смыслов [18, с. 395; 11, с. 56; 14, с. 5].

Словообразовательная система в русском языке, будучи гибким механизмом, позволяет оперативно отражать меняющиеся коммуникативные потребности общества, создавая типизированные и экономичные языковые средства.

Литература

1. Годизова З. И. Становление семантической категории интенсивности в русском языке XI–XVII вв. (на материале глаголов интенсивных способов действия): дисс. ... докт. филол. наук. Владикавказ: СОГУ, 2014. 421 с.
2. Гоголь Н. В. Мертвые души (1842) // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Дата обращения: 16.01.2017, 23.01.2017).
3. Гоголь Н. В. Шинель (1842) // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Дата обращения: 22.01.2017).
4. Достоевский Ф. М. Бесы (1871–1872) // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Дата обращения: 15.02.2017).
5. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы (1880) // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Дата обращения: 22.02.2017, 23.02.2017, 24.02.2017, 26.02.2017).
6. Достоевский Ф. М. Господин Прохарчин (1846) // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Дата обращения: 03.03.2017).
7. Достоевский Ф. М. Идиот (1869) // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Дата обращения: 10.03.2017, 13.03.2017, 17.03.2017, 25.03.2017).
8. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание (1866) // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Дата обращения: 29.01.2017, 02.02.2017, 04.02.2017, 15.02.2017).
9. Зализняк А. А. Семантическая деривация в значении русской приставки у- // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. 2001. Т. 5. №1. С. 69–79.
10. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 624 с.
11. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
12. Куприн А. И. Гранатовый браслет (1911) // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Дата обращения: 03.03.2017).
13. Левитская А. А. О видовой несоотнесенности в современном осетинском языке (влияние универсальных идиотизмических факторов) // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 89–107.
14. Петрухина Е. В. Когнитивные аспекты изучения производного слова в славянских языках // The Slavic and East European Language Resource Center. Issue 3, Spring 2002. P. 1–17.
15. Русская грамматика: В 2 т. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2005 [ПГ-80].
16. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: УРСС Эдиториал, 2003. 352 с.
17. Шелякин М. А. Терминативно-продолжительные и терминативно-интенсивные способы действия в современном русском языке // Ученые записки Тартуского гос. университета. 1979. № 4. Вып. 482. С. 64–74.
18. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. W. Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1992.

References

1. Godizova Z. I. Stanovlenie semanticheskoi kategorii intensivnosti v russkom yazyke XI–XVII vv. (na materiale glagolov intensivnykh sposobov deistviya) (*The formation of a semantic intensity category in the Russian language of XI–XVII centuries. (on the material of verbs of intensive modes of action)*): thesis. Vladikavkaz: SOSU publ., 2014. 421 p. (In Russian).
2. Gogol' N. V. Mertvye dushi (1842) (*Dead Souls (1842)*) // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 16.01.2017, 23.01.2017). (In Russian).
3. Gogol' N. V. Shinel' (1842) // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 22.01.2017). (In Russian).
4. Dostoevskii F. M. Besy (1871–1872) (*Demons (1871–1872)*) // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 15.02.2017). (In Russian).
5. Dostoevskii F. M. Brat'ya Karamazovy (1880) (*The Karamazov brothers (1880)*) // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 22.02.2017, 23.02.2017, 24.02.2017, 26.02.2017). (In Russian).
6. Dostoevskii F. M. Gospodin Prokharchin (1846) // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 03.03.2017). (In Russian).
7. Dostoevskii F. M. Idiot (1869) // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 10.03.2017, 13.03.2017, 17.03.2017, 25.03.2017). (In Russian).
8. Dostoevskii F. M. Prestuplenie i nakazanie (1866) (*Crime and Punishment (1866)*) // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 29.01.2017, 02.02.2017, 04.02.2017, 15.02.2017). (In Russian).
9. Zaliznyak A. A. Semanticheskaya derivatsiya v znachenii russkoi pristavki u- (*Semantic derivation in the meaning of the Russian prefix u-*) // Glagol'nye prefiksy i prefiksial'nye glagoly. 2001. Vol. 5. No.1. P. 69–79. (In Russian).
10. Kolesov V. V. Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste (*Russian mentality in language and text*). St.Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007. 624 p. (In Russian).

11. Kubryakova E. S. Tipy yazykovykh znachenii. Semantika proizvodnogo slova (*Types of language values. Semantics of the derived word*). Moscow: Nauka, 1981. 200 p. (In Russian).
12. Kuprin A. I. Granatovyi braslet (1911) (*Pomegranate bracelet (1911)*) // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 03.03.2017). (In Russian).
13. Levitskaya A. A. O vidovoi nesootnositel'nosti v sovremennom osetinskom yazyke (vliyanie universal'nykh idioetnicheskikh faktorov) (*On the species non-correlation in modern Ossetian language (the influence of universal idioethnic factors)*) // Voprosy yazykoznaniiya. 2007. No. 5. P. 89–107. (In Russian).
14. Petrukhina E. V. Kognitivnye aspekty izucheniya proizvodnogo slova v slavyanskikh yazykakh (*Cognitive aspects of studying the derived word in Slavic languages*) // The Slavic and East European Language Resource Center. Issue 3, Spring 2002. P. 1–17. (In Russian).
15. Russkaya grammatika (*Russian grammar*): in 2 Vols. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, 2005 [RG-80]. (In Russian).
16. Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis (*Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis*). Moscow: URSS Editorial, 2003. 352 p. (In Russian).
17. Shelyakin M. A. Terminativno-prodolzhitel'nye i terminativno-intensivnye sposoby deistviya v sovremennom russkom yazyke (*Terminative-Continuous and Terminally-Intensive Methods of Action in Modern Russian Language*) // Uchenye zapiski Tartuskogo gos. universiteta. 1979. No. 4. Issue 482. P. 64–74. (In Russian).
18. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. W. Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1992.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь) / karina-best21@mail.ru.

Айриян Радмила Сергеевна – кандидат исторических наук, и. о. заведующего кафедрой зарубежной истории и международных отношений, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону) / rsayriyan@sfnu.ru.

Борисова Оксана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ovbst@bk.ru.

Боташева Лейла Эмербековна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / botasheval@gmail.com.

Воротилина Татьяна Викторовна – доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / vorotilina@mail.ru.

Гондаренко Александр Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и международного права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / gondarenkoa@mail.ru.

Гранкин Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права России и зарубежных стран, проректор по академической политике, контролю качества образования и информатизации Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / grankinj@pglu.ru.

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / dudarev51@mail.ru.

Дюмон Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / djumon18@mail.ru.

Егорова Люмила Петровна – доктор филологических наук, профессор института повышения квалификации Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / sannmailru@rambler.ru.

Заморкин Алексей Борисович – старший преподаватель кафедры журналистики гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / alex_zamorkin@mail.ru.

Иванова Ирина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ivanovairinna@mail.ru.

Идрисов Хусейн Вахаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Чеченского государственного университета (Грозный) / huseyn23@mail.ru.

Истомин Петр Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / p.istomin2009@yandex.ru.

Каппушева Лейла Магометовна – аспирант кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Leyla-kappusheva@mail.ru.

Каспарян Константин Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических, социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / kasparyan@pgu.ru.

Клюковская Ирина Николаевна – доктор юридических наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / klyukovskaya@inbox.ru.

Колесникова Кира Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь) / mail.kira@yandex.ru.

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kolesnikovam@rambler.ru.

Коновалов Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск) / kono77@mail.ru.

Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (Нальчик) / kuchuk60@list.ru.

Лепилкина Ольга Ивановна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / oll5@mail.ru.

Любушкина Елена Юрьевна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / luybyshkina@rambler.ru.

Ляпин Денис Александрович – кандидат исторических наук, директор Института истории и культуры Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина (Елец) / Denis-l@mail.ru.

Максимов Иван Владимирович – доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и административного права Астраханского государственного технического университета (Астрахань) / Sovetniklaw@yandex.ru.

Маловичко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории исторического факультета Государственного гуманитарно-технологического университета (Московский государственный областной гуманитарный институт) (Орехово-Зуево), профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета (Москва) / sergei.malovichko@gmail.com.

Марукян Армен Цолакович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом истории Армянского вопроса и Геноцида армян Института истории НАН Армении (Ереван, Армения) / mararmts@yahoo.com.

Немашкалов Павел Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / paul_2@rambler.ru.

Новикова Дарья Константиновна – старший преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных и естественно-научных специальностей гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / la_perla_negra@inbox.ru.

Панарина Елена Владимировна – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / panarin.arm@mail.ru.

Садченко Валентина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / sachochek@rambler.ru.

Сазонова Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры отечественной и мировой литературы гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / sazonova.nastya88@mail.ru.

Сахаров Станислав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета (Смоленск) / sacharov.stanislav@yandex.ru.

Седова Олеся Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания Елецкого государственного университета (Елец) / olesja-kas@yandex.ru.

Смыков Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета (Саратов) / Smykov61@list.ru.

Тихонова Наталья Михайловна – соискатель кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / lamada1@rambler.ru.

Томилин Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета (Липецк) / tomilin58@mail.ru.

Усманов Ансар Осимович – аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / osman@icloud.com.

Цянь Ван – аспирант кафедры русского языка факультета русской филологии Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ) / godizovazi@rambler.ru.

Черешнева Лариса Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, руководитель Востоковедческой лаборатории Липецкого государственного педагогического университета (Липецк) / Larisa-chereshneva@rambler.ru.

Щербаков Вячеслав Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону) / sherbakov.viacheslav@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ayriyan Radmila – PhD in History, Head of Chair of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations (Rostov-on-Don) / rsayriyan@sfedu.ru.

Ambartsumyan Karine – PhD in History, assistant professor, Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University (Stavropol) / karina-best21@mail.ru.

Borisova Oksana – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Theory and History of State and Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / ovbst@bk.ru.

Botasheva Leila – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Administrative and Financial Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / botasheval@gmail.com.

Chereshneva Larisa – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of General History, Head of Oriental Laboratory at Lipetsk State Pedagogical University (Lipetsk) / Larisa-chereshneva@rambler.ru.

Dudarev Sergei – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / dudarev51@mail.ru.

Dyumon Natal'ya – PhD in Philology, Associate Professor, Chair Romano-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication of North-Caucasus Federal University (Stavropol) / djumon18@mail.ru

Egorova Lyumila – Dr. of Philology, Institute for Advanced Studies, North-Caucasian Federal University (Stavropol) / sannmailru@rambler.ru.

Gondarenko Alexandr – PhD in Law, Associate Professor, Constitutional and International Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / gondarenkoa@mail.ru.

Grankin Yurii – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of Department of History of State and Law of Russia and Foreign Countries, Vice-Rector for Academic Policy, Higher Education Quality Assurance and informatization at Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / grankinj@pglu.ru.

Idrisov Husejn – PhD in Law, Associate professor, Chair of Civil Law and Process, Chechen state university (Grozny) / huseyn23@mail.ru.

Istomin Petr – PhD in Law, Associate professor, Chair of criminal law and process, North-Caucasian Federal University (Stavropol) / p.istomin2009@yandex.ru.

Ivanova Irina – Dr. of Philology, Professor, National and World Literature Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / ivanovairinna@mail.ru.

Kappusheva Leila – postgraduate, Chair of Russian language, North-Caucasian Federal University (Stavropol) / Leyla-kappusheva@mail.ru.

Kasparyan Konstantin – PhD in History, Associate professor, Chair of Historical and Social and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / kasparyan@pgu.ru.

Klyukovskaya Irina – Dr. of Law science, Head of Chair of Theory and History of State and Law North-Caucasian Federal University (Stavropol) / klyukovskaya@inbox.ru.

Kolesnikova Kira – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Environmental, Land and Labor Law North Caucasus Federal University (Stavropol) / mail.kira@yandex.ru.

Kolesnikova Marina – Dr. of Historical Sciences, Head of Russian history Chair, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / kolesnikovam@rambler.ru.

Konovalov Igor' – PhD in History, Associate professor, Chair of Theory and History of State and Law, Omsk State University (Omsk) / konov77@mail.ru.

Kuchukova Zukhra – Dr. of Philology, Professor, Chair Russian and Foreign literature Kabardino-Balkar State University (Nalchik) / kuchuk60@list.ru.

Lepilkina Olga – Dr. of Philology, Head of Chair of Journalism, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / oll5@mail.ru.

Lyapin Denis – PhD in Historical Sciences, Head of History and Culture Institute, Yelets State Ivan Bunin University (Yelets) / Denis-l@mail.ru.

Lyubushkina Elena – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Russian history, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / luybyshkina@rambler.ru.

Maksimov Ivan – Dr. of Law science, Head of Chair of Constitutional and Administrative Law Astrakhan State Technical University (Astrakhan) / Sovetniklaw@yandex.ru.

Malovichko Sergei – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of History, State Humanitarian Technological University (Moscow Region State Institute of Humanities), Chair of Theory and History of Humanitarian Knowledge, Russian State University for Humanities (Moscow) / sergei.malovichko@gmail.com.

Marukyan Armen – PhD in History, Leading Researcher, Head of department of History of the Armenian Question and Armenian Genocide of Institute of history Armenian National Academy of Sciences (Yerevan, Armenia) / mararmts@yahoo.com.

Nemashkalov Pavel – PhD in Historical Sciences, Senior Lecturer, History and Law Department, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / paul_2@rambler.ru.

Novikova Daria – Senior Lector, Chair of Foreign languages for humanitarian and natural sciences, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / la_perla_negra@inbox.ru.

Panarina Elena – Dr. of Historical Sciences, Associate Professor of Chair of General and Russian History at Armavir State Pedagogical University (Armavir) / panarin.arm@mail.ru.

Sadchenko Valentina – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / sachochek@rambler.ru.

Sakharov Stanislav – PhD in History, Associate Professor of Chair of state-legal disciplines of Smolensk State University (Smolensk) / sacharov.stanislav@yandex.ru.

Sazonova Anastasiya – Postgraduate, National and World Literature Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / sazonova.nastya88@mail.ru.

Sedova Olesya – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Foreign Language and Method of Teaching, Yelets State Ivan Bunin University (Yelets) / olesja-kas@yandex.ru.

Shcherbakov Vyacheslav – PhD in History, Associate professor, Chair of Foreign History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / sherbakov.viacheslav@yandex.ru.

Smykov Eugeny – PhD in History, Associate professor, Chair of Ancient History of Saratov State University (Saratov) / Smykov61@list.ru.

Tikhonova N. M. – postgraduate, Chair of Special Historical Disciplines and Documentation of Institute of History and International Relations of Southern Federal University (Rostov-on-Don) / lamada1@rambler.ru.

Tomilin Viktor – Dr. of History, Professor, General History Department, Lipetsk State Pedagogical University (Lipetsk) / tomlin58@mail.ru.

Usmanov Ansar – postgraduate, Chair of Constitutional and International Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / osmanru@icloud.com.

Van Tsyan' – postgraduate, Chair of Russian Language, North Ossetian State University (Vladikavkaz) / godizovazi@rambler.ru.

Vorotilina Tat'yana – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Legal Culture and Protection of Human Rights, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / vorotilina@mail.ru.

Zamorkin Aleksei – Senior Lector, Chair of of Journalism, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / alex_zamorkin@mail.ru.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2017. № 3

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка Н. Неговора

Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Подписано к печати 29.09.2017

Формат 60x84 1/8	Усл. п. л. 26,85	Уч.-изд. л. 25,43
Бумага офсетная	Заказ 157	Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2